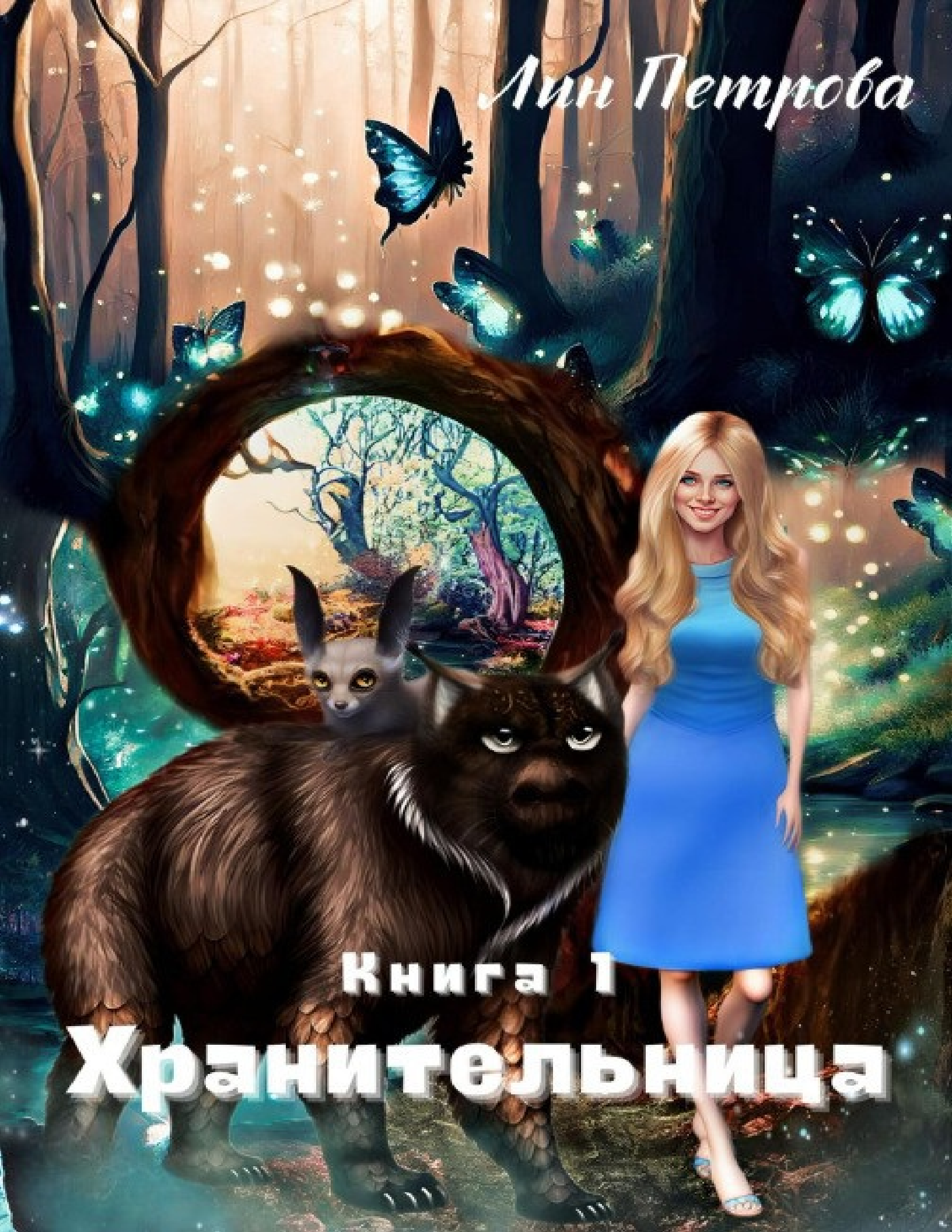

Лин Петрова

Книга 1
Хранительница

Annotation

Три друга детства, выросших в детском доме, и не подозревают, какие испытания уготовила им судьба. Рита, главная героиня первой книги, ехала в отпуск, а попала в другой мир. Пройдя сквозь множества испытаний, она принимает решение остаться там навсегда. Но встретятся ли друзья когда-нибудь, вам предстоит узнать, прочитав трилогию до конца.

Лин Петрова

Хранительница

*Все имена и события вымышленные
и являются плодом фантазии автора.*

*Ps: при написании книги ни
одно живое существо не пострадало и
продолжает жить в мире фантазий.*

ЧАСТЬ 1

Я устало присела на ступеньки и, прикрыв глаза, подставила лицо летнему освежающему ветру. На часах четыре двадцать утра — я люблю это время суток, когда природа отдыхает от изнывающей жары, а асфальт не плавится под ногами, испаряя пары смолы и химикатов.

Город еще спит. Листочки на деревьях еле колышутся от ленивого ветерка, наслаждаясь утренней прохладой. А ветер, как будто, не решаясь прервать их сон, носится наверху, взлохмачивая верхушки сонных деревьев. Пройдет еще несколько часов и город оживет. Смешаются запахи от кафешек и фыркающих, дымящихся машин, гомон спешащих людей на работу, капризничающие дети, сонные от сна.

И закрутит людей новый день проблемами и заботами, радостными событиями, счастливыми улыбками и слезами разочарования.

— Ну что, Рита, молодцы мы с тобой? — на крыльцо усталой походкой вышел Игорь Семёнович, присаживаясь рядом.

— Молодцы, Семёныч! — ответила я, поворачивая голову в его сторону.

Худощавый, седовласый мужчина в белом халате присел рядом, на секунду закрыл глаза и шумно вдохнул чистый утренний воздух, подняв лицо вверх. Мужчина, севший рядом, был среднего роста с поджарым сухощавым телом. Лицо, притягивающее взгляд — живые карие глаза, с интересом смотревшие на мир, в уголках глаз к вискам разбегаются сеточка морщинок, в народе именуемые «гусиными лапками». Сейчас эти, чуть прикрытые глаза устало смотрели в темное небо.

— Как думаешь, выкарабкается?

— Выживет. Пёс молодой, ресурсы в организме имеются. А там и в хорошие руки пристроим!

— Вот золотые у тебя руки, Рита! — произнес Семёныч, выпрямив ноги, слегка поморщился и потер правую коленку.

— Ваша школа Игорь Семенович! — сказала я, пожав плечами.

Он тихо хмыкнул, положил ладонь на мою правую руку, слегка сжав. Я прислонила голову к его плечу. Так и сидели молча, наслаждаясь тишиной и утренней прохладой.

А то, что все умею, это благодаря Игорю Семеновичу, именуемым среди коллег Семёнычем, это правда. Меня, тогда еще юную студентку, заметил на практике лучший ветеринар города.

— Толк будет — сказал он, внимательно присматриваясь ко мне, тогда к еще юной студентке и делавшей первые шаги в практикующей ветеринарии.

По его протекции меня взяли в ветеринарную клинику, и обучение продолжилось в «боевых условиях». Игорь Семёнович спокойным голосом подсказывал, указывал на ошибки. Свой опыт, нажитый за долгие годы, передавал мне. Уже несколько лет мы работали в паре на дежурствах, и за это время навыки отточились, взаимное уважение возросло многократно. Не обошлось, конечно, без злословия. Ну, а как без этого. Людям ведь только дай языки почесать. Семёнович относился к ним с легкой иронией, с ухмылкой на лице.

Иногда я ловила на себе его взгляд. То задумчивый — будто примеряющий на себя роль отца взрослой дочери, то горделивый — как отец может гордиться своим ребенком.

В душе я, наверно, понимала, что заменила ему его единственную погибшую дочь.

В то время, красавица Поля со своим женихом поехали кататься на лыжах в горы. Первое время отзванивалась родителям, сообщая, что все хорошо. А потом связь оборвалась. Родители в тревоге пытались дозвониться до дочери, успокаивая себя, что молодые забылись, купаясь в своих чувствах, потеряли телефон, в конце концов. А потом пришло страшное известие — сошла лавина. Игорь Семёнович вылетел на место. Как говорят местные старожилы, здесь лавины отродясь не было. Но так сошлись звезды.

Лавина сжирала все, что встречала на своем пути, на котором оказались и Поля с женихом. Лавина закончила свой путь на глубине ущелья, насытившись до отвала.

Тела так и не нашли. Поначалу Игорь Семёнович, в отчаянии, метался по гостиницам, надеясь, что молодых не было в тот страшный момент на горе, что они каким-то чудом уцелели, что проспали, в конце концов. Чудо не произошло, хозяйка гостиницы подтвердила, что видела, как дети поднимались в свой последний смертельный путь.

Семёныч присоединился к спасательному отряду, был готов своими руками откапывать тонны снега, когда пришла другая весть — жена в больнице.

Сердце женщины не выдержало — все мысли о единственной дочери, кровинушки, её радости, которую она больше никогда не увидит. Которая, не ворвется шумно в комнату, не обнимет за шею, не заглянет карими глазками доверчиво в лицо.

Игорь Семёнович в смятении бросился в обратный путь. Успел как раз к похоронам.

Так лавина приняла ещё одну жертву.

— Хоть одну похоронил, будет к кому на могилку ходить — тихим шепотом говорили соседи.

А голова некогда жгучего брюнета и красавца балагура, покрылась белой снежной шапкой, как на той снежной вершине, исковеркавшую его счастливую жизнь.

А для меня он стал той силой, что мой отец мог бы дать мне — каменная стена, дарующая ощущение незримой надёжности и защиты.

Своего отца я никогда не видела, впрочем, как и мать. Я выросла в детском доме.

Себя я помню примерно с двух лет, добрые глаза мамы Евы и ее протянутые ко мне руки.

Евангелина Тимофеевна, пройдя весь путь от нянечки, упорно карабкалась вверх по должностной лестнице, пока не достигла её вершины. Ныне Евангелина Тимофеевна, а для всех детей мама Ева, директор детского дома. Должна отметить, что уникальность его в том, что детей по достижению определенного возраста, не переводили в другие дома для дальнейшего образования.

Мама Ева всегда была рядом. По вечерам рассказывала сказки, расчесывала волосы и плела косы. А я льнула к ней как ласковый котёнок, получая от нее энергию тепла и нежности.

Через год после меня появился пятилетний Роман. Сведенные хмурающиеся бровки, настороженный взгляд маленького волчонка, а черные как смоль волосы торчали в разные стороны, будто оповещающий мир, что намерен защищаться. Ромка был смуглый и как говорят «копченый» как цыганёнок. Поэтому неудивительно, что к нему прицепилось прозвище Цыган. С молчаливого одобрения мамы Евы, Ромка взял меня под свою

мальчишескую опеку.

Мама Ева периодически уезжала по делам, а когда возвращалась, я ловила на себе её пристальный, изучающий взгляд.

А еще некоторое время спустя, теплым летним утром, мама Ева привела за руку маленькое хрупкое создание, в синем потрёпанном платье с зелеными глазами и коротко стриженными волосами грязно-серого цвета.

Мама Ева подтолкнула её в нашу с Ромкой сторону и кивнула головой. Четырехлетняя Алина смотрела на всех настороженным взглядом и молчала. Время шло, а она молчит. Молчала даже, когда местная детвора попала в нее камнем. Алина стояла молча, крепко сжав глаза, из которых ручьем текли слезы, а со лба тонкой струйкой стекала алая кровь.

Все подумали, что она немая. Возили по врачам, проводили всевозможные обследования. Разрешилось все, когда Ромка сцепился с местной шпаной. Ожесточенный кулачный бой пацанов был прерван визгом Альки.

Она неслась по улице с длинной сучковатой палкой в руках наперевес. В коротких черных штанишках и желтой футболке не по размеру, которая на бегу так и норовила оголить тоненькое плечико.

Алька, на бегу, вскидывала руки вместе с палкой, поправляя футболку на место. А серые короткие волосики торчали в разные стороны, подрагивая при беге.

— Убьюуюуюю! Не троооожь!

От этой картины замерли с открытыми ртами все участники потасовки. Замер с открытой пастью даже уличный пёс Пират. Его правое драное ухо подрагивало в недоумении, а единственный глаз был широко открыт, недоверчиво разглядывая пигалицу и оценивая степень риска для его, собачей жизни.

Огребли тогда все. Алка с остервенением махала палкой, била всех, кто под руку попадался. Догоняла и била. Даже Ромке разок перепало, там разве разберешь, где чья спина. И только когда палка переломилась об спину местного шалопаю, Алина бросила её, закрыла лицо руками и горько заплакала. Ревела долго, до икоты. Так ее Ромка и привел: всхлипывающую, икающую, с размазанной грязью на лице. А мама Ева вздохнула облегченно — не немая слава богу, а то, что плачет — это даже полезно. Гладила Альку по голове и приговаривала тихим голосом:

— Поплачь деточка. Слёзы душу очищают, это ж сколько в тебе накопилось, молчала столько времени. Все будет хорошо. А ты еще поплачь, Алюшка. Сколько нужно, столько и плачь.

Так Алка, опять же с молчаливого одобрения мамы Евы, была принята в нашу компанию.

Дети прибывали и убывали из детдома, у кого-то находились дальние родственники, сделавшие выбор принять сиротинушек в лоно семьи. Кого-то усыновляли. Только наша «троица» пребывала в прежнем составе.

Ох, сколько было порванных колготок и штанов, не единожды разбитые коленки. Одни наши проделки чего стоили! Сколько раз нас приводили к маме Еве — разбирайтесь, мол, сами с «вашей» троицей.

И чем старше мы становились, тем изощреннее была наша месть местным.

Стояло душливое жаркое лето, уже отцвели первые цветочки на деревья и на них

начали появляться первые ранние плоды. Еще маленькие кислые яблочки казались нам самыми вкусными плодами на земле, а уж добытые в чужом саду в неравной схватке с дедом Степаном, добыча ощущалась призом. В тот вечер Ромке попало клюкой по ноге, он прихрамывал несколько дней, и мы затаились. А потом решили «мстить». Несколько дней пробирались в нашу столовую — святую святых повара Нины, шаря по её запасам и уносили в карманах дрожжи.

Дождались, когда стихнет поселок и пробрались к дому деда Степана. На «дело» отправили меня, на участке бегала злая собака, с которой справиться могла только я. Потискав Шарика и чмокнув его в мокрый нос, пригнувшись, добежала до туалета и сбросила в отхожее место все имеющиеся дрожжи.

Несколько дней была тишина, мы уже начали сомневаться, что месть удалась. А потом, как говорится, г...о поперло. «Оно» вспенивающей массой перелило через край уличного туалета и норовило накрыть грядки в огороде, а «чарующий» запах распространился на всю улицу.

Мы упали на траву от смеха, прикрыв носы футболками.

А еще через несколько лет местная разбитная деваха, уже познавшая страсть, больно ранила Ромкино самолюбие. Мы проходили мимо местного клуба, где собралась молодежь. Нас, детдомовцев, ясное дело туда не пускали. Так эта девица, решившись покрасоваться перед толпой, высказала сомнения о Ромкиной мужской состоятельности, так сказать, а толпа радостно подхватила смех.

Детская обида охватила нас всех. Ромка молча сжал челюсти, против толпы ведь не попрёшь.

В клубе полы были устланы досками, чем мы и воспользовались. Необходимо было достать красный молотый перец. Перец из столовой, ссыпанный в кулёчек, собирался в пакетики, а наши повара не переставали удивляться, куда это он все время девается из припасов и столов.

Осуществление плана на себя взяла Алька. Пробравшись через небольшое окно клуба, рассыпала по полу весь красный перец. И мы стали ждать. Вечером молодежь, после работ на полях и огородах, принявшая на грудь горячительные напитки, потянулась к клубу. Музыка, веселье и танцы до упаду. Перец, перемешиваясь с пылью, медленно поднимался от подолов летящих юбок в танце и энергичного отплясывания нетрезвой молодежи, и оседал на открытых участках тела. Прямо под подолы и оседал... А что происходит после танцев у нетрезвой молодежи? Правильно. Ищут большой и чистой любви и...

Чесались все. Шум поднялся знатный! И выяснение отношений кто с кем спал, и оскорбления личностей и даже мордобой. А потом обследование у венеролога всей молодежи.

Мечь удалась...

И не все так радужно было в нашей жизни. Были и слезы украдкой в подушку. Обиды и разочарования. Эх.

Ох, что-то меня воспоминания завели в далекое детство. О чем это я? Ах, да.

Я работаю в круглосуточной ветеринарной клинике, именуемой «Добро». Двухэтажное здание располагалось в глубине городского парка, окруженного деревьями. Не обременёнными соседями, у нас была возможность выгуливать своих больных подопечных на отведенной нам территории.

Раньше ветеринарная больница финансировалась из скудного бюджета города, а когда источник финансирования иссяк из-за очередного кризиса в стране, пришлось искать спонсоров и меценатов. Но времена меняются, оскудела рука спонсора и встал вопрос о закрытии единственной в городе ветеринарной больницы.

Вот тогда начались скитания нашего руководства. Прошениями забрасывали чиновников, до хрипоты в голосе спорили с администрацией города, в спорах забрызгивая слюной очередные талмуды документов и трясая бумагами перед равнодушными чинушами, просили отдать здание в частные руки. Выстояли, выгрызли из загробущих потных ручонок администрации города здание, давно требующее ремонта. Тогда и Игорь Семёнович подсуетился, что-то продал и сделался совладельцем, теперь уже ветеринарной клиники.

Ремонтировали своими силами, по выходным собирались сотрудники и энтузиасты и шкурили, шпаклевали, красили. Рядовые сотрудники не роптали, а вставали плечом к плечу. У многих были дети, устроиться на работу с ветеринарным образованием в нашем городе было негде, а здесь мигала призрачная надежда, что все будет хорошо и зарплата, хоть небольшая, но будет. Вот и красили, мели, клеили.

Потихоньку дела налаживались. Клиника обрастала новой клиентурой, жители побогаче следили за новомодными тенденциями и заводили экзотических животных. Владельцы элитных пород кичились друг перед другом дорогостоящими грумингами и хендлингами, выкладывая при этом суммы с нолями, пополняя текущий счет нашей клиники.

Оборудование было закуплено, расходного материала хватало в достатке, поэтому мы могли себе позволить оказывать бесплатную помощь бездомным животным, попавшим «в трудную жизненную ситуацию». Вот и несли жители нескончаемым потоком травмированных, ушибленных, раненых.

Вот и вчера, не успели погаснуть свет уличных фонарей, к ограде подъехала неприметная машина. Водитель тяжелой поступью поднялся на крыльцо, держа в руках замотанный в старую потертую куртку животное.

— Эта, здесь, что ли больничка для животных? — И, получив положительный ответ, прошёл в помещение.

— Ехал, значит по дороге. Глядь, ползет что-то. Вышел, смотрю собака по обочине ползет. Ну, я в охапку и к вам.

— Ну и правильно! Ну и молодец! Это же по-человечески, да? — Ровным спокойным голосом сказал Семёныч.

— Проехал бы мимо — совесть бы мучила, ну или не мучила! — продолжал Семенович, рассматривая жертву очередного дорожно-транспортного происшествия.

Рыжий небольшой пес лежал на столе, поскуливая. Грязные бока шумно вздымались в такт обрывистому дыханию. В карих глазах плескалась боль, а из левого окровавленного бедра торчал осколок кости.

Водитель облегченно выдохнул. Ну, это вот как раз и понятно. Куда бы он дел эту собаку, если б не мы? Домой не повезёт, травмированная собака никому не нужна. Расходов и нервотрёпки много. Положил бы где-нибудь возле той же обочины и поехал дальше.

— Работаем, Рита — сказал Игорь Семенович.

Я потянулась всем телом, ощущая уставшие мышцы.

В приоткрытую дверь выглянула миниатюрная шатенка Таня:

— Чай, кофе?

— И потанцуем! — утвердительно махнул головой Семеныч.

— Ох, девки! Вам бы дома по ночам сидеть, да личную жизнь устраивать.

— Ага — сказала я с улыбкой.

— Таня, во сколько порядочная девушка должна ложиться в постель? — спросила я Таню, повернув голову.

— В восемь — с такой же улыбкой сказала она.

— Чтобы уже в десять быть дома — закончили мы со смехом.

— Вот заразы симпатичные! — улыбаясь сказал Семеныч, поднимаясь со ступенек.

В восемь утра дверь распахнулась и в кабинет влетела наш бухгалтер Мария Васильевна. Полная кареглазая брюнетка, с мелкими кудряшками на голове, имела неосторожность любить носить балахоны- разлетайки. От того её фигура казалась еще дородней.

— Ну что, бригада «Ух» работает до двух?

— До четырёх, Марь Васильевна — ответила я.

Мария Васильевна укоризненно покачала головой.

— Марго, по пути домой завезете документы в администрацию? Сегодня последний день, а я ничегошеньки не успеваю.

Я поморщилась. Ну не люблю я, когда меня так называют.

— Конечно, Мария Васильевна. После приема завезу. И с чистой совестью в отпуск! — я радостно улыбнулась.

— Счастливая — сказала Мария Васильевна и побежала переодеваться.

— Ты не забыла про мой юбилей? — Игорь Семёнович снял белый халат, заменяя его свежим. — Уже 60 — с тоской и какой-то не затаённой грустью в голосе сказал он.

Я взмахнула руками:

— Не УЖЕ, а ЕЩЁ! Что за настроение, честное слово!

Я вскочила, подняла одну руку наверх и продекларировала на французский манер, коверкая «р» и растягивая гласные:

— Есть у метких францууузов золотые слова:

«Если б молодость знала. Если б старость могла

Но бывает участок в середине пути

Когда сила и опыт могут рядом идти.

Этот возраст счастливый сочетает в себе

Два коротеньких слова: «ещё» и «уже»...»

Семеныч заинтересовано поддался вперед и ждал продолжения.

Я подняла две руки вверх:

— Кина больше не будет. Все остальное на юбилее.

Семеныч весело спросил:

— А споешь?

— Обижаете, честное слово. Когда это я вам не пела?! — притворно надула губы я.

— Обязательно! Сначала стоя, потом сидя, а когда под стол полягут юбилейные товарищи — даже оттуда мурлыкну пару песен.

Семеныч ударил ладошками по коленям:

— Вот это по-нашему! Эх, жизнь продолжается!

В кармане тихонько запел сотовый телефон, звонил Кирилл:

— Привет. Когда освободишься?

— Привет. Я еще на работе, у меня прием. Потом документы нужно будет завезти.

— Тогда до вечера? — и, получив мой утвердительный ответ, попрощался.

Семёныч, догадавшись кто звонит, отвернулся.

— Значит в отпуск на море? С Кириллом? — поморщившись, спросил он.

— Да нормальный он парень. И чего он вам не нравится? Не понимаю.

Семеныч проникновенно приложил левую ладонь себе на грудь и сказал задумчиво:

— Так-то парень неплохой, только...

Я со смехом замахнулась в него салфеткой.

С Кириллом мы познакомились год назад на дне рождения общих знакомых. Море обаяния, чуточку харизмы, ну и внешность не подкачала. Конечно, я замечала некоторое бахвальство и самолюбование, но старалась не обращать на это внимание. Ну не бывает идеальных парней, не бывает. Со мной Кирилл был вежливым и внимательным, и я решила ответить на его ухаживания. Страсти уже улеглись и наши отношения стали уютными и доверчивыми. Мы уже обменялись ключами от своих квартир и у меня не вызывал отрицательных эмоций тот факт, что он в любое время мог забежать в мою квартиру пообедать или просто оставить покупки для совместного ужина.

В коридоре уже была очередь из четвероногих пациентов и их хозяев.

Входя в приемную, я раскинула руки в разные стороны:

— Тайсон, красавчик мой, иди я тебя потискаю.

Здоровый ротвейлер, радостно повизгивая, бросился мне навстречу, открыв свою пасть и вывалив свой мокрый язык. Облизал мне лицо и с чувством выполненного долга вернулся к своей хозяйке.

В смотровом кабинете, осмотрела заднюю ногу собаки, сняла швы, обработала антисептиком. Тайсон благодарно лизнул меня в нос.

Его хозяйка покачала головой:

— Вот прям удивляюсь я, Риточка. Ведь зверюга такая, что люди боятся во двор заходить. Он ведь даже мне лишний раз не дает себя погладить. А к вам льнет как котенок, ей Богу.

— Все очень просто — сказала я с улыбкой.

— Нет у животных таких понятий как «плохой» или «хороший» человек. Это люди сами себе придумали. У них есть природный инстинкт, они чувствуют людей и отражают их настроение. Подойдите к собаке с ненавистью — к вам вернется ненависть. А подойдите с добром и любовью — и вернется любовь. Если люди — это отражение нашего мира, то животные — отражение людей.

Закончив прием, переоделась и подошла к зеркалу. Мы смотрели друг на друга — я, отраженная в зеркале и зеркало, отражающее меня.

Тридцати четырехлетняя блондинка среднего роста, светлые волосы ленивыми волнами дотягивались до плеч. Спина прямая, талия вырисовывается, грудь в наличии — второго размера. Белый топик плавно очертил мои женские формы, а светлые джинсы с заниженной талией выгодно подчеркнули все прелести фигуры. Туфельки на каблуке визуально удлиннили ноги. Я тряхнула головой и улыбнулась — у моего отражения на щеках появились ямочки. Внимательные голубые глаза в обрамлении пушистых длинных ресниц, окинули в целом фигурку, одобрительным кивком головы, закончив осмотр.

А теперь вперед и с песней, нужно еще столько успеть сегодня.

Быстро отвезла документы в администрацию и решила забежать к Кириллу, соорудить ужин. Благо, что ключи лежали в сумочке.

Открыв дверь, я вошла в прихожую. На банкетке лежало его портмоне, а рядом стояли его туфли. Странно, Кирилл пришел раньше?

И услышала еле уловимый женский стон. Я сделала шаг вперед, затем остановилась, прислушиваясь. Стон повторился. Понимание происходящего горячей волной оглушило меня. «Блин, ну только не это. Как в анекдоте» — молча простонала я.

Что делать? Развернуться и тихонько выйти? Сделать вид, что ничего не знаю? Смогу ли я дальше продолжать отношения, постоянно терзая себя сомнениями «было или не было»?

Я стояла, прислонившись к стене спиной, и лихорадочно думала. Я не смогу доверять ему, как раньше. Ощущение гадливости никуда не денется. Ну брезгливая я. Со временем подозрения в его неискренности будут только укрепляться, а я в подозрениях в его изменах буду изводить себя и его. Пытаясь задеть его побольнее, сделаюсь сварливой бабой. В итоге мы расстанемся. Это что же получается? Конец в любом случае один? Так зачем тянуть? Решено! Здесь и сейчас! Я оттолкнулась от стены, глубоко вздохнула и пошла в сторону спальни.

— Милый, ты дома? Я пришла — пропела я ласковым голосом, распахивая дверь.

Шторы задернуты, вещи разбросаны, а на постели все по классике: два тела,двигающихся в такт, испуганные лица, лихорадочное прикрывание голых тел.

— Ой, ты занят, да? Так я подожду, да? — зашла в спальню, хлопая глазами и бухнулась в кресло.

Мельком взглянула на девицу. Молоденькая, лет 20. Светлые волосики растрепаны, страх исказил симпатичное лицо.

— Эк тебя угораздило-то. Да не волнуйся, милая. Визга, крика не будет — усмехнулась я про себя. — Я здесь подожду? Аааа, я наверно мешаю, да? Ну там типа накал страстей, концентрация там снизилась, да? Я тогда на кухне подожду. — Да вы, не волнуйтесь, не волнуйтесь. Главное, заканчивайте, если получится. Это же высокие чувства — подняв глаза к потолку, сказала я и спокойно вышла.

Я встала у окна, облокотившись о подоконник руками. Вдох-выдох. Что-то наверно говорить положено в таких ситуациях? «Ты, подлец, предал нашу любовь» или «ненавижу тебя», с надрывом это так, с хрипотцой.

Кирилл, на ходу надевая спортивные штаны, выскочил в коридор на одной ноге, аккуратно прикрывая за собой дверь в спальню. Судорожным движением руки пригладил растрепанные волосы. Растерянный вид, опущенная вниз голова и нахмуренные брови, словно собирался с мыслями. Поднял на меня взгляд слегка прищуренных карих глаз, словно пытался прочесть мои эмоции.

Я молча рассматривала его.

— Ты же должна быть на работе?

Я молча подняла брови в изумлении. Так и ты вроде там же должен быть.

— Это так, случайно получилось. И вообще, ты сама виновата! Равнодушная ты. А мне нужны яркие ощущения.

О как! Это я еще и виноватая оказалась. Вот какая я бессовестная. Довела, понимаешь, добра молодца.

— И вообще, ты меня не понимаешь! — визгливым голосом воскликнул он.

— Ага, «кто поймет, тому половина».

— И у тебя не может быть детей.

А вот это удар по самому больному. Я вздохнула, покачала головой.

Я с самого начала отношений честно поговорила с ним об этой стороне моей жизни и предоставила возможность ему самому сделать выбор. В свое время я прошла всевозможные обследования. Вердикт врачей одинаков: «вы здоровы и можете иметь детей». Я, конечно, не теряла надежды, но время шло, чуда не происходило, и я смирилась.

Я спокойно прошла, положив ключи на стол.

— Равнодушная дрянь — выкрикнул он.

— Контрольный выстрел нашим отношениям — усмехнулась я.

Вот уж воистину, лучше минуту помолчать! Столько всего интересного о себе узнала.

Я вышла на улицу и глубоко вздохнула, подняв лицо к небу. Это он что же, позвонил сегодня, что плацдарм свободен, а вечером, как ни в чем не бывало, собирался обсуждать со мной отпуск? Я покачала головой. Двуличный Янус. Определенно в этом имени нужно поменять первую букву.

Дети? Дети у меня есть. У нас стало традицией в любую свободную минуту ездить в свой детский дом. Мое «направление» — животные, природа. Ну и пение, конечно. Я собираю группу и идем в лес, изучаем природу, собираем грибы, ягоды. Бегаем в догонялки, поём песни. В общем, отдых на природе. Организовала живой уголок — отбор животных проводила лично: неопасные и неагрессивные. Теперь в уголке есть рыбки, декоративный кролик, принесенные безалаберными хозяевами на усыпление, хомяки и крыска.

Алька занимается рукоделием для девочек: вышивка, пошив одежды из каталогов, дизайн помещений. Мама Ева за голову хватается, когда эти энтузиасты переставляют мебель в помещениях по фэн-шую.

Ромка — специалист по походам и спорту. У него вообще строго — набедокурил, в поход с ночевкой не идешь. И я с ними с удовольствием хожу.

Но сначала происходит целое представление.

— Дядя Рома, ну возьмите меня с собой. Я себя хорошо вела, честное-пречестное» — канючу я тоненьким голосом, хожу за ним, одергивая за полу рубашки, заглядывая преданно в глаза.

— Пожаааалуйста — пою я тоненьким голосочком, приложив ладони к груди. — А еще старушку через дорогу перевела. Правда-правда.

Детвора смеется. Ромка сурово хмурит брови, кривит рот, стараясь не засмеяться.

Что может быть лучше? Костерок, запеченная в углях картошечка, гитара и песни. Приходим, пропахшие костром, уставшие, но довольные.

Выпускник Макс с мальчишками резьбой по дереву занимается. Машенька — повар-кулинар.

Ведь главное — не просто вырастить ребенка. Нужно ведь талант выявить. Вот кто-то скажет — ну талант и талант, не выдумывайте. Нужно, мол, хорошую профессию приобрести и зарабатывать побольше денег. А много их богатых счастливых? Миллион рублей, еще один. Уже все мечты исполнились, а удовлетворения нет. И счастья нет внутреннего, вот и мечутся: кто в адреналине от смертельных видов спорта, кто в алкоголе,

кто в наркотиках ищет это чувство счастья и полета. Вынырнут из угара, оглядываются и ищут — ну вот было же оно, я смог поймать это кратковременное ощущение счастья. И опять в метания, чтобы еще разок ощутить и окунуться в это волшебное чувство.

А ведь талант — это искра Божья, данная каждому человеку при рождении. И нужно с этой искоркой работать — поддерживать, так сказать, развивать. Ведь если тебе дан дар художника, это же не означает, что возьмешь в руки кисть и станешь писать шедевры. Нет. Талант нужно развивать — научился чему новому — искорка ярче разгорается.

Ключи свои у этого паразита не забрала. Ну да это ничего, это вот как раз поправимо.

Набрала номер:

— Ромчик, нужна твоя помощь. Замок поменять нужно. Очень нужно. Вечером расскажу. Алька вечером заскочит, посидим.

Вечером Рома приехал пораньше и занялся замком. В это время я накрывала стол и рассказывала ему, что произошло. Рома вышел в коридор с отверткой в руках:

— Давай я ему кое-чего пооткручиваю, а?

— Да не нужно, Ром, мараться об него еще. Наверно так было нужно. Если бы любила, наверно, страдала бы сильно. А так брезгливость только осталась.

Я задумалась, как будто прислушиваясь к себе:

— Ты знаешь, даже облегчение какое-то.

Когда Ромке было около восемнадцати лет, он спросил совета у мамы Евы, на ком из нас жениться?

Она встала подбоченясь, уперев руки в бока и сказала с ехидцей:

— А ни на ком, Ромочка, думать надо было, когда братались в подворотне. А на сестре разве можно жениться? Никак нельзя.

Я с улыбкой вспоминаю наши проделки. Вот что нас тогда сподвигло? Лежали себе на травке, разговаривали. Я, расчувствовавшись от близости своих друзей, сказала:

— Вы мои самые лучшие друзья. Давайте поклянёмся, что, когда вырастем, всегда будем вместе.

Ромка вскочил на ноги и убежал. Мы с Алькой недоуменно проводили его взглядом. Когда он вернулся, в руках был маленький ножик, который он спёр в столовой.

— Надо скрепить клятву кровью — деловито сказал он.

— Я в фильме видал.

И одним коротким движением порезал правую ладонь, передав нож мне. Сжав зубы, я вспорола нежную детскую кожу на ладони столовским ножиком. Алька внимательно смотрела на нас, затем вздохнула, чиркнула по руке и тоненько взвизгнула.

Мы с серьезными лицами прикладывали окровавленные ладошки, произнося клятву-стать родными братьями и сестрами, а с наших детских ладоней капала алая кровь и исчезала, впитываемая землей. Как будто земля приняла наши клятвы.

Тогда, наверно, я в первый раз услышала, как мама Ева кричит. Отходила нас хворостиной, приговаривая:

— Что же вы наделали?! посмотрела на нас серьезно — У каждого из вас свой путь. Так нужно!

Вот всегда она так! Взглянет серьезно в глаза и скажет: «так нужно».

Я думала, что, когда вырасту, буду певицей. Занималась музыкой и выступала на

вечерах, даже в конкурсе успела поучаствовать. А мама Ева так обосновала неправильность моего выбора:

— Ну что за профессия — певица? Посмотри сколь их, прыгают по сцене как обезьяны. А по-настоящему хороших из них сколько? Там же спонсоры всякие нужны, сломаешься ведь и останешься и без сцены, и без профессии. Голос есть, так и пой себе на здоровье. Тебе с животными нужно работать. Ты посмотри, как они к тебе тянутся. Да те же псы блохастые. Не ко всякому ведь подойдут, бояться людей. А к тебе бегут как заговорённые. И ты ведь не брезгуешь, разговариваешь с ними как с равными.

И отвела меня в ветеринарную академию. А ведь я ни разу не пожалела об этом. Как все-таки важно, когда рядом будет человек, который подтолкнёт в правильном направлении.

И Ромке тоже посоветовала. Так нужно, говорила она.

Звонок в дверь прервал мои воспоминания, и в комнату влетела Алька. Я залюбовалась ею. Вот уж красота выросла. Некогда серо-грязные пакли на голове превратились в роскошную пепельную гриву до пояса. Зеленые большие глаза в обрамлении черных пушистых ресниц, сверкали как два изумруда. Стройная фигура чуть ниже среднего роста и плавные танцующие движения. Лицо с гладкой матовой кожей и живой мимикой, искренняя улыбка, приветствующая новый день.

Я улыбнулась. Внешний вид вызывает ассоциации оленёнка из мультика: стоит Альке поднять на мужчину глаза, как у них возникает желание защитить это хрупкое нежное создание, взять под свою защиту эту нежную лань, ну и как водится, воспользоваться этой женской наивностью в своих мужских целях. Каково же бывает удивление мужчин, когда под этой слабой и чувствительной внешней оболочкой, обнаруживается твердый характер, способный дать отпор любому протягивающему к ней свои липкие ручонки.

А уж под этим самым твердым характером обнаруживается нежная и чувственная, мечтательная натура. Как в слоёном пироге, доешь до конца — получишь суперприз. Только до этого скрытого слоя её характера мало кто добирается. Кто-то ломается об её твердый, как камень, характер.

И были разговоры и воспоминания.

Вот люблю я такие посиделки. Где можно поговорить обо всём по душам, где не нужно подбирать слова в разговоре. И никто не осудит, и не подожмет губы в неодобрении. Потому как много вместе пройдено и пережито.

Я рассматривала своих друзей с ласковой улыбкой и понимала, что люблю их. Люблю не за что-то, а за то, что они у меня есть. И это понимание, что я не одна на этом свете, грело мою душу.

— Ромка, ты чего не женишься уже? — Алька периодически «цепляла» его на эту тему.

Ромка со стоном хлопнул себя ладонью по лбу, откинувшись на кресле: «Алька! Ну, сколько можно?»

Затем вскочил, подбежал к трюмо, намазал губы красной помадой, развернулся к нам, захлопал глазками и пошел по комнате виляющей походкой и оттопырив мизинец:

— Мииилый, я сломала ноготь. Поцелуй меня — продолжал он, вытянув губы трубочкой.

Мы с Алькой от хохота повалились на диван, смеялись громко и долго, смотрели на Ромку и опять покатывались со смеху.

Ромка смотрел на нас веселыми глазами.

— Они же дуры! — грустно констатировал он.

Просидели допоздна и ребята остались ночевать у меня. Алька утром убежала на работу, напоследок обернувшись и послав воздушный поцелуй.

Ромка мужественно согласился проводить меня и, как он говорит, убедиться, что я действительно уеду и отдохну по-человечески.

Телефонный звонок отвлек от упаковывания дорожной сумки. Звонил Игорь Семёнович с искренними пожеланиями хорошего отдыха.

Уже в коридоре, проверяя выключатели и в голове перечисляя необходимые для отъезда дела, прозвенел ещё один телефонный звонок.

Мама Ева слегка волнующимся голосом произнесла загадочную для меня фразу: «Маргарита, запомни, что я скажу. Все будет хорошо и ничего не бойся. Ты поняла? Так нужно!» — произнесла она свою коронную фразу и положила трубку.

А я осталась стоять с трубкой в руках, смотря на неё, в недоумении, хлопая глазами. Ромка обеспокоенно повернул меня к себе за плечи, заглядывая в глаза. Я тряхнула головой, словно отгоняя наваждение: «Мама Ева умеет удивлять, честное слово. Старееет что ли? Говорит ничего не бойся. Так нужно, говорит».

Ромка, деликатно подталкивая меня к двери, вынес в коридор чемодан, сказал: «Если говорит, что так нужно, значит так нужно. Поняла? А вот если мы сейчас на поезд опоздаем, получим все».

На поезд я действительно чуть не опоздала. Бежали с Ромкой сломя голову. Я на ходу вдыхала неповторимый запах вокзала, рельс, смазанные смолой и еле заметным дымом от угля. Этот запах всегда к переменам: у кого-то вызывающий нервный трепет от поездки в неизвестность, у кого-то радостное возбуждение от предстоящей поездки, у кого-то просто возможность выехать за пределы привычной и порядком надоевшей жизненной круговерти.

Забежала в купе и села на своё место — уже объявили отправление. Привалилась к спинке и закрыла глаза. Вокруг суетились соседи, распихивая чемоданы. Затем, не успев, как следует устроиться на местах, начали доставать еду. От запаха варёных яиц и жареной курицы меня затошнило. В купе он концентрировался в закрытом пространстве, вызывая легкую тошноту.

Я так и сидела с закрытыми глазами, общаться с соседями совершенно не хотелось. Чуть позже я открою глаза, улыбнусь милым соседям, обсудим сотню тем, промоем косточки опостылевшему правительству. А пока мне просто жизненно необходима эта минута одиночества. Я сидела, намотав ремешок от сумки на руку, уцепившись за него как за спасательный круг. Навалилась какая-то эмоциональная усталость, накопленная за год. На море буду лежать как морская звезда и ни о чем не думать. Наверно я так и уснула, сидя.

Проснулась и приоткрыла один глаз. За окном темень. По купе гулял свежий ветерок, унося с собой вагонные запахи еды, едва заметного табачного дыма, влажного белья и дымка от угля в титане.

Ого. Вот это я отключилась. Сейчас еще подремлю, а потом и с соседями можно знакомиться. Они между тем переговаривались между собой: «Скоро в тоннель въедем».

Вот после него родимого и «проснусь» — решила я, пытаюсь отогнать остатки сна.

По глухому звуку я догадалась, что поезд въехал в долгожданный тоннель.

Глухой громкий звук от стука колес ворвался в открытое окно. Звук искал выхода и бился о четыре стены закрытого купе. И теперь бесконечное мощное тук-тук-тук громко било в уши, забиралось в голову и отзывалось пульсирующей болью. Я поморщилась, не

люблю громких звуков, теперь голова наверно разболеется. Машинист надумал сделать предупредительный сигнал и к бесконечному стуку присоединился громкий вой большой мощной железной машины. Поезд внезапно дернулся и меня, резко подбросило на месте и выбросило вперед. Голова взорвалась сотнями огней, и я отключилась.

Сознание возвращалось медленно. Не открывая глаз, я пыталась понять, где я и что, собственно говоря, случилось. Помню поезд и тоннель, помню звук эха, громким гулом врывающееся в открытые окна вагона, от которого невозможно было спрятаться. Помню ощущение толчка вагона и ощущение полета.

Авария на железной дороге? Это меня выбросило, получается? Глубоко вздохнула — боли в грудной клетке не было и приоткрыла глаза. Голубое ясное и чистое небо. Повернула голову набок: на все поле зрения трава, зелёная и такая сочная, кажется — дотронься пальцем, травинка лопнет и звук еле слышных колокольчиков со всех сторон. Дзинь-дзинь.

Напротив моих глаз на травинке шел, а не полз, жук. Станный он какой-то. Размером с грецкий орех. Его тело прикрывал панцирь фиолетового цвета. Две длинные задние ножки, на которых он шёл, сгибались ровно посередине в разные стороны. А передними короткими лапками он держал пучок травинок и жевал. Остановившись, он чуть наклонил свою голову, будто изучая меня, и поклонился в книксене.

Эк меня приложило то об землю. Уже галлюцинации начались, где это видано, чтоб жук поклоны бил.

Пошевелила руками, ногами, вроде ничего не болит.

Так, нужно порассуждать. Если меня отбросило при аварии, значит рядом должна быть железная дорога и наверняка экстренные службы подъехали. А может, просто людям нужна помощь.

Я, облокотившись на локти, села. В руках сжатый ремешок сумки. Ничего не болит. Потихоньку встала, оценивая ощущения в теле. Может у меня шок и я не чувствую боли?

Я осмотрела себя взглядом. Крови нет, замечательно. Ощупала ноги, руки. Голова на месте, шишек от ударов нет. Хорошо.

Так, стоп! Что это такое? Волосы. Почему они длинные? Чуть ниже лопаток. Этого же просто не может быть. Я же не могла здесь валяться так долго? Это же сколько нужно времени, чтобы они так отросли?

Я перекинула волосы на плечо, осматривая их, погрузила руку в волосы и провела по всей длине. Густые, мягкие, слегка завивающиеся на самых кончиках.

Я начала судорожно ощупывать себя. Вещи мои, тело, вроде тоже собственное. Одним движением руки резко дернула молнию на олимпийке. Вот моя, она книксен родная родинка, значит это я. Так, что еще можно посмотреть? А ямочки на щеках? Я улыбнулась, приложив пальцы к щекам. На месте.

Осмотрелась. Вокруг поляна какой-то неправильной овальной формы, окруженная деревьями. Нужно идти, только не знаю куда. Пойду прямо, там встречу людей и спрошу дорогу.

Перекинув сумку через плечо, я осторожно двинулась к деревьям, прислушиваясь к своим ощущениям в теле. Ничего не болело. Странно даже, но успокоившись по поводу повреждений, перевела взгляд на окружающую меня природу. Под ногами множество разноцветных цветов. Красиво. Черно-белые полосатые колокольчики звенели, задетые

моими ногами.

— Так это вы звоните? — я наклонилась к одному из них и легонько щелкнула по нему. Раздался нежный звук колокольчика. Я нахмурилась. Красиво, конечно, но нереально.

Наверно, я сплю. Ну конечно! Сплю себе, никого не трогаю и сон замечательный смотрю.

Стройные высокие деревья, окружавшие поляну, тоже были странные. Протянула руку и погладила ствол. Он был гладкий, как будто его обработали и покрыли лаком. Здесь что, массовый сабантуй праздновали? Подняла голову. Кроны деревьев образовали большую зеленую шапку, местами пропускающую солнечный свет. А от крон деревьев свисали плети разных размеров. Как сережки у берез, только гораздо больших размеров.

В лесок влетела маленькая птичка. Она летала вокруг меня и чирикала, подсвистывая известную только ей мелодию. Ее оперенье, ловя солнечный свет, пробивающийся сквозь густую листву, вспыхивало множеством разноцветных красок. Господи, как красиво. Я замерла, боясь прервать эту дивную песню, следя за ней глазами. Птичка поднималась все выше, не прерывая свою чарующую песню.

Вдруг, одна из плетей зашевелилась и молниеносным движением закрутила в кокон и уволокла птичку наверх. Песня резко оборвалась. «Ик» — я стояла с открытым ртом, не веря в происходящее — Это что же? Её сожрали, что ли прямо сейчас? Деревья плотоядные?

Я медленно попятилась задом, а потом развернулась и бросилась прочь из этого леса, поправляя сумку, так и норовящую сползти с плеча. Бежала без оглядки, в голове прокручивая увиденную сцену.

Остановилась, когда уже дыхание вырывалось из груди хрипящим свистом. Подошла к леску, восстанавливая дыхание и оглядываясь по сторонам.

— Ну, вот. Нормальные деревья вроде — я осторожно дотронулась до коры — шершавая. Отколупнула, как в детстве, кусочек, и поднесла к лицу. Вдохнула знакомый с детства запах влажной древесины и нежный аромат смолы. Вот только листья неправильной квадратной формы. Прошла дальше. У другого дерева листья треугольные с коричневым ободком по краям.

— Ну и что, что треугольные, правда? — сказала я вслух. — Вы же никого не едите, да? — продолжала вслух рассуждать я, словно пытаюсь получить положительный ответ от безмолвного леса.

Солнце садилось. Может здесь переночевать? А то опять куда-нибудь не туда зайду. А завтра с новыми силами продолжу путь.

Желудок заурчал. Я открыла свою сумку и достала бутылку с водой. Перекусить бы чего. Достала небольшую пачку печенья и съела, запивая водой. Достала сигареты и спички и с наслаждением закурила. Эти привычные движения немного успокоили. Прислонилась спиной к дереву, подтянула колени к животу и обхватила их руками. Все-таки нужно быть начеку, вдруг придется бежать сломя голову.

Проснулась, когда уже было светло. Я лежу на земле, обхватив сумку руками. Быстро осмотрелась: никто никого не жрёт и слава богу. Я потянулась всем телом, разминая мышцы, полежала немного, вдыхая запах травы и встала. Отряхнула руками спортивный костюм от листочков и травы. Да уж, видок у меня наверно.

Но нужно что-то делать с волосами. Может отрезать? За ними уход нужен — мыть, регулярно расчесывать и заплетать. А я привыкла к коротким волосам, махнула разок расческой, растрепала рукой и вперед на работу.

Достала маникюрный набор, вытщила ножницы. Маленькие, но острые. За полчаса управлюсь!левой рукой отделила небольшую прядь и принялась за дело. Что такое? Ножницы затупились, что ли? Ножницы скользили по волосам и совершенно не желали отрезаться. Ах, так! Я еще рьянее принялась за дело. Упорно царапала ножницами прядь, стараясь перепилить ее. Наконец, мои старания увенчались успехом. В руках осталась тоненькая прядка. Это сколько я ними провожусь? И бросила на землю отрезанную прядь. Прядка плавно опустилась на землю, вспыхнула ярким голубым светом и исчезла. Я ошарашенно смотрела вниз. Присела и провела рукой по земле. Ни следа!

А оставшаяся отрезанная прядка на моих глазах начала отрастать вновь. Я застыла на месте. Я сейчас сойду с ума. Я закрыла глаза, глубоко вдыхая. Спокойствие, только спокойствие! Чуть успокоившись, открыла глаза. «Ну и ничего страшного, правда? Все странное, а я что ли должна одна нормальная оставаться? Не побежишь ведь от своих волос, да? Ну и ладно. Сейчас я вас заплету» — разговаривала я сама с собой, спокойным успокаивающим себя голосом. Иначе со мной приключится истерика.

Открыла сумку. Нужно найти, чем скрепить косу. Ага, вот салфетки влажные. Достала одну, расправила для просушки и принялась за волосы. Расческой расчесала и заплела одну простую косу. Что за черт! Они стали еще длиннее. Я пожалала плечами. Спокойствие, главное спокойствие! Закрутила салфетку в жгутик и завязала косу. Нужно идти.

Шла весь день. Долго ли, коротко ли, как говорится. Тело начало наливаться усталостью. Моим ногам определенно нужен отдых, но если я сейчас сяду, то уже не встану. Надоело однообразное мелькание деревьев. Природа уже не радовала меня своим изобилием многочисленных красок и разнообразными формами. Я даже слегка начала раздражаться.

— Люди! Ау! Вы где? Да что ж такое-то?!

Скоро начнет темнеть. Нужно найти место для ночлега, как-то не хочется бродить в кромешной тьме. Я подняла глаза к небу, не останавливаясь, определяя примерное время, затем опустила глаза под ноги. Взгляд зацепился за что-то знакомое, я остановилась.

Я пришла к тому же месту, где уже ночевала! Вот помятая пачка от печенья, вот мой окурочок. Не может быть! Как же так! Я в изнеможении села. Кругами ходила! И такое отчаяние меня охватило, что-то сжалось в груди. Так жалко себя стало. Вспомнила Ромку, Альку, маму Еву и Семёныча. Им уже сообщили, что я пропала? А меня будут искать? А найдут? А скучать будут?

Слезы потекли из глаз водопадом. «У-у-у-у» — завывала я в голос, хлюпая носом. Набирала воздух в легкие и снова выла. Не знаю, сколько редела, пока не услышала, что мне кто-то тоненько подвывает из леса.

Я вскочила, утирая слёзы: «Ну что, что?» — прокричала я, сжав ладони в кулаки. «Плакать тоже нельзя? Да идите вы все. И некому меня пожалеть, и одна я одинёшенька. А мне страааашно» — голосила и всхлипывала я, прикрыв лицо руками. Глаза и нос уже опухли от слез, а кто-то из глубины леса продолжал тоненько подвывать и поскуливать.

Когда мои слезы уже иссякли, остались только судорожные всхлипывания, я вытерла лицо, повернув голову в сторону посторонних звуков. Надо же пойти глянуть на собрата по несчастью, может такой же бедолага как я потерялся и плачет теперь навзрыд. Встала, опираясь на дерево, вздохнула и пошла в ту сторону откуда слышала звук.

Зашла вглубь леса, осторожно переставляя ногами и осматривая пространство. Остановилась. Никого.

— Эй, ты где? — осторожно спросила я. Тишина.

— Где тыыыы? — чуть громче крикнула я. Раздался писк. Ага, немного левее нужно завернуть. Так, еще вперед, теперь через холмик. И остановилась как вкопанная. Что это такое? Две здоровые туши животных лежали, вцепившись друг в друга, не двигаясь. Я сделала шаг назад.

— Это вы меня на помощь звали, что ли? Э, нет братцы, разбирайтесь сами. Мы с вами в разной весовой категории.

Тишина. Немного постояв в задумчивости, сделала шагок вперед, пытаясь разглядеть происходящее. Еще шаг. Любопытство меня погубит. Еще шагок.

Две большие мохнатые туши, сплелись в своей последней смертельной хватке. Я всматривалась в них, пытаясь уловить признаки жизни. С любопытством профессионала оценивала незнакомый мне вид животных. Размер? Огромный. Одного мне так и не удалось толком рассмотреть, так как представитель этого вида был без головы. Только мощное жилистое тело, покрытое короткой шерстью, и шесть лап с перепонками между когтями. Четыре из которых были вцеплены в свою предполагаемую жертву.

Я переключила внимание на второе животное. Морда слегка сплюснутая, нос широкий с крупными ноздрями. Уши короткие, но широкие, с кисточками на кончиках.

Я сделала осторожный шаг вперед, пытаясь рассмотреть подробности. Мощные передние лапы, размером в две мои головы, заканчивались длинными изогнутыми когтями. А сами лапы до самого тела покрыты толстой крупной чешуёй

Вдруг я заметила еле уловимое движение и отскочила в сторону. Животное было еще живо. Чуть шевельнулось веко и приоткрылся глаз. Большой круглый глаз, с темно-серым ободком по краям.

Внезапно я услышала еле уловимый писк немного в стороне. Я медленно двигалась по направлению к звуку. Ну где же? Под лапой еще живого животного кто-то шевелился. Присела на корточки и попыталась отодвинуть ее. Маленькое существо размером с маленького щенка хлопало глазками и смотрело на меня и попискивало. Голое розовое тело дрожало. Шерсть местами начала только-только отрастать. Маленькие лапки без когтей беспомощно скользили по земле, пытаясь поднять тельце.

Я осторожно взяла его на руки и поставила на землю. Лапки разъехались, он плюхнулся пузом на землю и заскулил, тоненько-тоненько. Живая, большая животинка, услышав писк, попыталась повернуть голову, но силы уходили из неё. Наверное, это его мама. Она сражалась, защищая своё дитя. Сердце сжалось от жалости.

— Ну и что мне с тобой делать?

Заглянула в пасть маленького — зубов еще не было, он в любом случае погибнет, если останется здесь.

Я взяла его на руки и прижала к себе. Затем, подумав, поднесла его к животу еще живой матери. Маленький судорожно начал тыкаться в живот и найдя сосок, вцепился в него.

Подошла к морде его матери.

— Эй, ты живая? — осторожно спросила я, высматривая на её морде признаки жизни. Не жду же я в самом деле от нее ответа, ага, живая мол.

Она приоткрыла глаза, которые уже начали мутнеть. На шее я разглядела страшную рану, рваные края шкуры и мышц из которой вытекала густым потоком бурая кровь.

— Ты умираешь — сказала я ей.

— Без тебя малыш погибнет. Я возьму твоего маленького и постараюсь, чтобы он выжил. Правда, не знаю еще, как это сделать. Была бы я дома — думала я, наклонив голову.

Она медленно высунула свой длинный язык и лизнула мою руку. Затем шумно выдохнула и замерла, а на меня смотрели её мертвые глаза. Я взяла маленького на руки. Его розовое пузо раздулось от еды, а глазки сонно закрывались.

Я вернулась к «своему» месту. Села опять спиной к дереву и положила малыша на колени. Уснула не сразу — в голове крутились вопросы, на которые у меня не было ответов.

Проснулась от копошения. Мелкий жалостливо попискивал. Наверное, голодный. В сумке еще оставалось печенье. Целым ведь в пасть ему не положишь — подавится еще. Я взяла печенье в рот, разжевала, превращая в кашицу. Набрала на палец и просунула в маленький рот. Он пытался его сосать и мусолил своим беззубым ртом. Худо-бедно он проглотил пережеванную массу. Воду вливала в открытую пасть небольшими порциями. Он захлебывался, глотал и фыркал.

— Нужно идти, мелкий или мелкая. А действительно, ты кто? — я аккуратно перевернула малыша на спину — Все же мальчик. Нужно дать тебе кличку. А то убежишь, а как позвать тебя и не знаю. Буду ходить везде орать — Мелкий. Между тем маленький начал дрожать. — Ну да, так-то у мамки погрелся бы. Жди теперь, когда шерсть отрастет. Я положила его за пазуху, перекинула ремень от сумки через голову, чтобы не мешала и пошла, поддерживая одной рукой свою поклажу.

Шла и думала: Вода скоро закончится, хоть бы родник какой найти. Да и умыться не мешало бы. Без еды я еще протяну, но не представляю, чем буду кормить малыша.

Я шла, рассматривая природу. Воздух пахнет свежестью как после дождя. И нет ощущения пыльных дорог и выхлопных газов. Птички поют, бабочки и еще какие-то красивые твари летают. Вон та на пчелу похожа, полосатая и здоровая, размером с мандаринку. И уперлась в зеленый забор из растений высотой метра три. И никакого просвета. Стволы как лианы оплетали друг друга, поднимаясь все выше. Огромные листья размером с огромные лопухи прикрывали внешнюю сторону забора. А на внешней стороне листьев мелкие острые шипы. По такому ограждению и не пролезешь, руки в лоскуты порежешь. Я шла вдоль него, пытаюсь найти дверь или калитку.

Калитку заметила не сразу, просто обратила внимание, что пространство в одном месте отличается от остального. Осторожно открыла её и вошла. Увидела небольшую территорию. Стояли дома разных размеров, сараи. Но, что сразу бросилось в глаза, что все очень аккуратно. Крыши домов одинакового коричневого цвета и не было ощущения разрозненности, как в наших деревнях. Строят ведь по своим финансовым и творческим возможностям. Или дом передается по наследству и начинают достраивать, латать. Здесь как будто деревню построил один мастер и заселил туда людей.

Вдалеке бегали мелкие животные. Люди спокойно ходили по улице и занимались своими делами. Я прошла по каменной широкой тропинке. Меня заметили, засуетились. Кого-то кликнули и вот ко мне выдвинулась делегация из трех человек. Один старик и двое мужчин помладше. Это старший, стало быть, подумала я, рассматривая старика. Мускулистый старичок невысокого роста с седыми короткими волосами, властным лицом и внимательным ощупывающим взглядом. Густые белые брови, глубокие морщины прорезали загорелое лицо.

— Здравствуйте — сказала я с улыбкой.

— Хранительница, благослови — ответили мне, рассматривая мой внешний вид.

Ну да, вид у меня непрезентабельный. Хранительница еще какая-то. Сдурели совсем?

— Скажите, пожалуйста, как дойти до ближайшего города? Я заблудилась, меня

наверно ищут.

— Чья будешь? — спросил старик.

Вот что ответить на такой вопрос? «Мамкина с папкой» — ответил бы ребенок. Ничейная — это про меня. Наверно, какой-то другой смысл в этом вопросе.

— В смысле, чья? Своя — пожала я плечами. Не совсем понимаю, что от меня хотят.

— Откуда будешь? Вид у тебя необычный.

Я осмотрела себя. Вот полностью с ним согласна.

— Из Невельска. Ехала в поезде, что-то случилась, наверно авария. Мне нужно поближе к железной дороге — затараторила я.

— А страна какая?

Я немного насторожилась. Странные они какие! По-русски, значит, разговаривают, еще и глупые вопросы задают.

— Россия. Что же еще-то? — утвердительно сказала я, теперь с опаской смотря на них. Или я чего-то не знаю. Начинала нервничать, честное слово.

Старик смотрел на меня, прищурился, словно что-то обдумывал.

— Вон как — сказал он задумчиво — Перебросило тебя, милая. Это страна Ваара — сказал он, обводя кругом рукой.

Я в оцепенении смотрела на них.

«Стою на асфальте

В лыжи обутой,

То ли лыжи не едут,

То ли я е...утой!»

Это шутка такая, что ли? Может меня разыгрывают? Сейчас выскочит команда с камерами и криками: «Это программа Розыгрыш». Это кто меня разыграл? Ромка поди, гадёныш. Сидят наверно с Алькой ржут, сволочи. Сначала убью особо жестоко, потом расцелую.

Я развела руками в стороны, нечего мол сказать.

— Тебе нужно в столицу идти. Там судьбу таких как ты решают. Для начала старосту найди. Он у нас один на десять селений. Я здесь старший рода, стало быть.

— Переночевать можно хотя бы? — с надеждой спросила я, мечтая о постели, душе и еде.

— Гостевых здесь нет. В свои дома посторонних не пускаем, время сейчас смутное. Дикае лютуе. Хранительница, нас сохрани — сказал он, поднимая глаза к небу и осеняя себя крестом. Только не тем, что я привыкла видеть дома, а реально крестиком- от правого плеча к левому бедру и от левого плеча к правому бедру.

— Но тебя в беде не бросим. На летний сарай согласна?

Я кивнула.

— Кто это у тебя там? — спросил один их мужиков, стоящих рядом.

— Щенка подобрала, мать померла, а этот маленький совсем.

Старик распорядился отвести меня к роднику ополоснуться и накормить. Небольшой родник, обложенный камнями, вытекал откуда-то из земли. Вода прозрачная и холодная. Я с наслаждением окунула в него руки, набрала в руки воды и плеснула в лицо. Кайф. Аккуратно сняла олимпийку, стараясь не потревожить малыша. Обмыла открытые участки тела. Ну и сделала то, о чем мечтала уже несколько дней- почистила зубы.

Кормили на улице. Под навесом большой деревянный стол, лавка. Меня обслуживала

пожилая женщина Асида. Из еды дали похлёбку с кусочками мяса и овощей и большой кусок хлеба. Я с наслаждением откусила кусок свежего хлеба и поднесла ко рту деревянную ложку ароматной похлёбки. Живот радостно заурчал от запаха еды. Вкуснотища.

Прежде чем уйти спать попросила молока для маленького. И какую-нибудь бутылку, посуду, приспособление, пипетку в конце концов для кормления животных. Выкармливают же как-то оставшихся без родителей новорожденных животных.

Приспособление имелось. Небольшой деревянный желобок с углублением для наливания молока, заканчивающийся трубочкой, на которую что-то натянуто. Похоже на кишку животного. Я рассматривала это чудо техники.

Женщина протянула мне полукруглую посуду, заполненную молоком. Керамика? Не похоже. Внешне похож на кокос, только не мохнатый.

— Из чего это сделано? Из глины? — с любопытством спросила я.

— Это орех лесной.

— Да? Интересно.

В сарае было чисто, свежая трава лежала в углу большим стогом. Я освободила маленького из кофты и растолкала: «Просыпайся, маленький, будешь есть».

Он сонно хлопал глазками и зевал. Нужно было сначала опробовать это чудо техники, а потом уже дитёнка будить. Ну, ничего, сейчас разберемся.

Я налила молоко в желобок, чуть наклонила. Молоко побежало по трубочке и наполнило кишку, которая раздулась как соска. Я хмыкнула, придумают же. И поднесла к малышу. Он уцепился и зачмокал, прищурив от удовольствия глаза.

— Ты же только не лопни, мелкий. Я к тебе привыкла уже. Если лопнешь, я опять одна останусь — говорила я, поглаживая его по спинке.

Я откинулась на свою зеленую постель, хорошо то как. Трава пахла множеством различных, успокаивающих меня запахов и я уснула крепким сном.

Просыпаться не хотелось, так и валялась бы еще с часик-другой. Мелкий спал. Я сходила к роднику, умылась и набрала в бутылку воды. Так как олимпийка осталась в сарае, я шла в спортивных штанах и облегающей майке. Мужики оборачивались мне в след, с интересом разглядывая мои формы. Ну да, у них так не принято ходить. Пусть смотрят, только без всяких там приставаний. А то знаем мы вас.

Знакомая мне женщина Асида приветливо махнула мне рукой. Я помахала в ответ.

Асида подошла ко мне, как только я закончила завтрак и спросила:

— Скоро пойдешь? Еды в дорогу занесу.

— Покормлю маленького и пойду, наверно.

Растолкав мелкого, накормила его, спойв остатки молока. Положила его на землю, а сама взялась за волосы. С наслаждением расплела их и принялась расчесывать. Эти заразы предательские еще длиннее стали. Теперь они доходили до пояса. Я водила по ним расческой, массируя корни волос, прикрыв глаза от удовольствия. Дверь открылась и вошла Асида.

— Я вот тут тебе собрала немножко в дорогу — и она замолчала.

Я открыла глаза. Она стояла, широко открыв глаза, и смотрела на маленького. Узелок выпал из её рук.

— Левир — потрясённо выговорила она и, резко развернувшись, убежала.

Я застыла с расческой в руках. И что это было? Спустя некоторое время дверь с шумом открылась и ввалилась толпа мужиков во главе со старейшиной. Все смотрели на моего малыша с ужасом. Я понимала, что происходит что-то непонятное. Встала, подошла к малышу и взяла его на руки:

— В чем дело? — сказала я, прищурив глаза. Что-то они воинственно настроены. Мелкого в обиду не дам.

— Левир — выдохнул старейшина, подойдя поближе.

— Никогда левирь не попадали в руки людям

— Где ты его взяла? — жестко спросил он — Если украла, то беда нас ждёт. Его мать найдет его по запаху и уничтожит все живое. Взрослая особь способна уничтожить наше селение в считанные минуты.

Мне пришлось честно выложить историю появления мелкого у меня.

— Лизнула, говоришь. Благословила, значит — задумчиво сказал он — С уходом не задерживай. Не обижайся, девица. Первый раз тебя видим, верить не верить твоим словам, не знаю. Я несу ответственность за жизнь этих людей — сказал старик.

Я согласно мотнула головой.

— Соберусь и уйду. И, спасибо за всё! — крикнула в уходящие спины.

Старейшина обернулся и кивнул, принимая благодарность.

Я присела возле мелкого, рассматривая своё приобретение.

— Ну что, левир значит. Опасный, значит. Ну какой ты опасный — теребя по спинке. Он ответил на мою ласку шумным сопением, неуклюже тыкаясь в мою ладонь.

Быстро заплетя волосы в косу, надела олимпийку, засунула еду в сумку, перекинула её через голову.

На улице послышался шум и крики людей. Я схватила малыша на руки. Передумали? Будут гнать до самой калитки палками? Я выглянула на улицу.

Люди столпились возле крайнего дома, гневно галдя. Что там такое? Я осторожно приближалась, вытягивая голову. Впереди стояли мужики с вилами, граблями, мечами. Сзади толпились любопытные женщины и дети. Мне удалось пробраться к самому забору. Увидевшее, заставило меня остановиться как вкопанную.

Я увидела животное, загнанное в угол. Невысокое темно-серое животное стояло на коротких лапах, расставив их и низко пригнув голову, исподлобья рассматривая людей и контролируя каждое их движение. Длинные пушистые уши прижаты к голове, морда слегка вытянутая, с мощной челюстью, низкое плоское тело едва касалось земли. А на землю с головы и раненого бока капала кровь.

Я в ужасе смотрела на него. Что же он такого сделал, что с ним так жестоко обошлись?

Животное, будто почувствовав мой взгляд, медленно повернул голову в мою сторону и посмотрел в глаза.

Застывшие пепельные глаза с большими черными зрачками обреченного животного. Он знал, что его сейчас будут убивать. И такая тоска застыла в его глазах, как будто он уже смирился со своей судьбой.

У меня от жалости сжалось все в груди, сердце пропустило удар и поскакало вскачь. Что делать? Нельзя же так, сволочи.

Послышался приказ старшего: «Убейте!». И толпа начала медленно приближаться к животному. Животное медленно моргнуло, отвело от меня взгляд и шумно вздохнуло, готовясь к последнему смертельному прыжку.

— Стойте! — закричала я — Ну, стойте же, ну, пожалуйста — причитала я, пробираясь сквозь толпу.

Местные, видя левира на моих руках, испуганно отскакивали в сторону, осеняя себя крестом. Я вышла на свободное пространство, встала рядом с животным.

— Не убивайте, прошу вас. Отдайте его мне — я с мольбой всматривалась в их нахмуренные и решительные лица.

— Не берите грех на душу. Мы уйдем прямо сейчас. И вы нас никогда не увидите — говорила я, пристально смотря в глаза старейшего.

— Это опасное животное — покачал головой старик.

— Опаснее этого? — спросила я, кивая на левира.

— Нет. Но...

— Вот и отдайте — резко перебила я его, сжав губы.

Толпа загалдела, послышались злые выкрики:

— Выметайся отсюда.

— Сама пришла и левира принесла.

— Пока тебя не было, всё было спокойно.

Я кивнула головой:

— Обязательно выметусь, но одна не уйду. Если не отдадите, то обязательно вернусь со своим левиром и уничтожу ваше селение — довольно жестко сказала я. И, не давая им время на размышление, резко приказала: «Тряпку мне!».

Кто-то из толпы кинул мне под ноги грязную тряпку. Я засунула левира за пазуху. Наклонилась к животному, которое мгновенно оскалило пасть.

— Пойдем со мной — шепотом проговорила я — Убьют ведь — я осторожно дотронулась до его бока. Он вздрогнул и перевел взгляд на меня, открывая зубы в беззвучном оскале. Осторожно поднесла раскрытую ладонь к его носу. Во-первых, показать, что в руках ничего нет. Во-вторых, животные чувствуют эмоции на уровне звериного чутья. Если страх, то адреналин, возбуждающий инстинкт «догнать и уничтожить».

Он шумно вдохнул носом мой запах, прикрыв глаза. Затем недоуменно рассматривал моё лицо, переводя взгляд на толпу и опять на меня. А в глазах уже потихоньку оживала надежда.

Я осторожно накрыла его тряпкой и попыталась поднять его. Он вздрогнул, мышцы напряглись.

— Шшшш, все хорошо — тихонько сказала я. Уши встали торчком, словно он слушал меня. — Сейчас осторожно тебя подниму, и пойдем, куда еще не знаю. Там свобода, там воля — я говорила и говорила тихим спокойным голосом. В это время взяла его на руки и слегка прижала к себе и выпрямилась. Толпа внимательно следила за мной. Что еще толпе надо? Хлеба и зрелищ, что бы было о чем посудачить длинными вечерами. Я медленно пошла в сторону калитки. Дойдя до нее, обернулась. Старейший смотрел на меня, прищурив глаза:

— Ох, девонька, кто ж ты такая? — задумчиво сказал он. И, едва я шагнула за калитку, отдал приказ — Закрывать калитку!

Выдохнув, быстро пошла подальше от селения. Остановилась, чтобы осмотреть животное, прислушиваясь к звукам. А то мало ли. Осторожно положила его на землю и

развернула тряпку. Кровь уже запеклась на ранах. Нужно осмотреть раны. Животное ослабло от кровопотери и стресса.

— Хилый ты какой-то.

Вот так и буду пока что называть его. А то один без имени, теперь и второй безымянный. Не дело это. Я аккуратно полила воду на раны, очистив от грязи. Вроде ничего смертельного, а там посмотрим. А ты кто, интересно? Опять мальчик. В смысле особь мужского пола. И уже не маленький. Оклемается чуток и пусть себе идет своей дорогой. Не собирать же возле себя страждущих и голодных. У самой будущее какое-то неопределенное.

Нужно идти. Иди туда, не знаю куда — так у меня получается. У животного от стресса и ранений не было сил, чтобы передвигаться, придется и этого тащить, блин. Не бросишь ведь. Шла и бухтела шепотом:

«Спасительница, Мать Тереза. Следующего кого спасешь? Слона какого-нибудь раненого? И попрешь на горбу, только на четвереньках. И вообще я устала. На море ей захотелось. И как море, теплое? Не обгорела еще? А что так?» — ехидничала я.

Настроение у меня неважное, вот что. Нужно настраивать себя на позитив. Значит так. Руки-ноги целые. Ничего не болит. Питомцев приобрела. Могла бы мимо пройти и они погибли бы. Так? Так. Значит я молодец? Большой молодец!

Осмотрелась вокруг. Красота. Неведомые птички поют, бабочки летают, большие и красивые. Они садились на голову и одежду, складывая крылья. «Ещё и вас тащить, что ли?» — усмехнулась я.

Одна подлетела к лицу, замерла на уровне глаз, размахивая своими большими крыльшками, как веером, нагнетая легкий ветерок. Я следила за ней глазами. Она помелькала передо мной, а потом уселась на нос. Мои глаза собрались в кучку, рассматривая необычный рисунок. Представила себя со стороны и улыбнулась.

Вечерело. Пора устраиваться на ночлег. Может вон в высокой траве? Вытоптала себе лежанку, приминая траву. Достала малыша и положила его рядом. Ого, мелкий то подросток. Шерсть покрывало уже больше половины его голого тела.

— Вот и хорошо, вырастишь большим как твоя мама и меня покатаешь. Покатаешь ведь? Не все ж мне тебя таскать — говорила я, укладываясь. Спасенное животное положила с другого бока. Он приоткрыл глаза, оценивая обстановку, облегченно вздохнул и опять закрыл глаза.

Проснулась резко от ощущения, что на меня кто-то смотрит. Я стала оглядываться, вглядываясь в темноту. И замерла от ужаса. Два красных глаза, светящихся в темноте, которые не мигая уставились на меня. Я в ужасе застыла, что делать? Отбиться нечем. Осторожно протянула руку к сумке, в надежде найти хоть что-нибудь потяжелее.

В это время проснулось мое раненое животное. Он встал на свои короткие лапы, вздыбил шерсть на загривке и громко завыл, смотря прямо в светящиеся глаза. Я в ужасе смотрела на него — его глаза тоже светились!

Ё-моё! И кого теперь бояться сильнее?

Вдалеке раздался короткий рык и, невидимый зверь ушел, а я продолжала всматриваться в темноту, потихоньку приходя в себя. Это что же, Хилый прогнал врага?

Я осторожно легла, обдумывая ситуацию. Животное в это время крутилось на месте, выискивая местечко поудобнее, затем пролез ко мне под бок, посмотрел на меня. Свет в его

глазах начал гаснуть, приобретая обычный цвет. Он как ни в чем не бывало лизнул мою руку, свернулся и уснул.

Офигеть! Глаза светятся. Надо было спросить в селении, что за зверь то такой. А то пружина себе всякую гадость, без роду и племени. Зато смелый. Защитил, значит. Вот и молодец. Значит всё не зря. Не спасла бы, сейчас бы погибла, возможно. Значит, всё что я делаю правильно! И вообще- все не так, как нам кажется. И уснула.

Проснулись, когда солнце было в самом зените.

— Ну, мы и поспать, братцы. Так мы никогда до места не дойдем». Достала из сумки узелок с едой. Хлеб, кусок сыра, зелень и вяленое мясо. Животным досталось мясо и сыр, мне все остальное. Пора идти. — Хилый, сам сможешь идти? Он мотнул головой. Понимает, что ли? Внимательно смотрела на него. Я шла потихоньку по тропе, Хилый бежал рядом.

— Ну не можешь ведь ты всю дорогу на мне ехать. Взрослый ведь, не маленький. Раны не смертельные и уже заживают, причем прямо на глазах заживают. Так что больным не прикидывайся. — И, спасибо, что спас нас сегодня ночью. Испугалась- жуть. Как увидела глазищи, так и онемела от ужаса. Это наверно кто-то из твоего вида был, да? Вот знала бы, взяла с собой нож большой, пистолет купила или у Ромки меч отобрала. Ага. Еще и пулемет бы с собой захватила в поезд.

Представила себе эту картину и засмеялась. Прусь, значит в поезд перемотанная патронами, на плече пулемет. Рэмбо, блин. А то из оружия у меня только пилка для ногтей. Ага, ловить врагов и подпиливать им когти. Веселуха.

Скоро опять вечер. Такими темпами я до старости буду здесь бродить. Значит так, завтра рано утром подъем. Зарядка. Завтрака не будет. И ищем это поселение со старостой. А то хожу тут одна, сама с собой разговариваю. Сама с собой это еще ничего. Чего с умным человеком не поговорить? А вот с животными- это уже диагноз наверно, да?

Хилый бежал рядом, как будто прислушиваясь к моей речи. Вдруг я почувствовала запах дымка. Вдохнула еле доносящийся до меня запах горьковатого дымка. Такой приятный и знакомый с детства запах. В голове пронеслась картинка: шашлык, картошечка, запеченная в углях, дымящаяся и горяченькая. Перебрасываешь её из ладошки в ладошку, дуешь и осторожно откусываешь обжигающую мякоть. В животе заурчало.

Дым. Значит рядом люди, ну или кто они там. Я пошла на запах. Послышались крики. Чего это у них так шумно? Пора спать укладываться, а они галдят. Может, праздник какой?

Дым усилился и крики тоже. Мне становилось беспокойно. Дошла до зелёной ограды. Невысокие зеленые кустарники с толстыми стволами и крупными листьями, образовывали плотную живую стену без просвета, высотой примерно два метра. За оградой поднимался черный дым пожара, крики людей и звук лязгающего железа. И чьи- то грубые гортанные выкрики. Пригнувшись, я побежала вдоль зелёной ограды, пытаюсь найти хоть какой-то просвет. И заметила в одном месте, между стволами кустов, небольшое отверстие.

Пригнулась, заглянула туда, и...

То, что я увидела, заставила замереть меня от ужаса. Всё в поле моего зрения горело. Люди метались в ужасе. Здоровенные мужики с голыми и грязными от грязи и копоти торсами, резкими обрывистыми движениями мечей убивали людей. Длинные грязные волосы колыхались за спинами от резких взмахов мечами. Я всмотрелась в лица: угрюмые лица с нахмуренными мохнатыми бровями, с крупной мощной выдвинутой вперед

челюстью, а гнилые зубы с удлинёнными клыками.

Детей и женщин сгоняли в одну кучу и связывали как скот веревками. Мужчин нещадно убивали на глазах детей и жён. От криков и воя живых, стонов раненых застывала в жилах кровь. Я зажала ладонями рот, чтобы не вскрикнуть.

Рядом со мной прошли два захватчика, ведя за собой домашнее животное. Один довольно улыбался своей щербатой улыбкой. Доволен, значит, гад своей добычей. Ветер донёс до меня вонь их невымытых тел. Фу, ну и вонища. Прямо, козлячий запах.

Над головой уже сгушалась тьма. Я сидела, боясь пошевелиться. Пожар постепенно успокаивался. Пленных начали выводить. Женщины судорожно сжимали своих уцелевших детей, а те прятали свои заплаканные лица. В воздухе стоял запах гари и свежей крови. На земле лежал раненый мужчина, держась за живот. Кровь вытекала из его тела пульсирующими толчками в такт его ещё бьющегося сердца, встречалась с горелой землей и запекалась. В воздухе пахло палёным мясом.

Меня стало подташнивать.

Последние захватчики обходили территорию, в надежде найти и утащить с собой последнюю добычу. Они переворачивали телеги, заглядывали в уцелевшие сараи и добывали раненых. Нужно выбираться отсюда, причем немедленно. И бежать, бежать. Я уже было собралась отползать назад, когда заметила слева какое-то движение. Я присмотрелась. Показалось, наверное, и уже начала осторожно пятиться назад, когда услышала всхлип. Застыла на месте, чуть подалась вперед и посмотрела по сторонам. Невдалеке слева, под самой изгородью лежала старая скомканная рогожа. Вдруг его кончик приподнялся и оттуда выглянула детская мордашка. Внимательные детские глаза осматривали пространство вокруг. Глаза не видели, что сзади идут «проверяющие». «Сейчас найдут» — мысли бились в голове. Нужно что-то делать!

Я резким движением подалась назад за ограждение, быстро скинула сумку на землю, расстегнула олимпийку и положила рядом с сумкой, закрыв ею мелкого.

— Только не проснись — подумала я и рванула обратно в проём.

Голова проходит, а плечи уже застревают. Если боком? Боком можно, но коленям места нет. Я быстро начала руками разгребать землю, пытаюсь углубиться хоть чуть-чуть вниз. Внезапно ко мне подскочил Хилый и, отеснив меня телом, принялся грести землю. Своими короткими мощными лапами он одновременно захватывал землю как экскаватором и, изогнув тело, резким броском выбрасывал её между ног. И, естественно, попал прямо мне в лицо. Пока я отплёвывалась, ему удалось вырыть весьма приличную яму.

Я влезла туда боком лицом к ребенку и тихонько цыкнула, привлекая его внимание. Глаза ребенка увидели меня, сначала широко раскрылись от удивления, а затем прищурились, присматриваясь ко мне. Я приложила палец к губам и показала за его спину, изображая монстра. Он высунул всклокоченную голову, осторожно повернул голову назад и увидел этих проверяющих. Посмотрел на меня. В его глазах плескался ужас. Он смотрел мне в глаза, словно ища защиты.

Я показала жестом, одновременно сказала губами «ползи».

Он кивнул головой, нырнул обратно. Осторожно приподнял один край и пополз, всё время смотря на меня. Я мотнула головой в одобрителем жесте, все правильно мол, делаешь. Сама в это время наблюдала за бойцами.

Вот одна голова начала поворачиваться в нашу сторону. Я в панике подняла две ладони, приказывая мальчику не двигаться. Тот замер. Боец окинул взглядом территорию и, не

заметив ничего необычного, продолжил свое дело.

Я махнула- Давай, можно. Он тихонько пополз, сокращая расстояние, между нами.

— Ну, давай. Ещё чуть-чуть — шептала я.

Он дополз до меня. Я остановила его жестом. Бойцы двинулись в нашу сторону. Между нами был наполовину сгоревшее небольшое строение. Надежда только на то, что они его не пропустят. Выбив висевшую на одной петле дверь, они зашли внутрь. А вот теперь можно!

— Быстро ко мне! — шепнула ему, протянув руку.

Пацан опять нырнул в тряпку. Я нахмурила брови- что он делает? Край отодвинулся и оттуда показалась голова маленькой испуганной девочки. Я в изумлении подняла брови. Вон как! Схватила ее за руки и втащила в проём. Мальчик полз следом. Вроде не заметили. А теперь бежать. Я быстро схватила олимпийку, одела её, засунув за пазуху мелкого, перекинула сумку через голову, и мы побежали. Страх гнал нас все дальше и дальше, мы бежали, не разбирая дороги. Только подальше от страшного места. Я смотрела, чтобы дети не отставали. Хилый мчался рядом.

Стало совсем темно.

— Нужно останавливаться. Переночуем здесь, все разговоры завтра. Зашли в лес. Вон вроде неплохое место. Я остановилась и хотела снять сумку, но почувствовала, как сзади одернули за одежду. Мальчик молча смотрел, качая головой. «Что? Здесь нельзя ночевать? Опасно?». Он опять покачал головой. «Тогда веди, где можно». Мальчик уверенно повел вглубь леса, через поляну и зашли в небольшой перелесок. Три крупных высоких дерева, стоящие рядом и опустившие свои нижние ветки, образовали естественный шатёр. «Молодец» — похвалила я его. Достала из сумки пластиковую бутылку с водой, открутила крышку и глотнула. «Это вода, пейте, не бойтесь». Он с осторожностью взял бутылку, рассматривая её, попил воды и дал девочке. А я вытащила маленького, положила рядом и отключилась. У моего организма такая особенность, после стресса наступает слабость и меня тянет в сон. В детстве, бывало, меня в уголке спящую сидя находили. Вот убивайте меня во сне, только дайте поспать, ради бога.

И приснился мне сон. Женщина с длинными волосами протягивала ко мне руки, а я бежала к ней счастливая. И это непередаваемое ощущение полного счастья и спокойствия заполняло меня всю. Она обнимала меня ласковыми руками и прижимала к себе, а я вдыхала знакомый мне запах. А еще мужчина. Он шутливо звал меня, искал, а я пряталась за длинными волосами женщины. Он знал где я прячусь, но продолжал искать. Я выглядывала из водопада волос, а он «находил» меня и подхватывал на руки и подбрасывал вверх. Эти улыбающиеся глаза казались самыми красивыми и любимыми на свете. И я летела, раскинув руки в стороны как птичка.

Я проснулась с этим ощущением счастья. Глаза не открывала, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть остатки сна. Кто эти люди? Мама с папой? Тогда почему они мне раньше не снились? Почему не снились, когда мне было плохо или грустно? Я с трудом открыла глаза и повернулась на спину. Сквозь зелень листы пробивался солнечный свет.

Все еще спали.

Мелкий еще подрос, теперь он стал размером с небольшую собаку. Густая шерсть полностью покрывала его некогда голое тельце. На лапах выглядывали тоненькие когти. Он зевнул, и я успела увидеть ряд маленьких зубов. Вот и хорошо. Быстрее вырастет и уйдет

обратно в лес. Ладно, буду решать проблемы по мере их поступления. Кстати, про поступления. Я села и, облокотившись спиной о дерево, принялась рассматривать детей.

Мальчик лет девяти-десяти. Из одежды были короткие штаны из грубой ткани и простенькая серая рубашка, но ноги босые. Смуглая кожа, упрямо сжатый во сне рот, брови нахмурены. Черные как смоль волосы до плеч, грязными прядями висели вдоль измазанного сажей лица. На подбородке ямочка. С характером значит паренёк.

Перевела взгляд на девочку. Лет пяти-шести, светленькая и симпатичная. Светлые волосы до плеч крупными кудряшками обрамляли спокойное во сне лицо. Грязное платье из светлой однотонной ткани с вышивкой по подолу, длиной до колена. На ногах простенькая тканевая обувь на жесткой подошве.

Мальчик проснулся, хлопая сонными глазами. Затем, видимо вспомнив события накануне, резко сел и посмотрел на меня.

«Привет. Не бойся. Меня зовут Рита. А тебя?». Мальчик молчал. Неужели немой?

— Ты меня слышишь? Понимаешь? Он коротко махнул головой. Это хорошо.

— Нам нужно найти воду, иначе не протянем. Ты же местный, может знаешь, где здесь речка или озеро? — говорила я спокойным тихим голосом — А то у меня вон ещё питомцы есть — мотнув головой, указывая на живность. Мальчик с любопытством рассматривал животных

— Это кто? — спросил он наконец.

Я усмехнулась:

— Кто вот этот, не знаю — сказала я, указывая на Хилого — В селении говорили опасный, убить хотели. А этот, говорят, левир, вообще зверюга страшючая — улыбаясь во весь рот, указывала я на мелкого. Мальчик невольно улыбнулся. — Мамка его погибла. Здоровая была, жуть. А этот, маленький совсем, без шерсти. Погибнуть же мог без матери, да?

Он кивнул.

— Девочку как зовут?

В это время открыла глаза и прижалась к мальчику.

— Сестра это моя — сказал он, нахмурясь.

— Не похожи вы, ты чернявый, она беленькая — сказала я, сравнивая их.

— Мамка одна, отцы разные.

— Тогда понятно. Сестра и сестра. Звать то вас как?

— Я Маркел, она Неолина — ответил он.

Имена интересные у вас. А можно я буду звать тебя Марк, а её Лина? Мне так привычнее как-то.

Дети кивнули.

— Вот и ладненько. Я Маргарита, можно Рита. Это — Хилый. А у этого еще нет имени маленький или мелкий.

Лина несмело улыбнулась. Ух ты, у неё тоже ямочки на щёчках. Хоть и неприятно было напоминать детям о произошедшем, я все же спросила: «Кто это были?». Девочка заплакала, горько так, прикрыв лицо руками.

— Дикие это — сжал рот Марк — Никто не ожидал, наши разведчики ничего не сообщали. А может не успели» — тихо сказал он. Он мотнул головой в сторону сестры — Мамка хотела нас спрятать, так они же всем скопом ввалились, не убежать было. Успела тряпкой накрыть. Папка подскочил к мамке закрыть, его и закололи — крупные слезы

начали капать с его глаз — Она сзади стояла, одним ударом двоих убили — он сжал руки в кулаки.

Я подползла поближе и села между ними, и обняла. И что сказать не знаю. А не нужно ничего говорить. Страшное горе их постигло. Все что я могла — это быть рядом. Время шло, а мы так и сидели. Постепенно всхлипы утихли.

— У вас родственники есть? Мы же не можем здесь оставаться.

— Да. У папки родственник дальний есть. Только я не знаю, где он живет — сказала Лина.

— Давайте так. Мне нужно найти старосту. Там на месте и определимся. Детей же в беде не бросят, правда? — дети кивнули.

— Вам одним опасно. А вместе веселее. Да и мне не скучно, а то хожу с животными разговариваю — чуть улыбнулась я.

— Ну что, вперед? Дорогу покажешь?

Мальчик с сомнением ответил:

— Не уверен. Здесь-то ходил, а дальше нам не разрешали.

— Куда-нибудь все равно выйдем. Главное на неприятности не нарваться. Так! Люди, звери — в путь

Хилый крутился рядом. Мелкий уже проснулся и лежал на животе, вытянув голову на лапы. Как щенок, ей богу.

— Мелкий, ты подрос, пробуй ходить. Во-первых, ты уже тяжелый. Во-вторых, посмотри на свои когти — исцарапаешь меня, а может и ранишь. Что тогда делать будем? Давай-ка постой на лапках — говорила, поднимая его за пузо.

Он стоял на качающихся лапках, потом сделал шаг, потом еще один и тихонько потопал. «Ну вот и хорошо» — радовалась я.

Мы шли неспешным шагом, прислушиваясь к звукам. А я шла и думала: «Отряд нищих и обездоленных разросся. Мне придется нести за всех ответственность, как единственной взрослой. Конечно, хорошо, что дети остались живы. И животные живы. Но как же давит груз ответственности». Я встряхнула головой. «И не выдумывай, пожалуйста. Испугалась она. Мама Ева за всех несла ответственность. Вот и я справлюсь. Страшно? Да. А детям ещё страшнее. Они вообще такой ужас пережили».

— А тебе зачем староста? — спросил Марк.

Ну и что теперь говорить? Я пришла к вам из другого мира? Или сошла с ума. А может я сплю, и вы мне снитесь? Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. Здесь аккуратно как-то нужно разговаривать.

— Если честно, сама толком не понимаю, что произошло. Была совершенно в другом месте, а оказалась здесь. Нужно разобраться. И домой — нахмурилась я.

Лина шла рядом, прислушиваясь к нашему разговору и увидев, как нахмурилось моё лицо, спросила:

— По маме скучаешь, да?

— Нет у меня мамы, да и папы тоже нет — детские головы повернулись ко мне.

— Я выросла в детском доме. Приобрела друзей самых лучших, я вам потом расскажу. Маму нам заменила потрясающая женщина, мы зовём ее мама Ева.

— Разве можно чужую тётю маму называть? — Лина потрясённо остановилась. Её растерянные глазки хлопали в недоумении. Девочка, только что потерявшая родителей, не могла представить, что можно постороннего человека звать этим родным и ласковым

словом — мама.

— Можно, маленькая. Вот я вообще не помню своих родителей, но ведь маленьких детей должен кто-то любить, правда? И гладить по голове, когда ты плачешь, и плакать вместе с тобой. Держать за руку, когда ты заболеешь. И просто быть все время рядом, тогда чувствуешь, что ты не один на всем белом свете. И даже отругать, и отшлёпать, в конце концов — увидев удивленный взгляд детей, продолжила:

— Да, да, отшлепать. Ведь не просто так, значит волновалась. Могло случиться что-то ужасное. А если волновалась, значит, боялась тебя потерять. А когда боятся потерять — значит любят, да?

Дети кивнули головами, соглашаясь.

— Тебя шлепали? — спросил Марк.

Я, вспомнив, наши проделки, встряхнула головой и сказала с улыбкой: «Ух и попало один раз» — и протянула правую руку, показывая маленький шрам. Дети с любопытством разглядывали руку.

— Это откуда?

— Это мы в детстве братались. Ножиком режешь и прикладываешь к руке друга. Кровь как будто перемешивается и становишься братом и сестрой. Теперь у меня и брат и сестра есть — весело закончила я.

— Больно было? — спросил Марк заинтересованно, трогая шрам.

Я наклонилась к детям, сморщив нос: «Жопа горела» — потеряв место горения. Все рассмеялись. Вот и хорошо, первый барьер в наших отношениях пройден.

А детям есть о чем подумать. Скоро они обретут новую семью. Сложится ли у них? Им предстоит думать и делать свои первые осознанные выводы.

В наших желудках начало урчать. Что-то нужно срочно придумать. Вдруг Хилый остановился, вытянул шею и шумно вдохнул. Потом рванул в кусты. Мы насторожились. Хилый выскочил, рывкнул, мотнул головой, как будто зовя за собой и опять умотал. Мы с осторожностью последовали за ним. До меня донёлся запах свежести, мокрой травы и земли.

Озеро. Урааааа! Я схватила мелкого на руки, и мы рванули на берег. Вода было прозрачная и теплая. С наслаждением скинула свою обувь, погрузив уставшие ноги в воду. Срочно мыться. Хилый нырнул и вынырнул, отфыркиваясь.

— Марк, эту воду можно пить?

Он задумался и осмотрелся по сторонам:

— Один раз я здесь был. По-моему, на той стороне должен быть родник. Мы там пили.

— Значит идем туда и по дороге собираем дрова, ветки.

— Мелкий, да я тебя скоро и не подниму. Растешь не по дням, а по часам — ставя его на землю, сказала я.

Пока дети раздевались, достала спички и развела небольшой костерок. Нужно стирать вещи и сушить. Есть все равно нечего. Эх, сейчас пожарить бы что-нибудь да наесться до отвала. Я расплела волосы и с наслаждением помассировала корни волос, закрыв глаза от удовольствия. Хилый нырял возле берега, выныривая то тут, то там. Хорошо плавает. Я хмыкнула и копает, и ныряет. Тут Хилый подплыл к берегу и стал выбираться на него задом. «Что он делает?» — и открыла рот от удивления, смотря, как он упирался задними лапами, рывком перенося тяжесть тела на них. У него в пасти была большущая рыбина. Он вытащил её на берег и бросил возле моих ног.

— Это нам? Спаситель ты наш. Кормилец! — я так расчувствовалась, что бросилась к нему с единственной бабской целью- расцеловать. Он отскочил, подозрительно смотря на меня. Что это я, действительно. Дикая тварь из дикого леса, а я целоваться. Не собака, поди.

— Дети, живем — прокричала я, рассматривая рыбу. Здоровая голова с тремя глазами, на голове небольшой острый шип. Тело вытянутое, с черной крупной бугристой чешуёй. Глаза начали закрываться. Сначала тонкая пленка, затем ещё одна и ещё. Затем закрылось веко. Ух ты. А зачем у нее четыре века, спрашивается. Подбежали дети.

— Съедобная? — спросила я, тыкая в нее пальцем. Марк утвердительно кивнул. — Ребят, только я не знаю, как её готовить. Была бы дома — почистила и на сковородке, на масле подсолнечном пожарила. А здесь?

Марк кивнул и убежал в лес. Вернулся с крупными листьями в руках. Мы завернули в них рыбину и прикопали в костер.

— Раздевайсь! — приказала я весело и побежала к воде.

Блин. Не голой же мне при детях купаться. В сумке должна быть пижама. В кустах скинула грязные вещи, натянула пижаму, рванула к воде и нырнула. Господи, хорошо то как! Вода теплая, дно песчаное. Красота! Я оглянулась на детей- они плескались на берегу.

«Хилый, охраняй детей на всякий случай. А я сплаваю. И не делай вид, что не понимаешь меня!»

Я нырнула и поплыла под водой, открыв глаза. Возле самого дна вода была с зеленоватым отливом. Водоросли и трава. Рыбки разноцветные. И полосатые, и в крапинку. Ощущение, что плаваешь в большом аквариуме. Рыбки останавливались возле меня, с любопытством разглядывая. Хорошо-то как. Я перевернулась на спину морской звездой. Над водой осталась только небольшая часть лица. Вода скрыла все звуки, и я с удовольствием расслабила мышцы и несколько минут лежала в воде, смотря на небо. Наплававшись, достала из сумки зубную пасту и почистила зубы. Дети в изумлении смотрели на пену у меня изо рта.

— Что? А вы как чистите зубы? — Полоскаем отваром, потом травяную пасту на палец и чистим. — Это почти тоже самое.

Выдавила на пальцы пасту. Дети с осторожностью понюхали и начали чистить. «Вкусная» — сказала Лина.

Между тем, достала из сумки мыльницу с мылом. Намылила голову и сполоснула, ныряя в воду. «Лина, пойдем я тебя помою» — позвала девочку.

Вместо мочалки я сложила вместе несколько влажных салфеток, намывив их. Худенькая Лина морщилась от пены, попавшей в глаза, смешно фыркала и ныряла под воду. Отпустив ее на берег сохнуть, позвала Марка. Он покачал головой.

«Марк, копоть нужно смыть. Если стесняешься, то мойся сам, я только спину потру. Хорошо?». Он согласился.

За это время успела постирать детские вещи, и разложить их на траве. Марк позвал меня. Я взяла салфетки намылила их, повернулась к мальчику и застыла с поднятой рукой. На спине мальчика были белые рубцы от побоев. Один был ещё красного цвета- последний, значит. Получается, его били не один раз. «Кто это сделал?» — тихо спросила я.

Он молчал. Я осторожно начала мыть его спину, боясь причинить боль.

— Это папка мой — с берега сказала Лина — Нахлебник, говорит, ты ублюдочный. А что такое ублюдочный, Рита? Папка ругался на Марка все время, а мама плакала.

Марк молча сполоснулся и вышел на берег. Сел, подтянув ноги к подбородку, обхватив

их руками. Он долго молчал, прежде чем решил ответить:

— Своего папку я никогда не видел. Мамка никогда не рассказывала, где он и кто. Только раз обмолвилась, что ушла от него беременная, когда он с другой спутался. Жили тяжело, без мужской защиты может все случиться. Говорила, если меня не станет, ты погибнешь. Родни у нас нет. Вся родня погибла от рук Диких. Вот мамка и пошла за этого — мотнув головой в стороны девочки — Я бы убежал куда-нибудь, в столицу, например. Да мать жалко, любила меня очень. Там и сеструха народилась, помогать надо было. Терпел. — брови нахмурены и совсем недетский взгляд — Она одна теперь у меня осталась.

Как говорится, «без комментариев».

— Ну что, поедим? — сказала я, потирая руки.

Рыбу откопали и развернули. Аромат рыбы ударил в наши носы. Разломали вдоль хребта. Мы брали куски руками — мясо у рыбы было коричневого цвета, сочное и вкусное. Облизывали пальцы, слизывая рыбий жир, текущий по рукам. И костей совсем нет. Красота, да и только. Досталось и мелкому. Он жадно глотал куски, не пережевывая. Хилый поймал себе другую рыбку поменьше и кромсал ее на берегу. Мелкий, наевшись, пошел к Хилому проверять, чем можно еще поживиться. Принюхавшись, схватил сырую рыбу за хвост и потянул на себя. Хилый поднял лапу и ударил его по морде. Мелкий от неожиданности сел на попу и заскулил. Хилый подошел к нему и начал облизывать. Мы втроем наблюдали за ними с ленивыми улыбками. Животные носились по берегу друг за другом, догоняя и кувыркаясь, опрокидывая друг друга на землю.

Мы откинулись на траву, раскинув руки. Хорошо то как. Птички пели, солнышко светило и меня сморило. Проснулись ближе к вечеру. Костер прогорел. Детские вещи высохли. Вот, блин, свои то я так и не постирала. Теперь придется в пижаме ходить. Дети одевались, когда я заметила, что мелкого нет. Я начала озираться.

— Мелкий, мелкий — кричала я.

Его нигде не было. Я расстроилась до слез:

— Он же погибнет. Маленький совсем. Какая-нибудь тварюга сожрет его — причитала я, обходя близлежащую территорию, осматривая окрестности. Дети присоединились к поискам.

— Хилый, помоги найти мелкого, пожалуйста — позвала я. Он встал, потянулся всем телом и сладко зевнул. — Что такое? — от удивления я замерла на месте. — А ну ка иди сюда — позвала я его, приоткрыла пасть и заглянула. Два ряда острых зубов, смыкающихся друг в друга без единого зазора. Коренные зубы толстые и мощные, наверно кость играючи перекусывает. Да уж, с каждым днем всё чудесатее и чудесатее. Я взяла его морду в руки, посмотрела в глаза:

— Помоги найти Мелкого. Хилый ещё мгновение удерживал мой взгляд, затем вскочил и побежал в лес.

Мы продолжили поиски. Тут из леса послышался визг. Я побежала туда. Быстрее, нужно спасать. Дети бежали за мной. В траве показался Мелкий, которого, за загривок тащил Хилый. Он хватал его за холку и отрывистыми движениями толкал в нашу сторону. Мелкий протестовал от произвола и тормозил лапами о землю. Тогда Хилый отпустил его за загривок, оббежал Мелкого сзади и толкнул всем своим телом. Мелкий не ожидавший подвоха, кувыркнулся, взвизгнув. Я подбежала к ним. Морда у Мелкого была в крови. Я испугалась:

— Ранили! Где болит? — лихорадочно осматривая его морду. Ран не было. Тогда откуда кровь? Я смотрела на него в замешательстве, а тот довольно щурился, облизываясь. —

Мелкий, ты охотился, что ли? — я облегченно выдохнула. — Ты хоть предупреждай, я чуть с ума не сошла.

И как интересно ты хочешь, чтобы он предупреждал? Подойдет и скажет: «Рита, мол, я на охоту?». Что-то я совсем сдурела. Я обернулась, улыбаясь детям: «Все в порядке. Мелкий начал охотиться».

Мы гурьбой дошли до берега. Нужно еще свои вещи постирать, а то вечереет. Иначе завтра придётся в пижаме идти. Дети занялись костром. Я взяла свой спортивный костюм в руки и направилась к воде.

И только я хотела наклониться, как заметила мужчин в количестве пять человек. Они медленно приближались к нам, приглядываясь. Я судорожно натянула на себя грязный спортивный костюм, повернулась и довольно грубо крикнула:

— Чужие. Дети, ко мне. Хилый, бери Мелкого и ко мне.

Дети, увидев чужаков, отреагировали сразу. Лина спряталась за спину, схватив за полу кофты. Марк встал сбоку. Хилый демонстративно прошёл вперед нас и сел, не сводя глаз с мужиков. Мелкий же, не оценивая риск опасности, подошёл к Хилому и за компанию уселся рядом.

Толпа остановилась неподалёку, рассматривая нас, предоставляя возможность и нам присмотреться. Их главный стоял чуть впереди. Пожилой высокий мужчина с бородой и на одной ноге. «Пират, твою мать» — это было первое, что пришло в голову. Левая нога от колена заканчивалась деревянной культей. Он довольно ловко передвигался на ней. Наверно если бы она была прикрыта штаниной, то создавалось бы ощущение легкой хромоты.

Между тем «пират» ощупывал меня взглядом-вверх-вниз и обратно. Что-то стало жутковато. Не разжимая зубов, я процедила детям:

— Если что случится — бегите, не оборачиваясь и спрячьтесь. Ясно?

Между тем «пират» подошел к нам еще ближе.

— Откуда будете?

Я молча мотнула головой в сторону.

Он продолжать осмотр. Когда он перевел взгляд на животных, его брови взлетели в изумлении, затем нахмурились. Глаза прищурились, оставляя лишь маленькую щелку. Он математические задачи решает, что-ли?

— Кто такие? — довольно грубо спросил он.

— Ищем старосту.

Он хмыкнул:

— Ну, допустим, это я. Вы-то кто такие?

Я облегченно выдохнула. Значит, угрозы нет. Или есть? Он опять окинул меня взглядом:

— Ты, случаем, не залётная?

Хм, у нас-то обычно, залётными называют девиц в интересном положении.

— Вот и мне бы хотелось знать ответы на некоторые вопросы, сказали, вы разберётесь, залетная я или переброшенка.

— Эти откуда? — он мотнул головой в сторону животных.

— Из лесу, вестимо. Откуда же ещё. Они со мной. Если с ними нельзя к вам, то мы здесь останемся. Не брошу же я их. Конечно, они не пропадут, Хилый самостоятельный, Мелкий тоже вырос. Но как-то полюбила я их, привыкла. И эта идиотская необходимость о

ком-нибудь заботиться.

Он хмыкнул.

— А дети откуда?

— Тоже со мной. Их селение какие-то Дикие посетили. Дети остались сиротами. С ними тоже что-нибудь решать нужно, вроде родственники у них должны быть.

Он нахмурил брови:

— По дороге расскажешь. Пошли.

Повернулся и зашагал, за ним молча двинулись остальные. Я от неожиданности постояла несколько мгновений, затем схватив детей за руки и кликнув животных, бросилась их догонять.

По дороге, я коротко обрисовала историю с детьми. Дети рассказывали, уточняли детали. Он хмурил брови и угукал. Когда вошли в селение, он отдал короткий приказ. Собрался небольшой отряд и, получив поручение от старосты, отбыл в неизвестном мне направлении.

Староста обернулся ко мне:

— Сегодня утром должны были прийти люди с того селения, думал, что задерживаются. Пусть проверят, может ещё кто уцелел.

Нас провели в дом к старосте. Хозяйка невысокого роста, слегка полноватая женщина, с приятным улыбчивым лицом в конопушках и медно-рыжими волосами. Узнав о судьбе детей, заохала, запричитала и, обхватив их за плечи, повела в комнату.

А у меня была возможность оглядеться. Двухэтажный крепкий основательный дом из белого камня. Резные деревянные ставни закрывали оконные проемы.

Я попросила поселить нас всех в одну комнату, чтобы не беспокоить хозяев, да и мне так спокойнее. Животные будут тоже со мной, чтоб местных не пугать. Нам выделили комнату на первом этаже. Большая кровать, вполне уместившая бы троих взрослых людей. Господи. Неужели посплю по-человечески?

— Пошли на улицу. Там поговорим.

Мы вышли на улицу. Сели на импровизированные скамейки из распиленных пополам бревен. Бревна выложены квадратом, а посередине большая площадь для костра.

— Ну, рассказывай, откуда будешь?

Я вздохнула, потерла лоб.

— Сама не верю в то, что сейчас скажу. Ехала на поезде в отпуск и не понимаю, как здесь оказалась — развела я руками.

— Откуда?

— Так Россия, город Неверск! — с осторожностью ответила я. Конечно, с осторожностью, а то примут за умалишенную.

Он подался вперед, рассматривая моё лицо.

— Вон как, землячка значит.

Я замолчала, переваривая информацию.

— Землячка — это с планеты земля или...

Он кивнул головой:

— Я тоже оттуда.

Я смотрела на него, широко открыв глаза, в голове проносилось куча вопросов.

— Я из Забеловска.

У меня открылся рот от удивления. Это же 300 км от моего города. Я судорожно

сглотнула:

— Но как такое возможно?

Он пожал плечами

— Для начала давай познакомимся, землячка — и хлопнул меня по плечу.

— Я, значит, Игнат Петрович Залесский. Здесь зовут Гринат. Жена моя Люсетта — и шепотом — Люська, значит, по-нашему — широко улыбнулся он — Ругалась сначала, когда я её так называю, а потом привыкла»

— А я Маргарита Ивановна Майская.

— Годков тебе сколько?

— Тридцать четыре мне, Игнат Петрович.

На улице окончательно стемнело. К нам начали подтягиваться люди, занялись разведением костра.

— Игнат Петрович, можно нам с детьми одежду организовать?

Он кивнул головой:

— Сделаем сейчас — он потрогал ткань моего костюма. — Люська — крикнул он — Найди чего одеть девке. Землячка это моя, не обижать.

— Сам ты, Люська! — Люсетта вышла из дома, вытирая руки о передник — Её обидишь, пожалуй. С такой охраной пришла — с теплотой в голосе сказала она — Пойдем, милая, подберём что-нибудь.

— Где дети?

— Так спят уже, помылись, наелись и уснули, обнявшись — Бедные детки, вот уже горе — говорила она, копаясь в шкафу — Ну ничего, отряд столичный вызван. Разберутся, поди с Дикими.

Вытащив длинное платье и тонкую сорочку, протянула мне:

— От дочки осталось, должно подойти. Иди, сполоснись, переоденься и выходи. Гринат мой без разговоров тебя не отпустит.

В небольшой комнате стояла деревянная лохань, наполненная водой, от которой шёл пар. С наслаждением окунувшись в воду, откинула голову на край лохани и закрыла глаза. Как мало, оказывается, человеку нужно для счастья.

Игнат Петрович Залесский. Где я слышала эту фамилию? Наверно у кого — то из знакомых такая. Чего удивляться? В России целые города однофамильцев. И взялась мыться.

Вместо мочалки пучок высушенной травы с широкими листьями. Ух ты, шкуру так дерёт, что и мочалки не нужно. Быстро помылась, надела платье. Это я так похудела? Ну да, на подножном корме хочешь- не хочешь, осунешься. Слегка обсушила волосы тканью, оставив их досыхать на свежем воздухе, и вышла на улицу.

Там, на костре уже готовили еду, крупные куски мяса были насажены на вертела. Я сглотнула. Одурающий запах готовящегося мяса с травами, разбудил желудок, он ответил голодным урчанием. Мои животные сидели неподалёку от костра и неотрывным взглядом смотрели на готовящееся мясо. Я подошла к ним и потрепала по голове.

— Игнат Петрович, мне сказали, что это левир. Верно?

Он мотнул головой.

— А это тогда кто? — указав на Хилого.

— Кабар. Тоже опасное животное, хочу тебе сказать. Где взяла?

— Это длинная история. Давай по порядку. Очнулась, значит, на поляне. Ничего понять не могу. Я же думала я дома. Жук поклонился, значит, ну думаю совсем крыша поехала.

Игнат смеялся, кивая головой:

— Это харид. Я тоже вначале так подумал. Всё, думаю, допился.

— Ага. Потом значит, лес странный. Деревья гладкие, но, когда он птичку схомячил, у меня волосы дыбом встали.

— Это лес последнего пути.

Я приподняла брови.

— Здесь же не так, как у нас дома. Мы, люди, считаем себя хозяевами земли. Нещадно вырубали леса и убивали ради забавы животных. Сколько живности извели, а? Целые виды уничтожили, так?

Я кивнула головой.

— А как спохватились, было уже поздно. Книгу Красную придумали, стали восстанавливать. Только некоторых и не восстановишь уже. Дети только на картинках и видали. А как восстанавливать-то? Леса вон веками стоят. Сажают и рубят, сажают и рубят — он сторяча махнул рукой — Здесь в Ваарии, мы гости. Если живность охотишь, то только на еду. Раз возьмёшь больше, другой — накажут, ни одно животное не позволят взять. С уважением нужно к природе. Она появилась раньше нас.

— Кто не позволит?

— Хранительница. Кто же ещё?

— А это кто?

Он махнул рукой:

— Это отдельный разговор. За один вечер не наговоримся. И места, значит, тут разные есть. Лес Последнего пути исполняет функцию утилизатора, уборщика. Падаль там если или человек в лесу погибнет. А дикие животные все знают и умирать туда уходят.

Я внимательно слушала Игната Петровича.

— Есть лес, в котором можно брать дрова, деревья на строительство, ягоду собирать. Здесь и селения построены возле таких лесов. Опять же с разрешения духов леса.

— Духов? — я хлопала глазами, не веря в сказанное.

— Ага — кивнул он головой.

— Я пока разобрался, что к чему, сам чуть умом не тронулся.

— А есть Лес Хранительницы. Ваарцы туда не ходят и для чего он, мы не знаем. Были пару смельчаков, говорят, но они не вернулись. Туда даже звери не заходят.

К костру постепенно подтянулся местный народ, рассаживались, где есть места, прислушиваясь к разговору. Люсетта села рядом с Игнатом, он приобнял её за плечо, и та примостилась у него под мышкой.

Мясо снимали с вертелов, нарезали крупными кусками, разложили в деревянные подносы. На большую лепешку клали ароматный сочный кусок дымящегося мяса и раздавали.

Я с наслаждением погрузила зубы в сочное мясо и откусила вместе с хрустящей лепешкой. Жевала, закрыв глаза. Вкусотища.

Животным бросили крупные мослы. Хилый оттянул крупную кость в сторонку, уселся поудобнее, открыл пасть и с хрустом откусил большой кусок. Я так и замерла с открытым ртом.

Игнат обернулся на меня:

— Этот как у тебя оказался?

— Сначала левир оказался. Сутки в одном месте ходила, как-будто кто кругами водил.

Разревелась, слышу, кто-то подвывает мне. Попёрлась в лес, а там две туши огромные. Одна уже сдохла, вторая ещё живая оказалась. А под пузом у неё этот. Маленький, пищит, подвывает, лысый совсем. Я же ветеринар по профессии, не смогла пройти мимо. Как дура подошла к ней, говорю так и так мол, погибнет твой маленький без тебя, давай возьму и попробую спасти. Она меня лизнула и умерла.

— А откуда ты знала, что объяснить ей всё нужно? — Игнат прищурился.

— Ничего я не знала. Дома всегда же с животными разговаривала. Это некоторые люди считают, что животные глупые. Все они понимают и чувствуют.

— Ага. Стало быть, повезло тебе, что она тебе дитё своё отдала. Если бы не одобрила, он бы вырос и уничтожил тебя.

Я в испуге замерла.

— Как же так-то? Я его на себе столько несла, а он бы убил?

Игнат кивнул:

— Нет ни одного случая, чтоб левирь с людьми жили. Не слышал.

Окружающие покачали головами.

— Легенды гласят, что Хранительница создала левиров как домашнего питомца для своего рода. И как охрану. Потому они к ваарцам в руки не даются.

— А кабар как попал?

— Хилый? Это когда мы с Мелким остановились в селении переночевать. В угол его загнали раненого, убить хотели.

— Вот недоумки. Ну посмотрим, что будет — усмехнулся Игнат Петрович.

— Это тоже создание Хранительницы. Разведка, так сказать. Как гончие они рыскают по всей Ваарии и ничего нельзя от них утаить. Даже поручения её выполняют.

Игнат Петрович поднял руки вверх:

— Но это предания. Остальное нам неизвестно. Да, братцы? — обернулся к Люсе и чмокнул в макушку. Люся кивнула и зевнула.

— А и правда, у меня уже тоже глаза слипаются.

Игнат хлопнул руками по коленям:

— Спать. Завтра новый день, вот тогда и поговорим.

Еле переставляя ноги, дошла до комнаты и открыла дверь. Какая-то мысль билась в голове, но от усталости ничего не могла сообразить. Дети спали. Животные прошли в комнату и расположились на полу. Я стянула платье и бухнулась в кровать. Кажется, едва голова коснулась постели, я уснула. И уже проваливаясь в сон, мне показалось, что кто-то засмеялся.

Просыпаться не хотелось. Постель мягкая, чистая и еле уловимо пахнет травами. Хорошо то как- никто не зырит, никого не убивают.

— Фу, что за запах? — поморщившись, открыла глаза и испугалась. Мелкий стоял с открытой пастью, вывалив язык, и смотрел на меня.

— Мелкий, ты зубы бы почистил, честное слово. Или не дыши на меня, задохнусь ведь — протянула руку и почесала за ушком.

Он довольно уркнул. И, кстати, как он достал до кровати? Я перегнулась и посмотрела на него.

— Опять вырос? Вырастешь и уйдешь, да? А я уже полюбила тебя. И совсем уже не

мелкий, а всё без имени. Ты пока не уходи, ладно? — говорила я, обняв его за шею. Он отстранился, посмотрел в глаза, уркнул и пошёл к двери. Остановился и оглянулся на меня.

— А, тебе дверь открыть нужно? Сейчас открою.

Хотела встать, но ногам что-то мешало. Что такое? Там лежал Хилый, развалившись на спине, оставив незащищённым своё пузо. Задние лапы во сне подёргивались, а нос слегка морщился. Я покачала головой:

— Наглый ты, Хилый. Чего развалился? На полу место закончилось?

Он открыл глаза, сладко зевнул и потянулся, вытянув лапы.

— Вроде дикое животное, а на кровати спишь, будто всю жизнь на ней провел — покачала я головой, улыбаясь.

— Кстати — я схватила его и подтянула к себе.

Он начал сопротивляться

— Спасибо тебе, что помогал. И ночью и на озере. И никакой ты не Хилый. Нарекать тебя Хилом. Согласен?

Он мотнул головой.

— Ну вот, я же говорила, что ты все понимаешь — обрадовалась я. Взяла его морду и посмотрела в глаза:

— Ты тоже пока не уходи, пожалуйста, ладно? Если соберешься, то немножко попозже. Мне твоя помощь очень-очень необходима. Нам наверно придется в столицу идти.

Потеряв терпение, возле двери фыркнул Мелкий.

— Иду, иду — вставая с кровати — Ты только не пугай там никого, выгонят на фиг. Что делать будем? И охотиться только в лесу!

В это время проснулись дети. Мы умылись и вышли на улицу.

Люсетта приветственно махнула нам рукой:

— Гринат занят пока.

И чем теперь заняться?

— Люсетта, давайте мы вам поможем. Не хочется быть нахлебниками.

Мы с Линой мели двор, помогали готовить обед. А потом пошли прогуляться по селению. Добротные крепкие дома из бревен, обработанные смолой какого-то дерева. Улицы вымощены камнем, наверно с реки натаскали.

Местные сначала внимательно присматривались к нам. Слухи, видать, быстро расходятся, что мы с Игнатом одного роду племени. Если он здесь пригодился, знать и от меня проблем не будет. К детям проявляли сочувствие, новость, что соседское селение подверглось нападению Диких тоже быстро разлетелась.

К нам присоединилась детвора из особо любопытных. Вот и хорошо, детям компания будет. Я тем временем осматривалась.

Деревья и кусты, росшие вдоль тропинок и дорог, я обследовала особенно тщательно. Наверняка ведь съедобные, правда? Не будут же они у себя под боком, когда столько детей, сажать всякую гадость.

Вот этот крупный коричневый плод с мягкой бархатной кожицей был похож на финик, я сорвала его и с осторожностью надкусила его. Ааааа, блин, во рту всё «связало». Терпкий, чуть горьковатый сок мгновенно заполнил мой рот, слюни стали густые и тягучие. Я попыталась выплюнуть кусок фрукта и его сока, но слюни тянулись, как нити.

Марк громко засмеялся, увидев мою гримасу.

— Это съедобное, хотя бы? — спросила я, вытирая рот.

Он радостно кивнул. Тут же повернулся к низкому кустарнику, сорвал малюсенький фиолетовый фрукт и подал мне. Я осторожно взяла его в руку, рассматривая. Поднесла ко рту и надкусила. Блин. Кислый. Рот моментально наполнился слюной и моё лицо перекосило. Дети громко засмеялись. Смешно им.

Лина подошла и сказала, дотронувшись до моей руки:

— Их так не нужно есть. Мама их клала как приправу. Пойдем, я покажу, Рита.

И повела меня в другую сторону. Сорвала плоский зеленый фрукт и протянула мне. Я понюхала, ничем не пахнет вроде. Разломала и ощутила аромат свежих трав, свежесть ручьев, и какой-то еле уловимый незнакомый мне запах. Откусила и закрыла глаза от блаженства. Крупинки фрукта лопались на языке, заполняя рот сладостью и разнообразными вкусами. Вот чуть кислый вкус смешался со сладким мятным, сдобряя его привкусом ванили. Как вкусно! Я почмокала от удовольствия с закрытыми глазами, откусила еще и услышала детский смех.

Открыла глаза. Дети смеялись над моей реакцией. Лина улыбалась:

— Понравилось?

— Очень! — выдохнула я.

После возвращения с познавательной прогулки, мы пообедали и занялись небольшим огородом за домом. Люсетта открыла небольшую заслонку, и вода потекла тонкой струйкой в огород, поливая растения.

— Это Гринат надумал. Раньше в посуде таскали, поливали. Он покумекал, что-то придумал и от речки провёл воду. Копал что-то, стволы выдалбливал, вкапывал и опять закапывал — с довольным лицом Люсетта махнула рукой — Рукастый он у меня.

Растения были не знакомы мне. Вот куст с синими бархатными листьями, на кончиках еле заметный пушок. Я потерла листочек между пальцев и вдохнула запах. Приятный слегка мятный запах. Я закрыла глаза, вдыхая ещё раз, пытаюсь найти ассоциации. Я бы сказала, мята с базиликом. Вот раскидистый куст с высоким толстым стволом, от ствола шли крупные толстые ветки с круглыми мясистыми зелеными листьями, на ощупь очень твердые. Но стоило мне чуть надавить, листок лопнул и на моих пальцах оказалась белая перламутровая жидкость. Я поднесла пальцы к лицу и понюхала и закрыла глаза. И почувствовала запах моря, соленого моря. Да-да. Даже вода пахнет по-разному. Ручей пахнет свежестью, полевыми или лесными травами, у озера запах свежий от ветра, но чуть прелый от стоялой воды, камыша и мокрой травы. А море пахнет нагретыми от солнца камнями, водорослями и йодом. Еще чуть-чуть и я услышу крик чайки, пролетающей над головой. Открыла глаза, прогоняя наваждение.

Надо же, как интересно. «А мне здесь нравится» — решила я. Столько необычного и незнакомого мне еще предстоит узнать.

Быстрее бы Игнат Петрович освободился, столько вопросов ещё нужно обсудить.

Мы сидели с детьми на улице. Я расчесала Лине волосы, начала заплетать французскую косичку.

Люсетта заинтересовано наблюдала:

— Ух, ты! Заплетешь племяшке моей? У неё сегодня день рождения.

— Конечно — пожала я плечами.

Хоть чем-то себя занять. Нужно ещё постирать свой костюм. А ещё я бы съела конфету, сладенькую с крепким орешком внутри. Шоколад медленно растворяется на языке, перекатывающим орешек. А уж потом с хрустом разгрызть твердый орешек с характерным

жареным вкусом. Сглотнула слюну.

— Люсетта, а конфет нет у вас? — с надеждой спросила у нее

— А что это такое?

— Сладость такая в шоколаде. Бывают начинки разные, орешки или сливочная паста — с надеждой объяснила я.

— Нет. Фрукты вон сушим или подвяливаем на солнце, они сладенькие, печем на праздники пряники всякие.

— В начале Гринат тоже все просил что-то. Карамелу какую-то. А потом привык к нашей пище — смеялась она.

Дома как-то не замечаешь всей прелести цивилизации — думала я. Захотел сладкого, пошёл в магазин и купил. Вот тебе отечественное, вот заграничное подороже. Если и это не устраивает — заказываешь. Как говорится — любой каприз за ваши деньги. Кстати, здесь деньги есть? Посмотреть хоть на них.

Вернулась Люсетта с толпой девочек. Они заинтересовано разглядывали косичку на голове Лины. Поднимали ко мне свои личики и просительно смотрели в глаза. Я махнула головой:

— Заплету всех.

Нарвали цветных полосок, вместо бантов и я принялась за дело. Одной слева направо, другой справа налево, этой вообще две. И пошло дело, дети щебечут, я от мыслей всяких плохих отвлекаюсь.

— А сказки знаете?

— Сказы у нас есть. Предания всякие — загалдела детвора.

— Сказки — это выдуманные сказочные персонажи. Расскажу тогда, про Колобка.

И полилась сказка. Дети и взрослые с интересом слушали сказку моего мира. И только закончился мой сказ, вернулся отряд.

Позвали Игната Петровича. Он пришел запыханный с взлохмаченными волосами и закатанными рукавами по локоть. Мне позволили присоединиться к разговору.

Начальник отряда подтвердил наши слова о нападении Диких. Он рассказывал, качая головой скорбно склоня голову:

— Целое селение уничтожили, сволочи. Я столько трупов в одном месте не видел. Наверное, нет смысла там восстанавливать жильё, Гринат?

— Ты прав. Место, конечно, хорошее. Но пока сила Хранительницы не вернётся, нет смысла людьми рисковать.

— С угнанными что будет? Неужто пропадут ни за что?

Игнат Петрович покачал головой, вздохнув и сцепив руки перед собой:

— Не знаю. Сами мы не справимся, нужно отряд столичный дожждаться. Совсем озверели Дикие, скорей бы наследница объявилась, иначе совсем туго нам придётся.

— В остальных селениях все спокойно?

Хмыкнув кривой улыбкой, начальник отряда сказал:

— Так-то Хранительница уберегла. Но в одном селении странное что-то произошло. На небе светит солнце, а над ними туча чёрная, залила все. Потоп у них, в общем. Старший матерится, говорит девка проклятье с собой принесла. Что за девка, спрашиваю? С виду приличная, говорят, с левиром пришла. Во врут, да? А тут, говорят, кабар влез. Девка мол всех забрала и ушла. А тут наказание такое. Придумают же такое! — хмыкнул он.

Игнат Петрович широко улыбнулся, посмотрев на меня:

— Кликни своих. Пусть глянут.

Я привсталала и крикнула:

— Хил, Мелкий. Идите ко мне.

Я оглядывалась, пытаюсь угадать с какой стороны они придут. Хил показался со стороны леса и неспешной походкой, глазами контролируя ситуацию, шёл в мою сторону. Мелкий выскочил из-за угла дома и с детской щенячьей беспечностью мчался на всех лапах, открыв пасть и вывалив язык. Картина, конечно, жутковатая для посторонних лиц. Создавалось впечатление, что он срочно мчится кого-то сожрать. Мелкий, практически добежав до меня, начал тормозить лапами, зацепился задней и кувыркнулся, задев деревянную культу Игната Петровича, и приземлился на зад, широко выставив передние лапы.

Игнат Петрович, не удержавшись на одной ноге, как подкошенный свалился на спину. А уж матерился как, любо-дорого послушать. Как будто дома оказалась на рынке в воскресный день.

Я улыбалась, смотря на всю картину: отряд мужиков с открытыми ртами и круглыми глазами, Игната Петровича на четвереньках и моих подопечных, крутивших головами с умильными мордами.

— А что? Мы ничего — словно говорили их морды.

Звери подошли ко мне и встали с двух сторон. Я потрепала их по холке. Мелкий ростом доставал до моих колен. Быстро растёт что-то. Ну а что я хотела? В дикой природе нужно все делать быстро. Вон, у оленей- родился и пошел за мамкой, иначе не выжить.

— Так это ты в селении была? — командир окинул взглядом моих зверей.

Я кивнула головой:

— Я. И никого я не проклинала. Тихо- мирно забрала, да ушла — обиженно сказала я.

Игнат Петрович наконец-то встал на ноги, бормоча:

— Ага, тихо-мирно. Одного спасла, другого, и в пекло полезла. Тихо-мирно она ходит.

Потом громогласно засмеялся, хлопнув меня по плечу:

— Молодец, землячка. Знай наших — тряхнув кулаком в воздухе.

— Нравишься ты мне! Давайте, братцы, отдыхайте, мойтесь и к нам трапезничать.

Время было послеобеденное, я отправила детей отдохнуть, а сама решила прогуляться с животными. Они радостно бежали рядом. Дойдя до озера, посмотрела по сторонам, разделась и окунулась в теплую водицу, приговаривая:

— Вода, водица, земли сестрица. Смой все мои печали и страхи.

Это нас с детства мама Ева научила. Говорила, если что плохое случилось — печаль или болезнь, сразу в воду. И ведь помогает, честное слово.

— Вода-водица, земли сестрица дай мне моё здоровье и силы пройти этот путь.

Полежала на спине, раскинув руки. Хорошо-то как. Вышла из воды, оделась, окликнула животных. Посидели ещё немножко на берегу и двинулись в обратный путь. Я неспешно шла, разглядывая природу. Тихо и чисто. Тут я увидела на одном дереве очень знакомый силуэт, похожий на пчелиный улей. Конечно, очень большой, но это значит там много мёда. Я прямо почувствовала этот ароматный вкус во рту.

— Стойте-ка ребятки. Там мёд должен быть. Как проверить? Слезить и посмотреть. Да?

Они стояли и смотрели на меня.

Я подоткнула подол платья, открыв ноги и схватившись за нижний сук, полезла вверх. Ещё ветка, ещё. Добравшись до места, рассмотрела это чудо природы. Размером с большущее

ведро, с неровной пористой поверхностью темно-коричневого цвета.

Было тихо, никто не жужжал. Может он пустой и там, вообще никого нет. Аккуратно постучав пальцем, прислушалась.

Тихо. Приобняв руками, приподняла, проверяя его вес. Тяжелый. А если там вообще не мёд, а я тут, как дура по деревьям лазаю. Эх, где наша не пропадала?

И крепко обхватив руками, принялась откручивать. Может вместе с веткой её отодрать? А там разберусь, поди, что там такое. Я пыхтела, прижавшись щекой к улью, закрыв глаза, сосредоточившись на деле. Вроде получается. Открыла глаза и икнула. Прямо на меня из небольшого отверстия смотрел круглый глаз. Я замерла. Дальше что делать? Не убежишь с дерева то. Так и сидели вместе с глазом, замерев на месте. В это время ветка надломилась и это чудо природы оказалось у меня в руках. В нем нарастал гул. Становилось страшно. Селение далеко, а звери внизу начали беспокоиться. Быстро вниз!

Я, одной рукой цепляясь за ветки, начала спуск, второй рукой едва удерживая свою добычу. Если бросить, то она разобьется и эти гады оттуда повывлетают. А так аккуратно допру и поставлю на землю. И убегу, конечно. Вот вечно я куда-нибудь влезу. Едва я поставила ногу на нижнюю ветку, та с хрустом отломилась, и я рухнула вниз, выпуская из рук добычу. Улей приложился о землю, не разбившись, и из него с рассерженным жужжанием начали вылетать полосатые монстры, размером с яблоко. Они летали как пули вокруг нас, пытаясь ужалить.

Я начала отмахиваться руками. Одна тварюга укусила меня за руку. Ах так! Тогда фиг вам ваш домик. Я схватила улей и рванула к воде. Все равно покусуют, так хоть мёд останется. Если только он там есть, этот мёд. Мои звери бежали за мной, на лету ловя полосатых монстриков. Хил всеми лапами отталкивался от земли, взлетал, намечая цель, в воздухе меняя траекторию полета. Он схватывал их и одним резким движением перекусывал пополам. Мелкий воевал с ними с земли. Его уже укусили в левый глаз, который уже начал «заплывать». Хила цапнули за нос.

Одна пчела изловчилась и впилась мне в правую щеку. Руки-то заняты, так хоть лицо прикрыть бы. Я взвыла, больно-то как. Другая гадина подлетела слева и впилась в верхнюю губу. Отодрав её, швырнула рукой подальше. Хил подхватил и перекусил.

В это время, подбегая к воде, с разбегу рухнула в воду вместе с добычей. Звери бултыхнулись со мной. Вода прозрачная и теплая. Задержав дыхание и открыв глаза, смотрела на пчёл из воды. Большие жала с двойным концом торчали из голов, а не из брюшек, как у наших пчёл. Они кружили над водой, высматривая нас. Кислород в легких заканчивался. Оттолкнувшись ногами от дна, резким движением выскочила над водой, вдохнула и ушла обратно под воду. Животные спокойно плавали под водой. Мелкий поплыл за маленькой рыбкой, все время поглядывая на меня.

Я выныривала ещё несколько раз, прежде чем они улетели.

Мы вышли из воды, оглянулись и быстренько пошли в селение. У Хила опух нос и стал размером с картофелину, у Мелкого закрылся один глаз.

Представляю, что у меня. Чувствовала, что опухает правая щека, закрывая глаз. Губы тоже начали опухать и неметь.

Так мы и вошли в селение — я мокрая, опухшая, с крепко прижатой добычей в руках.

У Игната Петровича уже собрался народ, горел костёр. Люди сидели и вели неспешные разговоры. Я постаралась тихонько по краю пройти в дом. Игнат Петрович заметил меня и окликнул. Я замерла спиной к нему. Что делать? Не убежишь ведь, и медленно обернулась.

Игнат Петрович замер, разглядывая нашу живописную компанию, брови медленно ползли вверх. Рот медленно расплылся в улыбке и раздался оглушительный хохот.

Короче говоря, ржали все. Вот гады. Хватались за животы, сгибаясь пополам. Люди, услышав шум, выскакивали из домов и подхватывали истерику.

Игнат Петрович смеялся, потряхивая головой, и утирал слёзы рукавом, постанывая и держась за живот. На очередном вдохе он не удержался на бревне и свалился с бревна на спину, выставив свою культу.

Дети и Люсетта выбежали из дома с встревоженными лицами, а потом присоединились к всеобщему веселью.

А мы так и стояли застывшими скульптурами, смотря на веселье. Вот даже обидеться на них не могу. Я стояла, наблюдая за ними, улыбаясь опухшими губами.

Марк смеялся от души, сгибаясь пополам, прихлопывая ладонями о колени. Лина мелко тряслась от хохота, её косичка мелко подрагивала на голове. На щёчках красовались ямочки. В глазах детей горели веселые искорки.

Я даже залюбовалась ими.

Люсетта смеялась тихо, прикрыв рот руками. Из её зажмуренных глаз текли слезы.

— Ну и фто вы рфете? — пора уже заканчивать эту истерику — Я мофно сказать, ф нерафном бою, выдрала из лап монстоф — ставя добычу на землю — Фетрофич, а там фообфе мёд?

— Оооой, не могу, помру щас братцы — взвыл Игнат Петрович, опять опрокидываясь на спину — Не знаешь, что там и полезла? — он утирал глаза, громко всхлипывая и постанывая.

Наконец, массовая истерика стихла. Люсетта осмотрела наши укусы. Оказывается, из мест укуса торчали обломки жал и их нужно удалить.

Заварила траву, чтобы убрать онемение. Я, отхлёбывая маленькими глотками отвар, осматривала животных. Вытащив жала, приложила к мордам животных холодные тряпки. Они недовольно морщились, но терпеливо терпели процедуру.

В это время Игнат Петрович большим ножом срезал верхушку улья и моему взору предстала чарующая для моего желудка картина. Аромат сотни цветов и трав распространился на всю поляну. Желтый ароматный мёд притягивал мой взгляд, и я сглотнула в предвкушении. Люди подходили с деревянными ложками, черпали желтую густую массу.

Игнат Петрович сидел, зажмурившись, держа ложку во рту, смакуя вкус. Потом достал ложку изо рта, причмокивая:

— Как в детстве. У деда пасека была. Я здесь часто вспоминал вкус дедова мёда.

Я ж этих тварей поначалу хотел приручить, да куда там. Не даются, падлюки. И не каждый возьмет мёд у них. Местные зовут его нектаром. Вот уважила, так уважила Рита. Как смогла то?

А я что? Я ничего. Рассказала, как было.

— Ага. Такая прям вся невинная. Собрала возле себя преступную группировку, понимаешь — со смехом сказал он — Молодец, землячка. Знай наших — потрясая кулаком — Видели, какие девки у нас на земле русской живут, братцы? — хлопнув меня по плечу.

Мужики загалдели. Еще, мол, пару таких и конец света обеспечен.

— Игнат Петрович, вы мне плечо все отобьёте, честное слово — сказала я, потирая плечо.

— Что ты как неродная, Игнат зови или Петрович по нашей традиции.

— Игнат, если можно.

Тот утвердительно кивнул.

И по традиции был разведен огонь, готовилась еда. Теперь над костром повесили большой котёл и Люсетта с женщинами чистили, резали, забрасывали продукты. Не сидеть же мне. Попросила у Люсетты показать вяленые фрукты. Выбирала вдумчиво, откусывая по кусочку от каждого и откладывала в миску. Вынесла фрукты к костру и начала нарезать, Лина помогала.

— Попробуем с тобой конфет сделать Лина.

Мы сели рядом с Игнатом.

— Игнат, ты сам-то как сюда попал? Еще и старшим? — спросила я.

Он вздохнул, взлохматив волосы:

— Понимаешь, я же учёный. Ага. Работал в научно-исследовательском институте, исследованиями занимался. Все вроде нормально. И жена была, и ребёнок. Жили не тужили. Тут перестройка. Страна начала разваливаться. Денег почему-то не стало, закрывались лаборатории и институты. Началась безработица. Мы ещё продержались за счёт своих открытий — за границу что-то продавали, а потом и до нашего института очередь дошла. Сколько учёных из страны за границу уехало — качал он головой — Кто похуже торговлей занялся, челночничать стали. Купи-продай. Кто-то в сторожа подался. В общем, выживали, кто как мог. А я не смог, гордый. Работы не было, семью кормить нужно было. Жена сначала молчала, на двух работах корячилась. В общем, выпивать я стал. Сначала чуть, потом больше. Она терпела, потом выгнала. Ну и покатился я по наклонной — он усмехнулся.

— Дни проходили в угаре. Как дочь живёт, не интересовался. Сколько времени прошло, не знаю. Очнулся в больнице, без ноги — постучал по деревяшке Игнат.

— Говорят, прямо на железнодорожных путях пьяный уснул. Пока в больнице был, наливать некому было, очухался немножко. Там мне деревяшку и приладили. Из больницы вышел, пошел семью навестить. Дочь большая уже, красивая. Дверь открыла и не узнала меня. Иди, говорит, мам, какой-то мужик пришёл. Жена на порог не пустила. Глаза круглые, ты же, говорит, без вести пропал. Мы тебя уже и отпеть успели. Оказывается, три года прошло, Рита. И не помню ничего толком — он медленно потёр лицо ладонью.

— Да и как тут упомнить? Утром проснулся, пошёл выпивон добывать, напился — вот и день прошёл. Жена уже замуж вышла. Не тревожь, говорит нас. Дочери жизнь не порть, каково ей жить будет, ежели отец бомж.

— В общем, по новой запил. Тоска такая черная окрутила меня. Думал, никому не нужен, так зачем жить? Вот и напивался вусмерть — он тяжело вздохнул.

Воспоминания давались ему нелегко.

— Очнулся когда здесь, думал, всё, допился до чёртиков — улыбнулся Игнат.

— Потом решил, что помер, слава богу. Прямо облегчение испытал. Потом осмотрелся. Дошел до селения, там по домам ходил, жить же нужно где-то. Там и Люся пригрела. Вдовая она к тому времени была. Ну, я расслабился, понимаешь, отмечу, думаю по русской традиции своё воскрешение. Так Люська быстро меня в чувство привела. Взяла дубину и так отходила, три дня лежал. Она плачет, говорит, думала, на старость ей Хранительница хорошего мужа прислала. Чтоб вместе пройти этот путь в уважении и согласии. И уйти вместе.

— Я пока отлеживался, в себя прям пришел. Мне второй шанс, можно сказать дали, а я его просрать хочу. Нет, думаю, другой шанс навряд ли придётся. Ну и взялся за ум. А ум-то учёный, понимаешь, вот и начал здесь немножко кумекать. То там улущу, то здесь придумаю. Что знаю хорошего, здесь реализую.

— Время шло. Местные смотрят, серьёзный вроде, не пьющий, и относятся стали с почтением. Там и должность предложили — смеялся Игнат.

— А я и согласился. Чтоб, значит, времени меньше было на всякие глупости. Я сначала думал наказание это для меня, за жизнь мою непутёвую. А нет Рита, награда это. Награда! Может и не такой уж я плохой человек, а? Ежели, наградили меня таким царским подарком? — сказал он, заглядывая мне в глаза с надеждой.

Вот, казалось бы, всё для себя он уже решил, но поддержка все-таки необходима. Я кивнула головой:

— Хороший Игнат. Я сердцем чувствую. Награду ты получил. Понять бы ещё- меня за что сюда? Тоже наградили или наказали? Разобраться нужно.

— Разберешься. Но просто так ничего здесь не делается. У тебя родные то остались там? Семья?

Я покачала головой:

— Детдомовская я. Из родни никого. Друзья только. А семьёй так и не обзавелась. И сколько ты здесь, Игнат?

— Не знаю. Здесь время по-другому идет. Я сначала пытался считать, а потом плюнул. Да и зачем? Вот спроси, сколько здесь живут?

— Сколько?»

Он улыбнулся:

— Двести Рита. Двести лет — он поднял указательный палец вверх — И это в среднем.

Я от удивления рот открыла. — Как такое возможно?

Игнат довольно кивнул головой:

— Возможно. Так что, это там дома ты женщина бальзаковского возраста. Здесь ты совсем молоденькая девка на выданье — со смехом закончил он.

— Скоро сваты попрут. Выбирай себе на здоровье.

Ну не фиги ж себе. Двести лет. Нет, ну так то, если порассуждать, то дома и экология, и загазованность, и химическое оружие, и катастрофы опять же.

— Игнат, а обратно можно как-то?

— Можно, наверное. Тут одну с попутным ветром принесло много лет назад, визжала всю дорогу до столицы, как поросёнок резаный. Сопровождающие чуть не оглохли. Что уж она там, в столице устроила, не знаю. Но говорят, турнули пинком под зад отсюда — со смехом закончил он.

— Представь, что она дома рассказывала? Что была в другом мире — смеялась я.

— В психушку загремела наверно — подхватил Игнат.

Ох, как много о чём мне есть подумать. И опять какая-то далёкая мысль, будто хочешь вспомнить что-то, да не можешь.

Мы с Линой в это время закончили нарезать вяленые фрукты.

— Теперь смешиваем с мёдом и катаем шарики, потом раскладываем на доски — Лина кивнула головой.

Мы с Люсеттой пошли в холодильник ставить сладости.

— Люсетта, можно я вас как Игнат, Люсей звать буду? Мне ваши имена трудно

запоминаются.

— Зови Рита. Гринат приучил уже — смеясь, сказала она.

— Теперь только на Люсю и отзываюсь. А бывает проникновенно так скажет, Люсьена мол ты моя — приложила ладони к груди — Сердце так и заходится.

— Рассказал уже как воспитывала?»

Я кивнула.

— Ты, давай не торопись с выводами, успеешь ещё назад домой вернуться. Не просто же так тебя сюда отравили.

— Подумать нужно — медленно ответила я — Сначала детей пристрою. Ответственность взяла за них. Я их спасла, мне их в хорошие руки сдать нужно.

Вечер закончился в неспешных разговорах. Я прикладывала к лицу холод, чтобы унять опухоль. Да куда там, глаз совсем закрылся, могла видеть мир только одним. Красавица в общем.

На следующий день, проведя его, как говорится, в трудах праведных, позвала животных и детей, взяла грязные вещи, и мы пошли к озеру. Игнат, увидев нашу процессию, крикнул в след:

— Ты не балуй там, давай. Без приключений обойдись.

— Полностью с вами согласна. Самой уже надоело встречать в разные истории. Отдохнём немножко, да и подумать мне нужно.

Он кивнул головой.

Накупавшись вдоволь, мы с детьми улеглись на траву. Животные убежали в лес.

— Рита, с нами что теперь будет? — Марк как старший из детей задавал правильные вопросы, беспокоясь о своей судьбе.

— Игнат Петрович должен был выяснить, где ваш родственник живет, Марк. Не волнуйся пока что. Ты сам как настроен? Останетесь у родни? Или мысль бежать в столицу еще не оставила тебя?

— Сестру не оставлю одну. Один я у неё остался. Не могу бросить. Мамка говорила: «Чтобы ни случилось, вы брат и сестра, помогайте друг другу, когда меня не станет». Никто и не думал, что её не станет так скоро.

Он опять загрустил.

— Ничего, Марк, все будет хорошо. Мне ведь в столицу нужно идти, даже если нам не пути, я вас не брошу. С вами пойду.

Дети с надеждой смотрели на меня. Я кивнула:

— Вместе пойдем. Вас пристрою, потом свои проблемы решать буду. Домой всё же вернусь, наверное — почему-то, на глазах навернулись слёзы.

Я повернула к ним голову:

— Не забудете меня? — смотрела на них с грустной улыбкой, словно запоминая их лица.

У Лины сойдёт с щёк детская округлость, черты лица чуть заострятся. Детские, ещё доверчивые голубые глазки, с высоко поднятыми соболиными бровями, обещают свести с ума не одного парнишку. Красивая девчонка вырастет, видно мать красавица была.

Я перевела взгляд. У Марка возле губ пролегла еле заметная упрямая складочка, когда он сжимает рот, ямочка на подбородке становится еще видней. Молодец пацан, вырастет,

настоящим мужчиной будет. У меня он вызывал невольное уважение, мужественно переносит тяготы и рассуждает совершенно не по-детски. А самое главное, не боится брать на себя ответственность.

Дети смотрели серьезно, хмуря брови. У Лины скривился рот и из глаз потекли слёзы. Тут уж и я не удержалась. Мы обнялись с ней и ревели в три ручья, вскоре и Марк присоединился к нам. Будущим красавицам и настоящим мужчинам тоже нужно поплакать.

Постепенно наши всхлипы начали стихать. Я утерлась рукавом:

— Ё-моё. И так опухшая, теперь вообще красота писаная.

Лина обняла меня, прижимаясь щекой:

— Ты красивая. И добрая.

Я хмыкнула. Устами ребёнка глаголет истина. Раз так, то умываться и постирать ещё нужно, иначе я потом грязь и зубами не отгрызу. Подхватила Лину на руки и с криком «Держись!» со всего маху прыгнула в воду. Она тоненько пищала. Марк побежал за нами. Мы брызгались, играли в догонялки. Уставшие дети выбрались на берег обсохнуть. Расплетая волосы, я подняла глаза к небу, тихо шепча молитву:

— Господи, не оставь детей без твоей помощи. Пусть у них всё будет хорошо. Пусть у них будет новая мама, которая полюбит их от всей души. Полюбит ни за что-то, а просто такими, какие они есть.

И как-то сердце сжалось. А если... Как много этих «если».

А за себя не буду просить. Я взрослый человек, разберусь как-нибудь. Хранительницу, наверное, здесь просить нужно, а не бога? Запуталась, честное слово. Подняла лицо вверх:

— Я уж к кому привыкла обращаться, к тому и обращаюсь. Не обессудьте уж. А вы там сами разберитесь по инстанциям, так сказать. Главное, чтобы детям помогли.

Я вздохнула и тряхнула головой. И услышала еле доносимый смех сверху. Прислушалась. Послышалось? Конечно, слышалось. Дети задремали на траве, обнявшись. Вот и хорошо, пусть отдохнут. Взяла свой спортивный костюм и наклонилась, окуная его в воду.

Сосредоточившись на стирке, яростно терла костюм. Вот не могла раньше озаботиться этим вопросом? Копоть прочно въелась в ткань, землю с травой тоже не просто удалить. Оставив костюм в воде размокать, разогнулась, окидывая взглядом окрестности. Хорошо-то как. Я даже замурлыкала песенку. Сначала тихо, потом голос набрал свою силу и полилась песня. От удовольствия я зажмурила глаза, наслаждаясь теплым летним деньком. Очнулась только тогда, когда справа сзади раздалось ласковое: «Красааааавицааааа»

Я резко замолчала. И медленно повернулась.

— Ох, ёпт! — молодой симпатичный паренёк, отшатнувшись, опрокинулся назад и в таком положении, помогая руками и ногами, отползал от меня, как паук.

Я даже обиделась. Ну не красавица я, зачем же так реагировать то? Я понимаю, что мой вид сзади и спереди весьмаааа отличается.

Парень посмотрел куда-то в сторону. Я обернулась и обомлела, открыв рот. Господи! Это где ж такую красоту выращивают?

Передо мной стоял отряд крепких высоких мускулистых мужчин. У некоторых в руках было оружие- мечи разных размеров. Я прямо застонала мысленно, ну кто меня просил лезть вчера за мёдом. Не могла потерпеть годик-другой. Тааакие мужчины, а у меня вся рожа

опухшая. Я прищурила оставшийся целым глаз, разглядывая их.

Они не остались в долгу. Кто-то ухмылялся, кто-то хмурился. Чуть впереди отряда стоял высокий чернявый мужчина, волосы до плеч. Он внимательным цепким взглядом осматривал открывшуюся его взору картину. Между бровями пролегла глубокая складка, губы поджаты, а на подбородке ямка. Я хмыкнула, это здесь мода такая на ямочки?

Кривой неровный шрам слева пересекал бровь, разделяя её пополам, спускался по виску и скуле, заканчивая свой путь в уголке нижней губы. Когда он поджимал губы, шрам слегка натягивался и казалось, что он усмехается.

Не видя перед собой опасности, ребята начали расслабляться. Мечи опустились, началось шевеление в их рядах.

— Местная? — спросил чернявый, хмуря брови.

Я медленно кивнула. Он окинул спящих детей взглядом. Хорошо, что животные в лесу, искромсали бы, пока разобрались что к чему, думала я. Это же машины для убийств какие-то.

В это время из леса вышел Игнат и быстро пошёл в направлении отряда, припадая на деревянную ногу. Между начальниками завязался разговор. Игнат помогал себе жестами, кивая головой. Затем отряд в сопровождении двинулся в селение. Напоследок Петрович обернулся в мою сторону, поднял руку в успокаивающем жесте. Значит свои, можно не бояться. Вот и хорошо. Столичные наверно, которых ждали. А почему пешком-то, думала я, стирая спортивный костюм. В это время проснулись дети. И когда солнце уже начало клониться к закату, мы пошли в селение. Теперь место у костра было занято крепкими мужчинами из отряда и из местных — пару мужиков поавторитетнее. На столе была разложена карта, они склонились над ней, рассматривая и водя пальцем. Спорили, тыкая пальцем в карту, доказывая свою правоту. Люся с женщинами готовили еду на костре.

Мне там точно делать нечего, «со свиным рылом в калашный ряд». Мы с детьми перекусили в доме, и пошли в палисадник. Я развесила свой костюм на ветках невысокого кустарника. Нужно с одеждой что-то решать, у меня только спортивный костюм с парой топов, сорочка и платье, которые дала Люся. У детей тоже выбор не богат. Попрошу ткань и попробую сама сшить, ничего сложного. Жаль только, швейной машинки нет, придётся вручную мастерить.

Знала бы, что попаду неизвестно куда, вцепилась бы в свой чемодан руками и ногами. А у меня там и сарафанчик новый, и сандалики, и косметика. И вообще, когда женщина едет в отпуск, она покупает всё новое. Эх, ведь каждая женщина хочет выглядеть чуточку красивее. Даже если не ищет приключений на свою пятую точку. Я вот нашла по ходу дела. Как говорится, все признаки на лице. Я потрогала лицо, когда же эта опухоль начнет сходить, самой неловко в таком виде появляться перед народом.

Мы с детьми сели на лавку и вели неспешные разговоры. Им было интересно, как живется в моем мире. Я рассказывала, как могла объясняя. Что такое детский сад и школа. Глаза у детей загорелись:

— Одного возраста? И что они там делают?

— Учатся, конечно. Пока дети маленькие, они учатся рисовать, мастерить фигурки разные, гуляют, едят и спят даже. А вечером родители приходят с работы и забирают детей домой.

— Что такое работа?

— Что такое магазин?

А я рассказывала, рассказывала, пока голос не начал хрипеть. Посмотрела на детей, Лина начала тереть кулачками глаза.

— Спать пора дети. Завтра ещё что-нибудь расскажу интересное.

Мы зашли в дом. Животные ещё не вернулись. Я забеспокоилась. Если утром не придут, пойду искать. Вернутся ночью — столичные шум поднять могут. Всё же опасные животные, говорят. Я широко зевнула, сняла платье, оставшись в сорочке, и бухнулась в постель.

Утром проснулась от того, что мне тяжело. Повернула голову. Марк спал, закинув на меня руку и ногу, уткнувшись лицом в плечо и мирно сопел. Я тихонько погладила его по голове. Вздохнула, освобождаясь от его конечностей и вставая с постели.

Конечно, со временем, я более или менее смирилась с тем, что у меня нет детей. Но иногда, где-то там в груди сжималось что-то, как пружинка. Можно ли, интересно, здесь усыновлять детей? Нужно спросить у Игната. А дальше что? Мне домой возвращаться, разве разрешат детей с собой взять? Нет, наверное.

Вот и не буду об этом даже думать. У них есть родственники, которые их приютят, и полюбят, и вырастят.

Я умылась и вышла на улицу.

Оказывается, столичные спали на улице, расстелив свои одеяла прямо на земле.

— Люся, а чего она на улице спят?

— Так привычные они. В походах условий то нет. Да и где я такую ораву размещу? Они ночью патрулировали- одни приходят, другие уходят. Вроде спокойно всё, а службу нести нужно.

Она хмыкнула:

— Опухоль-то спадает. Глаз уже открывается. Соседка говорит нужно мёдом намазаться. Там в составе травы всякие и одна из них яд нейтрализует.

Я уже набирала в легкие воздух, чтобы возмутиться. Не могла вчера сказать? Она подняла правую руку в успокаивающем жесте.

— Сразу нельзя. Нужно чтобы хотя бы денек прошел.

Я кивнула. Нужно, значит нужно. Нанесла тонким слоем мёд на лицо. Больше не буду по деревьям лазить. Кому надо, те пусть и лезут.

Переговорив насчет ткани, она повела меня в соседний дом. Переговорив с соседкой, она провела меня в большую просторную комнату, где лежали тюки тканей. Ткани простые из льна, отличались только качеством выделки. Вот тоненькая, словно прозрачная — на сорочку пойдет. Мне не нравилось, что ткани однотонные.

— Красить их можно?

— Зачем красить? И так красивое.

Я задумалась. Нужно покумекать. Мы донесли ткани до дома. Дети уже проснулись. Я выложила ткани на улице, расстелив на столе. Люся предоставила весь швейный материал и дело пошло. Сначала на Лину. Я принялась за дело, украдкой посматривая на столичных. Они расселись по всему периметру двора, лениво переговариваясь и чистя своё оружие.

Чернявый сидел, облокотившись о дерево, подтянув одну ногу к животу и положив на нее руку. Он сидел, прикрыв глаза и хмурия брови. Я украдкой посматривала на него. Вот вроде сидит и никого не трогает, а веяло от него какой-то силой. Не знаю почему, но хотелось смотреть на него. Он открыл глаза и, словно почувствовав мой, взгляд, повернул

голову ко мне. А я что? Я ничего. Быстро опустила глаза к шитью.

Марк в это время подходил к другим столичным, с интересом осматривая их оружие. Ребята отвечали ему с улыбками. Давали подержать и потрогать оружие.

Интересно, почему мечи разные? Когда Ромку пригласили сниматься на массовку в кино, мечи были у всех одинаковые.

Я с улыбкой вспоминала, как сидели с Алькой в сторонке и тихо гордились своим другом. Он выделялся среди массовки высоким ростом и широкими плечами. Специально красовался перед нами, широко расставив ноги и, оперевшись на меч двумя руками, картинно застывал на месте. Девчонки завистливо посматривали в нашу сторону, пытаясь понять, чей же это такой мужественный экземпляр. На моём трюмо стоит фотография нас троих. Ромка посередине, в кольчуге и мы с Алькой, с улыбками до ушей. С тех пор и началось Ромкино увлечение холодным оружием.

Я вздохнула. Что там дома? Мама Ева переживает наверно и у Игоря Семёновича юбилей скоро, я же спеть обещалась. В районе сердца что-то зашло. Встряхнула головой. Лучше не думать об этом, не рвать себе сердце. Что меня ждёт? Неизвестность убивала.

Я, наконец, дошила платье для Лины и вытянула перед собой руки с платьем, разглядывая. Цветное было бы лучше — голубое, например, к её глазам. Я отвела глаза от платья, отыскивая Лину и наткнулась на тяжелый взгляд чернявого. Замерла, глядя на него. Что?

Черные глаза с прищуром внимательно смотрели, словно оценивая. Меня аж передернуло. Брррр. Жутковато.

Линка радостно примеряла новое платьице. Конечно, цветное было бы лучше. Размяв затекшие с непривычки мышцы, задумалась. Животных до сих пор не было. Так надолго они ещё не уходили. Нужно прогуляться в лес, покричать. Позвав детей, мы пошли в лес.

— Дети, есть у меня одна задумка. Есть какое-нибудь растение, обладающее красящим свойством?

Марк задумчиво морщил нос.

— Ну нет, так нет. Значит, будем просто гулять.

Мы собирали цветы, дети рассказывали о растениях и животных этого мира.

— Вот это растение лучше не трогать, будешь чесаться неделю. От этого покроешься пятнами.

Я смотрела, пытаюсь запомнить. Лучше перебдеть, а то не с моим счастьем, как говорится.

Животных нигде не было. Я загрустила. Пора было возвращаться.

Дети радостно бегали по траве.

Нужно ещё Марку рубаху сшить, думала я, смотря на него и прикидывая размер. Ему бы джинсы и футболку клёвую, и кроссовки. И получилась бы картинка. Марк улыбнулся. Я с удовольствием смотрела на него. На фоне его смуглой кожи, его белозубая улыбка смотрелась как на рекламе зубной пасты. Берегитесь девчонки.

Дома я пошла проверить наши конфеты в ледник и, переведя взгляд на руки, остановилась. На ладони было синее пятно. Я облизнула палец и потерла, оно не исчезало.

— Марк, иди сюда. От чего может быть такое пятно? — спросила я, показывая руку.

Он, словно что-то вспомнив, прищурил глаза:

— Дерево. Точно! У нас пацаны в лес ходили все синие пришли, от матерей получили по первое число. Неделю отмывались.

Мы скоренько рванули обратно в лес, отыскивая дерево. С виду обычное дерево, но, когда Марк оторвал кусочек коры, она на внутренней её поверхности была синей. Набрали целый подол коры.

Дома, вооружившись острым ножом, начала выскрабливать краску в миску. Дальше что делать? Замочить в холодной или теплой воде? Замочу в еле теплой. Вода окрашивалась в насыщенно синий цвет. Вот и хорошо.

Столичные начали посматривать в мою сторону, интересно, наверное, чем это я занимаюсь. Вот один подошёл спросил, вот второй. Я охотно объясняла свою задумку.

— Лина, давай платье— дальше просто замочить, наверное.

Была бы здесь Алька, покреативила что-нибудь. Тут я вспомнила, как Алька учила нас с девочками в детском доме раскрашивать ткани в индийском стиле. Эх, была не была.

— Лина, если не получится, то сошью новое. Хорошо? Главное, не расстраиваться.

Свернула платье в трубочку, завязала узлом и опустила в краску. Пусть себе лежит. Я же не знаю, сколько времени необходимо.

Нужно помыться и переодеться, мое платье я испачкала краской. Уже входя в дом, услышала шум и обернулась. Столичные вскакивали со своих мест, хватаясь за оружие. Что такое? Нападение? Дикие? Ужас потихоньку начал охватывать меня. Взгляд уже метался, отыскивая детей и наткнулся на входящих на территорию моих животных. Хил устало передвигал лапами, покачивая головой в такт ходьбе. Мелкий бодренько перебирал лапами, открыв окровавленную пасть и вывалив язык. Животные приближались ко мне, пряча глаза. Бессовестные. Я тут беспокоюсь о них, а они шарахаются ночью по лесу.

Столичные угрожающе двинулись в нашу сторону, выставив мечи.

Хил остановился, увидев оружие, расставил лапы и чуть пригнул голову к земле. Его глаза начали разгораться. Пасть открылась, открыв на обозрение смертельный оскал. И громко рыкнул. Его рык пронесся по воздуху, разносясь ветром. Все замерли. У меня от страха даже мурашки по коже побежали. Ой, что сейчас будет!

Я бегом добежала до животных, прикрыла их спиной и успокаивающе выставила ладони:

— Спокойно. Это со мной. Они не причинят вреда.

Чернявый обошел своих подчиненных и подошел ко мне. Я смело смотрела в его глаза. Вот пошёл ты на фиг, я их в обиду не дам. Не для того я их спасала.

Я сделала шаг назад, не отводя взгляда. Ребята видели, что животные стоят, не двигаясь, и не собираются причинять никому вред. Оружие начало потихоньку опускаться. Вот и хорошо, вот и ладненько. Тут дети подбежали к животным с криками:

— Вы вернулись. А мы вас искали.

Лина обхватила Мелкого за шею, и тот лизнул её в лицо. Я строго сказала Хилу и мелкому, указав на дом:

— Быстро в дом и спать!

Они медленно потрусили в сторону дома. Столичные стояли с каменными лицами и только брови выдавали их удивление. Чернявый очень-очень пристально смотрел на меня прищурившись. Ну да. Работа у тебя такая- всех подозревать. К нам уже спешил Петрович. Я тихонько отошла в сторону. Нужно ещё помыться и платье Линкино посмотреть, что там получилось.

В это время к Игнату подошел местный и, жестикулируя, начал что-то очень эмоционально говорить. Игнат задумчиво повернулся на меня:

— Ты же ветеринар? Тут такое дело, животное не может разрешиться. Если оно погибнет, для семьи это серьезный урон. Может, глянешь что там?

Я кивнула. Не откажешь ведь.

— Переоденусь — и пошла в дом.

Единственное платье грязное, придется надевать спортивный костюм. Штаны и топ, на улице жарко, олимпийку надевать не буду. Пригладила заплетенные волосы и оцупала лицо. Отек практически спал. Прямо облегчение, честное слово.

Я вышла из дома, ища взглядом Игната. Раздался свист. Ребята рассматривали мою фигуру. Неожиданно метнулась тень и рядом оказался чернявый. Он с силой сжал моё левое предплечье:

— Это не твои дети!

Больно-то как, черт тебя подери. Синяк точно останется. Я разозлилась:

— Я разве хоть раз сказала, что это мои дети? — твердо ответила, смотря в его глаза.

Он подозрительно смотрел на меня, поджав губы. Вот какое это имеет значение, чьи это дети? Со злостью думала я, резко смахивая его руку.

— Веди, Игнат.

Мы с Игнатом шли на другую сторону селения, разговаривая.

— Понимаешь, это животное, как у нас корова, кормилица то есть. Эта прибилась еще маленькой и выросла. Говорят, таких животных Хранительница присылает, как благословение. Отпускают её конечно на волю, но она всегда возвращается. Здесь же ей пары не сыщешь. Если она погибнет, сама понимаешь, подумают, что лишились благословения Хранительницы, ну и последствия.

Уже дойдя до места, заметила, что чернявый идет с нами. Он спокойно шел по дороге, равнодушным взглядом осматривая окружающую местность. Я пожала плечами, ну пошел и бог с ним. Моё какое дело?

В просторном сарае, лежало большое белое животное с раздутыми боками и шумно дышало. Рядом с ним стояли взволнованные хозяева. Увидев Игната, они обрадованно бросились к нам.

— Третьи сутки мается. Если сегодня не случится, то помрёт ведь — причитала хозяйка.

— Ну, а я то, что могу — Игнат развел руками.

Хозяйка начала тихонько плакать, утирая слезы передником. Я обошла животное. Действительно, как корова, только больше в два раза и два ряда витых рогов. Копыта круглые и большие, на толстой мозолистой подошве. Животное от усталости и боли на мгновение открывала глаза, а с новой схваткой шумно выдыхала.

Ну что, за дело. Попробовать все равно нужно.

— Обычно сколько они приносят потомство? Один-два?

— Один обычно — запричитала хозяйка.

Руками лезть придется, здесь перчаток не имеется. Подойдя к животному, я погладила её бок. Её гладкая как бархат белая шкура была мокрой от пота, все мышцы одномоментно сжимались от потуг.

Подошла сзади, встала на колени и на секунду закрыла глаза, вдохнула и просунула руку, доверяясь ощущениям и своей руке. Считала копыта- один, два, три, четыре, пять,

шесть. Значит, не менее двоих рожать собралась. В это время произошла схватка. Чёрт побери! Мускулы сжались со страшной силой. Её организм пытался изо всех сил избавиться от плода. Руку сжало как тисками, мне показалось, что затрещали кости на руке. Не удержав своего стона, замерла на месте, пережидая схватку.

— Что? — Игнат подскочил ко мне взволнованно.

— Руку зажало, блин — шумно выдыхая.

— Двое, вроде. Сейчас отпустит, еще посмотрю.

Положение неправильное, естественно. Один какого-то хрена поперек встал. Второй вообще задом ко мне. Снова схватка. Я замерла. Животное шумно дышало. Терпи милая, терпи.

— Ну что там? — Игнат крутился вокруг меня.

Схватка «отпустила», и я начала нащупывать нужные мне копыта, иначе схвачу разные. Вроде есть. Нужно еще раз проверить. Пришла очередная схватка, сжав мою руку. Я стиснула зубы.

— Что там? — Игнат все не успокаивался.

— Петрович — сказала я сквозь зубы — Я сейчас убью тебя. Когда я работаю, не лезь ко мне с вопросами, пожалуйста — схватка ослабла. Я перехватила два маленьких копытца и потянула на себя. Сил нужно много, у меня столько нет. Еще чуток и еще немножко. Вот показались копыта. Я уселась на попу, упираясь в животное ногами. Дождалась схватку и потянула двумя руками. Сил не хватает.

— Нужна помощь, у меня сил не хватает!

Ко мне молча подошел чернявый, усаживаясь рядом. Мы схватились в четыре руки и потянули. Потихоньку процесс пошёл.

— Стоп. Ждём. — командовала я и мы замирали. Не хватало ещё плод повредить.

Чернявый-то молодец, даром что начальник — выполняет мои указания четко.

Вот первый малыш покинул лоно матери. Хозяева, заохав, бросились к нему. Вот и хорошо, а у меня еще работа.

Сделав несколько разминающих движений для мышц, села на прежнее место. И как тебя развернуть? Одной рукой хватаю плод, пытаюсь развернуть. Чуть, ещё чуть. Здесь на помощь никого не позовешь, только сама. Чёрт, снова схватка. Я замерла, сжав зубы и наклонив голову. Тут почувствовала руку на моём плече. Скосила глаза- чернявый бросил на меня короткий взгляд, сидя рядом. Вот только скажи хоть слово, убью тебя вместе с Петровичем. Потом, когда освобожусь.

Схватка ослабла. За дело. Наконец, малыш принял правильное положение. Хватаю копыта и тяну. И дубль два. Я командую, он выполняет. Вот и второй плод вывалился наружу. У меня по лицу тек пот, мышцы спины свело от напряжения. Расслабляться рано, нужно проверить напоследок. Если делать работу, то делать её до конца.

Что такое? Не может быть! А вот может, оказывается. За малышом, стоящим поперек, прятался третий плод. Поэтому я и не смогла его нащупать.

И снова схватка и тянем. Даже и не знаю, сколько времени прошло, пока все закончилось.

Я устало повалилась на пол. Остальное сделает природа. Потихоньку встала, подходя к мамаше. Та, подчиняясь природе, уже встала на копыта.

— Ну что, справилась милая. Молодец — глядя её по морде.

Та благодарно понюхала и положила мне на плечо усталую голову. Я аж прогнулась:

— Ты мне сейчас сломаешь что-нибудь — освобождаясь.

— Отдыхай. У тебя теперь времени не будет отдыхать — погладила её по голове.

Игнат подскочил ко мне, довольный:

— Молодец, Рита — по привычке хлопнув по плечу.

Я вспылила:

— Я тебя точно сегодня убью. Ну, сколько можно говорить, не бить меня по плечу.

Сломаешь ведь — в сердцах вскричала я, выходя из сарая.

Ополоснув руки и лицо, побрела в сторону дома. Устала. Сзади шли Игнат с чернявым.

Во дворе ко мне подбежали дети. Я сполоснулась, надевая грязное платье. Достала из краски детское платье, отжала и развязала узел. Самой было немножко страшно смотреть результат. Встряхнула и на вытянутых руках свой шедевр. А что, неплохо!

Лина ахнула, широко распахнув глаза с восхищением рассматривая рисунок. Действительно здорово получилось. Рисунок из неравномерного синего круга разбегался по ткани неровными линиями, образуя ассиметричный рисунок.

Я хмыкнула — действительно красиво. Лина в нетерпении приплясывала рядом, дай ей волю, надела бы мокрое. Люся стояла рядом, с удовольствием рассматривая результат моих трудов.

— Ещё закрепить рисунок нужно, иначе смоеся. Люся, есть уксус? — видя её удивленное лицо, осеклась — Фруктовое вино есть?

Она утвердительно махнула головой

— Есть очень старое фруктовое вино, про которое забыли, ну где-нибудь на доньшке?

Она нахмурила лоб, неуверенная в ответе. В общем, нашлось. Открыв сосуд, в нос ударил яркий запах. Сполоснув платье в уксусе, развесила на просушку. Солнце уже давно перевалило через зенит и клонилось к закату. Начали готовить костёр.

Я раскроила рубашку Марку. Очень хочется сделать что-нибудь особенное для детей. Зачем? Чтобы помнили! Воспоминания нельзя потерять, они всегда с тобой. Дети вырастут и единственное, что останется обо мне — это воспоминания. Надеюсь, добрые. Почему мне это так важно? Не могу ответить на этот вопрос. Вот нужно и всё тут.

Я вздохнула. А здесь необходимо проявить фантазию.

— Игнат, я смотрю, здесь пуговиц нет. Можно что-нибудь приспособить вместо них?

— А зачем? И так хорошо — сказал он, осматривая свою одежду — Я уже и привык без пуговиц, если честно.

— Мне нужно — твердо ответила я.

— Покумекаем давай — он задумчиво обхватил двумя пальцами подбородок, шевелил бровями, кривил рот.

— Вырезать можно из дерева?

— А то! Можно. Что я раньше не додумался? — Игнат смотрел на меня — Мне сошьешь с пуговицами, как дома?

Получив мой утвердительный ответ, он занялся делом.

Отдельные детали сразу покрасила и повесила на просушку. Игнат уже вырезал квадратные пуговицы, проделав в них дырочки. Перед этим проколол себе пару пальцев, тихо матерясь. В общем, все заняты. Лина надела новое платье со счастливой улыбкой и крутилась на месте, высоко поднимая руки. Смотрите, мол, на меня, какая я красивая.

Я пододвинулась к Игнату и тихо спросила:

— Слушай, а как начальник этот узнал, что дети не мои?

— Тут, понимаешь, заковыка одна есть. Когда женщина беременеет, между ней и ребенком постепенно развивается связь. Эта связь растет и крепнет со временем. Щас покажу. Он обернулся и крикнул:

— Люся. Иди сюда!

Люся вышла из дома.

— Покажи руку Ритке, насчет детей.

Она понимающе кивнула и высоко закатала левый рукав. На левом предплечье был красивый золотистый рисунок в виде тоненькой полоски. Рисунок изящной змейкой обвивал руку, образуя замкнутый круг. Я приблизила лицо поближе, чтобы рассмотреть рисунок. Изящные маленькие веточки с листочками переплетались друг с другом, и только в одном месте одна веточка была длиннее всех, выбиваясь из общего рисунка. Я осторожно провела пальцем. Рисунок как будто светился изнутри слабым золотистым свечением.

— Это татуировка такая?

— Какая татуировка, Рита? Рисунок сам по себе появляется, я же тебе объясняю — кипятился Игнат — Как только женщина понесёт, на коже начинает проявляться рисунок, и как крепнет связь между матерью и ребенком в течение девяти месяцев, так и отметка крепнет. Он замыкается, как только рождается ребёнок. Ясно?

Я на всякий случай махнула головой. Ни фига не ясно. Рисунок какой-то и как он появляется? И зачем это вообще нужно? Ну есть ребенок и есть, кому какая разница? А с другой стороны есть же на земле кукушки бессовестные, дурят парням голову, а у самих куча детей у государства. А так все по-честному, и говорить ничего не нужно. Глянул и всё понятно.

— Люся, а почему здесь одна веточка выбивается из общего рисунка?

Она довольно улыбнулась:

— А это дочь меня скоро порадует потомством. В столицу она замуж вышла. Соскучилась я по ней — вздохнула она — Уговариваю своего то поехать, навестить, дел говорит полно — махнула она рукой.

Я шила, склонив голову и думая о новой информации.

Тут я решила поговорить с Игнатом, ближе подвинувшись к нему:

— Игнат, а усыновление есть здесь? — как можно равнодушнее спросила я, скрывая эмоции.

Он задумчиво помолчал:

— Не принято как-то. Здесь ведь как- если ребёнок остаётся без матери, отец воспитывает. Если родители погибают как у твоих — он махнул головой в сторону детей — Родственники по крови должны взять на себя такую ответственность. Так как из одного рода, значит. Если и таковых не нашлось, путь им в столицу. То, что должны были дать им в семье, ну знания там, ремесло, детям предоставляется возможность обучения в столице. Здесь ведь нет школ, как видишь. Поэтому отец к сыну ремесло своё и умение передаёт. А дочь от матери всему обучается.

— А если совершенно посторонний человек захочет взять на себя такое обязательство?

— Редкость большая. И вот почему. Рисунок помнишь? — он поднял брови.

Я утвердительно махнула головой.

— Это ведь не просто так. Если кто захочет чужого взять, произносятся слова, о том, что она берет на себя ответственность за этого ребенка, а ребенок должен подтвердить своё согласие. Чтобы обдуманно все это было и один раз и навсегда. Отменить уже ничего нельзя.

А вот это как раз и правильно, думала я. А не как у нас дома. Взял ребенка из детского дома, а потом возвращают, не подошёл он нам, мол. Ну как может ребенок не подойти, спрашивается? Вы же не ботинки себе выбираете?

Игнат продолжал:

— И как только слова произнесены, начинает формироваться связь и рисунок соответственно. Но не за девять месяцев, как обычно, а сразу. Боль говорят страшная. Одна, помню, взяла. Выла, сутки и по земле каталась. Говорит, как будто на живую по кусочкам разбирают. Лучше б, говорит, ещё двоих родила. Да ничего, отошла потихоньку, растит дитё.

Игнат продолжал:

— Не просто Хранительница всё задумала. Любая мать своего ребенка на расстоянии чувствует. Потерялся он, допустим, в лесу, только она и может найти по этой своей связи.

Я кивнула.

— А с отцами-то что, интересно. У отцов тоже такой рисунок на руке?

Он глянул на меня, хмыкнул, вытер нос рукавом, облизал губы:

— До чего любопытная ты, Ритка — он обречённо вздохнул — Есть и у отцов такая фиговинка. Только не на руке — он замолчал и отвернулся.

Чего мнётся, спрашивается?

— А где? — разворачивая его к себе.

И, как говорится «ничего не предвещало...»

— Там! — буркнул он, отворачивая голову.

— Где там-то?

Игнат глубоко вздохнул, смотря мне в глаза, затем опустил глаза вниз и многозначительно подвигал бровями.

Я сначала хмурилась, пытаюсь расшифровать его молчаливую информацию, но, когда смысл сказанного начал доходить до меня, я широко открыла глаза, смотря на Игната. Он многозначительно кивнул.

Давно я так не смеялась. Истерика. От смеха начали болеть мышцы живота, я хваталась за ребра, пытаюсь унять спазмы, но успокоиться все равно не могла. Хранительница, за что ты так этих бедолаг наказала, думала я, постанывая.

— А что? Вернулся с длительного похода и прямо на пороге предъяви свою невиновность — перевела взгляд на столичных и представила эту картину и снова закатилась.

Рукой схватилась за лицо, пытаюсь вернуть на место расплывающуюся улыбку. На нас уже начали поглядывать столичные, пытаюсь узнать о предмете истерики.

— О предмете — подвывала я.

Петрович, глядя на меня, улыбался. Но вспомнил, что он тут старший как-никак, неловко видать ему стало. Он многозначительно махал указательным пальцем в воздухе:

— Ритка, ты давай это, не дури, давай. Хватит уже, в самом деле.

Я припала ему на плечо. Он приобнял меня одной рукой, загоразивая от мужиков. Я вцепилась в него двумя руками за рубаху, спрятав лицо у него на груди. Мои плечи тряслись, я судорожно вдыхала, а слёзы лились уже непрерывным потоком.

— Петроооович. Я сейчас лопну — всхлипывая, прошептала — А если места не хватит? — зашлась я.

Он повернулся к мужикам и спокойно сказал:

— Это мы о доме разговаривали. Все хорошо.

Вернусь домой и расскажу своим, тогда Ромке капец. Алька его до инфаркта доведет.

Села на лавку, повернувшись ко всем спиной. Не могу пока что на мужиков смотреть, иначе снова смеяться буду. Долго вздыхала, приходя в чувство. Рот время от времени расплывался в улыбке.

Я чуть отклонилась назад и шепотом спросила:

— Игнат. У тебя же есть ребёнок. У тебя тоже что-ли? Извини, конечно, за любопытство.

— Нету Рита. Дочь же в нашем мире. Здесь детей нет.

Уже начало темнеть. Все подходили ближе к костру и рассаживались. Я тоже придвинулась, мне хотелось сшить сегодня как можно больше, чтобы завтра Марк надел свою рубашку.

Люся подошла ко мне:

— Рита. Хозяйка животного огромную благодарность тебе передавала. Как справилась-то? Молодец прямо. Она говорит, проси, что нужно.

Я махнула головой, принимая благодарность:

— Скажи ей, если это возможно, то обувь мне и детям. Нам в дорогу идти, наши уже стоптались.

Она всплеснула руками:

— Вот я дура. Сама не подумала. Сделаем, Рита, сделаем. И одежду ещё справить нужно. Хотя ты и сама мастерица, как я погляжу. Здесь ведь так не разукрашивают. Ну, вышивку если. А тут такая красотища. Научишь?

— Конечно. Только никому не рассказывай технологию. Бизнес здесь свой наладишь.

— Чего?

— Дело, говорю, наладишь. Если все будут знать, как красить, прибыли же не будет правильно?

Она кивнула головой.

— Когда делает один, тем ценнее продать можно. Поняла?

Она опять кивнула.

— Подумай только, насчет краски. Должны быть ещё растения, с которыми красить можно. Там ещё что-нибудь вспомню может.

Вышли мои заспанные животные. Мелкий широко открывал рот, предъявляя народу свои острые зубы. Хил сонно моргал, отыскивая меня взглядом. Заметив меня, двинулся в мою сторону. Мелкий потрусил за ним.

— Что пришли? Стыдно стало, да? Я волновалась, искать ходили с детьми»

Я шила и обиженно разговаривала с ними:

— Это ты, Мелкий, воду мутишь. Думаешь, взрослый стал? — заглядывая в его глаза. Он чуть прикрыл глаза, склонив голову набок.

— Морда ты наглючая.

Я повернула голову к Хилому:

— А ты наверно за ним попёрся, да? — он опустил голову вниз.

Я погладила его по голове:

— Да не сержусь я на тебя. Ты очень умное животное. За ним пошёл, чтобы беды не случилась, да?

Он поднял морду, преданно заглядывая в глаза и лизнул в щёку.

Я кивнула:

— Ну так я и думала. Ты в следующий раз хватай его и тащи домой. Вот только как его схватишь теперь, теленка этого? — окидывая взглядом Мелкого. Он растёт как на дрожжах. Теперь он доходил мне до бедра. Еды теперь хватает, вот и набирает своё.

Я подняла голову. В полной тишине на меня смотрели десятки глаз. Я спокойно обвела всех взглядом. Объяснений даже не ждите. Все вопросы к Петровичу. И отвернулась.

Петрович объяснял, махая руками. До меня доносились только обрывки его фраз.

Вот и хорошо. Молодец земляк, освободил меня от этой обязанности. А то мне ещё в столице сто раз рассказывать.

Рубашка была практически готова, осталось только завтра петли сделать для пуговиц.

Уже стемнело, вокруг костра расселся народ.

Игнат опять обсуждал что-то со столичными. Они склонились над картой. Подойти, посмотреть что-ли? Мне же интересно. Я тихонько встала и подошла, пытаюсь заглянуть через плечи. Заглянешь туда, как же. Шкафы такие, что не обойти, не перепрыгнуть. Тут обернулся чернявый и заметил меня. Я смело встретила его взгляд, ну пошлёт, так пошлёт. Он чуть отодвинулся в сторону, освобождая мне место. Я протиснулась и замерла в восхищении.

На столе был живой рисунок, который шевелился и двигался. Видны были все рельефы, леса и пригорки. Вот озеро- его зеркальная поверхность едва плескалась, как от дуновения ветра. Я замерла в восхищении. И так захотелось потрогать — протянула руку и опустила прямо в озеро, а когда поднесла ее к лицу, то увидела, что она мокрая. Чудо — не иначе. Улыбнувшись, посмотрела на окружающих и с любопытством стала рассматривать план. Так, а где тут озеро наше? Вот, наверное, другого поблизости не видно. Это селение. На рисунке были разбросаны множество селений. Почему, интересно, по краям карты она чёрная? Спросить нужно будет. Я начала прислушиваться к обсуждению. Говорили о Диких. Оказывается, к нам в селение пришла только часть отряда. Другая пошла окружным путём, в поисках Диких. Когда отряд объединится, они пустятся в обратный путь.

— Рита, попробуй определить куда тебя выбросило — Игнат пробрался ко мне.

— Давай вместе, Игнат — я водила пальцем по карте — Это наше озеро, так? Это, я так понимаю, селение, откуда дети. Правильно?

Он кивнул головой.

— Это мы с детьми такой крюк от страха сделали? — я покачала головой — Покажи мне теперь, где я Хи́ла спасла?

Он показал совершенно в другую сторону. Ни фиги ж себе. Это я тут петляла, что ли?

— Точно не знаю, Игнат. Но это первое селение, встретившееся на моём пути. Значит, где-то неподалёку. Подожди. Лес же был с гладкими стволами. Ты сказал это лес последнего пути. Там на поляне я и очнулась.

Мы посмотрели на карту. Игнат с Чернявым переглянулись. Ну что опять не слава богу?

Начальник задумчиво опустил голову, нахмурив брови.

Никто не собирался ничего объяснять.

Еда была готова. Игнат радостно потёр руками, оглядывая мужиков:

— А не хлопнуть ли нам винца, для поднятия...

— Кольца — ляпнула я, не подумавши. Игнат укоризненно покачал головой. Я опустила глаза, улыбнувшись. Точно по башке получу, пора уже в моём возрасте посерьёзнее быть.

Мы с детьми сели с краю. Лина подлезла мне под левую руку, обняв руками. Она подняла своё лицо, заглядывая в глаза:

— Спасибо, Рита.

Понравился, стало быть, мой подарок. Я поцеловала её в лобик. Марк сел справа, прижавшись к моему боку. Я приобняла его правой рукой. Так мы и сидели, смотря на костёр. Хорошо-то как.

Пригостили небольшой бочонок с вином. Налили и мне небольшую кружку. Я пригубила прохладный напиток и зажмурила глаза. Необычайный букет разных вкусов распространились в моём рту, я перекачивала вино, пытаясь описать ощущения. Вот сладкий вкус перекрывался слегка горьковатым, нежный перекликался с тонким ароматом мяты. Запахи, перемешиваясь, образовали тонкий еле сладкий аромат сотен фруктов и трав. Я сглотнула. Вкуснотища. Осталось приятное послевкусие.

У нас дома, наверное, на вес золота продавали бы такое вино.

Я открыла глаза. По телу разливалась приятная слабость, все мысли растворялись в ночной темноте. Не хотелось ни думать, ни шевелиться.

Постепенно костёр догорал, разговоры потихоньку стихали и народ начал расходиться. Я уложила детей спать. Сама с животными отошла подальше от посторонних глаз, села под дерево, достала коробок спички и сигареты, закурила и закрыла глаза. С наслаждением затянувшись, вдохнула, наполняя легкие горьковатым дымом. Так и сидела в тишине, наслаждаясь одиночеством и ночью. Когда открыла глаза, чуть не заорала. На меня смотрели пять пар глаз. Среди них глаза Чернявого и Петровича. Я судорожно переводила взгляд от одного к другому: «Что опять случилось?»

Петрович хлопнул Чернявого по плечу:

— Всё нормально. Курит она.

— Ну курю, кому какое дело?

Петрович сел на землю рядом со мной, вытянув ноги:

— Прибежал патрульный. Орёт, девка там ваша дымится. Мы и подорвались. Здесь такое безобразие не принято, вот и всполошились — смеясь, сказал он.

Чернявый, окинув меня взглядом, отдал короткий приказ, и они ушли.

— Дай и мне сигарку, что ли, раньше-то баловался.

Так и сидели мы с Петровичем, вдвоем дымились в тишине.

— Что там с родственниками детей, Петрович? Узнал где живут?

Он угукнул, пошевелившись на месте:

— Узнал. Это не в моём краю. Там свой староста. Идти по направлению столицы нужно.

— Так что я сижу? Собираться, наверное, с детьми нужно? Но если честно, не хочется никуда идти. Хорошо здесь.

— Вот и не торопись. С отрядом уйдёте. Может, и мы с вами пойдём. Люся слезами просит поехать дочь навестить. Уважить нужно супругу свою.

Я облегченно вздохнула. Во-первых, ещё здесь побудем, во-вторых — не хочется расставаться с земляком. Он, как будто связующее звено между мной и домом и моими воспоминаниями о родине.

На следующий день мы с Люсей пошли в лес добывать краску. Переходили от растения

к растению, от дерева к дереву, внимательно осматривая и растирая в руках листочки. Обнаружилась желтая, красная и фиолетовая краска. Я потерла руками. Это ж сколько я красивого сделать смогу. Не сидеть ведь сложа руки. Неизвестно, сколько здесь пробуду. Хоть что-то хорошее после себя оставить.

Мы вернулись домой. А тут местные, узнав о моем занятии, потянулись за помощью. Так и прошел мой день: осматривала, шила и красила.

Рубашка получилась знатная, Марк с восторгом надел её, заулыбался, а потом подбежал, обхватил двумя руками и прижался ко мне. Я погладила его по голове. Вот и хорошо. Так приятно стало на душе.

Вечером, когда в очередной раз все собрались у костра, я спросила.

— А кто такие Дикие? И почему у них такой вид?

Чуть помолчав, рассказ начал чернявый начальник:

— Как раз, когда погибла Хранительница, начало что-то происходить с Силой. Спонтанные порталы стали образовываться в самых разных местах. И начали к нам лезть все, кому не лень. А эти, вообще нашли себе лазейку и целыми отрядами пролазят. У себя им тесно стало, вот и хотят нас завоевать. Хотели здесь жить припеваючи, ничего не делая. Живут грабежами. Потому и угоняют женщин и детей, что сами не могут размножаться. Женщин пользуют, детей под себя воспитывают.

Я передёрнулась. Мерзость какая.

Игнат кивнул головой, подтверждая рассказ:

— Была одна девушка, которая смогла вернуться. Истерзанная вся — Игнат замолчал — Повесилась. Не смогла жить дальше.

Повисла гнетущая тишина.

— Тяжелые времена настали для нас. Раньше Хранительница все контролировала. Мы все молимся, чтобы вернулась сила её — продолжил Игнат.

Я заинтересованно повернулась к нему:

— А что случилось с её силой?

Чернявый посмотрел на меня, словно оценивая, стоит ли говорить эту информацию. Игнат приложил руки к груди, глядя на начальника и кивнул.

Начальник продолжил:

— Чтобы хозяйничать здесь и вести все дела, Хранительница оставила здесь свою дочь. Плоть от плоти, как говорится. И дала ей часть своей силы. Род продолжался, и сила переходила от матери к дочери. Так и было много веков подряд. Но несколько десятков лет назад всё изменилось.

За все время существования миров, много нечисти скопилось во всей вселенной, они пробирались в миры и наносили невосполнимый вред. И решено было устроить неформальную встречу правителей разных миров, для объединения против борьбы с этой нечистью.

Решено было организовать встречу в одном их миров. В каком — никто не знал, информация не разглашалась.

И одним их условий приезда на встречу — без армии и оружия. С одной стороны, это правильно. Ежели все с воинами приедут- какой разговор может быть? Да и не нужное внимание врагов привлечёт. Все-таки очень удобная возможность одним махом прикончить правителей и захватить их миры. Так что, чтобы больше доверия было, поехали с семьями.

В общем, последняя из рода со своей семьёй, мужем и крохотной дочерью, отправилась

на встречу. С собой никого не взяли, только няню для дочери. Время и место отбытия никто не знал. Сначала приходили сведения, что всё хорошо. Много семей, много детей. Детвора перезнакомилась между собой, носились целыми днями вместе. Взрослые поощряли. Для будущего, говорят, хорошо. Может и по-родственному наши миры соединятся. А потом наступило тревожное затишье — он надолго замолчал.

Никто не посмел нарушить эту тишину. Все смотрели в землю, нахмутив брови.

Наконец он заговорил:

— Сгинула последняя из рода со своей семьёй. Деревья их жизнью погибли. Сама Хранительница закрыла все порталы, чтобы угрозы для нашего мира не было. И никаких известий с других миров.

Он опять замолчал.

— Одна надежда, что дочка осталась жива. Только её маленькое деревце осталось после гибели наследницы. Пока Дерево растёт и крепнет, а у ваарцев теплится последняя надежда, что когда-нибудь маленькая наследница вернётся в свой родной дом и наведет здесь порядок.

Мне стало так их жалко. Целую семью извели, сволочи. А как там, в другом мире маленький ребёнок? Её прям совсем жалко стало. Так, а при чем здесь сила-то?

— А Сила как же? — не удержалась я от вопроса.

— Если бы наследница погибла здесь, сила сама вернулась бы к Хранительнице. А они погибли за пределами нашего мира. Если её дочь жива, остаётся только надеяться, что силу приняла её дочь. Только пользоваться ей пока не сможет.

— А как вы узнаете, что она вернулась?

Игнат заворчался:

— Что уж ты, Рита. Неужто Хранительница дочь свою не узнает. Глупости прямо говоришь.

Да, действительно, какое мне дело до их начальства. У меня своих забот вон полный рот. Добраться до столицы, там и домой, думала я. Наверное.

На следующий день вернулась вторая часть отряда. Стало шумно и тесно. Лязгало оружие, ребята шумно приветствовали друг друга, переговариваясь.

Я смотрела на них. «Все равны как на подбор. С ними дядька Черномор». Это Чернявый значит. Нужно хоть спросить, как его зовут. А то Чернявый, да Чернявый.

Альку бы сюда. Все слюной изошлись бы.

Кстати, мне интересно, почему оружие разное? Позже узнаю. Здесь столько нового для меня — пока есть возможность нужно обо всем расспросить. Кстати, если отряд воссоединился, значит скоро в путь. Нужно свою сумку проинспектировать, а то расслабилась на казённых харчах. Вот этим и займусь- тряхнула я головой.

Сумка лежала в углу. Вытряхнув её содержимое, начала перебирать. Маникюрный набор, влажные салфетки ещё остались. Мыло в мыльнице. Женские штучки для интересных дней, полотенце. Кстати, зубная паста заканчивается, нужно у Люси спросить, чем они пользуются. Это что такое? Я развернула небольшой сверток и в недоумении уставилась на него. Купальник, причем откровенный. Красивый гарнитур цвета морской волны, на бюсте блестками рисунок в виде летящей чайки. Алька, зараза. Когда успела сунуть? Отдохни, говорит, на полную катушку. Забудь о всех проблемах, флиртуй и отвечай на ухаживания. Я,

так понимаю, купальник должен этому поспособствовать.

Я грустно улыбнулась. Почему-то у нас у троих не складывалась личная жизнь. Вроде и не дети уже, пора семьями обзаводиться. Ромка с головой окунался в отношения, в радостном предвкушении — вот это точно моя половинка. Через месяц-другой он становился мрачным, и мы понимали, опять мимо. Понять, что же ему нужно, было невозможно. Мы и не пытались. Взрослый человек, уж разберется как-нибудь. Сначала он таскал своих подруг для знакомства с нами, но позже я попросила прекратить данную практику. Их было столько, что голова кругом шла, а имена уже не запоминались. Вот когда найдешь одну единственную, милости прошу. Он угрюмо отмахивался и пыгливо смотрел на нас с Алькой.

Я гневно грозила ему кулаком. Даже и не думай. Для меня ты как брат, ближе и роднее вас с Алькой у меня никого нет. Дружба заканчивается ровно тогда, когда начинается секс. Я чистую дружбу, проверенную годами, на кратковременный секс, не меняю. Даже на долговременный.

Алька с осторожностью вступала в отношения, внимательно присматриваясь к потенциальному партнёру. Желающих на такую красоту было много, с деньгами и без них, с властью и без неё, женатые и холостые. Предложения поступали и о замужестве и просто о денежном содержании.

Как говорила Алька:

— Нужно перелопатить кучу навоза, чтобы найти один жемчуг.

Время шло, жемчуг всё не находился. Сколько раз она плакала на моём плече, всхлипывая и размазывая слезы по лицу:

— Козлы! Какие козлы! — стонала она от разочарования. Я молча кивала, прижимая её голову к себе, поглаживая пепельную гриву волос.

Я вообще не хотела вступать в долговременные отношения. Меня они тяготили. С годами, не находя своего единственного, наступало разочарование. Правильно Кирилл сказал, равнодушная дрянь. Я усмехнулась. Претендентов тоже хватало, и я отвечала на ухаживания. Но душе хотелось чего-то большего. Чего-то яркого как вспышка на ночном небе. Чтобы смотреть и не насмотреться. Чтобы в душе всё пело и волновалось. И просто знать, что тебя любят. И любят такой, какая я есть, а не пытаться переделывать и переламывать под себя.

Я вздохнула. Мечтательница. А есть ли она, эта самая любовь? Может её просто придумали?

Аккуратно сложила купальник. Куда это интересно, я его здесь надену? Если только ночью, когда все спят. Возьму животных и сходим.

Я вышла во двор. Кутерьма от встречи уже улеглась. Вновь прибывшие заинтересованно смотрели на меня. Ну и смотрите, «смотрелки» только не ломайте.

А дети что-то заскучали. Нужно срочно что-то придумать.

— Игнат, а бумага здесь есть? — спросила я.

— Нет, Рита. Рисовать вздумала? — он задумчиво прищурился.

Я кивнула.

— Возьми ткань что побелее. И всех делов.

Я позвала детей, мы отмотали ткани, нарезали небольшими полотнами. Я развела

краски. А где взять кисти?

— Мелкий, Хил, идите ко мне — не подозревающие о моем коварстве животные, неторопливо подошли.

Я ощупывала шерсть, в своем воображении мастера кисть. Ага, у Мелкого стригану.

Лина принесла сумку с маникюрным набором. Я отстригла возле хвоста. Мелкий обиженно рассматривал свою проплешину, жалобно фыркая.

— Что фыркаешь? — гневно сказала я, поставив руки в боки.

— «Жалко тебе что ли? Я значит его на себе полдороги несла, а ему шерсти жалко. Жмот!» — отчитывала я его.

Мелкий обиженно развернулся ко мне задом и потрусил в сторону леса. Хил укоризненно посмотрев на меня, пошел за ним. Попросила Игната достать деревянные палочки и слегка расщипить их с одного конца.

Игнат бурчал себе под нос:

— Неугомонная. Чего не сидится? — мастера кисточки.

Дети в радостном предвкушении чего-то нового приплясывали на месте.

— Теперь смотрите — я обмакнула кисть в желтую краску и нарисовала солнце.

Лина замерла в восхищении, прижав к себе ладошки.

Марку доверила рисовать небо синей краской. Лине цветочки. Для первого раза пойдет. Они старательно пытели, высунув языки.

Местные начали подходить, заинтересованно поглядывая на рисунок. Начали подтягиваться и столичные.

Когда рисунок был закончен, мы повесили его на заборе для всеобщего обозрения.

Я тем временем достала ткань побольше. Обмакнула обе руки в красную краску и приложила к ткани. Позвала детей, они сделали тоже самое разными красками.

— Когда меня не будет рядом с вами, и вам будет грустно- приложите свои ладони к моим отпечаткам, как будто я рядом и держу ваши руки в своих ладонях.

Дети нахмурились.

— А наши отпечатки?

— Это, когда вырастите, не забывайте, что вы когда-то были детьми.

Один из столичных подошёл ко мне:

— У меня трое детей. Это же можно так и моим детям сделать?

— Конечно — утвердительно махнула я головой — А еще, можно, как только родился ребёнок. И делать в ряд каждый год. Можно рук, а можно ножек. Как будто дорога жизни.

Все загалдели:

— Здорово придумано!

— У меня дитё должно родиться, успеть бы домой вернуться.

Я продолжила:

— Ушли в поход дальний, допустим. Оставьте отпечаток руки. Детям напоминание, а жене если тяжко придётся, тоже приложиться, как если бы вы были рядом.

Все одобрительно зашумели.

— Давай знакомиться, что ли, красавица. Вроде вместе в путь пойдём.

И посыпались имена:

— Зорий, — Ижак, — Милад, — Ольгерд, — Тельнан, — Револьд...

Как все запомнить-то? С ума сойти, что за имена.

— Я Маргарита. Можно Рита.

Прибежали местные дети и мы продолжили рисовать. Когда первый порыв рисования прошел, я подскочила к Марку и мазнула его по щеке. Он удивленно захлопал глазами. Я улыбнулась и демонстративно провела Лине по кончику носа. Она скосила глаза, пытаясь рассмотреть свой кончик носа. Я игриво подняла брови, смотря на Марка. «Ну давай, включайся в игру», смотрела я на него многозначительно. Детство на то и нужно, чтобы дурачиться.

Он понимающе посмотрел на свои испачканные в краске руки, глянул на меня, раздвигая губы в улыбке и двинулся в мою сторону. Я отскочила и замерла. Он продолжил свой путь ко мне. Молодец пацан.

Я опять отскочила. Тогда он рванул ко мне со всех ног. Я с криком понеслась от него. Конечно, пришлось дать ему возможность меня поймать и измазать. Лина включилась в игру, потом и местные детишки. Мы хохотали, догоняя друг друга. Столичные посмеивались. Один попытался меня поймать и придержать для детворы. Я резко развернулась в кольцо его рук и намазюкала всё лицо. А нечего лапать своими ручищами. Теперь столичные беззлобно смеялись над недотепой.

Люся всплещивала руками, глядя на нашу живописную компанию.

— Где же отмыть такую толпу?

— А нигде. На озеро пойдем — ответила я. Собирая детей в кучу и отдавая последние указания, двигалась спиной вперед, лицом к детям:

— Положи кисти. Не переверни краску.

И... Наткнулась на что-то твердое. Обернулась, автоматически выставив грязные руки, и замерла. Чернявый стоял в одних штанах и мокрый, наверное, с озера идёт. Он спокойно смотрел на меня. Я перевела взгляд на его грудь, на которой лежали мои испачканные руки. Неудобно-то каааак. Но я не спешила убирать руки, слегка шевеля ими.

Кончики пальцев ощупывали гладкую мокрую кожу. Ощущения очень приятные, руки не хочется убирать. Я вздохнула и уловила свежий запах воды и легкий мускусный запах его кожи. Я подняла голову, посмотрела на него, быстро окинув его лицо взглядом. Правильные черты лица. Шрам притягивал взгляд, особенно то место, где он заканчивался. Так хотелось протянуть руку и провести по уголку его рта.

Он приподнял одну бровь. Я пришла в себя, убирая руки. На его груди остались отпечатки. Что-то я рассиропилась, рядом детей куча-мала, народ, а я растаяла в несвойственной мне манере.

Я быстро шагала к озеру, дети едва поспевали за мной. Я остановилась, глубоко вздохнула, успокаиваясь. Собрала детей вести на озеро, значит, несу за них ответственность.

Обернулась:

— Не отставай, детвора! Кто последний — будет убирать наш бардак.

Дети с визгом рванули к воде, дураков нет убираться.

Оборачиваясь, поймала взгляд Чернявого. Ой, что-то беспокойно мне.

Я припустила за детьми. Мы плескались в воде до посинения. Единственное неудобство — я купалась в платье. Точно! Ночью возьму купальник и поплаваю как белый человек.

Время перевалило за полдень. Пора возвращаться. Нужно Люсе помочь. Попробуй такую ораву накормить. Мы провозились, готовя обед. А вечером ещё и ужин готовить.

— Вечером что готовить будем?

— На охоту пошли ребята — ответила она, разгибаясь от котла.

Я кивнула и пошла в комнату. Сняла платье и надела костюм. Волосы были еще

влажные, я расплела их для просушки. Нужно спросить у Игната, почему очнулась с длинными волосами. Игнат как раз был во дворе.

— Игнат, а почему я с длинными волосами тут оказалась? У меня всегда короткие были, а тут такой сюрприз.

Игнат пожал плечами:

— Не знаю я. Я вон — с новыми зубами оказался — сказал он, стуча по зубам пальцем — И ничего доволен — закончил он, смеясь — Мешают что ль? Красиво же. И вообще, значит так нужно.

Опять это знаменитое «так нужно». То мама Ева, теперь этот. А я уже ударилась в размышления и воспоминания.

Это сколько я тут уже? Я начала мысленно прикидывать в уме. Это что же получается, сегодня у Игоря Семёновича день рождения? Я не сдержала своё слово спеть на его юбилей. У меня испортилось настроение.

Ушла в комнату, легла на кровать. Дети, утомившись после купания, тихонько сопели. Я лежала, закинув руки за голову, думала о Ромке с Алькой, Семёныче и, конечно, маме Еве. Соскучилась ужасно. И так мне стало себя жалко. Я повернулась на бок, а слезы уже текли из глаз. Вспоминала своё последнее дежурство с Игорем Семёновичем, операцию бродяжного пса со сложным переломом. И опять какая-то далекая мысль начала стучаться в мою голову. Не могу понять, что-то я должна вспомнить. Я потёрла висок. Нет, не могу поймать мысль. Так, тихонько лежа и слушая дыхание детей, я задремала.

Проснулась, когда вечер захватил в свои владения дневную жару.

Вот это я поспать! Ночью что делать буду? Я вышла на улицу. Дети умчались играть с соседскими детьми. Звери еще не вернулись. Совсем обиделись на меня? Возле костра расселись столичные. На костре жарилась туша. Я присела рядом с Игнатом.

Он глянул на моё хмурое лицо:

— Что хмурная, землячка? — и хотел по старой привычке хлопнуть меня по плечу.

Я зыркнула на него, предупреждая его жест. Он отшатнулся. Ну да. Есть у меня такая особенность. Когда злая, взгляд у меня зверским становится. Научилась кое-чему в своем сиротском детстве.

Я вздохнула, опустив голову:

— Дом вспомнила, вот и накатило что-то.

Он понимающе кивнул.

— Сегодня юбилей у очень хорошего человека. Я обещала спеть и не выполнила своё обещание — грустно сказала я.

Игнат подвинулся ко мне:

— Так и спой, Ритуля, как будто для него поёшь. Исполни своё обещание. И я истосковался по песне русской. Иногда так жмёт в груди, услышать бы ещё разок.

Я обвела всех взглядом, на нас никто внимания не обращал. Я кивнула. Набрала воздух в легкие, закрыла глаза и представила лицо дорогого мне человека, моего учителя и друга и запела его любимую песню:

«Чёрный ворон,
что ж ты вьешься
Над моею головой

Ты добычи не дождешься
Чёрный ворон, я не твой».

Мощный низкий, красивый голос присоединился к моему. Я открыла глаза. Игнат пел, опустив глаза к земле и нахмутив брови. Его голос переплетался с моим высоким чистым голосом, и мы продолжали петь. В вечерней тишине звук усиливался, то взлетая ввысь, то опускался скорбными словами.

«Калена стрела венчала
Среди битвы роковой
Вижу смерть моя приходит-
Чёрный ворон, весь я твой!»

Мы допели в полной тишине. Так и сидели некоторое время. Игнат утер ладонью одинокую слезу, шумно выдохнув:

— Моя любимая! Уважила, землячка. Прямо душа развернулась, как будто дома побывал.

Кто-то из ребят попросил:

— Спой ещё. Душевно у тебя выходит.

Я кивнула. Обещания нужно выполнять. И я пела всё, что знала.

Разошлись задумчивыми. Песня заставляет думать и переживать, страдать и радоваться.

Я ушла в комнату, дети спали. Под платье надела купальник. Пойду на озеро, днем выспалась, а мысли разные все равно не дадут покоя. На пороге брюхом кверху лежали животные. Позвав их, осторожно вышла на улицу. Вроде нет никого. Я вздохнула полной грудью, хорошо-то как!

По дороге мне никто не встретился, животные бесшумно довели меня до воды и убежали в лес. Вода теплая, кайф! Расплела волосы и с наслаждением погрузила своё тело в плен водной стихии. Как хорошо, ну просто счастье. Наплававшись, легла на спину, как морская звезда, раскинув руки, оставив над водой только часть лица.

Тихо, слышно только под водой легкий шепот песка, перекачиваемый водой. Шшшш. Шшшш. Я открыла глаза, небо как картинка, нет облаков, многочисленные звезды подмигивали мне со всех сторон. Огромная луна смотрела на меня, проложив на воде большую дорожку. Чуть скосила глаза. Встать бы на нее и пойти по водной глади, окутываемая лунным светом. Я совсем расслабилась. Медленный вдох, медленный выдох. Начала наваливаться сонливость.

Внезапно водная гладь вспенилась, забурлила. Меня кто-то схватил крепкими руками. Вскрикнув от неожиданности, я ушла под воду. Пытаясь принять вертикальное положение, беспомощно крутилась в чьих-то объятьях.

Наконец нащупав дно, со всей силы оттолкнулась ногами и выскочила на поверхность, кашляя.

Судорожно откинула длинные волосы, смахивая воду с глаз и замерла.

Рядом стоял Чернявый, держа меня в крепких объятьях, хмуро смотря на меня. Его глаза были прищурены, а между бровей пролегла глубокая складка. Рот гневно сжат, а шрам слегка приподнимал один его уголок.

Господи, да что опять случилось? С детьми что-то? Я пыталась найти ответ на его лице. Скажи же хоть что-нибудь, зараза.

Тут с берега раздался длительный свист. Я повернула голову. Там стояли четверо столичных и смотрели на нас.

В это время к ним, прихрамывая и запыхавшись, подбежал Игнат. Он, тяжело дыша, согнулся, оперевшись ладонями о колени. Поднял голову и спросил:

— Жива?

Я недоумённо повела плечами, широко открыв глаза. А я что, мертвая должна быть? Мне кто-нибудь что-нибудь объяснит?

Игнат громко засмеялся:

— Дозорный прибежал вот с такими глазами — говорил он, показывая глаза на пол лица.

— Орёт — девка ваша утопла. Вот и рванули тебя спасать — он плюхнулся на землю, качая головой.

— Я ж, когда тебя увидел, и сам испугался. Лежишь как покойница на воде, а вокруг волосы плавают. Ты чё ночью поперлась плавать?

— Да что ж такое-то?! Нигде покоя нет — я начала злиться — А когда, Игнат? Днём здесь толпы. То дети, то столичные, то местные — мой голос набирал обороты, переходя на крик — Мне одной и места нет побыть! Я в этом платье и хожу и купаюсь — кричала я, переводя взгляд на себя, указывая на своё платье.

И замерла. Я мысленно застонала. Твою ж мать! Я в купальнике, причем очень откровенном. Алька, я убью тебя! Меня прикрывали только мокрые волосы. Медленно окинула взглядом ребят, стоящих на берегу. Они смотрели на меня, не отрывая взгляда. Затем подняла глаза на Чернявого. Его лицо расслабилось. Взгляд то опускался вниз, изучая моё тело, то возвращался на лицо.

Мы стояли и смотрели в глаза друг другу, не моргая. При других обстоятельствах, я, возможно, почувствовала бы влечение к этому привлекательному мужчине. Сейчас же только глухое раздражение клокотало во мне.

Я выскользнула из его объятий. И как мне на берег выходить? А я их не звала. И плавной походкой вышла на берег, грациозно наклонилась, взяла платье и надела его. Обернулась к ребятам. Двое стояли с открытыми ртами, остальные прятали взгляд в землю, отворачивая головы. Чернявый медленно вышел из воды, не отрывая взгляда от меня. Затем медленно перевёл взгляд на ребят, махнул и пошёл в сторону селения. Петрович, сидя на земле, проводил их взглядом. Я села рядом с ним.

— Бедовая ты девка — сказал он, качая головой — Но красивая — подняв указательный палец.

Он подвинулся ко мне и шепотом спросил:

— Это что ж, сейчас купальники такие дома? — он зажмурился — В моё время вот такие труселя были — сказал он, показывая на бедро.

Я двинула его локтём. Напряжение потихоньку отпускало. Я легла на спину, смотря на небо.

— Мне нужно иногда быть одной. Я одиночка. Дома закрылся в квартире и ходи себе хочешь в трусах, хочешь без них. Здесь новая обстановка, народу тьма и много новой информации для переваривания. Моя налаженная монотонная жизнь полетела в тар-та-ра-ра-ры. Иногда кажется, что голова от мыслей «лопнет».

Игнат кивал головой.

— Мне в следующий раз говори, если что. А то начальник погибнет молодым от

разрыва сердца, тебя спасая.

Он слегка потряс меня за плечо:

— Слышь, ты присмотришься к нему — мужик-то перспективный и нравишься ты ему, вроде.

Я посмотрела на Петровича:

— Ты считаешь, что сейчас самое время? Вдруг всё закрутится, а меня обратно домой вернут. Нет, Петрович — я покачала головой — Это, если б я салага совсем была, окунулась бы с головой в отношения ни о чем не жалея. Погожу пока что.

Мы зашли в селение, никого не встретив. Я усмехнулась. Зато как я на минуту выхожу по своим делам, целая толпа собирается.

В комнате, переодевшись в сорочку, закрыла дверь и легла спать. Звери ещё не вернулись. Охранники, блин. Меня чуть не утопили в расцвете лет, а им хоть бы хны.

На следующий день объявлено, что выдвигаемся через день. Люся, узнав, что тоже едет в столицу радостно порхала во дворе с улыбкой на лице. Получив от Игната строгий выговор по поводу нашей одежды, она принесла целую кучу на выбор. Я с Линой выбирала платья, что-то подшить, что-то распороть и сшить на детей.

Участники ночного события украдкой бросали на меня взгляды, чистя своё оружие. Марк уже крутился между ними, с удовольствием помогая столичным.

Выловив Игната, я задала волновавший меня вопрос:

— А мы пешком пойдём? Странно просто. Столичный отряд пешим ходом по стране болтается.

Игнат ухмылялся:

— Не, Рита. Имеется у них транспорт. Перед отъездом увидишь. Мы только на другом поедём. У них транспорт боевой — потирая руки, хитро смотря на меня. Я недоумённо смотрела на него, чего это он радуется? Мою реакцию хочет посмотреть? Заинтриговааал.

Мне же нужно один вопрос выяснить. Я двинулась в сторону ребят.

Я сидел под деревом и размышлял.

Ну и зачем Мельсин меня сюда послал? Здесь и простой отряд справился бы. Дело обычное — приструнить Диких. Отряд из лучших выслали из столицы. А если там что-то случится? Нам не успеть. Я нахмурил брови, припоминая обстоятельства.

Накануне вечером, над столицей разразилась настоящая буря. Она бешеным вихрем пронеслась по улицам столицы, подхватывая все, что встречала на своём пути и выкорчевывая то, что считала легкой добычей. За бурей начался проливной дождь. Он стучал по крышам непрерывным стуком, просачиваясь в мельчайшие зазоры. Вода грязным бурным потоком проносилась по улицам, смывая следы бури. К утру всё стихло. Утром встревоженные жители осторожно выходили на улицу, оглядываясь и оценивая ущерб. Многие крестились, призывая Хранительницу сохранить от бед. Некоторые шепотом предполагали, что скоро наш мир погибнет, Силы не хватает, чтобы поддерживать баланс. Тут в небе раздался громовой раскат и сверкнула мощная молния, заставившая народ в испуге прижать детей к себе. И на небе разлилась многоцветная радуга. Она сверкала перламутром и приковывала взгляд. Цвета мерцали, меняясь друг с другом местами и вновь вставая на место. От радуги расходились золотистые лучи и эти лучи рассыпались о землю золотистым сиянием.

Народ в восхищении замер, открыв рты. И эта разноцветная радуга вселяла маленькую надежду о грядущих переменах к лучшему.

В спешном порядке Мельсин вызвал меня и сообщил о необходимости отправиться в путь. О его цели он тоже ничего путного сказать не смог. «Так нужно», сказал он.

А я с недоумением рассматривал его. Никогда не видел его в таком нервном состоянии. Он мерил кабинет широкими для его невысокого тела шагами. Туда-сюда, туда-сюда. Иногда он останавливался возле стола, перебирая свитки трясущимися руками. Наконец, он остановился возле окна, сложив руки за спиной, глубоко вздохнул и выдал:

— Реммир. Есть предположение, что наследница должна вернуться.

Ого, вот это новость.

— Точное место и время нам не известно. Указано только направление. Поэтому, чтобы не будоражить народ, информация не будет распространена. Твой отряд едет наводить порядки и точка. А сам осмотришь. Всех переброшенных сюда во дворец. Здесь будем разбираться. Ну и, если проблемы есть, отмечай сразу, что несколько раз кататься — он устало подошёл к креслу, сел на него и откинулся на спинку.

— Скорей бы уже все случилось — он устало потер лицо ладонями.

Поднял голову и посмотрел на меня:

— Могу не дожить до столь знаменательной даты. Мой преемник ещё так молод, ему учиться лет пятьдесят. Опыта у него нет. Да и мне хотелось бы встретить юную наследницу. Ведь столько лет ожидания.

В общем, на следующий день я со своим отрядом двинулся в путь. Вроде всё как обычно. Одна переброшенка есть, только навряд ли она наследница.

Наследница должна быть степенной, разумной и строгой. Всё-таки управление целым миром на её плечи ложится. И Сила начнёт пробуждаться. А эта шептунья какая-то. Я вспомнил первую встречу и усмехнулся. С опухшим лицом и одним глазом, смотрящим на нас. И животные опять же настораживают. Но если учесть, что эта ненормальная спасла их, то можно считать это элементарной благодарностью. И профессия у неё — с животными работать. Как она ловко управилась тогда в амбаре.

Я хмыкнул. И в глаза не боится смотреть. Мужики иногда немеют, а эта поднимет голову и смотрит спокойно.

А вот то, что не побоялась детей спасти, это молодец. Я ведь вначале принял их за её детей. Какая деваха будет с чужими детьми так возиться?

А прошлую ночь вспоминаю с улыбкой.

Я с удовольствием потянулся, ощущая приятное тепло во всем теле. Как она дрожала в моих руках. Наглая она только, спокойно перед всеми вышла на всеобщее обозрение. Наша девка уже в обморок от стыда упала бы, а эта ничего. Смотрит своими красивыми большими глазами. Спокойно оделась и смотрит, как ни в чем не бывало.

Нет, наследница такой не бывает. Значит, по дороге будем ещё искать. Обычно так и бывает. Когда спонтанный портал открывается, забрасывает сразу несколько человек.

Я вытащил изо рта изжеванную травинку, с намерением отдохнуть, вытянувшись на траве. Резко выпрямился, прислушиваясь к голосам.

Показалось? Я прищурился, вслушиваясь. Женский голос доносился до меня:

— Ну дай потрогать. Жалко тебе что-ли?

Ребята вяло отнекивались, а голос продолжал:

— Ох ты, толстый какой. Рукой обхватить не могу.

У меня от удивления широко открылись глаза.

— А у тебя длиннее. А у тебя короткий. Ну дай потрогать.

Я от злости сжал челюсти со всей силы. До чего же девка бессовестная, качал я головой. Она мне весь отряд перепортит, зараза. Сейчас я ей задам! Я вскочил с места, направился наводить порядок.

Подходя к отряду, остановился, осознавая увиденное.

Я решила выяснить не понятный для меня вопрос- об оружии.

Я подошла к тому самому бойцу, у которого трое детей, Револьд вроде, если правильно запомнила. Присела возле него и начала расспрашивать:

— А почему мечи разных размеров?

Он окинул меня взглядом и охотно сказал:

— Оружие делается индивидуально под каждого бойца. Рука то у всех разная. Правильно?

Я кивнула.

— Смотри — он показал мне свой меч, перевернув рукоятку тыльной стороной.

Деревянная рукоятка была разделена вдоль небольшим углублением, поэтому со стороны она казалась обычной. А в этом углублении были отверстия для пальцев. Револьд просунул туда пальцы и обхватил рукоятку. Она уютно легла в его руке.

— Рука должна полностью обхватывать. Если возьмёшь чужой меч, допустим, отверстия для пальцев будут маленькие, а пальцы толстые, то просто они туда не войдут, тогда бойцу конец. В бою ничего не должно отвлекать. Меч — это продолжение руки. От этого зависит наша жизнь. Поэтому они делаются под каждого бойца. Поняла?

Я кивнула и просунула пальцы, они болтались как карандаш в стакане. Это правильно, конечно. И выбить такой меч из рук невозможно, если только с рукой отрезать.

— Почему размеры клинков тоже разные?

— Это просто. По длине руки. Смотри — он встал, глянув на ребят — Ижак, дай-ка своё оружие — он вддел пальцы и размахнулся выкручивая руку — Видишь, он длинный для меня. Пока я буду размахиваться, мне глотку перережут.

Он вернул меч Ижаку, надевая свой и опять размахнулся. Теперь размах меча был короче и удар получился рубящим и коротким.

Я кивнула. Вернусь, Ромке расскажу. Очень полезная вещь, ему пригодится.

— Можно к ребятам подойти посмотреть?

Он кивнул:

— Отчего ж нельзя. Посмотри.

Я подошла к ребятам, с интересом разглядывая. Они снисходительно поглядывали на меня, что, мол, баба может понимать в оружии. Кто-то не желал даже показывать своё детище.

— Ну, дай потрогать. Жалко тебе что ли?

Это понятно, примета говорят такая, чтобы чужая рука даже не прикасалась, поэтому и чистит каждый сам.

У этого бойца были длинные пальцы, поэтому я своей маленькой рукой не смогла даже сомкнуть пальцы на рукоятке.

— Ох ты, толстый какой. Рукой обхватить не могу — такой меч запросто выбьют из

моих рук.

Я пошла дальше.

— А у тебя длиннее. А у тебя короткий. Интересно как. Ну дай потрогать — ребята со смехом доверяли мне свои детища. Я села рядом с ними, задавая вопросы.

В это время на поляну влетел разъярённый Чернявый, рыща злым взглядом по нам. Все бойцы вскочили, вытянувшись по струнке, преданно смотря ему в глаза. Он наткнулся взглядом на меня и сжал глаза в узкие щёлочки.

Страшно-то как. У меня побежали мурашки по всему телу. Я недоуменно смотрела на него, пытаюсь понять, что опять я не так сделала. Сомнений в том, что он из-за меня такой злой, уже не оставалось. Создавалось впечатление, что передо мной стоит разъяренный огромный бык — еще мгновение и из его ноздрей пойдет дым. Ему бы только кольцо в нос и мне красную тряпку в руки. Торро. Идиотка! Не смей улыбаться, размажет по стеночке.

Он внимательно обвел взглядом нашу компанию, оружие в моих руках, медленно выдохнул и расслабился.

Фу. Пронесло. Ребята тоже начали расслабляться.

Нужно держаться от этого бешеного подальше, на всякий случай. Я окликнула Марка, и мы пошли в дом. Он шёл с мечтательным взглядом, а потом спросил:

— Рита, а можно я ратному делу заниматься буду? Нравится мне очень. Меня отчим за то и бил, хотел меня своему скорняжному делу научить, а у меня не получалось. Он злился. Говорил: «мало того, что прибудыщ, еще и руки не из того места растут». Я старался, конечно, чтоб мамка не расстраивалась, но у меня, как назло, не получалось. Однажды всю партию испортил.

Я кивнула. Можно, наверное. Петровича нужно спросить. Или с ребятами поговорить, пошлют, так пошлют.

Наступила преддорожная лихорадка. Люся бегала, доделывая последние дела. Игнат тоже все время отсутствовал дома, передавая своему заместителю заботы. Строго инструктировал, наставляя и подсказывая. Мы с детьми тоже ощущали эту нервную обстановку.

Я выловила Игната, выбегающего из дома:

— На чём поедем-то?

Он хлопнул себе по лбу:

— Точно! Совсем забыл — молча развернулся и побежал в другую сторону.

Я недоумённо проводила его взглядом, вот неутомный.

Сегодня было не до разговоров, быстро поужинали и разошлись по местам. Я провела со своими животными воспитательную беседу, строго наказывая не уходить на ночь в лес. Завтра утром в дорогу.

Рано утром, едва начался рассвет, мы собрались на улице. Столичные сосредоточенные, молчаливые.

У меня была непонятная дрожь во всем теле. Старалась унять ее, сжимая ладони в кулаки.

Мы все вышли за пределы селения. Я недоумённо оглядывалась. Ничего не понимаю, пешком пойдем?

Тут все столичные достали что-то из карманов и дружно дунули. Я смотрела на них. Что

они делают? Внезапно земля задрожала, как от чего-то тяжелого. Я посмотрела на ребят, они стояли спокойно, значит и мне не нужно волноваться. Со всех сторон стремглав, начали выбегать животные. Они с радостным фырканием кружились по поляне и подбегали к ребятам.

Один, сильно прихрамывая, подбежал к чернявому. Тот нахмурился. А я с восхищением разглядывала красивых животных, подходя поближе.

Грациозные животные, ростом вдвое выше наших лошадей, густая длинная шерсть по всему телу. Мощная длинная шея, с длинной гривой до земли. Хвостов нет вообще. А это что? Вместо копыт лапы? А что удобно- подковывать не нужно, и ухаживать за мозолями тоже. Сами лапы толстые и мощные, мышцы перекатывались от малейшего движения. Мне захотелось до судорог в руках потрогать, и я как зачарованная двинулась в их сторону, вытянув руку.

В это время животное Чернявого жалобно заскулило, переставляя лапы. Ему ведь больно, и я, не подумав, сменила траекторию и пошла в его направлении. Никто ничего не успел мне сказать.

Я подошла к передней левой лапе и согнула, чтобы посмотреть.

Так, что тут у нас? Попутно рассматривая строение лапы. Размером в две медвежьи лапы, с большими острыми когтями, посередине подушка с очень плотной твердой поверхностью. Я постучала, раздался глухой звук. Тогда почему хромота? И разглядела, что один коготь у основания был практически вырван и держался на небольшой кожице, а его острие глубоко вогнано в подушечку.

Вот это и причиняет ему боль, а ведь ещё предстоит дальняя дорога.

— Ну что, потерпишь? — спросила я зверя, поворачивая голову.

Он смотрел на меня, открыв пасть и часто хлопая глазами.

— Марк, тащи мою сумку.

Достала маникюрный набор. Что же взять? Щипчики или кусачки? Подняла тяжеленную лапу, удобно перехватив ногами, и принялась за дело. Животное заволновалось, начав переступать оставшимися лапами и неловко подпрыгивая.

— И даже не думай! Мне тяжело твою лапу держать. Взрослое ведь животное, понимать должно, что тебе помогают — тихо говорила я, быстро доставая коготь.

— Вот и всё — перевязывая полоской ткани.

Отпустив лапу, выпрямилась, прошла вдоль его тела, проводя рукой по гибкому мускулистому телу и подошла к голове.

— Какой ты красивый — с восхищением сказала я, заглядывая в его глаза — Больно, да? Ничего, скоро пройдет — протянула руку и погладила между ушей.

Животное от удовольствия зажмурило глаза. А я все приговаривала:

— Красавец. И глазки у тебя красивые, и сам ты сильный.

Животное положило голову на моё плечо — Покатаешь как-нибудь? Снизив голос до шепота:

— Если хозяин не будет против.

Он открыл один глаз, скося его на своего хозяина. Я в последний раз прошла руками по его голове и отошла. Вокруг стояла звенящая тишина. Все в каком-то тревожном молчании смотрели на меня.

Ко мне подскочил Игнат и, схватив за руку отвел подальше:

— Ну ты даешь! Я чуть не помер со страху. Ты чего совсем сдурела? Чего прешься куда

не следует. Он мог запросто убить тебя. Это ж боевое животное. Шавалов с утробы матери учат убивать чужих и защищать своего хозяина» — тараторил он, вытирая пот со лба.

Шавал, название чудное какое. Чего волнуется? Когда еще представится возможность такую красоту погладить.

— Не убил ведь — пожалала я плечами — Он ведь не дурак, понимает, что ему помогли, вот и стоял спокойно.

Я обиженно отошла к детям. Инициатива наказуема, называется.

В это время к нам подвели наше транспортное средство. Они чем-то внешне походили на боевых, но были похилее и меньше ростом.

— Это общественный транспорт, так сказать — подошёл Игнат.

— Смотри — он обратил моё внимание, что тело рядом стоящего животного было сильно вытянуто — Здесь трое умещаются. Вы на этом поедете. У нас с Люсей другой будет.

Интересно, как здесь все устроено. Это что же получается, трёхместный шавал? Я подошла, чтобы рассмотреть его. Худощавое жилистое тело, шерсть короткая, лапы очень широкие, ноги мускулистые. Это животное конечно внешним видом очень проигрывает боевым. Я с завистью посмотрела на столичных. Они уже расселись по своим животным. Я посадила детей. Обернулась на Хила с мелким и со словами:

— Не отставайте — вскочила на животное.

Мы неспешным шагом тронулись в путь. Я ехала и смотрела по сторонам. Игнат сел позади Люси, нежно придерживая её за талию и что-то шепча на ушко. Она заливисто смеялась. Я покачала головой с улыбкой. Это нужно было опуститься на самое дно, чтобы суметь подняться и обрести свое счастье. Чернявый ехал в самом начале нашей процессии, время от времени объезжая её до самого конца, проверяя порядок.

Когда он проезжал мимо, я посмотрела на лапу его животного. Оно практически не хромало. Вот и хорошо. Чернявый демонстративно хмурил брови. Ну и пошёл ты, даже спасибо не сказал. Я отвернулась. От мерного покачивания, детей сморило. Мне пришлось придерживать их, замерев на месте. От долгого сидения все мышцы затекло, свой зад я вообще перестала ощущать. Если мы вскоре не остановимся, я наверно свалюсь на землю.

Из-за нас с детьми разрешили остановку. Я с удовольствием сползла на землю, собирая ноги в кучку. Так я долго не протяну, с непривычки все мышцы ныли. Отряд итак из-за нас медленно едет, так что придётся терпеть, сжав зубы. Мелкий временами нырял в высокую траву и выныривал с довольным видом. Хил трусил по дороге рядом с нами, временами тоже исчезая.

К вечеру мне хотелось проклясть все на свете. Я слезла с животного и легла на траву, давая мышцам хоть немного расслабиться. Сейчас бы в воду, мечтала я. Когда во всем теле боль начала стихать, я встала и огляделась.

На протяжении всего взгляда не виделось ни одного леса. Как костер разводить? Дети тоже были сегодня молчаливыми, боялись, как их встретит новая родня.

Столичные спешили, отпустив своих животных на волю. Раненое животное покружилось среди нас и, найдя меня взглядом, подошел, шумно выдыхая через ноздри, и положил голову на плечо. Я обняла его руками и закрыла глаза. Сразу стало так спокойно. Я гладила его по голове, руки опускались на его шею. Пальцы зарывались в его густую шерсть.

— Ну чего ты? Не хромаешь ведь уже. Иди гуляй, а то хозяин ругаться будет. Ты ведь боевое животное, а жмёшься, словно котёнок домашний.

Я обхватила его морду руками, потерлась о его твердый холодный нос своим носом и

отошла. Он развернулся и побежал за остальными. Развернулась и наткнулась на взгляд его хозяина. Он стоял, сложив руки на груди, и покачиваясь с пятки на носок. А я что? Я ничего. Я развела руками в стороны, слегка пожав плечами и пошла к детям.

Окончательно стемнело. Начали готовить еду. Я сидела в сторонке и с недоумением наблюдала. Костра не было. В большой котел набрасывали куски свежего мяса, овощей и зелени. Один из ребят взял свой мешок, засунул туда руку и достал небольшую коробочку. Открыл её и аккуратно достал капсулу среднего размера. Затем поднес руку под котел, раздавил там капсулу, я застыла на месте от увиденного.

Разгорелся синий огонь, который горел ровно, не потрескивая. Вскоре вода в котле закипела и до меня донесся запах готовящейся пищи.

Я тихонько придвинулась к одному из ребят.

— Что это он там сделал, чтобы еда варилась.

Парнишка обернулся ко мне. Молоденький симпатичный мальчик с красивым телом и развитой мускулатурой. Он улыбнулся мне открытой улыбкой и сказал просто:

— Часть силы, заключенная в капсулу.

Я смотрела на него, ожидая продолжения.

— А, ты же не местная, не знаешь ничего. Это делается для боевых отрядов. Ты здесь видишь лес? — обвел он рукой вокруг.

Я отрицательно помотала головой.

— И так может продолжаться неделями, особенно в восточной стороне Ваарии. Но бойцы должны питаться, иначе какой с отряда толк, если обессилят от голода. На сухом пайке долго не протянешь. Бывало останавливались, а кругом лес Хранительницы. Нам туда хода нет, и дров взять негде. Вот и придумали специальные штучки. А что, очень удобно.

Я кивнула головой. Конечно, очень удобно.

— Непривычно только. От костра и свет и тепло.

Он понимающе улыбнулся и снова полез в сумку. Достал еще одну коробку побольше и открыл. Я с интересом заглядывала туда, вытягивая шею. Он зачерпнул оттуда небольшую горсть крупного песка и, подбросив вверх, сказал: «Свет».

И тотчас песчинки разгорелись ярким светом. Я с открытым ртом сидела, смотрела на эту красоту. Они плавно передвигались над нашими головами, не опускаясь на землю. Дети тоже смотрели вверх с открытыми ртами.

Я обернулась на парнишку:

— Это тоже специальная задумка?

Он утвердительно кивнул головой и протянул мне руку:

— Эвальд.

— Рита — просто ответила я.

Мы поужинали и начали устраиваться спать. Игнат выдал нам одеяла. Я отошла немного в сторону, выбрала место с густой травой, расстелила одеяла — там и мы легли. Хил лег с одной стороны, Мелкий с другой. Я лежала и смотрела на небо, пока сон не сморил меня.

Проснулась от громкого рыка, доносившегося со всех сторон. Я вскочила и увидела, что столичные уже готовятся принять бой. Я начала оглядываться. Со всех сторон на нас в полной темноте смотрели десятки светящихся глаз. Как тогда ночью.

Дети проснулись, потирая глаза. Я быстро подняла детей, сдернула одеяла и отвела детей к Люсе с Игнатом. Сама встала на прежнее место, всматриваясь в темноту.

Хил сразу принял боевую стойку. Мелкий лениво покрутился с бока на бок, потянулся, с хрустом вытянув лапы и встал рядом с Хилом. Они переглянулись, Хил рыкнул, и они рванули в траву. Я и слова не успела сказать. От волнения сжала руки в замок, прижав их к груди.

«Их же много. Их убьют», с отчаянием думала я.

Обернулась на отряд. Они стояли, не сдвинувшись с места и всматривались в ночную темноту. Я с надеждой всматривалась в их лица, почему они стоят и ничего не делают.

Тут раздался протяжный визг. Я отшатнулась. На глаза стали наворачиваться слезы отчаяния. Трава вокруг зашумела от движения тел животных. То тут, то там вспыхивали и гасли огни глаз неизвестных мне животных. Раздавался хруст костей и предсмертный хрип. Не знаю сколь прошло времени, прежде чем всё стихло. Мне казалось, что бесконечно.

Я заметила шевеление травы возле меня и отшатнулась. Показался Хил. Облегченный выдох. Он медленно шел ко мне, облизывая морду. Его глаза уже принимали обычный цвет.

— А где Мелкий? — Хил поднял ко мне морду — Что? — я смотрела в его глаза — Хил. Где Мелкий? — в моем голосе начиналась паника.

Он слегка повел головой в сторону. Я побежала со всех ног в ту сторону. Звала его в полной темноте. Тут над головой зажглись огоньки и рядом я увидела Чернявого. Он шел рядом, всматриваясь в траву. Раздался хрип. Я обернулась и побежала туда. Мелкий лежал на боку, временами пытаясь встать на лапы. Я бросилась к нему. По моему лицу уже текли слёзы.

— Мелкий, тебя ранили. Где? — я судорожно ощупывала его тело и обнаружила рваную рану на шее. Я в страхе замерла, ведь от подобной раны погибла его мать. Его нужно дотащить до места нашей стоянки. Возможно, я смогу что-то сделать. Я посмотрела на Чернявого. Он кивнул и подошёл, просунул руки под тушу животного, с трудом подняв его. Так мы и вышли к народу. Чернявый положил Мелкого возле бывшего костра. Я попросила зажечь ещё огоньков.

Кровь тоненьким ручейком вытекала из его раны. Господи. Что я могу сделать голыми руками? Мелкий открывал глаза и смотрел на меня немигающим взглядом. Я в отчаянии закрыла лицо руками, судорожно рыдая. Дети сидели в сторонке, обнявшись и тихонько плакали.

Ко мне подошли ребята. Эвальд присел рядом, положила руку мне на плечо:

— Оставь его, он все равно умрет. От таких ран не выживают.

Я со злостью посмотрела на него, прищуриглаза и скидывая его руку. Вот хрен вам всем. Быстро утерла слезы и выпотрошила свою сумку. Ничего нет. Что можно сделать голыми руками? Я посмотрела на свои ладони. Делай хоть что-нибудь, чёрт тебя подери.

Я склонилась над раной, рассматривая её. В такой темени много не рассмотришь. Я вскочила, схватила с воздуха несколько огоньков и подтянула к шее. Ага, вот теперь можно хоть что-то разобрать. Артерия была частично повреждена, а не полностью разорвана. Я раздвинула края рваной шкуры, подбираясь к артерии. Зажала её пальцами и закрыла глаза. Не могу смотреть как из его тела, медленно вытекает жизнь.

Я не хочу увидеть его последний смертельный взгляд, он навсегда останется в моей памяти и будет преследовать всю мою жизнь. Насмотрелась, работая в клинике. Они навсегда оставляют маленькие насечки в моем сердце.

И вот перед глазами побежали картинки из моей памяти: вот я увидела его маленьким, попискивающим под боком у его матери, вот я несущего за пазухой, придерживая одной

рукой. Его первые шаги, здесь он бежит, свалив Игната с ног. И от отчаяния я молилась с закрытыми глазами. Кого просила, не знаю, просто от всей своей души и открытого сердца молилась.

Сколько я так сидела не знаю. Открыла глаза, когда начало светать. Дети сидели, прижавшись к Игнату, хлопая сонными глазами и стараясь не уснуть. Я вздохнула. Мелкий был жив, его бока мерно вздымались, тоже уснул наверно.

Ну что, нужно осторожно убрать руку и посмотреть на рану. Я попыталась разжать пальцы, но не смогла этого сделать. Рука меня не слушалась. Пальцы свело от напряжения. Свободной рукой начала отжимать сведенные судорогой пальцы.

Тут ко мне протянулась рука Чернявого. Он мягко убрал мою свободную руку и стал аккуратно отжимать пальцы. Я с благодарностью приняла его помощь. Нужно осмотреть рану — я наклонилась. Что такое? Это у меня от стресса галлюцинации? Где рана то? Вот следы запекшейся крови на шкуре. Не могла же она так быстро зажить? А почему, собственно говоря, не могла? Животное какое-то необычное, если его Хранительница создала. Я облегченно вздохнула полной грудью. Посмотрела на детей, одобряюще кивнув и коротко сказала: «Спать».

Я легла возле Мелкого, обняв его руками. Проснулась от того, что кто-то шершавым языком облизывает моё лицо. Мелкий стоял возле меня, слегка пошатываясь от слабости. «Живой?» — погладила я его. Он благодарно лизнул меня слюнявым языком.

Хил сидел рядом. Я прошла по его шерсти рукой.

— Молодцы, ребятки. Вы самые смелые и сильные животные. Только в следующий раз, Мелкий, будь осторожен. Это Хил взрослый, а ты ещё подросток. У тебя нет опыта в драках.

Я, смотря, как Мелкий идет на слабых лапах, понимала, что отряд не может себе позволить остаться здесь из-за нас. Значит, мне придется остаться. Детьми я так рисковать не могу, эти твари могут вернуться.

Приняв тяжелое решение, подошла к Игнату

— Игнат, я остаюсь. Мелкий ещё очень слаб, ему нужно набраться сил. Прошу тебя, сбереги детей и доведи их к родственникам.

Игнат хмурился и смотрел то на меня, то на животных. Он понимал, что я своего решения не поменяю.

— Тогда мы тоже останемся.

Я отрицательно помахала головой.

— Нет, Игнат. Ты не можешь рисковать Люсей. И от тебя толку на одной ноге мало. Тогда ведь и дети останутся. А я тебя прошу, как человека, сберечь их.

Он обреченно кивнул.

Я была вся в крови, нужно привести себя в порядок. Мой спортивный костюм был полностью измазан в крови. Я достала из сумки платье, но сначала оттерла кровь с рук, Марк поливал из моей пластиковой бутылки, которую я так и не выбросила. Зашла подальше в траву и быстро переоделась.

Я вздохнула, мне придётся сказать детям грустную новость. Лина подошла ко мне и обхватила двумя руками за талию, прижавшись головой к животу. Я погладила её по волосам. Марк стоял рядом, опустив голову.

— Испугались?

Они кивнули головами

— А я как испугалась, жуть просто. Ну ничего, все обошлось.

— Ребята — начала я разговор.

И, только я набрала воздуха в легкие, подошёл Чернявый. Он посмотрел на нас спокойным взглядом:

— Сегодня отдыхайте. Завтра поедем.

Я не верила своим ушам. Они и правда из-за нас останутся? Я облегченно выдохнула.

— Спасибо — с благодарностью смотря ему в глаза.

Он глянул на моих животных, слегка улыбнувшись и кивнул.

Нам пришлось сменить место стоянки. Мы с детьми медленно шли рядом с Мелким и Хилом. Дошли до небольшого лесочка, там и остановились. Развели нормальный костер, от которого тянуло приятным горьковатым дымом. Все расположились вокруг него. Ребята начали готовить еду.

Эвальд подошёл ко мне и сел рядом

Повернув голову, тихо спросила:

— Почему вы не сражались?

Он хмыкнул:

— С кем? С невидимым врагом? Половина отряда полегло бы. Мы ждали, когда они выйдут в зону видимости, подойдут ближе. Эти звери из другого мира, пробрались к нам случайно, когда открылся спонтанный портал. Прижились и размножились — он сложил руки на согнутых коленях.

— Твои-то молодцы. Сами справились. Знать, не врёт молва-то, и вправду опасные животные.

— Да какие они опасные. Мелкий ещё подросток, вот и подставился.

Мелкий как-будто почувствовал, что говорят про него, подошел. Эвальд протянул руку к нему и спросил, повернув ко мне голову:

— Можно?

Я пожала плечами. Не знаю.

— Мелкий, стой спокойно. Он не причинит вреда, только погладит.

Эвальд осторожно прикоснулся к его спине, погружая руку в шерсть. Он гладил с благоговейной улыбкой на лице. Не каждый сможет похвастать, что гладил левира.

— Хил, иди сюда — пусть и его погладит. Вообще тогда герой будет.

Эвальд улыбался открытой улыбкой совсем ещё молоденького паренька.

— Но у меня к тебе просьба. Пока будем ехать, научи Марка мечом управляться. Он хочет обучаться вашему делу, мальчик то смысленный, может, выйдет толк с этого.

Он кивнул.

Меня начало клонить в сон. Сон был поверхностный, я эхом слышала разговоры ребят. Они рассказывали друг другу истории из своих походов, молодежь слушала с интересом.

— Был и такой случай. Шавала повредили. Кость в задней лапе вдребезги раскрошили. Уж как хозяин убивался. Пришлось добить животное — доносилось до меня.

А я сквозь сон думала

— Жалко животное. Дома «петровича» бы поставили и всех делов.

И тут меня подбросило. Я хлопала глазами, судорожно соображая, боясь упустить мысль. Конечно же! Так, спокойно. Я провела ладонями по лицу.

Игнат с Люсей сидели возле костра, тихонько переговариваясь. Он отстегнул свою деревянную культю, давая ноге возможность отдохнуть. Я тихонько села рядом с ними.

— Игнат Петрович. А исследованиями в какой области вы занимались в своём

институте?

Он недоумённо посмотрел на меня:

— Ты чего, Ритка, сдурела? Столько лет прошло.

Я молча смотрела на него. Пока не буду ничего говорить, моя мысль ещё не оформилась до конца. Возможно, это только мои догадки или просто одна из версий, которая не имеет под собой никаких оснований. Он помолчал, вспоминая. Начал медленно говорить, окунаясь в своё далёкое прошлое. Я молча слушала, кивая головой. Стоп. А вот это интересно.

— Давай здесь подробнее, Игнат. Над проектом работала группа?

— Это моя последняя разработка. Двое мы работали с Михаилом Владимировичем Кулагиным. Он вскоре погиб в дорожно-транспортном.

Я понимающе кивнула.

— Доводил до ума сам. Только исследования не прошёл, материал ломался. А там и страна начала разваливаться. Я же рассказывал.

Я опять кивнула. Взяла ветку и начала рисовать на ровной поверхности.

— Посмотри, Игнат Петрович, похоже на то, над чем ты работал?

Он придвинулся поближе к рисунку, нахмурил брови. Долго рассматривал, потом растерянно поднял на меня глаза.

— Откуда ты знаешь, как он выглядит, Рита?

Я глубоко вздохнула и начала рассказ:

— Понимаешь, кажется, твоя разработка пригодилась. Только в ветеринарии. Это у аппаратов для людей они называются человеческими фамилиями. Например, аппарат Елизарова. У нас такое название не прижилось. Между собой во время операций мы называем его «Петровичем». У меня мелькала какая-то мысль, а сейчас вспомнила своё последнее дежурство. Игорь Семёнович коротко командует: «Ставим «Петровича». А ведь настоящее его название — «аппарат Залесского»

Я замолчала, смотря на него. Он смотрел на меня, растерянно хлопая глазами, переводя взгляд на рисунок и обратно.

— Это что же получается, Рита. Все не зря — медленно сказал он.

— И..... — он опустил голову.

Затем резко вскочил, забыв, что деревяшку снял и повалился на землю. Вскочил, запрыгав на одной ноге. Люся в тревоге смотрела на Игната, затем перевела взгляд на меня. Ребята тоже в тишине смотрели на меня. Наверно нужно объяснить.

— Понимаете. Для нас для людей очень важно оставить после себя хоть какой-то след, память. Чтобы помнили — я облизала губы, старательно подбирая слова — Кто-то оставляет продолжение в своих детях. Когда человека не будет, дети и его внуки будут помнить его и след человека не потеряется в вечности. Игнат Петрович ученый. И он думал, что его жизнь там, на Земле прошла зря. Когда жизнь проходит зря, это ведь страшно. Оказалось, не зря. Его имя навсегда останется в названии аппарата, придуманного им.

Мы молчали. Я посмотрела на ребят, рассказывавшим историю:

— То животное, про которое вы рассказывали, можно было спасти, если поставить аппарат придуманный Игнатом Петровичем.

Ребята загалдели:

— Ишь ты. И не скажешь про Игната. Думали, что просто рукастый парень. Оказывается, вон оно чего.

Чернявый задумчиво спросил:

— А здесь можно использовать его способности?

Я кивнула головой:

— Конечно. Чтобы придумывать, нужна голова. А вот воплотить это — нужно специальное помещение. Вы сами обговорите с ним. Может и согласится. Да, Люся?

Я повернула голову к ней. Она растеряно смотрела на нас.

— Сама подумай, Люся. Он может ещё много полезного для вашего мира придумать. Сама же говорила, рукастый он у тебя.

Она молча кивнула, взяла деревянную культю и пошла к Игнату. Вскоре они вернулись. Он сел на прежнее место.

— Ты мой добрый ангел, Рита. Ты ворвалась в мою жизнь, принесла добрую весть и вернула смысл моей, как я думал никчемной, жизни. Век тебе буду благодарен.

Он обнял меня, крепко сжав в объятиях, выдохнул и широко улыбнулся. Потом схватил Люсю в охапку и стал кружиться с ней. Она радостно верещала. Напряжение спало. Ребята начали улыбаться. У меня на душе стало спокойно и радостно.

Мы с ним еще сидели возле рисунка. Я рассказывала все что знала. Мы обсуждали, почему тогда аппарат не прошел испытания. Из чего он сделан сейчас и для чего применяется.

На следующий день мы тронулись в путь. Мелкий уже твердо стоял на ногах и даже уже смотался на охоту. Два дня прошли более или менее спокойно. Эвальд выполнил обещание. На каждой остановке он занимался с Марком. Мальчик с нетерпением ждал каждого занятия. В один из вечеров Эвальд встал в пару с Марком. Я внимательно смотрела за мальчиком. А ведь неплохо получается. Еще пару лет и мышцы наберут силу от тренировок. И ловкости у него не занимать — вон как уворачивается. К замечаниям прислушивается внимательно, стараясь тут же исправить ошибку. Мы с Линой поддерживали его криками и скандировали его имя. Столичные благодушно посмеивались над нами. А Марк гордо выпячивал грудь и разворачивал плечи. Совсем как Ромка, качала я головой с грустной улыбкой. Наверное, все мальчишки такие.

Игнат подсел ко мне, комментируя:

— Ишь что вытворяет, малец то. Видать отец из бойцов был — и продолжил — Завтра селение будет — он махнул головой на детей.

Я замерла. Уже? Так быстро? Я с ужасом посмотрела на детей. Я не готова так быстро с ними расстаться. Пожалуйста, не сейчас. И одернула себя: «Эгоистка! Прекрати немедленно! Побудьте со мной, пока я не свалю отсюда, а потом идите к родственникам, что ли? Они тебе не игрушки, им и так страшно. Ты сделала для них все что могла, и отпустить должна с чистым сердцем. Но как же тяжело!». Я вздохнула, подняв глаза к небу. Спокойствие! Только спокойствие.

Нужно чем — то нас занять. И дети будут заняты, и я от мыслей отвлекусь. Марк пришел довольный, утирая пот со лба. Так, что придумать? Ага. Я взяла палочку и нарисовала на земле решетку и позвала детей. Объяснила игру в крестики-нолики. Марк кипятился, проигрывая, а я подсмеивалась над ним, стуча пальцем по голове: «Думай, Марк. Думай»

Настала очередь Лины. Она задумчиво приложила руку к губам, чуть склонив голову. На пятый раз она выиграла. У меня глаза от удивления открылись. «Повезло» — подумала я. Но

она выиграла и в следующий раз. Девчонка-то умненькая. Молодец! Я вскочила в притворном возмущении, всплескивая руками:

— Люди добрые, что творится? Меня, взрослого человека обыграла маленькая девочка — причитала я, пряча улыбку.

Марк смеялся на до мной в голос.

— Куда мир катится? — причитала я — А ну, давай еще раз, сейчас я тебя точно обыграю — быстро нарисовав решетку.

Лина думала чуть дольше, просчитывая все ходы и ... выиграла.

— Ах ты, пигалица — схватила её в охапку, щекоча за бока — Ты оказывается профессор, да? Умненькая-благоразумненькая.

Она визжала, уворачиваясь от моих рук.

Тут к игре подключился Игнат с Люсей. Постепенно и столичные втянулись. Я посмеивалась, видя взрослых мужиков с палочками, ползающими по земле. То тут, то там вспыхивала перебранка. Я предложила играть на желание. Только ничего бессовестного, пожалуйста. С нами дети. Все с энтузиазмом поддержали. Игра началась, постепенно количество игроков сокращалось. Лина играла сама за себя и весьма успешно продвигалась к победе, оставляя за собой ребят. Я только качала головой в восхищении.

Вот осталось четыре человека. Я, Лина, Чернявый и Зорий. Всех охватило радостное возбуждение. Я играла с Зорием. Лина с Чернявым. В финал вышла я с Реммиром. Толпа разделилась на две части. У меня появились свои болельщики. Я смеялась в голос, слушая их выкрики. Давно мне не было так весело. Итак, игра началась, и... я проиграла.

— Нет, ну что за народ. Научи их на свою голову, ещё и в проигравших оставят— вставая на ноги. А вот сама виновата. Нечего было сидеть, рассматривать его прелести. Я потрянула головой. Улыбаясь, протянула руку победителю:

— Поздравляю. Озвучьте ваше желание.

Он молча пожал руку, слегка прищурившись:

— Можно оставить его на потом?

Я пожала плечами

— Можно.

Его болельщики подходили к нему, хлопая по плечу.

— Молодец, начальник, не подвел нас.

Я повернулась к Петровичу:

— Игнат, нельзя разве сделать шашки и шахматы?

Он секунду смотрел на меня, затем хлопнул себя по лбу.

— Как я раньше не додумался, идиот. Можно, конечно. Займусь, Рита, обязательно займусь.

На следующий день, ближе к вечеру мы доехали до небольшого озера. В получасе езды было селение, куда следовало доставить детей. Мы решили эту ночь провести здесь. Мы с детьми сразу отправились к воде. Они плескались, а я сидела и думала, что это последняя ночь вместе и с грустью наблюдала за ними.

Я замочила спортивный костюм отмокать от крови. Животные умчались в лес. Игнат в это время поехал к местному старшему, выяснить подробности родства с детьми.

Он приехал и кивком головы, подтвердил родство.

— Тройродный брат имеется. Своих детей полно, но тем и лучше. Дети быстрее освоятся.

Это была утешающая новость.

К речке приходили и уходили купались и местные, с интересом рассматривая нас. Парни с девушками, семьи, компания парней, пристально рассматривающими меня.

Искупаться невозможно, приду, когда никого не будет. Вечером, когда все улеглись, я тихонько предупредила Игната, взяла сумку и пошла к воде. С купальником решила не рисковать, сняла платье, одела сорочку, расплела волосы и с наслаждением вошла в воду. Плавала тихо, стараясь не шуметь.

Даже вода не смогла смыть мои тревоги по поводу расставания с детьми. Я вышла из воды, отжимая волосы и замерла. С другой стороны озера шёл Чернявый. Его волосы были мокрыми. Вода стекала с них тонкими струями и текла по мокрому торсу, огибая рельефные мышцы. Маленькие капельки воды тускло поблескивали на влажной коже, отраженные лунным светом.

Чёрт, мокрая сорочка плотно облепила моё тело, выставляя на показ изгибы тела. По мере того, как он подходил ближе, я начала мелко дрожать. То ли от холода, то ли от его взгляда. Он подошел совсем близко и остановился. Я подняла голову, смотря ему в глаза. Он медленно обвел глазами моё тело. Меня окатила волна жара. Я посмотрела на его руки, мускулистые и сильные, ладони со слегка шершавой кожей. Так захотелось, чтобы его ладони прошли по всему телу, слегка царапая кожу, а потом прижали к голому торсу. Внизу стало горячо и влажно.

Совсем сдурела? Я отступила шаг назад, отгоняя наваждение, и опустила глаза вниз. Так и стояла молча, пока он не развернулся и не ушел.

Мне пришлось искупаться еще раз. В таком состоянии ложиться спать негоже, иначе эротические сны замучают. Это у меня просто давно мужчины не было.

На следующий день в сильном волнении, мы собрались идти в селение. Я одела детей в новые одежды, сшитые мной, красиво заплела Лину. Они тоже волновались, заглядывая мне в глаза. Спокойно кивала им головой, нельзя чтобы они видели моё волнение.

Пошли Игнат, нас трое, Чернявый с пятью ребятами. Селение было больше Игнатовского. Староста принял нас на улице, мы сели за дубовый стол. Он послал за родственниками детей. Я сидела, приобняв детей с обеих сторон. Тут послышался шум, и во двор ввалилась довольно живописная компания.

Глава семейства щуплый невысокий мужчина с тонкими губами, он недовольно сжимал их. Его жена высокая толстая бабёнка с выпирающими боками в коротком платье до колена, из которого торчали толстые ноги. Глаза-щёлочки, выглядывающие через толстые румяные щеки и жидкие сальные волосы до плеч — вот что сразу бросилось в глаза. Меня передёрнуло. С ними были четверо вертлявых детей, любопытно оглядывающих нашу компанию. Старший селения подошел к ним с Игнатом, проясняя ситуацию. Мужик начал гневно взмахивать руками, нервно подергивая плечами. Мы спокойно стояли за их спинами, ожидая результата. Столичные остались сидеть за столом. Один из детей пробрался сзади к Лине и ущипнул, она вскрикнула и потеряла свою попу. Я начала волноваться, не нравилась мне эта колоритная парочка. Да и дети начали жаться ко мне все сильнее.

Мамаша всплеснула руками, узнав причину вызова, она трясла головой. Потом

оглядевшись, увидела детей. Её глаза вообще исчезли за пухлыми щеками. Она подошла к нам, хмыкнув, вслед за ней подскочил и её муж. Он схватил Лину за руку и дёрнул на себя, девочка от неожиданности чуть не упала. Она обернулась к нам, недоумённо смотря на Марка.

— Эту возьмём — сказал глава семейства.

— А этого приبلудка, девайте куда хотите. Это брат дурак был, подбирал кого ни попадя. А на мне, где сядешь, там и слезешь. Понятно? — он поднес к моему лицу указательный палец.

Спокойно, только спокойно. Но у меня внутри начиналась гневная дрожь, еще чуть-чуть и я взорвусь. Жирная мамаша стала хватать Лину толстыми руками и разворачивать в разные стороны, рассматривая.

В это время столичные ребята, слыша, что назревает скандал, поднялись со своих мест и встали за нашими спинами.

Лина с ужасом смотрела на Марка и из её больших глаз покатались слезы. Она понимала, что их разлучают. Берут только её и возможно, она никогда больше не увидит своего брата. Марк смотрел на Лину сухими глазами, не моргая. На его лице было отчаяние. Но что мог сделать маленький ребёнок, против толпы взрослых.

Я смотрела на эту сволочную парочку и начинала дико их ненавидеть. Разве смогут они полюбить детей, как я об этом мечтала? Не в эти руки я бы хотела отдать детей. Нужно что-то срочно предпринять!

— По новому закону Ваарии, запрещено разлучать кровных братьев и сестёр — как можно спокойнее сказала я.

Мужик подскочил ко мне, скривив рот:

— Это когда это такое придумали? Не слышал о таком! Ублюдка не возьму!»

Я повернулась на Чернявого, посмотрела на него умоляющим взглядом. Ну, пожалуйста, подыграй мне. Он смотрел мне в глаза, затем спокойно отвел их на толпу, кивнул головой и сказал:

— Есть такой закон — и снова посмотрел на меня.

«Спасибо» — прошептала я одними губами.

Тут к мужику подскочила его жена, поставив руки в жирные бока и еще больше прищутив глаза:

— А чего это мы должны всех брать. Он нам не родственник. Ещё эту вырастить надо, пришла голая практически. Где я ей столько добра наберусь? Аааааа?

— Девочку зовут Неолина, все их селение выжгли Дикие. О добре речи не было, дети спаслись чудом — пыталась достучаться я до их разума.

Только такое ощущение, что стучаться там некуда. Мужик подскочил к Марку, схватил его за руку и встряхнул

— Есть наверно родственники у тебя, а? Мать не сказывала что ли? Вот дрянь такая! Влезла в порядочную семью и приبلудыша с собой привела. А я теперь воспитывай, да? — орал мужик, продолжая трясти мальчика.

Марк в оцепенении хлопал глазами, не в силах произнести хоть слово.

Так, пора прекращать этот балаган!

— Убери свои руки, мразь! — я отодрала его потную ладонь от Марка.

— Или берёте двоих или никого! — довольно громко сказала я.

Я уже не сомневалась, что дети там не останутся. Мамашка радостно ухватила за мою

фразу:

— Никого не берём. Еще неизвестно, наша ли девчонка, может тоже нагуляла. Что это мы должны всяких растить. Да? — она повернулась к мужу.

— Да, докажите сначала, что девчонка моего рода. Не похожа она на нас — он схватил Лину за лицо, всматриваясь в её черты. У неё текли слёзы непрерывным потоком.

Спокойно. Я глубоко дышала через нос, сжав зубы. Главное- не сорваться. Они должны прилюдно отказаться от них.

— Все слышали? Эта семья отказалась принимать детей на воспитание — сказала я громко.

— Да ты! — подскочил ко мне мужичонка — Опозорить меня хочешь? Да я уважаемый ваарец. Меня тут все знают. Я законы соблюдаю.

— Да или нет? — повторила я.

— Нет, не берём — громко сказала жирная мамашка.

Тут раздался голос Чернявого:

— Я, Реммир дер Леммин, являясь главой охраны рода Хранительницы и властью, данной мне, принимаю ваш отказ от детей.

Я облегченно выдохнула. Подошла к Лине, села на корточки, вытерла её лицо и прижала к себе.

— Всё хорошо. Мы идем в столицу.

Взяв ее за руку, подошли к Марку. Одной рукой прижала его голову к себе. Мы начали разворачиваться, чтобы уйти. Тут ко мне подбежал несостоявшийся папаша. Он очень сильно сжал мою левую руку, разворачивая к себе. Да что же ты никак не уймешься-то?

Тут моё терпение закончилось. Я быстро освободила правую руку и с разворота ударила его в лицо. Раздался хруст. Он с воем схватился за лицо, сквозь пальцы начала сочиться кровь. А я не смогла удержаться и пнула его со всей дури между ног. Это тебе от меня бонус, чтобы такие как ты больше не размножались. Его жена побежала ко мне с желанием вцепиться в волосы

Я резко выбросила руку вперед со словами

— Замри, скотобаза! — она от неожиданности действительно замерла

А я продолжила:

— Вы недостойны воспитывать этих детей. Таких детей судьба посылает в награду, вы такую награду не заслужили.

Я развернулась и быстро увела детей. Чем ближе мы подходили к нашему лагерю, тем сильнее меня начинало трясти. Игнат шёл рядом, сжав руки в кулаки. Я едва успела дойти, как расплакалась. Закрыв лицо руками, ревела захлёбываясь от соленых слез. Господи, какие они сволочи. Разве так можно? Как вещь — «возьмём не возьмем». Мне было обидно за детей, и своё сиротское детство припомнила.

Лина сидела слева и гладила меня по голове, Марк — справа, схватившись за мой рукав. Вот я дура! Мне их нужно успокаивать, а тут наоборот. Я убрала руки от лица, руками обняв их крепко-крепко. И услышала робкое:

— Рита, а можно ты нас возьмешь? — и замерла. Она озвучила моё самое потаённое желание, которое я с трудом гоню от себя прочь.

— Я с удовольствием взяла бы вас. Правда-правда. А если мне придётся возвращаться назад? Что тогда будет? Вам со мной можно? Я не знаю — решительно встала и пошла в сторону Чернявого.

Почему Чернявого? Реммир, как я узнала недавно

— Скажите, если меня вернут обратно домой, детям со мной можно?

Он поднял на меня внимательный взгляд, пристально разглядывая, и покачал головой:

— Не думаю, что такое возможно. Тебе придётся остаться.

Я устало села рядом, опустив голову, понимая, что мне предстоят муки выбора: вернуться домой одной или остаться здесь с детьми.

— Не торопись принимать решение. Дойди до столицы, все решения принимают там. Время ещё есть.

Я кивнула. А ведь он прав. Чего сейчас волноваться? Дети по-прежнему со мной, солнышко светит, погода замечательная. Живём, братцы.

Я подбежала к детям, крикнула: «Догоняй!». И побежала к озеру. С разбегу окунулась в тёплую воду. За мной бултыхнулся Марк, позже подбежала Лина. Мы догоняли друг друга, визжали и брызгались. Я ныряла и подплывала к детям, хватая за ноги. Чуть позже к нам пришли Игнат с Люсей. Они сидели на берегу, смеясь над нашими проделками. Мы выбрались уставшие и счастливые и разлеглись рядом с ними, раскинув руки.

Люся придвинулась ко мне поближе:

— Игнат рассказал, что случилось — качая головой — Это ж надо — детьми торговаться. Рита, а если мы детей возьмем, а? Игнат не против. Мне страшно, конечно, немножко, что будет больно, но Игнат сказал, что будет рядом. Вместе всё, говорит, переживем. А, Ритуль?

— Реммир сказал не торопиться. В столице всё станет известно. И спасибо, Люся. В хорошие люди, если вдруг мне придётся уйти, я буду знать, что детей любят и не обидят.

Я от души обняла её.

На стоянке я переоделась в спортивный костюм. Платье было мокрое.

Столичные начали заниматься в боевом искусстве. Марк умчался к Эвальду. Сегодня мальчик был растерян от предыдущих событий и пропускал удары, горестно ойкая.

— Ну что, Лина, пойдём Марка выручать? — с улыбкой спросила я. Она радостно кивнула головой.

Мы решительным шагом двинулись к ребятам.

Лина воинственно поставила руки в боки и сказала, хмуря брови:

— Это кто тут Марка обижает?

Эвальд с Марком обалдело обернулись на нас. Я, стоя за Линой, подмигнула ребятам, улыбнувшись.

Эвальд понимающе кивнул и выставил одну ногу вперёд

— Ну я. А что? Хочешь сразиться со мной?

Лина, не ожидавшая такого поворота события, в растерянности обернулась на меня.

— Конечно. Вы думаете у него защитников нет? — вышла я вперед, обходя Лину, пряча улыбку.

— Я вызываю тебя на честный бой — и забрала у Марка палку — Не думаете же вы, что мальчонку будут учить на настоящем оружии. Силой мне его не одолеть, а ловкостью можно попробовать.

Эвальд смотрел на меня, широко открыв глаза. Я кивнула. Он, не зная, что дальше со мной делать, сделал короткий выпад. Я легко увернулась. Он сделал ещё один, я с улыбкой обошла и его. Он нахмурился и с каждым последующим выпадом, начинался серьёзный бой. Выпад, прыжок. Я внимательно следила за его лицом, предугадывая его следующий шаг. Чем

больше он горячился, тем спокойнее становилась я.

Ромку расцелую прям. Когда он увлекся холодным оружием, ездил тренироваться на другой конец города. Приезжал уставший и злой. Чтобы достичь результатов, нужно было работать как проклятый. Тренер увидел в нем подающего надежды молодого человека. Вот и гонял как «сидорову козу». Он отрывался на нас с Алькой. Сначала просил составить ему компанию в беге по стадиону. Он умоляюще прикладывал руки к груди: «Сестрёнки, не бросайте брата в беде». Потом пробежки стали для нас нормой. Со временем и я втянулась как-то. Для меня это был одним из способов «выпустить пар». Драться на мечах он заставлял нас ожесточенно, говорил пригодится. Алька стучала кулаком по голове: «Ты дурак? На меня вечером нападут, я мечом должна отбиваться? Где я его с собой возьму? В сумочку он не влезет».

Мне удавалось пока что только уворачиваться от нападков Эвальда. Пора и самой поработать чуток, и я стремительно напала. Он от неожиданности пропустил удар.

Вокруг нас начали собираться столичные.

— Эвальд, давай попробуем по серьезному — попросила я его. Он кивнул. Бой продолжался минут десять. Я фиксировала некоторые незнакомые мне удары, которые мне не удалось избежать, и пропустила несколько ударов. Блин, больно то как. Всё — таки, с бойцом спаррингуюсь, но выдержала темп боя.

Я улыбнулась от всей души:

— Спасибо Эвальд. Покажешь мне некоторые приёмы? — он молча кивнул.

На следующий день мы тронулись в путь и вышли на основную дорогу в столицу. Часть отряда периодически отделялась от нас, для проверки дальних селений и близлежащих территорий.

Нам начал встречаться народ. Кто-то ехал в столицу, кто-то — обратно. Мы присматривались к ним, они к нам. Я ловила на себе любопытные взгляды.

После обеда остановились дожидаться часть отряда. Мои животные улеглись в тенёк. Дети копошились с Люсей. Я села возле дерева, пора наверно заняться и платьем себе. А то хожу как чучундра, стыдно уже перед самой собой. Благо Люся позаботилась и везла с собой ткани и всё для шитья.

Тут к нашему месту стоянки подошла делегация. Я совершенно не обратила внимания, так как обдумывала простенький фасон платья, удобный и функциональный. Несколько карманов пришью, а то носовой платок некуда положить. Тут меня окликнул Игнат:

— Маргарита — официально обратился он ко мне, многозначительно подергивая бровями — Тут к тебе пришли.

Что? Ко мне? Я недоуменно посмотрела на Игната. Какие ко мне могут быть гости? Он кивнул:

— Сваты.

Я широко открыла глаза, с ума сошёл? Какие сваты? Медленно встала и подошла к нему. Он кивнул головой в сторону делегации. Там стоял молодой щупленький паренёк примерно моего роста. За его спиной стояло несколько мужчин, которые рассматривали меня как племенную кобылу. Я обернулась к Игнату, вот это? Жених??? Игнат кивнул, пряча улыбку. Один из сватов, между тем, начал речь:

— Ну как говорится, ваш товар, наш купец. Не гоже девице путешествовать одной в

присутствии толпы мужиков. И мы, так сказать, готовы принять тебя, девица, в свой род. Тем более что ты без роду, без племени, без приданого — честь мы тебе оказываем — весьма гордо говорил он.

«Ой-ёй-ёй. Это кто-то сейчас себе смертный приговор подписывает!». Меня от негодования начало потряхивать.

А тот продолжал:

— У нас лучший представитель нашего рода — продолжатель, так сказать. И мы предлагаем тебе вступить с ним в брачный союз.

Я сейчас кому-то вступлю по шее — гневно подумала я. Повернулась к потенциальному жениху, рассматривая его. По земным меркам ему было лет семнадцать-восемнадцать. На его длинной шее сидела маленькая голова с оттопыренными ушами. Тело было худощавым с выпирающими ключицами. Он гордо развернул свои плечики, позволяя рассмотреть себя. Ой, ребята! Вымрет ваш род-то!!! Если этот экземпляр лучший: представляю, что там осталось! Откуда ж ты взялся, замечательный такой? Женилка, что ли выросла? Послать можно его вместе с его свитой, интересно?

Я повернулась к Игнату. Он, видя мои поджатые губы и гневный взгляд, быстро тихонько заговорил:

— Не вздумай. Позор жениху будет. Сделай так, чтобы сами свалили.

А как сделать? Думай, думай. Мысли лихорадочно метались в моей голове. Ага! Есть! Была не была. Я протянула к ним руки, и жалобно пропела, подавшись вперед всем телом:

— Дождалась. Родненький ты мой.

Сваты, не ожидавшие такого поворота событий, нахмурились, а я громко продолжала:

— Дети, дети! Пощадили нас небеса. Бегите сюда. Нашелся-таки настоящий мужчина, что заменит вам папку.

Лина быстро подбежала ко мне, встав под руку, схватившись за неё. Марк подходил медленно, нахмурив брови и смотря на меня. «Давай, Марк, поддержи игру. Ты же умный мальчик, не подведи», думала я, широко открыв глаза, моргая и подергивая бровями.

— Вот, дети. Наконец нашелся добрый человек, что станет для вас новым папкой. Идите, обнимите хоть его, благодетеля.

Марк сначала не понимал, что я от него хотела, хлопал глазами, всматриваясь в моё лицо. Затем понимающе кивнул и кинулся к жениху, пытаясь ухватить его за штанину:

— Папка. Как я долго тебя ждал. Линка, чего стоишь, беги скорее, хватай, а то и этот сбежит.

Девочка не подвела. С радостным визгом она бросилась к жениху, обхватывая его за колени.

— Ура, папка пришёл!

Сваты отшатнулись в ужасе. Жених с красными ушами судорожно пытался отодраться от себя ребятшек, отступая назад. Да куда там, дети своё дело знали. А я продолжала глумиться.

— Хил, Мелкий, а ну бегом сюда. Наконец дом у вас свой будет, кровать просторная, да еды вдоволь. А то намаялись по дороге, бедолаги — радостно объясняла я жениху.

По мере приближения животных он начал судорожно сглатывать, разглядывая их.

— Это животные мои. Они много не кушают, дорогой. Мелкому вот только в день по коровке, а так — мы много не едим.

Хил подошел ко мне, сел и широко зевнул.

Сваты задом отходили все дальше, оставив единственного и лучшего продолжателя рода. А я продолжала:

— Есть, конечно, у левира особенность одна — на кровати он привык спать со мной. Но это ведь ничего, да? Ты же смелый и решительный, я же вижу. Отодвинешь его аккуратненько и исполнишь свой супружеский долг. Правда?

Мой жених все-таки вывернулся из рук детей и рванул прочь, обгоняя сватов. А я протянула руки в их сторону и пропела жалобно:

— Куда же ты, милый?

Вокруг стояла гробовая тишина, и как только жених скрылся из глаз, грохнул всеобщий смех. Я обвела всех взглядом, невольно начала и сама улыбаться, задерживая взгляд на Чернявом. Улыбка преобразила его лицо, черты лица стали мягче, вокруг глаз собрались мелкие морщинки от смеха, а в глазах плясали веселые огоньки. Он потряхивал головой, утирая глаза.

— Молодец Марк. Я боялась, что ты не поймешь что делать — погладив его по голове.

— Игнат. Хватит ржать и объясни, что это сейчас было? — спросила я, кивая головой в сторону сбежавшего жениха.

Он еще долго вздыхал, пытаясь восстановить дыхание:

— Ой, Ритка, ну ты дала. В общем дело такое — каждой семье за честь, если переброшенка в их семью войдет. У неё и образование не чета местному, и новшества всегда с собой приносят. Что-то придумывают вечно, улучшают. А эти недоумки честь тебе решили оказать со своим отпрыском ушастым — со смехом продолжил он, качая головой.

Вечером все расселись вокруг костра. Начало темнеть. Я решила уделить внимание животным. Они вальяжно разлеглись возле нас с детьми. Столичные уже привыкли к их присутствию, а после событий той ночью, прониклись уважением. Я гладила Хила за ушами, переходя на шею, тот жмурил глаза и тихонько рычал от удовольствия. Мелкий требовал моего внимания и толкал под руку, требуя почесать и его. Я со смехом положила одну руку ему на его склоненную голову. Склонённую, потому что так просто в сидячем положении до него не дотянешься. Этот паразит вымахал выше пояса. Я гладила, попутно ощупывая его тело. Его мышцы налились силой, постепенно он превращался в сильное мощное животное. Я добралась до его лап, он спокойно стоял, подняв одну конечность.

Шесть острых прямых когтей уходили под самую кожу свободно втягивались при желании их хозяина. На задней лапе когти были изогнутые. Интересно, почему они разные? Я пожала плечами. Значит так нужно. От самих лап до самого тела шерсти не было. Его тело было покрыто черными крупными кожистыми чешуйками, плотно подогнанных друг к другу. Я провела по ним пальцами, и даже попыталась поковырять ногтем. Как будто стену бетонную ковыряю, его невозможно поранить наверно.

Мелкий плюхнулся на землю, переворачиваясь на спину и подставляя моим ласкам своё пузо. На животе тоже начали формироваться плотные чешуйки, прикрывая всю площадь живота и наиболее уязвимых мест. Ну да, у остальных животных живот действительно одно из уязвимых мест. Получается, только шея у него слабое звено? А если придумать что-нибудь ему на шею? Нужно будет спросить у Игната, он же рукастый, как говорит Люся, может, что и придумает.

— Игнат. Не слышал, второй отряд разобрался с Дикими?

Он кивнул:

— Ночью напали на них, кого могли — уничтожили. Пленных освободили, не успели им вреда причинить. Отправили порталом в столицу. Только много этих сволочей живёт, они по всей границе безобразничают. Мы поэтому в обход и идем, отряд должен делать свою работу. Не на прогулке, все же.

— Я вот не совсем понимаю, что это за порталы такие?

— Это сейчас основное движение по дороге. Раньше порталами пользовались. Сила у Хранительницы есть, конечно, пусть даже не сомневаются некоторые, просто некоторые статьи расходов силы значительно сократились. Зачем тратить Силу на порталы, если можно и пешим ходом дойти. Правильно? Сейчас ими пользуются только в крайних случаях и только доверенные люди, как Реммир. Лучше Силу потратить на борьбу с Дикими. Или на сдерживание баланса в нашем мире. Вот, когда наследница вернётся — все встанет на свои места.

— Вернётся ли? Может погибла все же?

Тут в разговор включился Реммир:

— Я же говорил, дерево её жизни растёт. Значит и наследница растёт.

Тут уж мне стало интересно, что это за дерево такое особенное:

— Увидеть можно будет его, дерево это?

Он кивнул:

— Можно.

А ночью сильно похолодало. Столичные смотрели в небо, хмурия брови, тихо переговариваясь между собой. Мы развели большой костёр и легли вокруг него. Естественно, всем места не хватило. Мы легли вместе с детьми, прижавшись друг к другу.

Столичные призвали своих шавалов и я узнала дополнительную функцию этих животных. Когда холодно они способны своим телом согреть хозяина, спасая от замерзания. Их густая длинная шерсть долго сохраняет тепло. Наши шавалы для этих целей не годились, так как шерсть была короткая и самое главное они были обучены только транспортировке. И ночью ненароком могли задавить своего наездника.

А что, мысль то хорошая использовать животных для согрева. Позвала Хила с Мелким, долго пыталась уложить их рядом с детьми. Они сидели и не понимали, что я от них хочу. Я плюнула и легла, обняв детей.

Проснулась от того, что меня трясло от холода. Я приподняла голову, изо рта шел пар. Ни фиги ж себе. Костер практически догорел. Все спали. Я осторожно встала, окинув взглядом детей. Мелкий лежал рядом с Линой, закинув на неё лапу. Хил клубочком свернулся у Марка под боком. Вот и хорошо. Своим одеялом я укрыла детей. Лишь бы не заболели, а сама пошла к костру. Натаскала дров, развела новый, надела олимпийку и, обняв себя руками, села возле костра. Дрожь начала потихоньку отступать, я протягивала ладошки к костру, пытаюсь впитать в себя как можно больше тепла. Мне бы ночь переждать, днем под солнышком согреюсь, а посплю по дороге.

Я сидела, уставившись на огонь. Он осторожно ощупывал добычу, еще не тронутую им. Протягивал огненные руки, лизал, словно пробуя на вкус, и набрасывался всей своей мощью, растекаясь по сухой деревянной поверхности красным покровом. Довольно потрескивал и урчал, пожирая свою добычу. И множество огненных искорок взлетали, гонимые жаром. Их

подхватывал ветер, смешанный с горьковатым черным дымом, и уносил вверх, к звездам. Я подняла голову. Искорки стремились к своим братьям на темном небе, кружа в хороводе, то затухая, то вспыхивая ярче. Но, оставшись без своего могучего хозяина, умирали в черной ночи.

Я глубоко вздохнула, заполняя легкие прохладным воздухом, и закрыла глаза. Хорошо-то как. Вокруг тишина, природа спит. Вот прокричала птица. Её ночной призыв подхватила ночная мгла и понесла по воздуху, перебрасывая с одного конца в другой, помноженной на эхо. И долго ещё её печальный крик отзывался в ночи. Я поёжилась. Появилось ощущение, что я одна на всем свете. Только бездонная бесконечность и я, такая маленькая, как песчинка среди этого огромного мощного пространства. И от этого чего-то неведомого исходила чудовищная мощь и сила, что невольно хотелось склонить голову, покоряясь ей и признавая свою покорность.

Тело налилось тяжестью, не хотелось шевелиться. Только бы не уснуть, а то улягусь прямо в костер. Отойти подальше я не решилась — спасительная теплота от костра не отпускала из своих ласковых рук.

Тут мне на плечо легла рука. Я открыла глаза и обернулась. Рядом стоял Реммир.

— Ложись к моему шавалу, он тебя признал и не тронет.

— А Вы почему не спите?

— Я на дежурстве до утра — он развернулся и ушел в темноту.

Я понимала, что, сидя и без сна мне долго не продержаться.

Животное встретило меня радостным пофыркиванием. Я погладила его по морде, шепотом сказав:

— Мне Реммир сам разрешил. Не обидишь?

Он покрутился на одном месте, выискивая удобное место и лег. А мне как ложиться? Я оглянулась по сторонам. Ижак со своим животным спали неподалёку. Это нужно к его животу пробраться, что ли. Было не до сантиментов, жутко хотелось спать, и я встала на колени, подползя к нему, затем легла, прижавшись спиной к теплому телу животного. Он обхватил меня лапами, подтягивая ближе. Приятное тепло потихоньку распространялось по моему замерзшему телу, и я начала погружаться в сон.

Проснулась, когда только начало светать. Я ещё была во власти сна, глаза не хотелось открывать. Прислушалась — вокруг тишина. Значит ничего серьёзного, можно дальше спать. От лап и рук стало жарко, я поворочалась. Стоп. Каких рук? Я замерла и тихонько открыла глаза. Так, с одной стороны шавал, с другой Реммир. Он спал, обняв меня одной рукой, на другой лежала моя голова. Я лежала тихонько, боясь пошевелиться, и рассматривала его лицо. Красив, чертяка. А чего это он меня обнимает, спрашивается? Вроде я ему ничего такого не позволяла, а моя женская фантазия уже начала строить разные предположения. Ага, размечталась. Во-первых — это его место, мне только разрешили здесь спать. Во-вторых- он после дежурства, и человеку элементарно нужно выспаться. На улице все ещё холодно, не будет же он сидеть ждать, пока у меня совесть проснётся.

Ну и ладно, ну и хорошо. Когда ещё такой красивый мужчина будет обнимать меня в ближайшем будущем? Я же сплю? Сплю. А во сне ведь себя не контролируешь, правда? Я слегка пошевелилась, устраиваясь поудобнее. Уткнулась ему в шею, вдыхая запах его кожи. Приятный, слегка терпкий запах мужчины, смешанный с запахом костра. Обалденный запах-думала я, вдыхая его вновь, словно запоминая и обняла одной рукой. Ну а что? Я же сплю!

Его ровное дыхание слегка шевелило волосы на моем виске. Приятное спокойствие

овладела мной, так и спала бы в его объятиях всю жизнь. И уснула.

Я сидел в темноте и смотрел на Риту, как она заботливо укутывает детей. Мысленно хмыкнул. Интересная девчонка. Как она отчаянно смотрела на меня, сжимая кулаки, перед несостоявшимися родственниками. От неё исходило такое отчаяние, что мне стало её жаль. Она прикипела душой к этим детям, как же она будет уходить от них? Хотя её вопрос об усыновлении поставил меня в тупик. Неужели ради этих детей она решит остаться здесь? Как она сказала? «Таких детей судьба посылает в награду, вы такую награду не заслужили».

Мне как мужчине, никогда не воспитывавших детей, не понятно это чувство.

Я поменял положение тела, устраиваясь поудобнее.

«Не воспитывающего детей по вине одной дряни». Я сжал зубы, слегка скрипнув ими. Мысленно вернулся к тем дням...

Наш отряд в очередной раз срочно собрали для решения проблемы. В тот раз было довольно дерзкое нападение Диких на юго-западной границе. Погибло много мирного населения, само селение практически полностью уничтожено.

И не побоялась же эта пигалица влезть туда и спасти детей, хмыкнул я, окидывая её маленькую фигуру на фоне большого костра. Уж мне-то не понаслышке известно, на что способны Дикие.

Наш поход занял ровно две недели. Вернувшись домой, я не застал дома ни Донару, ни её вещей. Молодая управляющая Силика, будучи подругой моей невесты, с грустью в голосе сообщила, что Донара убежала с любовником. Я вновь скрипнул зубами.

Как я мог поверить в её любовь? Хотя, как тут не поверить? Она казалась мне искренней в своих чувствах, ласково льнула ко мне, радостно бежала навстречу после походов. Я взлохматил свои волосы.

Я всегда доверяю своим чувствам, она была искренней. А уж когда узнала, что беременна, она с радостной улыбкой кружилась по комнате. Мы должны были совершить свадебный обряд после моего возвращения. Что могло случиться во время моего отсутствия? В том, что ребенок родился, я не сомневался. Кольцо замкнулось.

Кто тот неведомый любовник, который так нагло увёл у меня из-под носа мою женщину? Я ведь не зря мотаюсь по всей стране. Мне бы еще разок посмотреть этой дряни в глаза. И по праву главы своего рода заберу ребенка. Интересно, кто родился? Мальчик или девочка?

Силика с радостью заменила бы Донару в постели, но мне не нужна одноразовая подстилка. Хоть домой не возвращайся, там свои попытки усилит Силика, пытаясь завоевать моё сердце.

Я перевел взгляд на Риту. Она сидела, неотрывно смотря на огонь широко распахнутыми глазами. В её больших голубых глазах плясал огонь. Это сейчас они голубые как весеннее небо в безоблачную погоду. В гневе они темнеют и становятся темно синими, как море перед бурей.

Я внимательно всматривался в ее лицо. Прямой нос, который она смешно морщит, придумывая очередное развлечение для детей. Гладкая светлая кожа слегка покраснела от жара костра. На лоб и виски упрямо падали выбившиеся пряди, она без всякого жеманства приглаживала их ладонью. Пухлые розовые губы притягивали взгляд, будя сильное желание прижаться к ним.

Я с усмешкой вспоминал неудачное сватовство и спину убегающего ушастого жениха. И как сообразила только? Я уже улыбался, вспоминая момент про «На кровати он привык спать со мной. Но это ведь ничего, да? Ты же смелый и решительный, я же вижу. Отодвинешь его аккуратненько и исполнишь свой супружеский долг». Я тихо засмеялся, качая головой, представив эту сцену. Рита закрыла глаза, глубоко вздохнув. На её лице плясали тени от костра. Она зябко поёжилась. Замерзла. Маленькая смелая переброшенка. Я встал и подошел к ней. Она обернулась, сонно открыв глаза.

— Ложись к моему шавалу, он тебя признал и не тронет.

Едва забрезжил рассвет, вернулся дежурный отряд, отдал распоряжения, пошел спать и остановился. Забыл, что Рите уступил своё место. Постоял в задумчивости пару секунд. Если бы мы были в доме, я бы тактично удалился. Но сейчас мы в дороге, на мне целый отряд, за который я отвечаю головой перед их семьями и мне не до сантиментов. Нужно поспать хоть пару часов и решил лечь рядом, слегка подвинув сонную девушку. Мой шавал открыл один глаз, я кивнул головой и лег рядом. Она прижалась ко мне, положив голову на мою руку и уткнувшись в грудь. От неё шло тепло и незащищенность, хотелось прижать её и целовать в висок. Я обнял её одной рукой, пользуясь случаем.

Тут её дыхание сбилось, она проснулась и лежала, прислушиваясь к звукам с закрытыми глазами. Я быстро закрыл глаза, выравнивая дыхание. Как она отреагирует?

Она сонно потянулась и замерла. Я совсем растерялся, когда она уткнулась мне в шею, тихонько вдохнув мой запах. В низу живота сладко заныло, моё тело отозвалось на это осторожное прикосновение. Открыл глаза, улыбнувшись, осторожно уткнулся ей в волосы, вдохнул её запах и заснул.

Утром я проснулась уже одна. На небе светило яркое жаркое солнышко, прогрел воздух. Сегодня в путь.

Я ехала, изредка бросая взгляды на Реммира, вспоминая прошедшую ночь. Вроде ничего не было, а где-то глубоко в душе уже плясало маленькое томление и желание ещё хоть раз прижаться к его крепкому мускулистому телу. Каждой женщине хочется, чтобы рядом был настоящий мужчина, которому она ласково покорится. Но не жестокий диктатор, а равноценный партнёр.

В большинстве случаев наши земные женщины взваливают на свои плечи все заботы и тащат неподъемный груз — детей, мужа, зарабатывая глубокое разочарование от семейной жизни.

Мужчина должен завоевать свою женщину, отбить у всего мира, доказать своей половине, что он достоин быть рядом с ней. Что он способен позаботиться о своей семье и впредь возьмет часть забот на свои крепкие мужские плечи и просто любить. Это ведь не трудно, не нужно завоёвывать миры и решать глобальные проблемы. Достаточно букет полевых цветов и утренний ласковый поцелуй, пусть не каждое утро, и эти очень важные для каждой женщины слова «я тебя люблю». И в этих трех словах женщина поймет, что все ещё нужна ему; что, когда будет трудно — он будет рядом, что он рад засыпать и просыпаться только с ней и от этих трех слов вырастают крылья. И она готова горы свернуть ради своего любимого.

Ох, что-то я размечталась. Вроде четвертый десяток пошёл, а все мечтаю, грустно думала я, вздыхая. Посмотрела на детей и усмехнулась. Да уж, я настоящая земная женщина.

Взвалила на себя детей, животных и с гордостью прю по дороге разочарований.

Все-таки у меня ещё куча вопросов, на которые я не знаю ответов. Игнат с Люсей полностью поглощены собой, воркуют как два голубка. Ничего, вечером попытаюсь подкатить к нему, хватит уже лобызаться со своей женой.

Теперь дорога переносилась легче. Мышцы уже приспособились к нагрузкам и тело уже не отзывалось ноющей болью от каждого шага лошади.

Я обратила внимание, что среди столичных происходило какое-то волнение. Они тихонько переговаривались между собой, всматриваясь в даль. Часть отряда то уходила куда-то, то появлялось, и его сменял следующий. Мы подъехали к Игнату с Люсей:

— Игнат. Что происходит, не знаешь?

Он помахал головой:

— Наверно что-то всё же происходит, если среди них волнение. Лезть в их дела не буду. Все же, лучший отряд государства.

Его слова немного успокоили меня. Вечером, собравшись возле костра, я уже задумала задать очередной волнующий меня вопрос, как меня опередила Люся:

— Как ты Рита? Тело не болит? Я прямо разогнуться не могу — говорила она, поставив обе руки на поясницу. Раньше-то прыг туда, прыг обратно и всех делов.

Я автоматически ответила:

— Слава Богу, хорошо. Привыкла уже.

И повернулась к народу в полной тишине, по очереди обводя их взглядом, пытаюсь найти ответ в их лицах: «Что?»

Игнат покряхтел:

— Значит, мне придётся объяснять. Здесь так не принято говорить, Рита. Это как будто через голову начальства обращаешься.

У меня от удивления открылись глаза.

Он кивнул, продолжая повествование:

— Во-первых, здесь, если говорят, то говорят Бохх. Создательница этого мира Хранительница- его дочь. Плоть от плоти, как говорится. И если обращаешься к самому Бохху, значит, ты как житель Ваарии не доверяешь своей создательнице, и она не справляется. Правильно?

Я недоуменно пожала плечами, вообще не понимаю, о чем он говорит. А Игнат продолжал:

— А это прямое оскорбление для его дочери как его потомка, ну и его самого, следовательно, как отца. Поняла?

Я сидела и смотрела на Игната, хлопала глазами, пытаюсь осознать информацию. В голове образовалась каша от вопросов. Она его дочь?? Этого не может быть. Хотя, почему не может? Я и знать не знала, что помимо нашего распрекрасного мира, существуют другие.

Так стоп. И я стала рассуждать вслух:

— Хранительница — дочь Бога, правильно?

Я взяла палочку и нарисовала на земле крест. Все склонились над ним.

— У нас на земле мы, люди, поклоняемся господу Богу и поклоняемся святой троице-ему самому-Отцу, его Сыну и Святому духу. Но на кресте четыре стороны. И крестимся мы на четыре стороны — медленно перекрестилась.

Народ внимательно слушал меня.

— А теперь вопрос. Кто четвертый?

Я задумчиво смотрела на крест. Почему мне никогда раньше не приходил этот вопрос в голову. Да потому, нам с детства вбивали голову про троицу и ни у кого, никогда не возникало сомнений. А теперь все устои моего мировоззрения рушатся прямо на глазах.

Я посмотрела на Игната и медленно сказала:

— Получается, четвёртая сторона принадлежит его дочери, Хранительнице. Только в нашем мире она никогда не упоминалась, почему-то.

Я долго молчала, прежде чем продолжила:

— Возможно, четвертая сторона креста, это нам людям маленькая подсказка, что за пределами нашего привычного мира, существуют что-то ещё нам неизвестное. Нельзя исключать возможность, что есть ещё что-то или кто-то, обладающий такой же Силой.

Мы молча сидели, сегодня для нас всех появилась новая информация для обдумывания. И встретились два мира, называется.

— Так. Еще вопрос. Наследница эта ваша. Получается она потомок самого Бога? — меня аж дрожь пробрала от этого осознания. Божественная наследница, что ли?

Тут в разговор включился Реммир:

— Мы Хранительницу никогда в глаза не видели, говорят, ее Сила в чистом виде способна уничтожить. Она приходит только к своим потомкам.

Я понимающе кивнула.

— У нас тоже никто не может похвастаться, что видел самого Бога. Всегда приходят его посланцы.

— Именно поэтому здесь она оставила дочь от ваарца.

Я опять кивнула:

— Это тоже понятно. У нас более двух тысяч лет назад явился Сын его в человеческом обличье. Он был послан для спасения рода человеческого.

— Спас? — спросил Тельнан.

— Если мы ещё живем, значит не все так плохо. Считается, что бог создал нас по образу и подобию своему. Если позволить нам погибнуть, значит дать его образу и подобию, созданное его же руками, умереть. Допустить, что он, такой могущественный, мог допустить ошибку, невозможно. Вот и возится с нами, то прощая, то наказывая — я вздохнула.

Религиозная тема никогда не было моей сильной стороной, и я могу только логически рассуждать, не опираясь на ранее полученные знания.

— А возможно мы его первые создания. Ведь если есть и другие кем-то созданные миры, то нельзя отрицать ту мысль, что этих миров гораздо больше.

Я развернулась и ушла от костра подальше. Закурила. Да уж, тема сегодня поднята серьёзная. Мне, выросшей в техническом и логическом мире, достаточно трудно воспринимать такую информацию. Но и отрицать её в дальнейшем тоже невозможно, так как стала невольным гостем в другом мире и вижу все своими собственными глазами. И ничего здесь страшного нет, даже красиво.

И устройство этого мира мне нравится. Вот что значит, когда хозяйством управляет мужчина и женщина. Женщина держит под контролем свое «хозяйство», время от времени давая по рукам заигравшимся детям. Отец её, получается, создал и отдал все — берите дети мои и делайте что хотите. Сына отправил только тогда, когда совсем каюк что ли наступал?

Я потеряла лицо ладошками. Хватит уже рассуждать о том, о чем не понимаю. А то надумаю на свою голову гнев Его или Её. Мне и так несладко приходится.

Я подняла глаза к небу, закрыв глаза. Мне есть о чем подумать, почему я здесь

оказалась. Как Игнат говорил? «Сначала подумал, что это наказание для меня, а потом понял, что награда»

А для меня это что? Наказание или награда. Вроде наказывать не за что. Собственно говоря, и награждать тоже не за что. Тогда это роковая случайность, изменившая всю мою жизнь? В таком случае закономерный вопрос — почему со мной?

Возможно, ответ придет гораздо позже, нужно набраться терпения и подождать.

Следующий день прошел относительно спокойно. Вечером Игнат сообщил, что по дороге свернем домой к Реммиру, пришло сообщение о срочной необходимости его присутствия для решения вопроса и отдохнем заодно.

— Игнат, а кто он такой — Реммир? — тихонько спросила я.

Он также тихо ответил:

— Начальник войска всего государства и рода Хранительницы непосредственно. Их род воины, способность к боям передается по наследству. Он не раз доказывал своё совершенство в ведении боя, и нужно сказать, что его отряд лучший в государстве. Он лично подбирает свой состав. Ну и первое доверенное лицо первого доверенного лица Хранительницы.

— А Наследницу он когда-нибудь видел, интересно? — задумчиво проговорила я.

Конечно. Его отец в ту пору был начальником и Реммир мальцом бегал во дворце. Говорит, красивая была. Её дочь видел только на руках у матери.

Я подвинулась еще ближе к Игнату:

— Что там с семейным положением?

Игнат многозначительно подвигал бровями и едва улыбнулся:

— Едва не совершил брачный обряд — он оглянулся по сторонам и продолжил — Говорят, когда он уехал с отрядом на задание, невеста от него сбежала с другим.

Что? У меня от удивления широко открылись глаза.

Игнат кивнул:

— Беременная.

Тут я вообще офигела. Это что такого нужно творить с женщиной, если она беременная сбегает от него. Нужно с ним поосторожней быть, а то наступлю на чужие грабли. Если вообще наступлю.

— Ты откуда все знаешь?

— Во-первых, обсуждаемая нами личность известная. И жених он считается знатным. И слухов много разных ходит. Хотя ничего плохого о нем никто сказать не может. Жесткий руководитель — это да. А как иначе? На нём ответственность большая лежит, ошибок быть не может. Во-вторых, меня в столицу давно зовут, с моими-то знаниями, да я все не решаюсь. И Люся у меня здесь, без неё не поеду. Бывал я у Реммира дома-то, кое-что покумекал там по-свойски. Увидишь, когда прибудем.

— А ребёнок? Она же беременная была, когда уходила?

Игнат кивнул:

— Должен быть где-то. Он ведь не зря по всей стране мотается. Поговаривают, её разыскивает, чтобы ребенка забрать. Только столько времени прошло, странно даже что не отыскал до сих пор — он пожал плечами.

Тут к нам подбежали дети, мы уселись под широкой раскидистой шапкой большого

дерева. У Лины неудачно сломался ноготь, и я полезла в свою сумку за маникюрным набором.

И тут услышала знакомое:

— Маргарита, к тебе гости.

Я в ужасе подняла на Игната голову. «Опять?», губами спросила я. Он кивнул и развёл руками. Да что ж такое-то? Сколько они ещё бродить будут со своими нелепыми предложениями? Я растерянно обвела всех взглядом. Столичные, радостно переговариваясь, подтягивались к нам поближе.

Я чуть склонила голову и вытянула ее, заглядывая за спину Игната. Там стояли три человека. Сам жених и женщина с девушкой. «Жених-то хорош», подумала я. А это, стало быть, мама и сестра.

Мамаша ощупывала меня взглядом, чуть прищутив глаза. Сестра с девичьей непосредственностью, открыто смотрела на меня и улыбалась. Что там с женихом? Жених среднего роста с приятной внешностью. Его высокое тело среднего телосложения радовало взор обтянутой рубашкой. Стройные ноги, на которых он стоял на ширине плеч, чуть покачиваясь с пятки на носок, также притягивали взгляд.

«Ну и что мне с вами делать?», думала я, все также сидя под деревом с маникюрным набором в руках.

Дети примолкли, ожидая развития событий. Я опустила глаза, наткнувшись взглядом на набор и замерла. А что? Можно попробовать. Не посылать ведь в самом деле людей на хутор бабочек ловить, Игнат говорил, позор жениху тогда будет.

Жених начал приветственную речь:

— Девица, окажи мне честь войти в мой дом молодой хозяйкой. Род мой знатный, я — единственный наследник. Так что, в хороший дом попадешь, ни в чем себе отказу знать не будешь — волнуясь, сказал он. Его щеки покраснелись от сказанной речи.

«Приятно-то как, черт побери», мечтательно подумала я, рассматривая жениха.

— Я согласна.

Обвела взглядом вокруг собравшихся. Ошарашенные лица, круглые глаза. Игнат хлопал глазами от неожиданности. А что? Собрались тут на бесплатное развлечение. Я вам цирковая мартышка, что-ли? Я медленно встала, скромно опустив голову:

— Только, как порядочная девушка должна предупредить вас. Вижу, что вы хорошие люди, обманывать вас нет никакого желания — тихим голосом продолжила я. Дело в том, что я из знатного рода Богомолов и традиции нашего рода впитываем с молоком матери. Так вот. Мужчина взявшего девушку моего рода должен в течение ночи привести ее к финалу пять раз. Если этого не случается, то я, как истинная дочь своего рода должна буду в ту же ночь убить его — и медленно открыла маникюрный набор, предъявляя народу неведомые им доселе инструменты. Медленно достала щипчики, клацая ими, и подняла голову на сватов.

Мамаша смотрела на меня непонимающим взглядом, пытаюсь понять, о чем я говорю.

— Пять раз слетать на небеса, фейерверки посмотреть, бабочек увидеть, впасть в нирвану, испытать эйфорию, приговорить друг друга к высшей мере наслаждения — говорила я, упрямо смотря ей в глаза — Слиться в экстазе, оргазм получить — добила я её.

— Те же самые требования и к остальным ночам — поворачивая голову к жениху.

Жених в ужасе открыл глаза, обдумывая перспективу. На его лице играла гамма чувств. Его мать закрыла рот ладонью, в голове уже проносились картины похорон своего любимого чада. Видно, не уверена в силе своего чада.

Я мельком глянула на Игната. Он стоял, сунув кулак в рот, прикусив его зубами и прищурившись. Из его глаз текли слезы, плечи чуть подрагивали от смеха. Молодец. Догадался.

Я перевела взгляд на жениха.

— Вот теперь, когда я сказала о себе правду, я согласна пойти за тебя, добрый молодец.

Мамаша судорожно тискала жениха за плечи, оттаскивая от бессовестной невесты. Сестра, все также радостно смотрела на всех и улыбалась. Дурная что ли? Жених, на всякий случай, отступил шаг назад.

Я протянула к нему одну руку:

— Не отступай перед трудностями. Покажи мне свою силушку богатырскую. Или в себе не уверен? Ты молодой, сил много, может сдюжишь все же?

Жених мотнул головой в сторону детей и просипел:

— А дети?

Я грустно покачала головой:

— Только у двоих и получилось почтить традиции моего рода. И те недолго продержались. Первый — год, второй — полгода.

Дети, не понимая, о чем идет речь, тем не менее, молча кивали с грустными лицами, подтверждая мои слова.

— Но ты не отчаивайся, не отчаивайся. Сходи, гормоны поешь, стероиды там всякие, виагру, наконец, поспи хорошенько, может все получится?

Я с мольбой в голосе смотрела на него, хлопая глазами, в отчаянии сцепив ладони и протягивая их к нему, чуть подавшись к нему всем телом.

Игнат начал похрюкивать, не в силах сдерживать смех. Убью гада! Столичные, не понимая, о чем я говорю, внимательно прислушивались к моим словам. Услышав требования о ночах, начали улыбаться. А видя реакцию Игната, вовсе развеселились.

Жених молча отступал назад, под прикрытием своей родни.

— Ну хоть попробуй! — шагнув в его сторону раскинув руки в разные стороны, как будто хочу обнять.

Они молча отступали. Жениху все же очень хотелось совершить брачный обряд, невеста-то хороша, да и отступать по всему, видимо он не привычен. С задумчивым взглядом все ещё оценивал своё здоровье- смогёт или не смогёт. Мамаша оттаскивала сыночку от бессовестной невесты, ведя за руку улыбающуюся дочь. Дочь точно с прибабахом.

Тут я закричала:

— Держи его, ребята. А то и этот сбежит — быстро выбросив руку, указывая на жениха.

В руке все ещё был открытый маникюрный набор. От моего резкого жеста из него вылетели ножницы и воткнулись в ногу жениха.

Ой, неудобно-то как получилось.

Он взвизгнул, с ужасом посмотрел на меня, резво развернулся и побежал. От его нервных движений ногами, ножницы отлетели в сторону. На штанине проступило небольшое пятно крови.

Следом за сыном рванула мамаша с улыбающейся дочерью.

Не успели они скрыться с глаз долой, взвыл Игнат. Он ржал так, что все звери повскакивали со своих мест. Его хохот подхватили остальные ребята. Я стояла и смотрела на них с улыбкой, поставив руки в боки.

— Игнат, зараза ты такая. Хватит ржать.

Петрович постанывал, вспоминая сцену женихания.

— Кто такие Богомолы-то? — ребятам было интересно узнать подробности. Может действительно у нас есть такой интересный род.

Игнат утер слёзы, шумно выдохнув:

— Ну, Ритка. Да это насекомые такие маленькие. У них самка, когда всё произойдет, съедает его, если самец не успеваает смотаться.

— Слушай, ну нельзя же так. Что я в следующий раз придумывать буду? Нельзя оградить меня от этих посещений?

Он отрицательно покачал головой:

— Не, Ритуль. Они перестанут ходить, только, если ты обещана другому. Потому так и будут ходить до скончания века.

— Придумай же что-нибудь, черт тебя побери! Ну, пожалуйста — взмолилась я.

Он развел руками:

— Что придумать? За кого я тебя засватаю? Может с ребятами поговорить?

— А вот и поговори! Скажи, что это понарошку, на руку и сердце будущего жениха не претендую. Умоляю тебя как человека, придумай что-нибудь — я сложила руки в умоляющем жесте.

— Ведь, действительно безобразие какое-то. Ходють и ходють женихи эти — смеясь, говорил он — Рита. Я когда услышал про богомола, чуть не сдох от смеха — вытирая глаза руками — И как только сообразила? Ладно, землячка — обнимая меня за плечи — Что-нибудь придумаем. Пойду с ребятами поговорю, действительно.

И он, улыбаясь, направился к столичным. Те, все еще радостно переговариваясь от увиденного, с гомоном встретили Игната.

Я устало села под деревом. Мне бы ночь продержаться, да день простоять. Закрывает глаза и задремала.

Очнулась от толчка Игната.

— В общем дело такое. Из свободных только Ольгерд, но у него возраст молодой еще для связи-то. Остальные — или в связи, или засватали уже себе невест.

— А кто узнает то, что засватан? Скажем, что со мной — и всех делов.

Игнат покачал головой:

— Не, Ритуль. Тут маленький нюанс есть. От сватания на запястье появляется рисунок, идентичный друг другу. Поэтому, подделать его нельзя. Вдруг очередной жених попадет упорный и захочет убедиться. Что делать будем? Есть еще один вариант, конечно, но не думаю, что он тебе понравится.

Я смотрела на Игната, слушая продолжение.

— Только Реммир свободен — и многозначительно поднял брови.

Что? Ну уж нет. Опасная эта задумка с таким мужиком. Обязательно вляпаюсь. Да и вряд ли он согласится на этот авантюрный шаг, начальник все же. Я вздохнула. Придется сценарии придумывать на отшив женихов. Может, возле селений прятаться с глаз долой? Ага. А в поле где прятаться? Закапываться? Я вздохнула и обняла детей за плечи. Прорвемся. Скоро столица, там всё и решится. Подняла глаза и наткнулась на пристальный взгляд Реммира. Его глаза гипнотизировали, я хотела отвести взгляд и не смогла. Он усмехнулся и повернул голову в сторону.

И нечего ухмыляться, мне даже обидно стало. Никто на тебя не зарится. Ишь ты, распрекрасный какой. А-а-аа, именно моя кандидатура тебя не устроила? Тебе нужна

покорная красавица, чтобы услаждала взор и с гордостью несла славное имя его рода.

Да идите вы все! На душе стало как-то поганенько. Нужно срочно что-нибудь придумать для поднятия настроения.

Уже стемнело. Ребята развели костер для приготовления ужина. Завтра снова в бесконечный путь. Никогда не любила долгую дорогу, она утомляет. Люся присоединилась к нам. Мы с Линой расплели волосы, с удовольствием массирую голову, прищурившись от удовольствия.

Мои животные умотали на охоту, поэтому мы сидели маленькой кучкой, тихо переговариваясь. В игры не поиграть, поэтому я решила рассказать детям сказку про Ивана Царевича и Серого Волка. Упоительно вспоминала и рассказывала сказку из моего детства. Мама Ева часто читала детворе детские книги, с чувством изображая интонации и мимику. Вот и сейчас я повторяла её интонации. Когда закончила, оказалось, что весь народ собрался вокруг нас, с искренним интересом слушая новую интересную для них историю.

Игнат грустно вздохнул. Все-таки, мысли о доме и его детстве навевали грустные и ностальгические мысли. Если я здесь останусь, меня ждет та же история.

Пора наверно укладываться спать. Утро вечера мудренее, не зря народ сказывал.

Сегодня ночь была теплая, и ребята отпустили шавалов попасться на вольные хлеба. Мы устроились неподалёку от костра, и, едва моя голова коснулась земли, я уснула.

Под утро на нас напали. Дикие.

Я проснулась от бешеного рёва озверевшей толпы. Ребята вскакивали со своих мест и тут же бросались в бой. Но эффект неожиданности все же сыграл. Вокруг стоял лязг от мечей и стон раненых с обеих сторон. В предрассветной мгле фигуры Диких казались серой тенью. Страх, животный ужас охватил меня. Дети проснулись и судорожно оглядывались. Лина, широко открытыми растерянными глазами, со страхом смотрела на Диких. Марк смотрел на захватчиков и старался прикрыть сестру спиной. Маленький отважный мальчуган. Даже сейчас он думает о сестре. Я судорожно осматривалась по сторонам, прятать детей было некуда. Марк начал оглядываться, в надежде найти хоть какое-нибудь оружие и защитить себя и сестру.

Я подскочила к ним, заглянула ему в глаза и покачала головой:

— Лину сбереги — прошептала я, и быстро накрыла детей одеялом, авось и в этот раз повезет.

Я подняла голову к небу и прошептала:

— Помоги им.

Дикие были повсюду. Они злобно порывивали, махая мечами налево и направо. А мне деваться было некуда и именно в этот момент, меня заметил один из этих озверевших тварей. Он радостно оскалился своей гнилой улыбкой и двинулся в мою сторону. Страх сковал все моё тело, в груди что-то сжалось, дыхание от спазма гортани стало шумным и прерывистым. Я поняла, что это мой конец. Живой этим тварям лучше не попадаться, Игнат весьма красочно описал последствия. Значит, сегодня я умру.

Закрывает глаза, внутренне соглашаясь со своим решением. Глубоко вдохнула воздух всей грудью, как будто хотела напоследок надышаться. Меня охватило равнодушное спокойствие. Я выдохнула и открыла глаза. Тварина был уже рядом, я почувствовала его смрадное дыхание.

«Одна не уйду», решила я. Этого с собой на тот свет прихватчу. Сделала шаг назад и ногами почувствовала преграду на земле. Опустила глаза. На земле лежал труп одного из захватчиков, возле его открытой окровавленной ладони лежал меч. Быстро схватила его и выпрямилась. Беглым взглядом окинула обстановку вокруг. Бой шел не на шутку, вокруг валялись тела Диких. Столичные давали достойный отпор захватчикам. У меня начала просыпаться маленькая надежда, что сегодня я не умру. Я встряхнула головой, отгоняя эту мысль. Когда принимаешь решение, нельзя давать себе лазейку на надежду. Выживу — хорошо. Если нет, то я сама приняла такое решение. Судьба значит такая. Мои животные именно сегодня ушли в лес. Если бы, да кабы. Так сложились звезды.

Я сжала меч в правой руке, готовясь к схватке. И тут ощутила, что левая ладонь горит огнём. Я раскрыла ладонь, поднеся её к лицу. Мой детский шрам покраснел и причинял боль. Она пульсировала, то ослабевая, то причиняя немилосердную боль, заставляя сжимать зубы. Рассуждать, почему он так себя ведет времени не было. Спасусь — подумаю. И перевела взгляд на Дикого, разглядывая его в упор.

Он совершенно не ожидал от меня сопротивления. Думал, наверно, схватит и потащит как овцу на заклание. Ой, какой ты предсказуемый. У тебя на лице все твои движения написаны. Он начал яростно махать мечом. Отбить, отклониться. И снова ждать следующего движения. С каждым своим выпадом, он делал шаг в мою сторону. Я отступала, так как понимала, что на его стороне мужская сила. Один удар и я свалюсь. Значит, шансов у меня нет. Будет только одна возможность до него добраться, и я должна ей воспользоваться. Тут его взгляд переметнулся за мою спину, он радостно оскалился. Обернуться, значит по-глупому подставиться. Я быстро припадаю на одно колено и делаю на нем разворот, выбрасывая руку с мечом вперед.

Меч входит в мягкое податливое тело, на меня смотрит недоуменный взгляд Дикого. Его занесенный для удара меч выпадает из ослабевших рук. Теперь мой быстрый разворот в обратную сторону и то же самое движение. Тот, отвлекшись на смерть своего собрата, стоял с открытым ртом, не ожидая от меня удара.

Я вытащила меч, равнодушно смотря на упавшее тело, и обтерла об траву. Обернулась на детей и облегченно вздохнула. С ними пока что все в порядке. Они как мышки затаились, стараясь ничем не выдать своего нахождения. Я повернула голову, оценивая обстановку. Диких было очень много, но ребята держались как могли. Многие из них раненые, но продолжали стоять в строю и встречая вражин лицом к лицу. Мне что теперь? Стоять ждать с моря погоды? Нужно помочь ребятам, чем смогу.

Эх, помирать — так с музыкой. И осторожно начала двигаться к эпицентру.

Время растянулось в бесконечность. В душе полное равнодушие. Подключились какие-то звериные инстинкты замечать каждую мелочь и малейшее движение. В голове пусто, но параллельно шла оценка моих движений. Откуда-то появилась точность и ловкость в моих движениях. Рука с мечом делала обманные движения и решительно рубила Диких. Вот я ловко увернулась от одного. Ощущение, что тело само знает, что делать. Сейчас я не буду об этом думать, мне нельзя отвлекаться. Я подумаю об этом потом.

Краем глаза увидела, что Эвальд упал, отвлеклась на долю секунды и почувствовала на левом предплечье удар. Я скосила глаза, там расплывалось кровавое пятно. Боль я совершенно не почувствовала. Странно. Наверно шок. Вот и хорошо, боль тоже отвлекает.

Многие ребята работали в паре, но после того, как Эвальд упал бездыханным, Ольгерда стали окружать. Я метнулась к нему и встала спиной к его спине. Он глянул на меня через

плечо и быстро кивнул.

Мне удалось увидеть Игната с Люсей. Игнат оттаскивал раненых на край поляны, в его руке был меч. Но он так неловко держал его в руке, что он скорее мешал, чем помогал. Его встречала Люся, встрепанная и перемазанная чужой кровью. Она оттаскивала раненых, рвала имеющуюся под руками ткань и хоть как-то перевязывала их. Молодцы.

Вот Игнат в очередной раз стал оттаскивать раненого, на его пути лежало тело Дикого. Внезапно тот открыл глаза и схватил его за ногу. Игнат от неожиданности упал, быстро перевернулся на пятую точку и со всей дури заехал Дикому культей в лицо. Он в иступлении продолжал молотить его своей деревянной ногой до тех пор, пока не превратил лицо дикого в кровавое месиво.

«Вот и правильно», думала я.

И тут поняла, что моя спина больше не чувствует прикосновений своего напарника. Я обернулась. Ольгерд лежал на спине с открытыми глазами и раскинутыми руками. В его животе торчал меч. Я подняла взгляд на его соперника. Он нагло смотрел, ощупывая меня взглядом сверху донизу. Вонючая образина.

Теперь у меня два соперника, один за спиной, второй стоит скалиться мне в лицо. Я подняла меч Ольгерда и постаралась плотно обхватить рукоятку. Попробую двумя. Глубокий вдох, поднимаю голову, ловя взгляд стоящего передо мной и понеслась. И опять в голове пустота, а тело умело уворачивается от двойных атак. Ни фига ж себе, как это я смогла так прогнуться? Глаза фиксировали движения противников, а руки умело отбивали яростные атаки. Одним резким движением с разворота отрубая голову. Она откатилась от тела как футбольный мяч.

Быстро поворачиваюсь ко второму Дикому. Его лицо начало кривиться от злости, рот оскалился, и он с ревом кинулся на меня. И снова отбить, увернуться.

И тут случилось непредвиденное. Я услышала крик страха Лины. В душе что-то ёкнуло, я судорожно взглядом начала обыскивать территорию, пытаюсь найти источник крика.

Одна здоровая образина тащила Лину, закинув её на плечо. Другой рукой он держал бессознательного Марка за руку и волок по земле. Его ноги оставляли на земле еле заметную дорожку. Лина извивалась, пытаюсь освободиться и кричала. Увидев меня, она протянула одну руку в мою сторону и закричала:

— Ма-а-а-а-а.

Сердце горестно сжалось, пропустив удар. Я рванула к ним и все вокруг взорвалось болью во всем теле. Проваливаясь в беспросветную мглу, последней мыслью было:

— Вот и всё.

И отключилась.

ЧАСТЬ 2

Ночью получил вызов от Мельсина. Я встал со своего места, окинув взглядом отряд. Все спокойно. Часть отряда на охране периметра. Возле костра сидит Ижак. Он, поймав мой взгляд, кивнул. Значит все спокойно. Я подошел к нему и тихо сказал:

— Вызывают. Буду к утру.

Он понимающе кивнул. Я удовлетворенно вздохнул, отошел в сторону, открыл портал и шагнул в пустоту. Вышел в комнате Мельсина. Он сидел в своем кресле, задумчиво потирая подбородок.

— И чего тебе не спится? Сам не спишь и другим не даешь — я прошел к столу и бухнулся на рядом стоящее кресло.

Он радостно вскинулся:

— Чего так долго? Я жду, жду.

Вскочил и бросился к столику наливать напитки. Я покачал головой. Вот неугомонный. Он с осторожностью донес до меня полный до краев стакан, поставил на стол и, обежав стол, запрыгнул на своё кресло.

— Ну что, Реммир? Какие новости? Есть переброшенные? Много? Женщины среди них есть? — он тараторил, не давая мне вставить хоть слово.

Я молча отхлебнул бодрящего напитка. Также, молча поставил его на стол, давая Мельсину хоть немного успокоиться.

— Новостей нет. Переброшенка одна, только навряд ли она та самая наследница — я покачал головой — Шebutная она какая-то. Я ищу, Мельсин. Мои ребята шерстят все имеющиеся селения, опрашивают всех встречаемых. Пока ничего.

Мельсин огорченно поджал губы:

— Не может быть. Посмотри на карту.

На одной стене во всю его длину и ширину красовалась карта нашего государства. Мельсин встал с кресла и подошел к ней.

— Посмотри — он водил рукой над левой его частью.

Я подошел ближе. И действительно. Рисунок слева переливался всеми цветами радуги, тогда как на другой части карты цвета оставались спокойными.

— Видишь? Это точно знак, что наследница двигается в сторону столицы — он радостно потер руки

Я, нахмутив брови, думал. Площадь довольно обширная. Сказать точно, где она сейчас, невозможно. Может, сделать небольшой крюк в сторону и там прошерстить? В том, что что-то происходит, сомневаться не приходится. Значит, наследница здесь. Я кивнул Мельсину:

— Буду искать.

Он радостно вскинул руки, обращая лицо к потолку, затем налил напитка и потопал к столу. Я с улыбкой махал головой. Вот, казалось бы, самый могущественный человек в стране, а ведет себя как ребенок.

— А так, как дела то? Дома ещё не был?

— Нет. Чуть позже, когда осмотрим всю территорию.

Мы долго разговаривали. Я всегда с удовольствием с ним общаюсь. Ему и не нужно рассказывать, он и так многое знает, но с радостью рассказывает истории из своего прошлого. И ни разу не повторился. Душа отдыхает прямо. Я в очередной раз от души

рассмеялся, когда вдруг почувствовал непонятную тревогу. Замолчал, прислушиваясь к себе. Тревога потихоньку нарастала. Что могло случиться? Дома что-то?

Мельсин замолчал, уставившись в одну точку. Вдруг резко повернул голову в мою сторону и сказал твердым голосом:

— Тебе пора!

Я кивнул и вскочил, готовясь открыть портал.

— Поторопись — голос Мельсина толкнул меня в спину — я шагнул в темноту.

Вышел на поляне и остолбенел — повсюду следы бойни. Тела Диких, застывшие в нелепых позах.

— Твою ж мать — скрипнул я зубами.

Бой уже затихал. Ребята добивали оставшихся Диких. Многие были ранены, но еще держались на ногах. Ребята приваливались к деревьям, садились на землю, на их лицах угадывалась усталость. Я знаю своих ребят много лет и по их лицам могу определить, что бой был тяжелым.

Открыл портал и стал отправлять их к Мельсину. Давай-ка, дружище, и ты поработай — тебе все равно не спится.

Кто еще остался? Я огляделся. Гринат с Люсеттой живы, они стояли обнявшись. Перемазанная кровью Люсетта, горестно рыдала на плече своего мужа.

Тут я услышал леденящий душу отчаянный вой и оглянулся. Неподалеку лежала Рита, а возле неё стояли её кабар и левир. Левир в отчаянии катался по земле, выл, кусал себя за лапы и с отчаянием опускал голову от безысходности к земле и острыми зубами грыз траву. Кабар застыл возле Риты, смотря на неё своими широко открытыми глазами. Его отсутствующий взгляд медленно разгорался.

Я подошел к Рите. На её руке была глубокая рана, волосы залиты кровью, на голове рана запеклась темной коркой. Лицо спокойное с легкой усмешкой на губах.

Чёрт. Это я виноват! Пока я распивал отвар с Мельсином, их тут убивали. А где дети? Я стал быстро оглядываться, но их нигде не было. Окликнул Грината. Тот медленно повернул ко мне голову, посмотрел в лицо и сказал, разлепив сжатые губы, одно единственное слово:

— Дикие.

Я сжал кулаки. Вот твари. Порву своими руками. Нужно проверить Риту, жива ли. В любом случае нужно срочно переправить её к Мельсину, он все поправит. И только протянул руку к её шее, чтобы проверить признаки жизни, на меня с воем бросился левир. Он приблизил ко мне свою открытую пасть с острыми зубами. С его десен капала слюна, смешанная с черной землей. Животное шумно дышало, пристально смотря мне в глаза.

Я медленно убрал свою руку. «Защитнички», скрипнул я зубами. Где же вы были? И одернул себя за такие мысли. А я где был?

Кабар медленно встал, подошел к девушке и начал облизывать её лицо своим широким языком. Левир жалобно скулил, бегая вокруг них кругами. Затем Хил подошел к руке, зацепил зубами рваные края ткани и дергая рывками, разорвал ткань, обнажая глубокую рану. И начал осторожно лизать рану, обильно смачивая её своей слюной. Я подвинулся ближе и заглянул. Кровь на ране, смешиваясь со слюной кабара, вспенилась. И на моих изумленных глазах рана потихоньку начала затягиваться. Ни хрена себе! В это время левир начал ту же самую процедуру по зализыванию на голове, захватывая лицо, словно заглаживая свою вину.

Рита тихонько простонала. Я облегченно выдохнул. Все-таки переживал за эту взбалмошную девчонку. Жива и хорошо. А пока необходимо заняться ребятами. Всех раненых отправил, целых и невредимых стал опрашивать. По их словам, напали внезапно. Значит и ребята в дозоре пострадали. Вызвал своего шавала и рванул туда. Всех перебросил к Мельсину. Надеюсь, он сделает все, что в его силах.

Едва потеряв сознание, провалилась в какую-то тягучую чёрную пустоту, которая не дарила блаженного покоя, а заставляла тревожно пробираться сквозь неё. Я с силой раздвигала плотное пространство руками, пытаюсь пробраться вперед. Точно знала, что мне нужно двигаться, иначе эта гадость поглотит меня. Разочарованно крутила головой. А где благословенное блаженство? Где искрящийся небесный свет и ощущение покоя в душе. Господи. И помереть по-человечески не могу. Я продолжала двигаться, пока не провалилась.

Оказалась окруженная ярким искрящимся светом. Ну наконец-то. Я огляделась. Поляна, растут цветы, летают бабочки. Показалось белое облако, которое двигалось ко мне. Когда оно приблизилось на расстоянии вытянутой руки, из неё шагнула женщина. Аккуратная точеная фигура, облаченная в еле прозрачную ткань. И это спокойное красивое лицо. По земным меркам женщине было лет сорок. Её глаза, мудрые и всезнающие, ласково смотрели на меня. И веяло от её фигуры чем-то спокойным и непоколебимым, что хотелось сесть возле её колен, обхватить ноги и прижаться всем телом. И сидеть так долго-долго, слегка покачиваясь.

Она протянула ко мне свою ладонь и погладила по щеке. Я, как котенок, ищущий ласки, чуть подалась вперед и закрыла глаза. Хорошо-то как.

Она едва коснулась моей головы. И я услышала её голос внутри себя:

— Ты наконец вернулась.

Вернулась? Что значит вернулась? А, ну да. Вернулась на небеса. Все правильно.

— Отважная моя девочка.

Какая же я отважная? Мне было так стра-а-а-шно жалобно думала я.

Она понятиливо едва кивнула головой и подняла моё лицо, рассматривая:

— У нас мало времени. Тебе пора возвращаться.

Что? Куда? Обратно? Нет, я не хочу. Молча мотала я головой А можно я останусь? Пожалуйста. Здесь так хорошо.

Она пытливо смотрела на меня, едва склонив голову набок:

— Можно.

Я радостно выдохнула. Облегчение затопило всё моё сознание, я закрыла глаза, чтобы насладиться этим чувством.

— Тогда дети погибнут! — меня вернула к действительности ее жесткая фраза.

Я открыла глаза, нахмутив брови. Дети. Вспомнила последнюю увиденную мной сцену и понурилась. Эгоистка. Расслабилась, мне хорошо, а на остальных наплевать.

Она понимающе кивнула:

— Это твоё испытание, пройди его с честью. А от меня получишь подарок. Какой — узнаешь позже. Мы ещё встретимся. А теперь спеши — она ласково провела ладонью по моей щеке и мир закрутился.

Очнулась от боли во всем теле. Голова гудела, звуки расплывались — то отдаляясь, то

взрываясь в голове пульсирующей болью. Блин, что это? По моему лицу водили чем-то мокрым и дурнопахнущим. Гадость какая. Я поморщилась и, сделав усилие, открыла глаза.

На до мной стоял Мелкий и облизывал. С его открытого рта капала слюна. Я решительно отодвинула его морду от себя.

Повернула голову набок. Хил проделывал то же самое с моей рукой. Я подняла руку и не обнаружила никаких признаков ранения. Удивляться просто не было сил. Я тихонько села, прислушиваясь к своим ощущениям. Слегка подташнивало и жутко хотелось пить. Животные, увидев, что я пришла в себя, начали проявлять свои чувства. Мелкий, одурев от радости, скакал как лошадка, то отскакивая, то приближаясь ко мне, нечаянно задевая меня своей большой башкой, радостно порываясь. От его неосторожных задеваний, меня мотыляло из стороны в сторону.

— Мелкий, ты сейчас меня добьешь, честное слово — слова вырывались из пересохшего горла, тихим хрипом.

Он сел на зад, но сидеть спокойно все равно не мог, перебирал лапами, то припадал на землю, то вскакивал, радостно повизгивая. Хил медленно подошел ко мне, внимательно заглянул в глаза, затем пробрался под левую подмышку и всем телом прислонился.

От этого его молчаливого и простого действия, я чувствовала, что обо мне беспокоились и я просто им нужна. Схватила Мелкого за шерсть и притянула к себе. Он улегся, положив голову на мои колени. И я молча гладила их, выражая свою благодарность за их любовь, а на душе разливалось радостное чувство. Это ведь так важно — чувствовать, что ты кому-то нужен.

Так и сидели молча, пока не подбежал Игнат с Люсей. Она плакала, радостно дотрагиваясь до меня. Игнат с тревогой смотрел — то лихорадочно взлохмачивал волосы, то проводил ладонью по лицу, словно пытаюсь стереть воспоминания.

Затем схватил в охапку, поднял, прижал к себе крепко-крепко и замер.

— Жива — выдохнул он, отпуская из своих объятий. И от переживаний утер скупую мужскую слезу — Я уж думал всё — и коротко рубанул рукой воздух.

Он взял меня за руку и повел к небольшому костру. Там сидели легко раненные ребята, переговариваясь. Налил в кружку отвар и молча подал. Сам молча сел рядом.

— Рита, дети — он снова замолчал, опустил голову и сцепил ладони в замок.

Тут на своем шавале влетел Реммир, он спрыгнул на ходу и присоединился к оставшемуся отряду.

Я кивнула Игнату:

— Видела — горестно пробормотала я.

— Нужно выручать ребят.

Тут меня заметил Тельнан. Он тяжело поднялся и, прихрамывая пошел ко мне. Остановившись напротив, молча протянул руку. Я с недоумением встала. Чего он от меня хочет? И тоже протянула руку. Он крепко пожал мою руку, развернулся и ушел на свое место. За ним молча потянулись все ребята. Я в ошалении подавала им руку, думая, что бы это значило. Поздравляют что ли, что в живых осталась? Может это у них ритуал такой. Откуда же мне знать?

Реммир с молчаливым удивлением наблюдал за их действиями.

Игнат, дождавшись окончания рукопожатий, подвинулся ближе для объяснений:

— Только что, Рита, ребята из лучшего отряда страны, высказали тебе своё почтение и уважение — А ты чего не сказала, что на мечях умеешь, а? Я как увидел, офигел вообще. Мне

прямо стыдно стало за себя. Тут девчонка мечами машет, а от меня толку ноль.

— Да кто тебе сказал, что умею, Игнат — устало пробормотала я. В голове нарастала боль. Видать крепко меня по ней приложили.

— И не выдумывай, я же видела, как ты Дикому всю морду расквасил своей культяпкой. А говоришь, толку нет.

— Видела, значит? — он чуть расправил плечи — Чего греха таить, испугался жуть. Думал, конец мой настал. Да и Люся испугалась.

И спохватился:

— Это как это не умеешь? Я своими собственными глазами видел, как пошла двумя мечами махать, как будто только этим всю жизнь и занималась — он покачал головой — Ну ты даешь, землячка. Не девка, а цунами какое-то.

В это время откуда-то из воздуха начали выходить столичные. И я открыла рот от удивления. Шагнул целый и невредимый Эвальд. За ним Ольгерд. Я же собственными глазами видела его с мечом в животе. Как такое возможно? Это, конечно, очень-очень хорошо, что они живы, но в голове, пульсирующей болью, все равно не укладывалась картина.

Ольгерд медленно обвел всех взглядом. Затем наткнулся на меня и медленно подошел, протянув руку. Я не стала кочевряжиться и тоже протянула руку. Он крепко, до хруста костей, пожал её и, положив сверху вторую, от души встряхнул:

— Молодец!

Развернулся и отошёл. И процедура вновь повторилась уже с вновь прибывшими.

— Игнат, голова раскалывается. Можно что-нибудь придумать? А то мне даже думать больно.

— Ага, сейчас поспрашиваю — и убежал, едва прихрамывая.

Я закрыла глаза. Он вернулся с Реммиром. У того в руке была та самая шкатулка с капсулками Силы. Он достал одну и протянул мне.

Я с сомнением посмотрела на него:

— А можно разве? Ничего не случится?

Он покачал головой, достал одну капсулу и положил себе в рот. Если ему можно, значит и мне ничего плохого не будет. Взяла и положила в рот.

И, едва оболочка капсулы растаяла, боль отступила, а все тело взорвалось множеством невероятных ощущений. Хорошо-то как. Тело стало легким и появилось ощущение легкого покачивания как на волнах. По телу пробежали приятные щекочущие мурашки, как будто летний бриз обдувал его то с одной стороны, то с другой. На душе стало спокойно и как-то равнодушно. Проблем и забот нет, есть только я и эти невероятные ощущения. У меня даже не было никакого желания, чтобы их описать и никакого желания сопротивляться этим восхитительным состоянием. Я просто наслаждалась. Навалилась легкая сонливость и, кажется, я даже начала засыпать. Но тут резкий толчок едва не свалил меня на землю

— Эк тебя торкнуло-то с непривычки. Давай, очухивайся уже — Игнат топтался рядом со мной, недовольно морща нос.

— Да, да. Ещё секунду — с усилием хлопала глазами, не давая им закрыться.

Я мужественно боролась со своим состоянием, пока меня не окатили водой. Хлопала глазами, вытирая лицо. Вот изверг. Игнат стоял рядом, заглядывая мне в лицо, пытаюсь определить мою реакцию. Он сказал только одно слово, и этого было достаточно, чтобы я пришла в себя

— Дети!

Я медленно встала. Нужно идти выручать детей, а тут рассиропилась. Мне стало стыдно за себя и страшно за них. Нельзя терять ни минуты. Неизвестно сколько времени прошло с моего возвращения оттуда. Но об этом я подумаю позже. Сейчас нельзя отвлекаться на всякие посторонние мысли. Могу ли я просить ребят о помощи? В любом случае мне их помощь очень необходима. Лучше них никто не знает о повадках этих тварей и где их искать вообще.

Реммир словно прочитал вопросы на моем лице, начал говорить:

— Большая их часть скрылась. Об их количестве ничего неизвестно. Мой отряд в неполном составе. Нужно дождаться остальных и завтра на рассвете пойдем.

Я качала головой. Он не понимает? Каждая минута у этих тварей может стать последней для детей. Да просто нахождение среди них — уже сильный стресс. Марк попытается или сбежать или освободить Лину. Он совершенно точно не будет сидеть, сложа руки. С его характером это совершенно невозможно. А уж если Марку будет грозить опасность, Линка обязательно кинется ему на выручку.

А еще я точно уверена, что они ждут меня. Как сказала та женщина? «Это твоё испытание. Пройди его с честью». Пройду! Обязательно пройду!

Мне даже думать невыносимо, что я больше не увижу веселые искорки в Лениных глазах, не услышу её веселый щебет. Эти твари изломают хрупкую детскую душу, исковеркают и испоганят. Пусть только попробуют пальцем до неё дотронуться. Лично вырву их поганые руки и засуну в их вонючие пасти. А Марк? Этот славный храбрый мальчуган. Как он смешно хлопает глазами, пытаюсь разгадать мою очередную пакость с женихами. А самым главным аргументом стала последняя сцена, виденная мной. Лина ведь кричала не «помоги, не Рита, а «ма».

И вы думаете, что я смогу спокойно сидеть ждать утра?

Нет, ребятки, ждать я не могу. Если без вас, значит сама. Почему сама? Со мной мои звери. Авось, получится. Я покачала головой, глядя на Реммира:

— Я не могу ждать.

Развернулась и пошла собираться. Мне и собирать, собственно говоря, нечего. Решительно закинула свою сумку через голову. Ко мне подошел Игнат:

— Ты, это, давай, не пори горячку. Я с тобой пойду, если что.

Я посмотрела на него с печальной улыбкой и крепко обняла. Резко отпустила и, не оглядываясь, подошла к ребятам:

— У меня просьба. Можно мне взять те мечи, с которыми я дралась? Они мне по руке были, боюсь с другими не получится.

Молодой парнишка, сбегал куда-то и принес два меча. Были ли они теми самыми, я не знаю. Но ребята знают свое и оружие товарища в «лицо». Я обхватила мечи ладонями, пытаюсь вспомнить прежние ощущения. Ничего не помню, хоть тресни.

Тельнан молча поднялся, достал меч и встал рядом со мной. Я недоуменно смотрела на него. Это он со мной собрался? Это конечно очень замечательно, но как отреагирует его начальник? Я перевела взгляд на него. Он смотрел на нас, чуть прищулив глаза, затем еле заметно кивнул.

— Пойдем вместе.

После его слов рядом со мной встали еще десяток дееспособных бойцов. Я была им очень благодарна. Одной все равно страшно еще раз лицом к лицу встретить этих гадов. И

вдруг у меня не получится? Вдруг я все же погибну? Мне необходимо знать, что за детей будут бороться до конца и они останутся живы.

Реммир отдал последние указания оставшимся и наш разношерстный отряд тронулся в путь. Нас вели мои животные, но через несколько часов мы встали, так как потеряли след. Мелкий с Хилом крутились на одном месте. Мы пытались идти в разных направления, чтобы хоть как-то поймать их невидимый человеческому взгляду след.

Я в отчаянии села на землю:

— Что теперь делать? — умоляющим взглядом смотрела на ребят. Они сочувственно пожимали плечами.

Реммир, скрипнул зубами:

— Научились, твари, за столько лет след замечать. Будем еще пробовать. Раздай шавалам вещи детей, может у них получится.

Я лихорадочно шарила в сумке, у них и нет ничего практически. Нашла Линыны ленты для волос. Вещей Марка у меня не было.

Реммир кивнул, протягивая руку:

— Попробуем с тем, что есть.

И раздал ребятам. Время шло. Я впадала в молчаливое отчаяние. Ничего не получалось. Шавалы уходили и возвращались ни с чем.

Реммир подсел ко мне:

— Ничего не получается. У нас был бы хоть маленький шанс, если бы между вами была связь.

В недоумении посмотрела на него. Какая связь? О чем он говорит? И вспомнила наш разговор с Игнатом: «У каждой матери есть связь со своим ребенком. Где бы он ни был, она всегда найдет его».

Я в отчаянии обхватила голову. Ну почему я не сделала этого раньше? Почему сомневалась? Почему всегда находила себе оправдание чтобы не сделать этого, ведь в глубине души я отчаянно этого хотела. Если я их не найду, я буду всю свою жизнь помнить о своей ошибке, и, наверное, одной из главных ошибок в моей жизни.

Я подняла голову к небу:

— Помоги, пожалуйста!

Я даже не знаю, как зовут ту красивую женщину, кто она, но я была уверена, что помочь сможет только она. Ведь она сказала торопиться.

— Прошу тебя от всей своей души, подскажи путь, заклинаю тебя!

Я закрыла глаза и просидела так несколько минут. Вокруг была тишина. А что я хотела? Что передо мной постелется красная ковровая дорожка? Или волшебный клубочек появится?

Со вздохом открыла глаза, посмотрела вокруг. Ничего не изменилось. Придется ждать. Может, у животных все же получится. Ведь не может быть, чтобы ни единого запаха не осталось. От этих же тварей смердит за версту.

Вдруг я почувствовала, что мне на голову кто-то сел.

Я провела рукой по волосам, смахнув маленькую птичку. У меня не было ни сил, ни желания рассматривать её красоту.

Она, немного полетав, опять села мне на голову.

Я в раздражении опять смахнула её рукой:

— Имей совесть. Смотри сколько места для сидения, что обязательно на моей башке то приземляться? — довольно грубо сказала я, обращаясь к ней.

Она, облетев вокруг меня несколько раз, стала летать перед моим лицом туда- сюда, туда-сюда.

Да что ж такое-то? Эта маленькая пернатая засранка совершенно отвлекала меня от мыслей. Я встала, пытаюсь отогнать её от себя. Она немножко отлетела, словно дразня.

— Ну, сейчас ты у меня получишь.

Когда у меня плохое настроение, я даже сама с собой не связываюсь, так как побаиваюсь, а тут мелочь пернатая дразнится. Я встала, пытаюсь достать её, но та отлетала все дальше.

Улетела и хорошо. Я опять села на свое место. Не прошло и минуты, как эта маленькая гадина приземлилась мне на голову. Я в бешенстве вскочила. И начала гонять её, она отлетела в том же направлении что и первый раз.

Да что ж такое-то? Как специально. И замерла. Вот я дура! Неужели подсказка? А что я хотела? Официальное письмо? Так и так, мол, Маргарита, податель сего письма укажет вам дорогу.

Может, действительно подсказка. Реммир заинтересовано следил за моими действиями. Я прочистила горло, прежде чем пояснить:

— Нужно идти за ней. Она укажет путь.

Он с сомнением смотрел то на меня, то на птичку. Подумал, наверное, что я с катушек съехала от нервов.

— Пожалуйста, давайте попробуем. Все равно другого варианта у нас нет, мы в тупике. Если не получится, то вернёмся на это же место.

Раздумывал он недолго, и мы двинулись за птичкой. Она отлетала, то подлетала ближе, как будто подтверждая правильность наших действий. Шли несколько часов, прежде чем наши животные заволновались. Хил подбежал ко мне, заглядывая в глаза. Мелкий шумно втягивал воздух и радостно скакал.

Они почувствовали детей. Я улыбалась, глядя на ребят. Получилось. Нашла взглядом птичку. Она летала вокруг нас, радостно щебеча, потом поднялась ввысь, раскрыв свои переливающиеся крылышки и улетела. Я успела только крикнуть её в след:

— Спасибо!

Услышала или нет, не знаю.

— Дальше найдем — уверенно сказал Реммир.

Мы сделали небольшую передышку. Поели всухомятку то, что ребята успели покидать в свои сумки, я-то об этом совершенно не подумала. А костер, по известной причине, разводить было нельзя.

Через несколько часов Мелкий стал сосредоточенным. Он замедлил свой шаг, осторожно переставляя лапы по траве. Потом остановился, сел, посмотрел на меня и тихонько рыкнул. Наш отряд остановился. Мы, шепотом переговариваясь, расселись на траве.

Реммир встал:

— Нужно двоим сходить посмотреть. Нападем, как встанут на ночлег.

— Я тоже пойду. Не успокоюсь, пока не увижу детей живыми.

Реммир поморщился. Ну да, что толку от меня? Ноль, и ходить бесшумно я не умею, но не сидеть ведь как истукан.

Мои животные встали рядом со мной, я положила руку на спину Мелкому. И, чтобы не давать Реммиру время на отговаривание, молча развернулась и пошла.

Шли, прислушиваясь к звукам. Внезапно Реммир поднял руку вверх. Мы замерли. Я повернула голову на Хила. Он замер с поднятой лапой. Я улыбнулась. Вот откуда он знает, что нужно замереть? До чего умное животное, поражаюсь честное слово.

Реммир показал в сторону и губами прошептал:

— Охрана.

Я понимающе кивнула. Мы в полуприсядку обошли его стороной. Двигались рядышком, и я чувствовала его запах. Добежали до дерева, сели, и я взглянула на охранника. Тот стоял, привалившись на дерево и ковырялся в носу своим грязным толстым пальцем. Потом достал его, с интересом поглядел на результат своего плодотворного труда и сунул в рот.

Фу. Меня затошнило. Я закрыла рот рукой, пытаюсь заглушить рвотные позывы, глубоко дыша через нос.

Реммир быстро обхватил меня за шею и притянул к себе, прижав мою голову к своей шее.

С закрытыми глазами я вдыхала его приятный запах и потихоньку тошнота ушла. Так и стояла бы вечность в его объятиях, а он продолжал держать мою голову. Я чувствовала его руку на затылке, и мне вдруг захотелось, чтобы он зарылся пальцами в мои волосы. Я чуть пошевелила головой, а его пальцы отозвались на мой еле заметный жест. Он чуть сжал ладонь, проводя по волосам подушечками пальцев. От его движения, по всему телу пробежала дрожь, грудь стала чувствительной от соприкосновений с тканью. Я чуть не застонала, слушая его участившееся дыхание.

Я с трудом отодвинулась от Реммира, возвращаясь в реальность. Стыдно-то как, нашла время. Иду детей выручать, а расслабилась как на свидании.

Тут неслышно подошел Хил и мотнул головой. Мы последовали за ним. Ближе к их лагерю пришлось ползти. Эти твари собрались в одном месте, гортанно переговариваясь. Что-то их многовато. Штук сорок-пятьдесят навскидку. А нас сколько? Двенадцать человек. В смысле — один человек и одиннадцать ваарцев. Но от этого хрен редьки не слаще. И плюс животные в количестве тринадцати штук. Моих двое и у ребят по шавалу. Маловато. Я перевела взгляд на ребят, их лица спокойные и сосредоточенные. Самое главное, спокойные, значит можно не переживать.

На земле лежала туша окровавленного животного. Они отрезали куски сырого мяса и жевали своими гнилыми зубами, довольно щурясь. По подбородку стекала кровь.

Меня передёрнула от отвращения. Я судорожно искала взглядом детей. Они сидели неподалеку. Руки и ноги крепко связаны. Лина сидела, опустив голову, на её лице виднелись дорожки от слез. Её отсутствующий взгляд смотрел в одну точку. У меня до хруста костей сжались руки. У Марка на лице расплывался большой синяк, губа разбита, он периодически сплёвывал кровавую слюну. Все-таки он попытался сбежать. Потерпи еще немножко, только не геройствуй, пожалуйста.

Тут от толпы отделился один Дикий. В руках он держал кусок сырого мяса, он медленно подошел к детям и бросил кусок им под ноги. Немного постоял, затем подошел к Лине, схватил кровавыми руками её подборок и поднял лицо к себе. Он рассматривал ее лицо, довольно щерясь. Лина медленно перевела взгляд на него. Очень страшно видеть у маленького ребенка такой взрослый ненавидящий взгляд. Меня начала бить крупная дрожь, я еле сдерживалась, чтобы не выскочить и не убрать его поганую клешню от её лица. Реммир положил свою руку на моё плечо и крепко сжал. Боль в плече немного отрезвила меня. Я благодарно кивнула ему.

Дикий отпустил лицо Лины и, ухмыляясь пошел к своим.

— Девчонка моя — громко сообщил он своим.

Те начали ухмыляться:

— Маловата еще добыча.

Тот скривил губы:

— Подрастет чуток, там и поиграем — бросив на девочку взгляд.

Они заржали. Марк от услышанного, сжал зубы и начал энергично дергать руками.

Дикий обернулся на него и рыкнул:

— Убью.

Я прижалась лбом к земле, с силой сжав траву. Не могу это слышать, сердце кровью обливается. Помотрела на Реммира. "Как немного стемнеет" — сказал он губами.

Значит, еще ждать. Нужно дать знать детям, что мы здесь, иначе Марк совершит очередную ошибку.

А как привлечь их внимание? Я огляделась по сторонам. Хил лежал неподалеку, и я позвала его. Когда он подполз, я притянула его голову и зашептала на ухо. Он тихонько пополз в сторону детей. Я замерла — хоть бы получилось. Он дополз до Лины, стараясь привлечь её внимание, но девочка сидела, уставившись в одну точку. Хил ткнулся носом в её завязанные руки. Она перевела взгляд на Хила и смотрела непонимающим взглядом.

Давай, девочка, соображай. Тут она нахмурила брови, захлопала глазами и широко открыла их. Её лицо озарила счастливая улыбка. Она судорожно толкала Марка, привлекая его внимание. Тот повернул голову и с недоумением смотрел на сестру. Чего это она лыбится? Она мотнула головой в сторону Хила. Марк замер, смотря на него, затем поднял голову, всматриваясь в кусты, ища спасителей.

Я нашла небольшую веточку и бросила в его направлении. Он моментально отреагировал, повернув голову в мою сторону. Чуть выглянула, давая ему возможность увидеть меня. Он вцепился в меня взглядом, глубоко вдохнул и чуть улыбнулся разбитыми губами. Марк указал головой Лине направление и та, увидев меня, заулыбалась.

Я успокаивающе кивнула и шепнула губами: "Позже. Держитесь". Дети кивнули.

Вот и хорошо. Я спряталась в траву, но Хил все не возвращался. Я выглянула. Этот стервец, практически растекшись по земле и замаскировавшись в траве, перегрызал веревки своими острыми зубами. И как только сообразил? Молодец! Вернется — расцелую.

Начало темнеть. Дикие, нажравшись, расслабились и переговариваясь все тише, укладывались на землю и засыпали. Видимо, они были уверены, что погони не будет.

Ну что, вонючие ребятки, будет вам всем сюрприз.

Стемнело настолько, что я уже не видела детей. Ребята задвигались, и от шелеста травы под их ногами, я поняла, что пора. Я аккуратно встала, меня потряхивало от неизвестности и предстоящего боя. Получится ли?

И почувствовала в ладони пульсирующую боль, поднесла ладонь близко к глазам. Рассмотреть не было возможности, тогда я провела пальцем по шраму. Как и в тот раз, он припух и отзывался на прикосновение болью.

Подумаю об этом позже. Я обхватила мечи двумя руками, успокаиваясь. Закрыла глаза, глубоко вдохнув. Из головы уходили посторонние мысли и эмоции. Оставались решимость и твердая уверенность в своих действиях.

И понеслась. Мелкий бесшумно мчался рядом со мной. Я первым делом рванула к детям. Дикие, не ожидавшие нападения, вскакивали, оглядываясь по сторонам.

Реммир на бегу кинул несколько горстей песка.

"Свет", и поляна озарилась светом. Стало видно врага. А то ведь действительно, своего порешить можно.

Как только началась заварушка, дети вскочили. Их руки и ноги были свободны, Хил постарался. Дети кинулись ко мне в объятия. Я на мгновение прижала их к себе и быстро оттолкнула за пределы поляны. Марк порывался схватить любое оружие и встать рядом.

Мне было не до сантиментов, и я рявкнула:

— Вон, Лину смотри!

Развернулась и чуть не пропустила удар. Чудом вывернулась и вступила в бой. И опять никаких мыслей, тело четко отзывалось на движения нападавшего. Вот его голова покатила. Подскочил еще один. Я усмехнулась. Что же к ребятам не сунулся? Ищешь легких путей? Ну на тебе, и он получил два удара, замерев на месте от боли.

Мне бы ту тварь найти, что к Лине подходила. Я начала оглядываться и застыла с открытым ртом.

Хил подскакивал к врагу, и широко открыв пасть, хватал за конечности. Укушенная конечность неестественно выворачивалась от перелома, и его хозяин с воплем падал на землю. Там Хил и завершал начатое, вырывая кадкы.

Но то, что вытворял Мелкий, не вписывалось ни в одни ворота.

Отталкиваясь от земли своими мощными лапами, он в прыжке подлетал к врагу сверху, одновременно хватая того за голову, широко открытой пастью и своими большими лапами с выдвинутыми когтями, буквально разрывал тело пополам. Оторванная голова отлетала следом за разодранным телом.

Я не выдержала и крикнула Мелкому:

— Мелкий, не бери в рот всякую вонючую гадость. Просто убивай.

Он повернул ко мне голову с открытой пастью. Глаза стеклянные, даже сомневаюсь, что он узнал меня. Я отшатнулась.

— Поняла. Не мешаю. Продолжай.

Он рыкнул и бросился в самую гущу. Хил крутился между врагов как юла. Диких за короткий срок становилось все меньше. Тут на поляну влетели шавалы и дело пошло еще быстрее. Они раздирали грудную клетку врага, не оставляя шансов на спасение. По ходу дела, нам тут работы и не останется, все сделают животные.

Тут я заметила лежащего на земле той твари, что подходила к Лине. Я даже расстроилась. И отрезать ему кое-чего теперь нечего и совать больше некуда. Вот и славно.

Обернулась. Хил продолжал хватать все подряд. Но, неожиданно ему подвернулась лапа Мелкого. Хил в исступлении схватил её и сжал пасть. Мелкий от неожиданности замер, прислушиваясь к ощущениям. Затем в недоумении опустил голову между своих лап, заглядывая на неведомого врага, хлопнул глазами. Хил, почувствовав, что сделал что-то не то, замер, подняв глаза на Мелкого. Осторожно отпустил лапу, виновато хлопнув глазами и лизнул объект своей неосторожности. Мелкий шумно выдохнул, фыркнул и вернулся к своему делу.

Я громко рассмеялась, глядя на них. Напряжение потихоньку отпускало, на душе становилось радостно. Я опустила мечи, немножко разочаровавшись. Настраивалась-то на смертный бой, но с такими животными ничего не страшно.

Животные добивали оставшихся врагов, а я развернулась в поисках детей.

Они выбежали мне навстречу, и я встретила их крепкими объятиями. Мы стояли

втроем, жадно вцепившись друг в друга, словно боясь снова потерять друг друга.

— Нужно уходить — шепнула я, по очереди поцеловав их в макушки.

Не дожидаясь рассвета, наш, пополнившийся отряд, двинулся в обратную дорогу. Дети расселись к столичным на шавалов.

Мне протянул руку Реммир. Кочевряться не было ни сил, ни желания. Села впереди него, с каждым шагом шавала расслаблялась и, наверное, задремала. Потому что почувствовала руку, обнимающую за талию.

Хил запрыгнул Мелкому на спину, иначе мог отстать от нас, и мы помчались.

До стоянки добрались практически под вечер. Солнце только-только начало клониться к закату. Все сидели дружной гурьбой возле костра и ждали нас. Игнат с Люсей вскочили первыми. Игнат с волнением всматривался в моё лицо. Я устало кивнула головой:

— Все хорошо, Игнат. Дети не пострадали.

Люся, подбежав к детям, обхватила их обеими руками, крепко прижав к своему пышному телу. Она бормотала благодарственные слова Хранительнице за спасение.

Ну и при чем здесь Хранительница? Она что ль там мечами махала? Злая я. Это от пережитых волнений и бессонной ночи.

Я потерла ладонями лицо, отгоняя сонливость. У меня есть одно неоконченное дело, иначе опять найду себе оправдание, чтобы оттянуть решение этого вопроса и меня будут одолевать противоречивые сомнения.

Я решительно направилась к детям.

Лина с улыбкой обернулась ко мне. Слава небесам, ведь она опять улыбается. Но тот её взгляд я никогда не забуду и сделаю всё, чтобы никогда его больше не увидеть.

Мы отошли немного в сторону и сели на траву друг против друга. Я немного мялась, не зная, как начать разговор.

И начала разговор, смотря на Марка:

— Мы еле вас нашли. Эти твари научились замечать следы и запахи. Только чудо помогло нам. Если бы у меня была с вами связь, то освободили гораздо раньше.

Дети понимающе кивнули.

— Это может повториться еще раз и мне даже больно думать, что с вами может что-то случиться.

Дети смотрели на меня. Марк, наверное, уже стал догадываться, так как начал часто хлопать глазами.

Я глубоко вдохнула, как перед прыжком в морскую пучину:

— Согласны ли вы стать моими детьми? — смотря на Марка. Все-таки, он старший и волей-неволей несет ответственность и за свою сестру. А может, вообще откажется — начала сомневаться я.

Лина замерла, широко открыв глазки. Она медленно кивнула. Марк по-взрослому смотрел в глаза:

— Тебе придется остаться.

Я кивнула:

— Останусь.

Марк посмотрел на Лину, на меня и сказал:

— Согласны.

Я облегченно выдохнула. Теперь и мне слова говорить нужно. А какие? Пойти к Игнату спросить? Не пойду. Это личное дело нас троих, неужели не подберу нужные слова? Ведь главное, от души их сказать.

— Я беру ответственность за этих детей: Маркела и Неолину. Обещаю заботиться о них и любить как своих детей. И постараюсь сделать всё, чтобы они были счастливы — от этих очень важных для меня слов, потекли слезы.

— И, даже если они будут безобразничать, я все равно буду их любить, потому что это самые лучшие дети на свете.

Едва я произнесла последнюю фразу, меня откинуло на несколько метров назад и тело взорвалось оглушительной болью.

Я потеряла сознание.

После нападения Диких, спасти удалось весь отряд. Мельсин постарался на славу. Потеряли только детей.

Я скрипнул зубами, ведь были донесения, что Дикие собираются вместе, хотя раньше они ревностно охраняли свои территории. И совершали нападения на «своих» территориях. Что заставило их объединиться? И как им удалось так далеко пробраться незамеченными?

Я оглядел своих ребят- молодцы, не спасовали.

Каково было моё удивление, когда Тельнан пожал руку иноземке. Тельнан, старый вояка, с которым мы прошли много битв. Уж он то знает толк в военном деле и просто так не признает девку равному себе. Знать, не проста иноземка. Неужели она наследница?

Не может того быть. Хранительница наверняка признала бы её, и Сила вступила в свои права.

Девчонка, конечно, красивая и отчаянная. У них там, на земле все такие?

Я хмыкнул. Собралась она, понимаешь, в одиночку спасать детей. Что ж мы звери какие? Звери, и те своих детёнышей выручают из беды, неужто ваарцы не помогут.

Когда она в отчаянии схватилась за голову из-за связи, даже у меня сердце зашлось. Надо же из-за чужих детей так убиваться. Хотя, на меня тоже иногда тоска нападает.

Сколько по стране мотаюсь, пытаюсь найти своего ребенка и все тщетно. Где же эта дрянь прячется? Вроде уже везде побывал. К Мельсину, видимо придется обратиться, не хотелось личные проблемы примешивать к служебным.

Проникся я к Рите уважением. Мне и самому хотелось выскочить из кустов, когда Дикий схватил девочку за лицо. Я скрипнул зубами. Счастье, что сразу не тронул. А Рита девка интересная. Как будто много лет мечами машет, лицо без эмоций, равнодушное.

Я улыбнулся. Мне Тельнан по молодости тоже так говорил: «У тебя такое лицо становится спокойное, как у профессионального убийцы. Жутко подходить к тебе». Я объяснял, что по лицу враг читает все действия и проявить эмоцию — это дать врагу оружие против себя. Со временем все ребята привыкли. А тут как бы увидел себя со стороны.

Осторожно выпрямил спину, пытаюсь размять затёкшие мышцы, одной рукой придерживая уснувшую девушку. Не мудрено. Столько испытаний за короткое время- два боя, ранение. Ничего, приедем, отдохнем как следует. Ребятам тоже отдых нужен.

Я приблизил лицо к её волосам и вдохнул. Приятный запах земной женщины — травы и что-то мне незнакомое. Наверное, её средство для мытья волос. Девушка вздохнула и, чуть повернув голову, доверчиво уткнулась в мою шею. Ох ты ж, епрст. От ее, чуть заметного

дыхания, по всему телу пробежала возбуждающая волна, в штанах приятно зануло. Я поерзал, устраиваясь поудобнее. Сейчас вдруг проснется, а ей в ягодицы кол упирается. Усмехнулся. Мне теперь с этим колом ехать всю дорогу.

Доехали быстро. Ритины животные умчались в лес в поисках пропитания. Сама девушка проснулась на подъезде к лагерю и выпрямилась, стараясь не касаться меня бедрами.

Я соскочил с шавала, разминая затекшие мышцы. Выслушал отчет ребят, что все спокойно. А теперь всем спать. И только собрался прилечь, как услышал дикий крик. Все вскочили, оглядываясь.

И тут я увидел источник крика-Рита каталась по земле, а возле неё испуганные дети. Я сразу понял причину такой сцены. Мне уже приходилось видеть подобное.

Идиотка! Не могла подождать немного. В её уставшем организме нет столько сил, преодолеть такую боль. Может не выдержать и уйдёт на небеса, оставив детей сиротами. От боли она уже хрипела, пальцами скребя землю, а тело выгибалось дугой.

Я подбежал к ней, схватил на руки и крепко прижал к себе, чтобы не поранилась. Но её сила была сильнее- при очередном приступе она с криком выгнулась, и я не смог её удержать. Мы упали на землю, крепко приложившись о твердую поверхность. Я обхватил её руками и ногами, зафиксировав конечности.

Игнат носился вокруг нас, в волнении заламывая руки.

— Реммир, а если капсулу Силы ей дать? Не выдержит ведь девчонка.

— Нельзя — сквозь зубы выдохнул я, пережидая приступ — Сила сейчас связь устанавливает. Если добавить — разорвёт нафиг — ожидая очередной приступ, который не заставил себя долго ждать.

Поднялся жар и тело начало гореть огнем. Сквозь одежду я чувствовал её горячую кожу и волны судорог, пробежавших по уставшему телу.

По моему лбу стекал солёный пот, который смешивался с горячим потом Риты. Она металась в бессознательном состоянии, и я ничем не мог ей помочь. Это был её выбор. Но, как же хотелось облегчить состояние этой девчонки, не побоявшейся принять связь и, так бесстрашно принявшей бой за чужих детей. Два боя, если быть точным.

Если бы можно было взять на себя часть её боли, не раздумывая, сделал бы это.

Вот, последняя судорога покинула уставшее тело, и Рита обмякла. Я облегченно откинул голову и расслабил мышцы, отдыхая.

Стоп, в чем дело? Почему я не слышу её дыхания? Я заглянул её в лицо, прислушиваясь. Потом потряс за плечо. Никакой реакции. Я рванул кофту на груди и приложил ухо к груди, пытаюсь услышать стук сердца. Ничего. Я поднял голову, обводя взглядом собравшихся. Опустил голову, смахивая ладонью пот.

— Все кончено, она не справилась.

— Нет. Не может быть — Игнат стоял рядом, сжав кулаки.

Он подлетел к Рите и начал яростно трясти её за плечи

— Ритка, вернись, слышь! Вернись, как человека тебя прошу — его голос перешел на крик.

Затем сел на корточки и сказал, стукнув себя кулаком по груди:

— Полюбил ведь её. Как дочь родную полюбил — и уткнулся лицом в ладони и его плечи затряслись от горестных переживаний.

Вокруг повисла тишина и среди этой горестной тишины послышался вой девочки. Понять ее можно. Только обрели родного человека и сразу потеряли. Марк смотрел

застывшим взглядом.

Тут Игнат вскочил, вытер лицо рукавом и шмыгнул носом:

— Нет, братцы, так дело не пойдет — и с криком — Врагу не сдаётся наш гордый Варяг! Пощады никто не желает! — начал трясти Риту с удвоенной силой.

Её бездыханное тело тряслось от рук Игната. Голова перекатывалась из стороны в сторону.

Я скрипнул зубами. Да дай ты ей умереть спокойно, что ты ее трясешь, как пыльный мешок. Итак настрадалась девка.

В это время из леса вылетели кабар с левиром. Они стрелами мчались к нам, подбежали, тяжело дыша. Левир, не раздумывая, поднялся на задние лапы и прыгнул на грудь девушки передними лапами, налегая всем своим мощным телом. Игнат от неожиданности сел на пятую точку.

Мы все замерли. Никто не ожидал таких действий от животного. А левир, отбежав на несколько метров, развернулся и с разбегу повторил своё движение. Раздавит же на фиг. Мало того, что тело физически измотано, так еще и поломанной в землю положат.

Неожиданно Рита вздохнула и открыла глаза. Все облегченно загалдели. Я тоже почувствовал облегчение. Жива, слава Хранительнице.

Дети подбежали к девушке, обнимая её. Она с усилием подняла руку, коснулась детей и потеряла сознание. Все склонились над девушкой. Она ровно дышала, иногда сжимая губы от боли и сжимая ладони.

Рядом с ней остались дежурить дети и Игнат с Люсей. Остальным нужно было выспаться.

Я со стоном лег на одеяло и закрыл глаза. Прошло некоторое время, прежде чем я понял, что не смогу уснуть. Поднял голову и огляделся. Ребята шумно посапывали возле костра. Люся с Линой уснули сидя, обнявшись. Игнат с Марком мужественно сражались со сном, потирая глаза и зевая. Я встал и подошел к ним:

— Идите спать.

Марк испуганно покачал головой

— Идите уже. Мне все равно не спится. Я разбужу если что.

Когда они улеглись, я осторожно взял девушку на руки и понёс на свое место. Чего сидеть истуканом, сплю я чутко. Ей теперь только время поможет и крепость организма. Я положил руку на девушку, обхватив. Если случится очередной приступ, я смогу удержать. Всю ночь она металась в бреду, разговаривала с кем-то, звала.

«Алька, Семеныч. Мама Ева»...

Говорила, что у нее никого нет, а тут маму какую-то зовет. Бредит же, понимающе молчал я, крепко держа в своих объятиях

«Ромка, не трогай меня, ты горячий», по телу прошла небольшая судорога. «И я тебя люблю. Не уходи. Да не уходи, пожалуйста», умоляюще она шептала.

Я скрипнул зубами. Ромку любит. Где-то в глубине души шевельнулось недовольство и какое-то давно забытое чувство ревности. Я прижал её к себе покрепче.

«Кирилл, ты урод. Ненавижу тебя. Суешь свой.....», а дальше был такой текст, от которого даже я немного покраснел.

Наутро я проснулся, чувствуя взгляд. Рядом сидел Марк, разглядывая то Риту, то меня. От Риты все еще шел жар.

— Нужно довести её до воды.

Мальчик спокойно смотрел на меня.

— Она всегда в воде плескалась, говорила вода и лечит и все болезни забирает.

Мальчик то соображает, хмыкнул я. Ведь действительно, при каждом удобном случае, Рита мчалась к воде.

Собирались недолго. Всем хотелось убраться с этого места.

Я сел на шавала, Тельнан передал мне на руки девушку. Её животные бежали рядом, время от времени забегая вперед и заглядывая на Риту. Дети сели к ребятам, тоже время от времени оглядываясь.

Надо же. Не часто встретишь такую преданность. Преданность от животных, тем более от таких опасных и диких. То, что мы увидели за этот познавательный поход, никто из ребят не забудет, и будут рассказывать своим детям. Как иноземка просидела несколько часов, зажимая артерию, спасая самое опасное животное Ваарии и при этом ревела навзрыд, словно близкий кто-то погибает.

Увидеть этих животных в бою — это вообще мечта каждого бойца. Не каждый может похвастать, что сражались рядом с кабаром и левиром. Ведь действительно опасные. В мгновение ока левир разрывал врага на части. Кабару было необходимо два таких мгновения, чтобы разделаться с неприятелем.

А уж как Рита женихов отшивала, наверно в легенды сложатся и будут передаваться из уст в уста.

И как эта отчаянная девушка не побоялась взять на себя ответственность за детей. Из наших то редко кто соглашается, а уж сразу за двоих, про это я вообще никогда не слышал.

Я покачал головой, перехватывая девушку поудобнее. Маленькая смелая иноземка. С красивым лицом, голубыми как небо глазами, длинными прекрасными волосами, фигурой как статуэтка нашей Хранительницы, гладкой белой кожей к которой хочется прижаться и вдыхать её неповторимый запах. Ух ты. Куда меня занесло.

Ольгерд сообщил, что неподалёку виднеется озеро.

Ребята после боя и последующих событий, прониклись к девушке уважением и переживали за её судьбу.

Я спешил, передав Риту Тельнану. Вопрос о том, кто понесет её в воду, не стоял. Игнат со своей деревяшкой в воду не сунется. Люся с детьми не удержит. Я подошёл к берегу, шаг за шагом заходя всё глубже в воду. Ко мне подошла Люсетта. Она расплела её волосы, рукой положив их на воду и тихонько отошла. Я осторожно положил девушку в воду, придерживая одной рукой за спину. Прошло немало времени, прежде чем её тело расслабилось, черты лица стали спокойными, кожа стала прохладной на ощупь.

Марк разделся по пояс и придерживал Риту с другой стороны. Когда он повернулся к своей сестре, я увидел на его спине шрамы. Я сжал зубы, это где это он успел такие отметки заработать, интересно? Папашка что ли постарался? Это какой скотиной нужно быть, чтобы ребенка так лупасить.

Марк повернулся ко мне и наверно догадался, что я увидел его спину. Спокойно и твердо встретил мой взгляд. Я даже улыбнулся, пацан то с характером. Нужно к нему присмотреться, может и в отряд к себе возьму. С таким характером только бойцом ему быть.

Едва я произнесла слова, шедшие от души, тело разорвало дикой болью. От которой не убежать, не спрятаться. Она была везде, заставляя кричать и хрипеть, пока не сорвала голос.

Тело, будто чужое, то сжималось, то выкручивалось словно пружина. Почувствовав руки на теле, закричала. Кожа горела, а руки причиняли невероятную боль, как от соприкосновения с калёным железом.

Господи, дайте хоть минуту передышки, иначе не выдержу.

Тело начало расслабляться, и я облегченно выдохнула, наслаждаясь благословенным покоем. Минута или секунда? Время растянулось в бесконечность и мозг снова взорвался, получая от всего тела сигналы о боли. Снова каждая клеточка выла, мышцы каменели, сухожилия выкручивались. Я поняла, что не выдержу. Не способно мое, физически не подготовленное тело, утомленное стрессом последних дней, выдержать эту многотонную нагрузку.

Сердце совершило свой последний удар и остановилось, а еще живой мозг продолжал думать и надеяться, что это не конец, пока сознание не начало меркнуть, погружаясь во тьму.

Снова благословенный покой и искрящийся свет. Разум отдыхал, думать не хотелось. Хотелось насладиться этим покоем, когда ничего не болит и ничего не тревожит.

— Это ещё что такое?

Я обернулась. Красивая женщина стояла, разглядывая меня прищуренным взглядом. Сегодня она была в золотистом платье. Оно ласково облегло её фигуру, выгодно подчеркивая изгибы. И чего она злится, интересно? Я равнодушно смотрела на неё.

— Милая, не зачастила ты сюда? Я, конечно, говорила, что мы ещё встретимся, но тебе ещё рановато.

Она отвела взгляд в сторону, словно всматриваясь куда-то. Хмыкнула.

— Ага. Вот в чем дело. Сейчас исправим — подняла правую руку и громко щелкнула пальцами — Тебе пора.

Как это пора? Ничего подобного. Я совершенно никуда не спешу. Мне здесь хорошо-ничего не болит. Никуда я не пойду, выдумала тоже, понимаешь, думала я, отодвигаясь от нахмуренной красавицы. Ой, я забыла, что она читает все мои мысли. Обиделась что ли? А на правду не обижаются. Это ведь я опять думала, а она все знает? Что же теперь и не думать вообще?

Женщина изящным шагом наступала на меня, тесня к краю поляны. Да отойдите вы от меня, в конце концов. Я начала возмущаться. А чего это она решает, рановато мне или нет? Меня все спросить забывают. А я, в конце концов, взрослая женщина и с моим мнением тоже нужно считаться.

Брови у женщины поднялись домиком. Ой, это же она опять мои мысли прочитала. Неудобно-то как.

Она подняла руку и, указав указательным пальцем в сторону, приказала:

— Вон!

Не пойду и сложила руки на груди. Вот не пойду и всё тут. Меня развернуло невидимым вихрем и тянуло куда-то в пустоту.

Эй, эй. Прекратите безобразие. Я пыталась остановиться, но тормозить было просто нечем. И проваливаясь, почувствовала легкий пинок.

Ну, это вообще наглёж!

Женщина стояла, положив руки в боки, поджав губы. Раздался громогласный мужской

хохот. Смех все не прекращался, переходя на стон:

— Наследница-то с характером. Чувствуется кровь.

Она подняла голову.

— И ничего смешного. Намаюсь я с ней.

— Так тебе и надо — мужской голос все веселился.

— Сколько ты моей кровушки попила, а?

Женщина возмутилась:

— Когда это было то? Тысячу лет назад. Ишь ты, кровушки. Набрался словечек от своих

— бормотала женщина, задумавшись.

На её губах начала проступать улыбка, черты лица разгладились, взгляд потеплел. А мужской голос все не успокаивался:

— Так тебе и надо. Пусть за нас отомстят наши внуки!

Женщина с улыбкой покачала головой:

— От тебя это звучит как приговор. Помог бы лучше — подняв голову.

— Что ты? Как можно? — в притворном испуге сказал голос — Ты же взрослая.

Самостоя-я-я-тельная — продолжал ехидничать он.

— Века будешь помнить? Как там у тебя говорят? От осинки не родится апельсинка — она поджала губы.

— Пойду я, наверное. Де-е-е-л полно. А к девчонке я присмотрюсь — со смехом пробормотал голос — Давно я так не смеялся — голос все отдалялся.

Женщина задумчиво смотрела вдаль, затем удовлетворенно махнула головой и, решительно развернувшись, быстро вышла.

Я очнулась, когда на небе зажглись звезды. Ничего не болит, только мышцы ноют, как будто разгрузила два вагона. Значит все прошло успешно. Я тихонько села. Правой рукой ощупала левое предплечье. Рисунок как можно нащупать? Никак.

Осторожно встала и, пошатываясь, направилась к костру. Там мне удалось увидеть рисунки, в количестве двух штук. Красивые. Казалось, что позолота переливается при бликах костра. Я отвела взгляд и вздохнула. Дети где? Они обнаружились рядом с Люсей и Игнатом. Но долго любоваться на них не было никакой возможности. Тело отзывалось сильной слабостью, в голове зашумело и появилась легкая тошнота. Я закрыла глаза. Мне нужно срочно где-нибудь лечь, иначе свалюсь в обморок. Почувствовала, что меня кто-то взял за руку и тихонько повел, я доверчиво пошла, не открывая глаз. Меня довели до места и посадили, облокотив о дерево.

«Мне предлагают сидя спать, что-ли? Безобразие». Не успела я это подумать, как почувствовала запах еды. Желудок заурчал, настойчиво требуя накормить его. В каждую руку дали по куску. В одной- кусок жареного сочного мяса, в другой лепёшка. Так и ела с закрытыми глазами. По мере поглощения пищи, на меня наваливалась приятная сытая сонливость. Мне в руки вложили кружку с ароматным теплым отваром. С наслаждением хлебала маленькими глотками этот волшебный напиток, но открыть глаза и поблагодарить своего кормильца, совершенно не было сил.

Чувствовала, что начинаю заваливаться набок, но крепкие мужские руки подхватили и бережно понесли. Вдохнула мужской запах. Приятный и знакомый, только сообразить чей он, никак не могла. Наверное, я так и уснула на руках, убаюканная мерным шагом и этим

приятным ароматом.

В следующий раз проснулась на рассвете, когда ночная мгла только начинает рассеиваться, неохотно уступая свои права летнему утру. Первые вестники солнца настойчиво пробирались сквозь листву еще спящих деревьев. Я потянулась, проведя по телу руками. Усталости не чувствовалось. А чего это я в сорочке, интересно знать? Даже не хочу предполагать, кто меня мог переодеть. Надеюсь, все же Люся.

Сонно хлопая глазами, повернула голову набок и от неожиданности задержала дыхание. Рядом спал Реммир, положив одну руку себе под голову. Не сбегать же от мужика под утро в одной сорочке, в самом деле.

Лежала тихонько и рассматривала его расслабленное во сне лицо. Когда еще такая возможность представится? Шрам притягивал взгляд и я, не подумав, протянула руку и медленно провела по нему от самого виска к губам. Реммир чуть повел головой, вздохнув, свободной рукой обнял меня за талию, притянув к себе и уткнулся в висок. Сонно потерся щекой о мою щеку. Тело обрадовалось прикосновению мужских рук и требовало продолжения. По телу прошла теплая волна приятного возбуждения, внизу стало влажно.

Реммир все терся о щеку, плавно спускаясь к губам, пока не захватил их в свой плен. Я застонала — этот красивый мужчина умел целоваться, и я отдалась во власть его губ. Он одним движением подмял меня под себя, и я почувствовала тяжесть мужского тела.

Тут Реммир внезапно остановился и немного отодвинулся, нависнув надо мной. Мы жадно смотрели друг на друга, я снизу вверх, он сверху вниз.

«Ты ждешь от меня подтверждения продолжения или сомневаешься в своих действиях?», думала я

«Нет, я согласилась с твоими действиями, когда ответила на поцелуй. Теперь выбор за тобой», и я закрыла глаза, предоставляя ему возможность самому принять мужское решение.

Внутри у меня все дрожало. Мне было немного страшно, если от меня сейчас откажутся. «Пожалуйста, продолжай, ну пожалуйста», молила я про себя, когда почувствовала легкий поцелуй на губах.

Я открыла глаза. Поцелуй прощальный или приглашающий?

Я, едва взглянув в его изучающие глаза, опустила взгляд на его губы и этот так давно манящий меня шрам и провела по нему кончиком языка.

И мы оба сошли с ума.

Его руки и губы сводили с ума, а мне было мало. Я шептала: «ещё, ещё» и наслаждалась прикосновениям. Выгибалась от наслаждения, по телу пробегала приятная дрожь, а про себя молила, чтобы он взял меня как можно быстрее. Реммир, будто услышав меня, коленом раздвинул мои ноги и осторожно вошел в моё тело. Я застонала. Реммир поймал мой стон поцелуем, двигаясь во мне все быстрее. Тело отвечало на его малейшее движение приятной волной возбуждения. Меня как будто поднимало все выше и выше к заветной цели. Внутри меня загорелся огонек, который с каждым движением разгорался в огонь, захватывая в плен наслаждения моё тело, и чувствовала, что сейчас разлечусь на сотни маленьких осколков. Реммир просунул одну руку мне под бедра, приподнимая их и проникновения стали глубже. Единственная мысль, пришедшая в голову, была о том, это что я сейчас умру от наслаждения и не смогла сдержаться, застонала. Он ответил мне стоном и мы понеслись к заветной цели. Тело взорвалось сотнями искорок, волны наслаждения пробегали по телу, сжимая мышцы внутри меня. Его движения стали резкими и глубокими, он со стоном навалился на меня, ловя свой момент наслаждения.

Мы лежали, шумно дыша и наслаждаясь последними искорками удовольствия. Когда дыхание немного выровнялось, Реммир обнял меня двумя руками и не выходя из моего тела, перевернул набок. Мы лежали, смотрели друг на друга, целуясь.

Я и не знала, что так бывает. Высшая точка наслаждения. Вот о чем я так много читала в книжках и думала, что всё это очередная выдумка автора. Раньше секс не приносил такого удовольствия. Конечно, и раньше было хорошо, но всё, что было — подделка, фикция. И только сейчас, испытав это один только раз, узнаёшь подлинность ощущений.

И мне уже хочется испытать их ещё не раз.

Реммир прижал меня к своему мускулистому телу, поцеловал в губы и сказал:

— Спи. Еще рано.

Я благодарно кивнула. На меня наваливалась сонливость, а обо всем остальном я подумаю утром, ну или вечером. Или вообще не буду думать. Буду как дура, ходить и всем улыбаться.

Проснулась от осторожных прикосновений к плечу. Открыла глаза и увидела сидящих рядом детей. Быстро огляделась и облегченно выдохнула- я лежала одна.

Дети смотрели на меня детскими настороженными взглядами. Я сделала страшное лицо, протягивая к ним скрюченные пальцы, и сказала сиплым голосом:

— Теперь вы в моей власти, и я буду делать с вами все что захочу.

Лина испуганно отшатнулась. А я схватила её и начала щекотать.

— В наказание буду щекотать тебя каждый день.

Лина радостно заверещала, извиваясь в моих руках, а Марк понимающе улыбался.

— А тебя, мальчик, я заставлю заниматься каждый день с мечом.

И добавила страшным голосом:

— Пока твои мышцы не окрепнут и не станут каменными, и ты не превратишшшшься в... — я многозначительно замолчала, прищуриив глаза. Дети заинтересованно ждали продолжения.

— В прекрасного сильного юношу — и быстрым движением схватила его.

— Ну и щекотать буду, конечно — Марк громко смеялся, пытаясь освободиться от моих шустрых рук.

Чуть позже Лина принесла моё платье, я переоделась и пошла умываться. Ребята встречали меня приветственными жестами и приветствиями. Реммир окинул меня быстрым взглядом и сдержанно кивнул. Я кивнула в ответ. А что я хотела? Чтобы он кинулся с распростертыми объятиями и криком «любимая»? Я усмехнулась. Иди уже, фантазёрка, тебя дети ждут.

Мы с детьми сели под деревом.

Лина заглянула мне в лицо и немного нерешительно спросила:

— А как теперь тебя называть?

Маленький воробушек, подумала я, глядя её по волосам. Дети еще помнят свою маму и тоскуют о ней. И, конечно, им не хочется называть меня мамой. Я понимающе кивнула.

— А как раньше называли, так и называйте.

Я игриво подняла глаза к небу и продолжила:

— Ну, или если хотите, то называйте тётушка Рита. Или нет, лучше Маргарита Прекрасная.

Дети заулыбались. Я задумчиво постукала пальцами по подбородку:

— Хотя, нет. Лучше Ваше Превосходительство — мечтательно прищурилась и пробормотала:

— А может, лучше Самая-самая красивая юная дева нашего королевства?

К нам подошли Люся с Игнатом. Игнат встал передо мной, расставив ноги и уперев руки в боки:

— Значит так. Слушай сюда самая-самая красивая юная дева нашего королевства! Если ты ещё раз умрешь, я тебя воскрешу и лично прибью. Понятно?

А мне стало так весело. Я сидела, улыбалась и смотрела на него. Как есть пират, только повязку на глаз нацепить и можно бояться.

Я кивнула:

— Понятно, товарищ начальник. У меня другое предложение. Если я в очередной раз помру, то давай я отпущусь на полчаса и ты с гордостью завершишь свою задумку — закончила я с улыбкой.

— Отпросится она, понимаешь. Да кто тебя оттуда отпустит? — ворчал Игнат.

— Обязательно отпустят, там тётка-краси-и-ивая, но злая чего-то, лютует. Как дала пинка под зад, так я сразу вернулась к вам — с готовностью объяснила я.

Игнат шагнул и обхватил меня своими большими ручищами и крепко обнял.

— Ритка, ну чего ты такая неугомонная-то? У меня чуть сердце от тоски не разорвалось. Правда, у Люси вот спроси — шептал он где-то в районе макушки.

Люся с готовностью кивала головой.

— Полюбил ведь тебя, заразу такую. Ты не подумай ничего плохого — от выпустил меня из объятий, держа за плечи на вытянутую руку — Как дочь полюбил, понимаешь. У меня же там дочь осталась твоего возраста. Я тебе рассказывал.

Я кивнула. Что же я всем дочерей-то напоминаю? Семёныч, теперь Игнат.

Тут Лина подбежала к нам и сказала с детской непосредственностью:

— Если она тебе как дочь, а мы теперь её дети, то получается, что ты нам теперь вроде как дед?

Все замерли от неожиданности. Игнат громко рассмеялся, прихлопывая ладонями по коленям. Приосанился и сказал:

— А что? Дед Игнат. Молодец девчонка-то! Как сообразила?

Значит, так тому и быть! — он топнул ногой и повернувшись к Люсе сказал — Люсенька. Если я дед, а ты жена деда, то ты, хочешь-не хочешь, получаешься бабкой. Вот такая вот арифметика — он широко раскинул руки в разные стороны. Люся молча улыбалась, смотря на своего супруга.

И стало так легко у меня на душе, дети скакали возле Игната с Люсей, радостно вереща.

Из леса выбежали мои животные. Соску-у-у-чилась. Я подхватила Хила на руки, тот от такого произвола начал выворачиваться, а я трепала за ушами так называемое опасное любимое животное. Мелкий скакал рядом, дожидаясь своей очереди.

— Мелкий, ты скоро меня обгонишь, подросток-переросток. Ты там в своем лесу анаболики что-ли жрешь? У тебя под каждым кустом гормоны роста закопаны?

Обняла его за шею, уткнулась в его густую шерсть и гладила по его здоровой головушке. Он пофыркивал и в нетерпении переступал лапами.

— Слышь, Рита. Этот переросток тебе жизнь спас. Как начал на тебя прыгать со всей дури, все подумали, переломает пополам. Пока отходили от шока, у тебя сердце то и забилось. Вот ты мне, землячка, можешь ответить на вопрос, как животное может знать, что

делать? У меня от горя то, все умные мысли из головы вышибло. А этот прибежал- раз-раз и готово. А? В моей технической голове данный факт не укладывается в голове — Игнат задумчиво рассматривал Мелкого.

— Братцы, а чего это он у нас Мелкий-то? Это пока в ладошке умещался мелким был, а теперь вон какой красавец. Может, все вместе имя ему приличное придумаем? А то кличка не соответствует действительности.

Дети радостно стали предлагать разные варианты. Мелкий повернулся к нам своей спиной, демонстрируя недовольство. И сколько бы не называлось местных кличек, он фыркал. Так дело не пойдет, нужно пофантазировать. Я решительно обошла Мелкого и встала лицом к морде.

— Значит так. Я понимаю, что ты привык к своей кличке, но ты уже совсем не мелкий. Тебе нужно солидное взрослое имя, чтоб враги боялись — он заинтересовано пошевелил ушами, а я продолжала — Чтоб ваарцы знали, о ком идет речь. А то, о тебе может легенды слагать будут.

Мелкий широко открыл глаза, слегка наклонив голову набок. Я кивнула.

— Конечно будут. В бою с Дикими участвовал? Участвовал. Меня вот спас. Да один твой вид устрашает врагов. И что напишут? Мелкий рвал и метал своих врагов?.

Дети засмеялись, а животное обиженно фыркнуло.

— Я предлагаю — ты думаешь. Мелкий- сокращенно Мел, Милк, Мекл, а может Майк или Майкл, сокращенно Майки?

Я замолчала. Пока еще Мелкий, поднял глаза к небу, часто хлопая глазами, будто примеряя на себя новую кличку. Затем мотнул головой.

— Которая? Майкл? — он снова мотнул головой.

Я облегченно выдохнула и торжественно сказала:

— Левир Мелкий нарекаю тебя Майклом.

Тот довольно заурчал и, высоко подняв голову, прошёлся по кругу. Я хлопнула его по спине:

— Не воображай — и, повернувшись к остальным сказала — А сейчас на озеро!

Игнат кивнул.

— Тогда купаться! Кто последний, о том не сложат легенды.

Хил успел вскочить Мелкому, ой, Майклу на спину и мы все помчались. Майкл, который Мелкий, бежал как большая хищная кошка. Я боковым зрением уловила его движения и теперь с удовольствием смотрела на него. Он бесшумно отталкивался от земли своими большими лапами, взлетая в воздух и выпрямляя своё упругое тело и также бесшумно приземляясь. С разбегу нырнул в воду с Хилом на спине и вынырнул где-то посередине. Ну надо же, как подружились эти двое. Удивительно. Хил отряхнулся и нырнул в воду прямо со спины Майкла.

Мы с детьми наплескались от души. Люся с Игнатом уже лежали на берегу. Я отправила детей на берег погреться на солнышке, а сама зашла поглубже и легла в свою любимую позу, подставив солнышку только свою довольную мордашу.

Все бы ничего, но опять купаюсь в одежде. Вечерком проберусь и наплаваюсь в купальнике. Решено. И я вышла на берег, плюхнувшись рядом с Игнатом.

Он лежал, закрыв глаза, сложив руки под головой.

— Рита, ты же понимаешь, что тебе скорей всего придется здесь остаться?

Я пожалала плечами. Прекрасно это знаю и когда принимала решение о детях, осознавала

на что иду.

— Это же не конец света, Игнат. Ты вон, приноровился и нравится даже. Правильно?

Он кивнул.

— Вот и я приноровлюсь. Без дела сидеть не буду, с моим-то высшим ветеринарным образованием и неугомонным характером.

Игнат хмыкнул.

— Конечно, скучать буду. По друзьям и ещё по паре дорогих мне людей. А вообще — жизнь непредсказуемая штука. Неизвестно куда моя дорога меня приведет. Я здесь и детьми, и новыми друзьями обзавелась. Чего горевать-то?

— Так оно так. И мы если что поможем, конечно. Не сомневайся. Люся вон в столицу просит переехать, поближе к дочери. И спокойнее там, чем на окраине — он удовлетворенно выдохнул.

— Да не волнуйся, дед Игнат, прорвемся — смеясь, сказала я.

Он рукой сгрёб траву и закинул в меня.

— Не смейся, зараза, над старым дедушкой. В мои-то годы такие издевательства терпеть от пигалицы, что в одно мгновение сделала меня дедом — он довольно смотрел вдаль, где ныряли мои животные.

— Глянь. Твои тащат что-то.

Мы привстали. Хил выскочил первым, держа в пасти крупную рыбину. За ним Майкл (все не могу привыкнуть к этому имени) с несколькими рыбами.

Они сваливали их на берегу и ныряли обратно. Не прошло и полчаса, как на берегу образовалась солидная куча свежей рыбы.

В общем, на обед была запеченная в углях рыба. Мы, наевшись, шурились на солнышке, когда Реммир объявил:

— Утром выезжаем.

День прошёл в трудах. Мы с Люсей активно шили мне и детям одежду, готовили оставшуюся рыбу. Вечером, когда все улеглись, я тихонько выскользнула, прихватив с собой купальник. Предупредила Игната и пошла к воде. Хил сопровождал. Доведя меня до воды, бесшумно убежал в лес.

Я с наслаждением расплела волосы и окунулась в нагретую за день воду. Тело благодарно принимало ночные ванны, расслабляясь и сбрасывая с себя нагрузку прошедшего дня. Накупавшись, я вышла на берег, выжимая волосы, и замерла.

Неподалёку стоял Реммир, спиной облокотившись о дерево, и смотрел на меня. Он медленно направился в мою сторону.

Я не знала, как себя вести, вроде всё уже было, а все равно не знала. Он подошел и рукой нежно поднял мою голову за подбородок, заглядывая в глаза. Так и стояли несколько мгновений, пока он не наклонился для поцелуя. Я с радостью приняла его поцелуй. В общем, чего греха таить, отдалась я ему при луне...

На следующий день мы тронулись в путь. Теперь ребята были настороже. Я, как могла развлекала детей сказками и баснями. У них оказалась превосходная память.

Мы ехали и пели во весь голос:

Куда ты тропинка

Меня привела

Без милой принцессы

Мне жизнь не мила.

Столичные благосклонно посматривали на нас, тихонько посмеиваясь. А что? Птички поют, солнышко греет, вроде все беды за спиной.

А мы завывали:

Ничего на свете лучше нету,

Чем бродить друзьям по белу свету

Тем, кто дружен, не страшны тревоги

Нам любые дороги дороги.

Конечно, была одна маленькая проблемка. У отряда закончились капсулы с Силой, поэтому нам необходимо устраиваться на ночлег только возле лесов, и то только тех, куда можно заходить и брать дрова. Ну это ведь ничего страшного, правда?

Говорят, мы бяки-буки

Как выносит нас земля?

К нашему веселью присоединились Игнат и несколько молодых столичных. И теперь мы хором подпевали

Ой-ля-ля, ой-ля-ля

Ех-ха!

А можно еще много чего интересного придумать для детей: и игр всяких полно, и песен. Мне, наверное, теперь об их образовании придется думать. Ну и что, что здесь не принято? А у нас, на земле принято! Лина вон умненькая какая, и Марк смысленый. Нечего талант е землю закапывать. Буду откапывать! И пошли они все. А нечего было меня сюда переносить, я не просила. Теперь молчите и терпите.

С Игнатом нужно поговорить, чем мне здесь можно заняться. Может вдвоём что и придумаем.

Доехать до столицы сначала нужно. Так, а где мы жить то будем, интересно мне знать?

Снимать жильё нужно или что?

Я ехала, думала и иногда посматривала на Реммира.

Вот еще один неожиданный поворот судьбы и как к этому повороту относиться, я совершенно не знала.

А чего я вообще хочу от этих отношений? Не знаю. Вот честное слово — не знаю. Да, секс с ним фантастический. Да, мне нравится ловить его взгляд на себе. Да, мне нравится засыпать и просыпаться в его объятиях. Да, этот мужчина сможет дать женщине чувство защиты и надежности. Только нужно ли это все самому мужчине? Может, его устраивает мимолетный роман в полевых, так сказать, условиях. Может его дома вообще ждет другая. Ну не может ведь быть, в самом деле, чтобы такой шикарный мужчина был один?

А пусть все идет своим чередом. Если не знаешь, что делать, то лучше всего не делать ничего. Все само решится. Я ехала и смотрела на Реммира. Он мерно покачивался в такт шагов своего шавала, расслабленно поворачивая головой в разные стороны, при этом зорко осматривая окрестности. И все столичные были настороже.

Части отряда периодически отбывали в неизвестном направлении, шерстили селения и леса. Ребята работали слаженно, как механизм в часах. После нападения Диких, они чувствовали некоторую вину, что проморгали вторжение.

К вечеру нашли место для отдыха. Ребята осмотрели территорию, расставив постовых, нанесли дров и развели костер. За ужином я решила спросить у Игната интересующий

меня вопрос:

— Игнат, после нападения Диких, некоторых ребят серьезно ранило. Я собственными глазами видела Ольгерда с мечом в животе. Когда он вышел живой и невредимый, я обалдела. Как такое возможно?

Игнат вяло ковырялся в своей тарелке.

— Это Сила работает, Рита. Реммир же сразу отправил их в столицу к Мельсину. Это один из самых могущественных людей, наделенных Хранительницей Силой. Наделен, этой самой Силой, он был после исчезновения наследницы. И до того времени, пока маленькая дочь наследницы не прибудет домой и не вступит в свои права, Мельсин будет выполнять эту работу. О чем это я? Ага. Вот значит он их там и подлатал.

Я совершенно не понимала как это возможно и смотрела на Игната непонимающим взглядом. Он пожал плечами:

— Называй это чудом, колдовством или волшебством, в конце концов. Это ведь замечательно, правда? Семьи не потеряли своих родных и близких. Хорошо?

Я кивнула. И спрашивать не нужно, просто замечательно.

— Ну вот. Просто прими это как данность и жизнь станет проще.

Тут к костру подошел Реммир, взял свою порцию и сел неподалёку.

— Игнат — продолжала я — Если эта самая Сила способна исцелять народ, разве нельзя ногу тебе как-то справиться?

— Можно — подал голос Реммир — Отказался.

С удивлением повернула голову на Игната. Тот посмотрел на меня с грустной усмешкой.

— Отказался. Как есть отказался — мотнул он головой и постучал по деревяшке — Это мне напоминание на всю мою жизнь, Рита. О глупости моей напоминание, до чего это может привести. Если сейчас выправят новую ногу, я ведь расслаблюсь. Если все можно исправить, то получается и покурлесить можно? Так? Начну куролесить, то, во-первых, здесь все мне дорогое сердцу потеряю. А я не хочу второй раз проходить этот путь. Не смогу. Во-вторых — на фига я здесь нужен буду такой? Возьмут и обратно выкинут. Может быть? Может! Там я точно пропаду, Рита. Кому я там нужен? Никому. Здесь у меня Люсенька, ты вон появилась и дети еще. Разве можно это всё на глупость человеческую променять? Никак нельзя!

А может он прав? Ведь для того и дан человеку разум, чтобы думать и принимать решения. А уж правильные они или нет, время покажет. Я молча кивнула, принимая его объяснение и решение. Действительно, Люся вон его и с деревяшкой любит, ей все равно сколько у него ног. Человек ведь он замечательный. А то, что было, то уже прошло.

Без прошлого не бывает будущего.

Мы стали укладываться. Я видела, что Игнат стал шущукаться с Люсей, но не придала этому значение. Люся подошла ко мне с предложением:

— Пусть дети сегодня с нами спят. Тебе отдых нужен, ты еще не окрепла. Я посмотрю если что, не сомневайся.

Дети с радостью согласились. Игнат ходил вокруг и загадочно улыбался. А почему он себя так ведет странно? Я пристально смотрела на него, что-то он темнит. Неужели?...

Игнат повернул ко мне голову, мы смотрели друг на друга. Игнат едва заметно мотнул

головой в сторону Реммира. Черт побери! Он знает. Растеряно смотрела на него, стало почему-то неловко. Игнат одобряюще кивнул и отошел.

Легла, обдумывая ситуацию. А что страшного случилось? Никто ведь не умер, в конце концов. Он и раньше рекомендовал мне присмотреться к Реммиру. И вообще, это моё личное дело. Хотя, любим мы, люди жить с оглядкой. Что-нибудь сделал, а потом оглядываемся, а что люди скажут? А по сути дела, какая разница, что они скажут-то? Каждый ведь сам за себя её живет, за соседа ведь не проживешь, правда?

Значит, не буду голову себе забивать разными посторонними мыслями. И уже засыпая, почувствовала руку на своем теле. Открыла глаза, Реммир лежал на боку, поставив голову на руку и внимательно смотрел на меня. Я сонно улыбнулась. Он пришел, хорошо-то как. И отчего-то стало радостно на душе. В общем...

Сплетенье душ

Судьбы сплетенье

Утром снова бесконечная дорога. Когда она закончится, зараза? Но я не унывала. Придумывала новые забавы для детей, постепенно втягивая в них взрослых. Так и прошел день. А вот вечер не принёс долгожданного отдыха.

Вечером ребята развели костер, мы с Люсей хлопотали в приготовлении ужина, когда я услышала глухой голос Игната:

— Маргарита, к тебе гости.

Нет, только не это! Я медленно обернулась. Игнат стоял, нахмутив брови, и смотрел на меня. За его спиной неподалёку стоял и сам гость с мужиками. Даже не хочу смотреть на него. Что мне делать? Разыгрывать очередную сцену и паясничать перед толпой мужиков, не было никакого желания. Я просто смотрела на Игната укоризненным взглядом. Просила ведь оградить меня от этих ходоков. Хотя, что он может сделать? Ничего.

Медленно повернула голову на жениха. В том, что это он и есть, сомнений не оставалось. Он стоял впереди сопровождающих и в упор рассматривал меня. Здоровый детина, под два метра ростом. Мышцы бугрились под рубахой, казалось один неосторожный жест и ткань треснет. Лицо угрюмое, нос сломан, пристальный взгляд карих глаз. Цвет волос рассмотреть не представлялось возможным, короче говоря, он был лысый.

Его ухмыляющиеся сопровождающие были под стать жениху, смотрели на меня своими наглыми взглядами, шаря глазами вверх и вниз, задерживая взгляды на груди.

Я сложила руки на груди и решительно произнесла:

— В общем так. Давайте сократим время нашего общения. Просто, идите, откуда пришли.

Жених ухмыльнулся, и чуть склонив голову к друзьям, сказал низким голосом:

— Наглая. Мне нравится.

И обратился ко мне:

— Слышь, мелкая. Отсюда я уйду с тобой. Понятно? Я своих решений не меняю. И малс здесь ваарцев, способных убедить меня в обратном. Усекла? Так что давай шепментом барахло собери и топай за мной.

От такой наглости я онемела. Но где-то там внутри начала разрастаться тревога. Как сказали бы поэты: «сердце чует новую беду».

Повисла тишина. Казалось, все понимают, что назревает скандал. Как назло, моих зверей опять не было рядом. Они недавно убежали в лес.

— Тебе помочь, сладкая моя? — и улыбнулся.

Наверху не хватало двух зубов. Меня передернуло.

— По-моему, я предельно ясно сказала, здесь вам ничего не светит — и развернулась, собираясь отойти подальше от неприятного типа. Тот быстро подскочил и развернул к себе, сильно сжав руку.

— Ты не поняла, девка. Я всегда беру, то, что захочу. А сейчас я хочу тебя.

От его тихого голоса пробирала дрожь. От него исходила опасность и мощь. Я бы даже сказала опасная мощь. Глаза прищурены, губы сжаты.

Внутри меня появился гнев, он постепенно разрастался, перерастая в ярость. Ладонь левой руки начала пульсировать. Ошибся ты, мальчик. Мне нельзя указывать. Со мной нужно договариваться, причем по-доброму договариваться. Я пристально смотрела в его глаза. От злости в голове образовался какой-то туман, мысли стали расплывчатыми. Было только одно желание, вцепиться в его наглую рожу и причинить особо тяжкие повреждения. Ухо откусить или вырвать кадык. Мне показалось, что мои руки начали потихоньку подниматься, когда услышала спокойный голос Реммира:

— Женщина занята — сегодня предварительный сговор.

Жених нагло усмехнулся, скривив рот:

— Харе пи.....ть — не отводя от меня взгляда.

Реммир бесшумно подошел и встал напротив жениха. Тот перевел взгляд на Реммира. Он стоял расслаблено, но от его фигуры веяло властью и силой. Бывает так, вроде стоит человек, никого не трогает, но разворот плечей, прямая спина, властный взгляд, весьма настойчиво рекомендует не связываться с этим человеком.

Жених слегка растерялся и хлопнул глазами. Одно дело с девкой воевать, другое дело с превосходящим тебя по силе и власти противником. Но за спиной жениха друзья и его репутация, облажаться перед ними ему не хотелось.

— И чо, посмотреть можно? Если сегодня не будет сговора, то другой разговор будет — все еще хорохорился он, оглядываясь на друзей. Те понятливо лыбились.

Реммир пожал плечами:

— Конечно. Всем рады — и отошел.

Я постепенно успокаивалась и сам разговор услышала обрывками.

Вокруг все зашевелились. Люся постелила на землю одеяло, накрыв его красивой тканью. И откуда взяла только?

У меня сегодня предварительный сговор? С Ольгердом наверно. Да хоть с чертом, честное слово, лишь бы этот отцепился поскорей. А в столицу приедем, разорвать нужно будет сговор. Потом спрошу у Игната. А перед Ольгердом неудобно, честное слово.

Игнат взял меня за руку и повел. Если честно, я слабо соображала, смотря на всех недоуменным взглядом. А как это делается-то? Договор что ли какой подписывать нужно? Вот не люблю я всякие договоры подписывать, не читая.

Пока я думала, вокруг кто-то что-то говорил и, когда меня спросили, согласна ли я, автоматически ответила «да». Поднялся галдеж, начали поздравлять, а я хлопала глазами. Уже все? Так быстро? Я и сообразить ничего не успела.

Оглянулась и увидела только спины уходящих жениха и его друзей. Я обрадованно выдохнула. Нужно подойти хоть к Ольгерду, объяснить. Ведь этот бугай так просто не отстал бы. Глазами в толпе стала выискивать новоявленного жениха и почувствовала на левом запястье щекочущие ощущения. Поднесла руку к лицу и замерла. Как будто невидимый художник кистью выводил рисунок, прорисовывая мелкие детали. Самое

главное, что процедура проходила безболезненно. Вот и хорошо. На душе стало легко, теперь могу спокойно добраться до столицы. Я двигалась в поисках своего жениха, когда ко мне подошли улыбающийся Игнат с Люсей.

— Ритка, поздравляем, так сказать с событием.

— Да с каким событием. Неудобно теперь перед мальчиком. Хоть объясниться с ним, успокоить.

Игнат засмеялся во весь голос:

— Ну иди, успокой. Вон он стоит — мотнув головой.

Где? Не вижу. Шутит Игнат со мной? Нашел время, блин.

— Не того ищешь, Рита.

— Игнат, я, конечно, тебя уважаю, но давай пока без шуток обойдемся. Хорошо? Меня еще потряхивает от женишка, а ты со своими шутками — я начала злиться.

— Реммир — сказал, как пригвоздил Игнат.

Что? Я заткнулась на полуслове и медленно повернулась. Реммир стоял в окружении своих ребят и рассматривал запястье. Затем посмотрел на меня. Не может этого быть! Просто не может! Может, Рита, может. И уже случилось. Я медленно подошла к своему теперь уже жениху:

— Спасибо, Вы меня очень выручили. Как только доедем в столицу, сразу же расторгнем договор. Это ведь возможно?

Он кивнул.

— Я Вам, правда, очень благодарна. Ради меня еще никто не делал благородных поступков и ...

А дальше я просто не знала, что еще добавить, поэтому просто развернулась и ушла.

Дети подбежали, обняв с двух сторон. Лина тараторила, не останавливаясь:

— Ой, ма, такая рожа у этого. Я прямо испугалась — она на секунду подняла глаза к небу и продолжила:

— Ты тоже испугалась, да? Я думала, ты ему глаза выцарапаешь, если достанешь. У тебя та-а-а-кое лицо было, это что-то — и опять закатила глазки.

Я даже улыбнулась, глядя на эту обезьянку с её гримасами. Марк тоже сдержанно улыбался. Стоп. Как она меня назвала? Ма? Не буду заострять на это внимание, как им удобней, так пусть и называют. А внутри расцветало удовлетворение.

Я опять легла спать одна. Ну как одна? Когда совсем стемнело, Реммир молча лег. И его слова прозвучали как гром среди ясного неба:

— Я пришел исполнить свой супружеский долг.

Что-о-о-о? Я посмотрела на его лицо, он еле сдерживал улыбку, хмуря брови. Я засмеялась. Напряжение сегодняшнего дня все же сказалось, и я никак не могла успокоиться, смеялась, зажимая рот ладошкой.

— Когда это Вы успели мне задолжать-то?

— Сам в шоке — схватил двумя руками и подмял под себя.

Хм. В общем, он отдал долг несколько раз. Видать сильно должен был.

— Наверное, теперь я ему теперь должна долг отдавать — думала я, засыпая с блаженной улыбкой.

Как же хорошо просыпаться в его объятиях. Мы сонно прижимались, глядя друг на

друга. В общем, кто кому отдал долг, непонятно. Мы выползли из постели, когда лагерь начал просыпаться. Столичные понятиливо улыбались, глядя на нас. Реммир кивнул на своего шавала, приглашая меня присоединиться к нему. Я-то с радостью, только дети с кем поедут. Лину забрал к себе Игнат, Марка Ольгерд. Последний наклонился ко мне и шепотом сказал:

— Спасибо, что на себе не женила — и, схватив Марка под мышки, поднял на своего шавала.

Что? Ах ты гад такой. Я его еще жалела, бедненького. Между тем, Ольгерд обернулся с широкой улыбкой и послал воздушный поцелуй.

«Это он шутит так», успокоительно думала я. И тебе спасибо, недоросток, что не женился на мне. Разве я была бы такая счастливая, если б ты на мне женился?

Села перед Реммиром и прислонилась спиной к его торсу. Он приобнял одной рукой, и мы тронулись в путь.

В общем, эти два дня помню как-то смутно. Не припомню себя вообще такой счастливой. Внутри меня расцветал и жил свой мир, с порхающими бабочками, музыкой и безмятежным спокойствием. Мне приоткрыли дверь в прекрасную страну счастья и, я понимала, что это не навсегда, что все может закончиться в любой миг. Меня впустили сюда ненадолго, и я постараюсь сполна насладиться этим моментом. И запомнить эти волшебные ощущения на всю оставшуюся жизнь. Для чего? Во-первых, для того, чтобы просто знать, что они существуют. И жить дальше, вспоминая эти моменты безмятежного счастья. Во-вторых, чтобы было с чем сравнить, как это и не звучит грустно. А здесь и сейчас я ловила его взгляд на себе и с удовольствием отвечала на его улыбку. Мне хотелось постоянно чувствовать его присутствие и он, как будто зная об этом, держался рядом, и крепко держал в своих больших мужских руках. Наверное, именно этого мы женщины ищем в своих партнерах, ощущение надежности и защиты.

Игнат с Люсей многозначительно посмеивались и занимались детьми. Мои животные тоже не донимали, сами приходили и уходили.

И ещё один вопрос не выходил у меня из головы. Почему мой детский шрам так себя странно вёл? Там дома он никогда не воспалялся, да и воспалением это трудно назвать. Получается, он реагировал на угрозу моей жизни? А как только угроза проходила, шрам принимал свой обычный вид. Почему? Я постараюсь найти ответ!

А через два дня все чаще начали встречаться телеги. Дорога стала шире, попадались ухоженные сады с плодоносящими деревьями. Целые семьи шумно перемещались туда-сюда.

И, что мне понравилось, так это их радостные лица. Ваарцы, видя Реммира, скидывали руки в приветственном жесте и широко улыбались. И меня, конечно, заинтересованно рассматривали, начиная перешептываться. Под этими взглядами я вначале чувствовала себя неловко, невольно съеживаясь, как будто прячась от взглядов. Реммир крепче обнял меня, поцеловал в висок и просто сказал:

— Не бойся.

Повернула голову и подняла к нему лицо. Он несколько мгновений смотрел на меня, наклонился и поцеловал в губы. И мне стало легко. Это меня здесь не знают, а его знают и уважают и он не постеснялся при всех таким образом выразить свои чувства. А может быть, поставить точку в повисших в воздухе вопросах.

Дальше я ехала, с интересом разглядывая все, что видела. Ухоженные улицы и разноцветные деревья, выстроенные в ряд. Честное слово, разноцветные. Вот, уже виденные мной деревья сквадратными листьями, а вот листочки треугольные с коричневым ободком.

Чуть подалее фиолетовые кусты, их я видела у Игната в селении. По стенам и заборам домов плелись вверх красивые разноцветные растения с крупными бутонами. Показалось, я даже чувствую их сладковатый запах.

Дома, конечно разные, высокие и пониже, но построены в единой гамме. В наши города заезжаешь и что видишь? Как будто собрали серый конструктор с разных концов света и слепили из того что было.

А здесь мне нравится. Внезапно на небе появилась разноцветная радуга. Она была так низко, что казалось, протяни руку и можно дотронуться до неё. Ваарцы радостно загалдели, поднимая головы к небу. Мы тоже остановились, наслаждаясь открывшемуся взору чудо природы.

— Добрый знак — громко сказал Реммир и ребята подтвердили его слова кивками.

Мы подъехали к длинному забору. Нам сразу открыли ворота, и я продолжила свой путь, приоткрыв рот от удивления. Большой ухоженный двор со множеством разнообразных растений, а посередине фонтан. Вода поднималась радостным журчанием и, рассыпаясь в воздухе, падала в большую круглую чашу. Дети с радостным визгом спрыгнули на землю и побежали к воде.

Игнат хмыкнул и сказал:

— Глянь-ка, работает.

Реммир довольно улыбнулся:

— Сомневался?

Я удивленно обернулась на Игната. Он кивнул:

— Я делал. Говорил же, покумекал кое-чего. В доме тоже увидишь.

Столичные спешивались и, не доверяя посторонним рукам слуг, отводили своих шавалов в стойла, устраивая их на побывку.

Выбегали слуги и с улыбками подходили к Реммиру. Тот сдержанно кивал, пожимал руки, похлопывал по плечу. И неспешным шагом нас повели в дом.

Сам дом большой, из трех этажей, построенный из крепких тесаных бревен. Мы вошли большой галдящей толпой в светлое просторное помещение. В доме много растений, в воздухе был неповторимый запах древесины и ароматы различных растений. Я закрыла глаза и вдохнула, когда почувствовала на своем плече руку.

— Нравится?

И честно ответила:

— Очень.

— Это дом... — и не успел он закончить фразу, распахнулась дверь и в нее вбежала девушка. Со словами:

— Ремм — выискивая его глазами в толпе, быстро приближалась к нам. Но, когда в ее голове картинка начала проясняться, остановилась.

Её глаза широко распахнулись, увидев его руку на моем плече. Мы молча стояли друг напротив друга, а я рассматривала незнакомку. Высокая стройная девушка с тонкой фигурой. Уверенная осанка, плечи расправлены. Девушка знает себе цену и наверняка постарается продать себя подороже. Милое лицо, с гладкой персиковой кожей портили плотно сжатые тонкие губы.

Она подняла одну бровь в немом изумлении и с превосходством стала смотреть на меня. Но тут заметила детей, стоящих рядом и её лицо искривилось в гримасе брезгливости.

Я опустила взгляд. В том, что эта женщина заявит свои права на него и между ними есть

связь — сомневаться не приходилось. Женщина на подсознании чувствует соперницу. Вот и закончилась моя сказка. Радостные чувства быстро рассеялись, оставив после себя гнетущую пустоту.

Игнат засуетился, пытаясь разбавить неловкую ситуацию:

— А пойдёмте, я вам еще много интересного покажу. Люсенька, Риточка, детки. Пойдёмте, родненькие.

Он оббежал всех и встал передо мной, заглядывая в глаза. Я медленно подняла глаза, стараясь не смотреть на Реммира, и кивнула. Мне необходимо выйти отсюда. Я позвала детей, и мы вышли в длинный коридор, не оглядываясь. А Игнат все не замолкал:

— Здесь гостевые. Мы там и остановимся. Рекомендую заглянуть в ваннные комнаты — он потер руки в радостном предвкушении.

Я кивнула. Дети, почувствовав моё настроение, молча шли рядом. Так, нужно срочно брать себя в руки. Нечего настроение всем портить. Я подумаю об этом позже, когда одна останусь. И погорюю, и пожалею себя, и поплачу, если будет желание.

Мы с интересом заходили во все помещения, пока не добрались до ванной и не замерли в восхищении. Большое помещение, а посередине мечта. Бассейн, обложенный разноцветной мозаикой, сквозь огромное окно во всю стену светило яркое солнце, вокруг много разных растений, а вместо лавок деревянные лежаки, невысокие деревянные столы примостились в углах. Хотела отпуск? Получи и распишись.

Дети, никогда не видевшие такой красоты, рассматривали все вокруг, открыв рты.

— Игнат, твоя работа?

Игнат довольно улыбался.

— Нравится?

— А то! У меня предложение. Чего мы будем в комнатах сидеть? Давайте пикник здесь устроим, а? Можно, наверное, нам сюда еду принести? Игнат, узнаешь? Ты здесь, вроде, свой человек.

Посторонних здесь нет, так что пошли все на фиг. Достала купальник и надела.

Люся, все это время шедшая за нами молча, попыталась начать со мной разговор по поводу произошедшего, но я быстро осадила её. При всем моём уважении к ней, я не хочу обсуждать это с кем-либо.

— Все нормально. Не впервой, переживу. У нас дома говорят: «чему быть, того не миновать», «от судьбы не уйдешь», и еще много всяких присказок.

— Люся — я повернулась к ней всем телом — У меня есть дети и вы. Ведь есть же?

Она тихо кивнула, но из ее глаз начали капать слезы. Я всплеснула руками:

— Сдурела совсем, сырость здесь разводить? Тут и так достаточно воды.

Эх, помирать — так с музыкой!

— Марк, помоги мне срочно — громко крикнула я и обхватила Люсю руками. Та, не ожидавшая от меня такой прыти — я ведь должна быть в горестной печали — не смогла оказать малейшего сопротивления. И только поняв, что я задумала, начала вяло отбиваться. Ага, не на ту напала. Короче говоря, мы с ней с визгом упали в прохладную воду. На наш визг, с треском распахнув дверь, вбежал Игнат. Он облегченно выдохнул:

— Ритка, опять балуешь? Я уж было подумал, ты на тот свет решила опять сгонять.

— Не, Игнат, некогда мне, родина в опасности — окатив его водой.

Слуги натаскали нам много разной и вкусной еды — мы и наелись и накупались вдоволь. На наш шум, заглянул Ольгерд.

— Ни фига ж себе. Они тут отдыхают, а я в комнате как дурак сижу. Не-е-е, я с вами дружу. Все-таки, чуть не поженились с тобой, Рита.

Ах ты, зараза такая. Вот я тебе сейчас отомщу. Я моргнула Игнату и слегка мотнула головой на воду. Тот понятиливо кивнул.

— Это ты хорошо придумал, молодец. Помоги-ка выбраться, а то на одной ноге пока доскачу, ночь настанет — причитал Игнат, протягивая руку Ольгерду.

Тот, с пониманием протянул руку и оказался в воде.

Через некоторое время к нам подтянулся практически весь отряд. Мне пришлось надеть платье, негоже ведь в таком виде разгуливать. У Ольгерда вон, до сих пор глаза квадратные.

Вот майся теперь и горюй, что вовремя не женился, с усмешкой, мстительно думала я.

Дети утомились и легли отдохнуть на лежаках. Шумный гомон постепенно стихал. Игнат откинулся на спину, закинув руки за голову:

— Спой, Ритуля, что ли.

А я не стала кочевряжиться.

А напоследок я скажу

А напоследок я скажу

Прощай, любить не обязуясь

С ума схожу иль восхожу

К высокой степени безумства...

Мой чистый высокий голос поднимался вверх и пробирался во все уголки большого помещения и возвращался повторяющимся эхом.

Так напоследок я скажу...

Повисла гнетущая тишина. Зашевелился Тельнан.

— Да. Песни у вас душевные, как схватят за сердце и держат, не отпуская.

— Чего раскисли? Сейчас что другое спою.

И повернулась к Игнату:

— Подхватывай, если знаешь.

И затишула:

Ой, мороз- мороз

Не морозь меня

Не морозь меня

Моего коня.

Игнат подхватил ноту и полилась песня в два голоса. Да так душевно полилась, что по коже побежали мурашки.

Короче говоря, весь репертуар русских народных песен был исполнен.

В окно заглянул вечер. Пора было устраиваться на ночлег. Пожилой слуга повел нас коридорами в спальни. Мы с Игнатом и Люсей оказались в соседних комнатах. Я подошла к окну и распахнула его. В комнату ворвался свежий вечерний освежающий вечерок. А это что такое? Качели? Не стала терять время, перекинула ноги через подоконник и спрыгнула на землю. Дети полезли за мной. Ой, какой я пример им нехороший подаю. Подстраховала Лину у земли, и мы подошли к заинтересовавшему меня объекту.

Ну точно, качели. Тоже Игнат постарался, наверное.

Лина с визгом вцепилась в веревки, балансируя на резной доске. Вверх-вниз.

— Лети, Лина. Как птичка лети.

Марк в нетерпении подпрыгивал рядом. Лина встала с качелей с восторженной

улыбкой.

— А можно я завтра еще покатаюсь?

— Конечно. И завтра и до самого отъезда. А еще я попрошу Игната, он нам в нашем доме сделает такую же. Согласны?

— Ура! — разнеслось по двору.

Уложив детей спать, вышла опять через окно, во двор, села на качели. Волосы развевались за моей спиной. Я закрыла глаза и отдалась на волю ощущения. В детстве мы втроем вот так катались и визжали на берегу озера. Веревки привязывали на повисшие над водой ветки и раскачивались. Кто первый полетит в воду, то выбывает.

Я вздохнула. Как же я по ним соскучилась. По Ромкиному мужскому твердому характеру и Алькиной язвительности. Наверное, теперь никогда не увидимся. От этой внезапной мысли внутри все сжалось и очень-очень захотелось плакать. Нельзя. Не сейчас. Не может быть, что мы не увидимся, я упрямо встряхнула головой. Если есть дорога сюда, значит, есть дорога и обратно. Значит, вероятность, хоть маленькая, но остается. Я упрямо сжала руки. Нужно сделать все от меня зависящее, чтобы еще хоть раз увидеть дорогих моему сердцу людей.

Я медленно перелезла через окно обратно в комнату. Расчесала волосы и, только собралась лечь в постель, как услышала по коридору решительные шаги. Дверь распахнулась и на пороге замер Реммир. Я тоже замерла. Строгое лицо с упрямо поджатым ртом, нахмуренные брови.

Он быстрым взглядом окинул меня и детей, отвел взгляд и сказал тихим, но твердым голосом:

— Спать Вы будете наверху — в моей спальне.

Интересно. Там сегодня свободно? Или график составим? Думала я, молча смотря на него.

— Я понимаю, что наш договор был внезапным и для Вас, и для меня. Мне бы не хотелось ставить Вас в неудобное положение, Вы свободный в своих действиях мужчина — как же тяжело мне дались эти слова.

— Я так понимаю, Вы свободная в своих действиях женщина? — хмыкнул Реммир. И продолжил — Вы моя невеста. И это обязывает нас жить в одной спальне. Мне бы не хотелось давать слугам повод для долгих сплетен. Их и так достаточно.

Чёрт побери. Ведь он прав. Надо, значит надо.

— Да и желание ты мне должна, а долги отдавать нужно?

Я молча кивнула. А дети как же?

Он понял мой немой вопрос, развернулся и постучал в дверь к Игнату. Затем вернулся и осторожно, на руках перенес детей в их спальню. Потом, так же молча, взял меня за руку и повел на третий этаж.

Мы вошли в небольшое помещение, похожее на кабинет. Стол, кресло. Не останавливаясь, меня повели к другой двери, за которой и была спальня. Большая высокая кровать, застеленная большим мягким одеялом. А на полу ковер. Я в недоумении уставилась на него. Ковёр? Здесь?

Реммир, видя моё недоумение, пояснил:

— Когда была возможность передвигаться порталами по разным мирам, мама поехала с отцом на переговоры. И, как рассказывал отец, мама влюбилась в него с первого взгляда. Вот и пришлось переть его — в портал он не влезал, отец злился, мама ругалась — его лицо

разгладилось от воспоминаний о родителях. На лице заиграла легкая улыбка.

— Отец говорил, что мама любит этот ковер больше, чем его самого.

Я наклонилась и провела ладонью по его поверхности. Орнамент красного цвета переплетался с синим, изящно кружась посередине, затем разбегался, образуя замысловатые линии и изящные крупные бутоны цветов. Такое блаженство пройтись по пушистому ковру голыми ногами, я уже стала забывать эти приятные ощущения. Реммир с улыбкой смотрел на меня:

— Мама делала так же.

Ложились молча. Я тихонько легла на край кровати, натянув тонкое одеяло до подбородка, и закрыла глаза. В весьма двусмысленную ситуацию я попала. Привозит невесту в дом, а дома любовница. Как в любовных романах. Ну начну с того, что невеста я не настоящая и страдать не буду. Или буду? Зачем перед самой собой лукавить? Буду страдать. И вспоминать тоже буду. Но я все выдержу, я сильная, думала я, прислушиваясь к его дыханию, когда меня подхватили сильные мужские руки и прижали к голому торсу. Я не стала открывать глаза, не хочу увидеть жалости в его глазах. Просто отдалась во власть своих ощущений. Вдыхала, такой ставший родным, запах кожи, принимая его ласки. Его руки ласково гладили плечи, переходя на спину и ягодицы, чуть сжимая их. И целовал. Целовал мои глаза, едва прикасаясь губами, висок, вдыхая запах кожи, пока не добрался до губ. Сначала, нежно целуя то верхнюю, то нижнюю губу, проводя по ним кончиком языка и слегка прикусывая. По моему телу прошла сладкая волна возбуждения.

Только не останавливайся. Делай со мной все, что захочешь, в голове проносились мысли.

Я выгнулась ему навстречу и он, поняв это как призыв к действию, обхватил и осторожно перевернул на спину, не прерывая поцелуя. Почувствовав тяжесть его тела, совсем сошла с ума. Соски стали твердыми и отзывались на малейшее прикосновение, а там внизу разгорался огонь, который можно было погасить только одним способом. Реммир коленом раздвинул мои ноги, я выгнулась навстречу сладким ощущениям. Реммир приблизил ко мне лицо и выдохнув: «моя», ворвался в мое тело. И я потерялась во времени и пространстве. От этого одного слова душа запела, я стонала: «твоя». А когда уже не могла сдерживать стоны, кричала, пока волна удовольствия не набрала свою высоту и не рассыпалась сотнями фейерверков.

И Реммир судорожно ловил свои моменты удовольствия. Мы приходили в себя, шумно дыша.

Он не выпускал меня из своих объятий, перевернулся на спину, а меня положил на себя, глядя по спине, голове, ласково перебирая длинные пряди моих волос.

Когда страсти улеглись, в тишине прозвучал его голос:

— Силика — подруга моей бывшей невесты. Моя мама взяла их из столицы в дом, когда они были еще подростками. Они сироты и были такими разными. Донара — рассудительная и спокойная, Силика — эмоциональная и взрывная. Мама обучала девочек всему, что знала сама. Говорила, Хранительница не дала ей дочь, зато теперь их у меня двое. Когда родители погибли, именно Донара стала для меня надёжной поддержкой в моем горе. Она всегда была рядом и постепенно между нами возникли чувства. Силика злилась, потому что сама претендовала на роль моей жены. Но, как ты понимаешь, чувствам не прикажешь. Именно Донара просила меня назначить свою подругу на должность управляющей. В твердой руке и умении управлять домом ей не откажешь, тут мама постаралась на славу. И я уступил её

просьбе, когда старый управляющий оставил своё место, переехав в селение. Силика здесь выросла и знала дом как свои пять пальцев. Когда Донара забеременела, я в тот же день сделал ей предложение — она согласилась, не раздумывая. Мы были счастливы, да и Силика как-то успокоилась и повеселела.

Не понимаю, что тогда произошло. Силика плакала, рассказывая, как Донара внезапно принимала своего любовника по ночам, а потом просто убежала с ним. Я опросил всех слуг, ни один из слуг не может ни подтвердить её слов, ни опровергнуть. Силика всячески пыталась заменить мне мою невесту, но ночь не заменит день. И я старался подолгу не появляться дома, избегая ее посягательств.

Я тихонько легла рядом, боясь прервать его горестный монолог.

Реммир замолчал, смотря в потолок.

— Долгих десять лет мотаюсь по стране, ищу эту дрянь Донару, чтобы забрать ребенка. Остались только самые дальние селения, но со временем я и туда доберусь.

Реммир глубоко вздохнул, потеряв лицо одной рукой, словно стирая воспоминания, повернулся ко мне, притянув одной рукой за талию к себе поближе.

— Силика больше не доставит тебе неприятностей, Рита. Сегодня я поставил ее в известность, что она никогда не сможет претендовать на хозяйку этого дома. Как она ведет хозяйство, меня устраивает, а выгнать её не могу в память о матери.

И нежно поцеловал. Действительно, да пошло оно все к чертовой бабушке. Он сказал «моя» и я ему верю. Ой, мамочки, а не влюбилась ли я? Не знаю. Но твердо уверена в одном, что буду бороться за этого мужчину. Никогда этого не делала, спокойно отходила в сторону, если появлялась соперница или претендентка на мужское сердце, предоставляя возможность мужчине самому сделать выбор. Потому и не боролась, что бороться было не за что. Не было любви, вот я спокойно и расставалась с мужчинами. А сейчас? Возможно, это и есть то самое чувство. Не буду ничего загадывать. Чему быть — того не миновать.

— А пойдем искупаемся?

Я в недоумении смотрела на Реммира. С ума сошел? Голыми на первый этаж переться?

Он улыбнулся, вставая с кровати, и осторожно потянул за мою руку. Мне пришлось тоже встать. А он откинул гобелен на стене, под которой обнаружилась дверь, и открыл ее. Мать честная! Еще один бассейн, только небольшой. В полумраке пыталась разглядеть помещение, когда Реммир подошел к стене и нажал рычаг. Наверху что-то заскрежетало, и я подняла голову. Помещение заполнил лунный свет. Я увидела небо с большой круглой луной и множеством маленьких блестящих звездочек, которые моргали, будто подмигивая мне. Обалденно!

И посмотрела на Реммира

— Игнат сделал.

Ну, земляк дает. И правда, рукастый. Попрошу его, когда у меня будет свой дом, сделать там бассейн, пусть небольшой, но свой собственный.

Я плавала в теплой воде до изнеможения, избавляясь от напряжения прошедших дней. Реммир тактично плавал рядом, но когда я собралась выйти, помог мне выбраться, задерживая руки на моей талии. До спальни так и не добрались. Целуясь, дошли до стены и там все и случилось. Блин, надо было крышу закрыть, наши стоны наверно услышал весь дом.

Время давно перевалило за полночь и мы, наконец, добрались до кровати.

— Рита, я предупредил своих о левире и кабаре. Дорогу к тебе они должны сами найти,

главное, чтобы слуги не перепугались.

А я уже начала волноваться, если честно.

— А как они, интересно, в таком большом населении нас найдут? Ладно, подумаю об этом завтра — сонно думала я, засыпая в мужских объятиях.

Утро началось неординарно. Сквозь сон слышала какой-то шум, но никак не могла открыть глаза. С треском распахнулась дверь, стукнувшись об стену, к нам влетели Хил с Майклом, а за ними толпа слуг с оружием. Животные с разбегу запрыгнули на кровать. Майкл своим весом чуть не раздавил нас, я сдержанно охнула. Пока я приходила в себя от такого пробуждения, тот радостно начал облизывать меня, облизывая все, что видит.

— Майки! Фу, зараза! Да прекрати ты, в конце концов — причитала я, отпихивая руками его здоровую голову и натягивая одеяло до подбородка.

Слуги столпились в дверях, наблюдая открывшуюся картину.

Вся шерсть Майка была в листочках и травинках и весь этот мусор слетал с него от его радостных движений. Хил сидел на краю кровати и терпеливо ждал своей очереди, перебирая лапами.

Майк еще попрыгал и разлегся между мной и Реммиром, хлопая глазами. Хил чинно подошел ко мне, подставляя голову под мою руку.

— Вот кто у нас воспитанный. Вот кто благоразумный — чесала я его за ушком, приговаривая.

— Все в порядке. Это животные моей невесты — послышался смеющийся голос Реммира.

— Хозяин, но ведь это левир и кабар — потрясённо сказал один из слуг.

— Совершенно верно — спокойно ответил Реммир — И они будут жить здесь до нашего отъезда.

Тут, расталкивая толпу возле дверей, пробрались дети. Лина, увидев животных, подбежала и, запрыгнув на постель, стала прыгать на ней.

— Ура! Вы вернулись! — и бухнулась возле Майка, запустив руки в его густую шерсть и чмокая того в нос — А я соску-у-у-чилась.

Майк обрадованно переключил облизывания на Лину. Марк сдержанно подошел и присел на краешек, поглаживая Хила. Тут сквозь толпу пробрался Игнат с Люсей. Он всплеснул руками, прихрамывая подошел к кровати, садясь на нее и потирая ногу.

— И не догнать, ведь. Как узнали, где ты, сразу убежали. Я-то, пока пристегнул деревяху, их и след простыл. О, вернулись, значит? Молодцы.

Лина затараторила:

— А сегодня что делать будем? Кататься? А играть будем?

Мы с Реммиром посмотрели друг на друга. Все хорошо, если не брать в расчет тот факт, что мы раздетые. Одно неосторожное движение Майка и нас увидит вся толпа.

— Как-то шумно у нас в спальне. Это теперь всегда так будет, интересно? — сказал он задумчиво, пряча улыбку.

Нет, так дело не пойдет.

— Значит так! Дети с Игнатом, вниз — умываться. Майки, вон с кровати, и не имей привычки грязным сюда соваться. Хил, ты большая умница, но забери Майка и тоже иди вниз.

Перевела взгляд на слуг, с интересом смотревших на нас.

— Опасности нет, вашему хозяину ничто не угрожает. По рабочим местам, пожалуйста — довольно твердо сказала я.

И строго посмотрела на детей:

— Исполняйте! У всех пять минут!

Реммир кивнул, подтверждая мои слова. Когда дверь закрылась за последними уходящими, Реммир громко рассмеялся.

Выходя вместе из спальни, в коридоре столкнулись с Силикой. Она с жадностью смотрела в лицо Реммира, но внезапно ее взгляд переместился на наши руки и её глаза расширились. Бедняжка увидела браслеты и подняла потрясённый взгляд на Реммира.

Столько лет надеяться стать официальной хозяйкой этого дома и теперь её мечты разбились о наши браслеты. Она перевела взгляд на меня и её лицо изменилось, взгляд стал злым, глаза сузились, губы поджалась.

Она опустила голову вниз, пытаясь совладать с эмоциями. Наконец, ей это удалось, снова посмотрела на Реммира. Тот спокойно стоял, приобняв меня за талию. Силика глубоко вздохнула и тихим голосом сказала:

— Дела требуют вашего присутствия. Что сказать, сможете подойти?

— Конечно. Через полчаса — обойдя Силику, мы пошли дальше.

Спустившись на первый этаж, Реммир отозвал Люсю в сторонку.

А ко мне подскочила Лина:

— А на качелях покататься можно?

— Можно, после завтрака.

Реммир подошел ко мне, поднял мою голову одной рукой, заглядывая в глаза

— До вечера! Встретимся за ужином — нежно поцеловал в губы.

Я кивнула. Люся сложила ладошки на груди, умильно смотря на меня.

— Счастливая.

Пока завтракали, Люся поставила меня в известность, что по распоряжению Реммира дер Лемминга, моего жениха, мы идем в лавку выбирать одежду. Я хотела возразить, но Люся решительно прервала меня:

— Ничего не знаю. Он лично просил меня сопроводить тебя и детей, я обещала. А я свои обещания выполняю — она поджала губы.

Я посмотрела на Игната, тот улыбался, разведя руки в стороны и пожимая плечами. Ничего, мол, не могу поделать.

Пришлось согласиться. Нам и правда нужно приодеться.

Животных оставили дома отсыпаться. Сами дружною толпой выдвинулись за ворота. Я шла, и с удивлением рассматривала все вокруг. Все улыбались и здоровались. Меня, конечно, рассматривали особенно пристально, но постепенно я научилась не замечать заинтересованных взглядов. Мне было некогда. С интересом заходя в различные лавки, трогала товар, рассматривала ассортимент. Люся вела разговоры с хозяевами лавок, яростно торгуясь, а я тактично помалкивала. Сначала одели детей. Лина радостно примеряла платья с красивой вышивкой, важничала, дефилируя мимо нас с высоко поднятой головой. Марк спокойно выбрал несколько вещей и сел в уголке. Я посмотрела на него. Что-то он сегодня хмурый, нужно спросить его, может обидел кто. Когда дело дошло до меня, Люся пустилась

во все тяжкие, как говорится. Из кладовых мне натащили кучу вещей, причем таких, которых я в жизни не надевала. Пышные длинные юбки, собранные в талии в крупные и мелкие складки, создающие объем и совершенно мешающие передвигаться. Пойдя на уступки Люси, примерила несколько платьев и прошла. Ощущение, что ткань обматывала ноги и не позволяла нормально передвигаться. Верх платья откровенно облегал грудь, наглым образом поднимая её и выставляя на всеобщее обозрение.

— Мне это не подходит — сказала я, снимая очередное платье.

Хозяйка лавки расстроено всплеснула руками:

— Как же так? Это ведь лучшие платья. У меня все жены высокопоставленных одеваются.

— Вот и пусть одеваются, а мне это не подходит и точка.

Люся решительно подошла ко мне и поставила руки в боки:

— Как это не подходит? Очень даже подходит! Ты невеста такого ваарца и на тебя будут все смотреть.

— Люся, где я это носить буду, скажи на милость? Мне в дорогу скоро, в этом далеко не уедешь. Мне бы что попроще.

— Послушай.

— Нет, это ты послушай!

Я снизила голос, подойдя к ней вплотную.

— Ты прекрасно знаешь, при каких обстоятельствах я стала этой самой невестой. А других предложений я не получала, и неизвестно, получу ли вообще. Поэтому, давай не будем обольщаться и возьмем более или менее привычную для меня одежду и пойдем. Хорошо?

Говорить убедительно я умею. Люсе ничего не оставалось, как согласиться. Выбрала пару платьев попроще и несколько сорочек. Единственное, в чем я не сомневалась, так это белье. Белое, воздушное — любуйся, не налюбуйешься.

Когда вышли из лавки, Лина с Люсей пошли вперед, а я немного задержалась, ровняюсь с Марком.

— Марк, у тебя все в порядке?

Он немного мялся, не зная, как начать разговор. Я ободряюще кивнула:

— Со мной можешь говорить, о чем хочешь. Если тебя что-то беспокоит, лучше это обсудить, а не держать в себе.

Он немного помедлил, облизал губы и спросил:

— А нам Реммира как теперь называть? Он ведь, вроде твой жених. А нам он кто теперь?

Проницательный мальчик. А мне выговор, с детьми ведь разговаривать нужно, объяснять. Только, сдается мне, совсем не это беспокоит Марка

— Марк, ты умный мальчик. И понимаешь, как я стала его невестой. Правильно?

Марк кивнул.

— Если бы не тот чокнутый женишок, предложение от Реммира навряд ли бы поступило. Но, как бы то ни было, мне нужно двигаться в столицу, чтобы там определили нашу с вами судьбу. Правильно?

Марк снова кивнул.

— И вы должны знать, чтобы ни случилось, я никогда не пожалею о своем решении взять ответственность за вас. Мы всегда будем вместе, конечно, до тех пор, пока вы не

вырастете и не заведете свои семьи.

Я остановилась напротив него и твердо смотрела в его глаза.

— Правда?

— Правда. А как его называть, мы спросим у него самого. Чего гадать? Как скажет, так и будете называть.

Приобняла его одной рукой, он осторожно приник ко мне, и мы потихоньку пошли.

Я окликнула Люсю:

— Давай зайдём в лавку и возьмем ткань. Готовое мне совершенно не нравится. Есть вариант — самими сшить.

Едва зашли в дом, подошел один из столичных, Милад. Он немножко помялся, прежде чем обратился:

— Леди, вы не посмотрите моего шавала? С задней лапой нелады — и замолчал.

А у меня от удивления широко открылись глаза. Как он меня назвал? Леди? Сдурел?

— Если что-то с животным — посмотрю без всяких проблем. Взамен прошу только об одном — зовите, как и прежде, Ритой. Не люблю я этих официальных обращений, да и не моё это звание, ты-то понимаешь — был там.

Милад внимательно посмотрел на меня:

— Не скажите — осекся и продолжил — Не скажи, Рита. Я знаю Реммира много долгих лет, его многие девушки хотели бы заполучить, честным или нечестным путем. Если бы он не хотел, он бы равнодушно смотрел, как тебя тот мордovorот уволок. А ведь сам вызвался, без всяких просьб. Зацепила ты его, это уж точно. А как у вас там дальше будет, разберётесь, взрослые уже. Так что... — он развел руками.

Дети вызвались идти со мной. В деревянном помещении стоял одинокий шавал, перебирая передними лапами.

— Остальные-то на выгул пошли, а этот занемог. И понять не могу, что с ним.

Я подошла к нему, начав осмотр. Тот сначала оскалился, увидев чужака.

— А ну ка, цыц! — строго сказала я.

Даже опасный боевой шавал понимает строгий приказ. Тот со стоном выдохнул, косясь глазами на хозяйина. Осмотрела лапы, заглянула в пасть и глаза, не забыла про уши. Живот спокойный, не тугой.

— Не пойму, в чем дело.

Я отошла от шавала, встала к нему лицом, сложив руки на груди и задумчиво смотрела.

— Вот и я не пойму. Вроде все в порядке, а вижу, что не такой он.

Я обратилась к Миладу:

— Позови его к себе — и стала смотреть

Милад хлопнул по бедру ладонью. Он нехотя пошел. А вот кажется и причина. Он двигался, стараясь осторожно наступать на заднюю правую лапу.

Начала осмотр, нажимая на разные участки. В одном месте лошак дернулся. Раздвинула густую шерсть и увидела воспалённую кожу.

— Тащите ножницы. Марк, принеси мою сумку.

— Милад, а чем вы бреетесь? Здесь придется начисто шерсть убирать.

После бритья открылась и причина размером с две мои ладони. Воспаленный участок с признаками нагноения.

— Разведите небольшой огонь, принесите самый крепкий алкогольный напиток, и отвар или траву, снимающую воспаление. А есть что-нибудь обезболивающее? Ему больно

будет — чтоб не укусил.

Марк принес сумку, я достала маникюрный набор. Что-нибудь все равно пригодится.

Милад схватил голову шавала, я взялась за дело. Накалила тонкий нож, которым брила, над огнем, полила чем-то крепкоалкогольным и аккуратно вспорола шкуру. Из раны потек гной.

— А вот и причина — пинцетом вытащила из раны щепку, размером с указательный палец, показывая Миладу.

Тот крепко держал морду животного, тихонько разговаривая с ним.

Наложила густую зеленую массу, снимающую воспаление, и перевязала полоской чистой ткани.

— Вот пока и все. Вечером, возможно, поменяю повязку.

— Спасибо ле... Рита.

Я с улыбкой кивнула. Дети молча стояли рядом, наблюдая за моими действиями. Уже, выходя их сарая, Лина спросила:

— А можно мне так научиться? Мне понравилось. А, ма?

— Конечно, можно. Только я тоже теперь буду учиться.

Лина удивленно подняла брови.

— Конечно. Мне ведь теперь травы разные изучить нужно будет. Дома лекарства были, взял и сделал, здесь их нет. Поэтому будем вместе с тобой познавать новую науку. А ты, Марк?

Он поморщился

— Нет, не понравилось. Лучше военному делу буду учиться.

— Это ты молодец. Это правильно. Но, давай представим ситуацию- ты вырос и поехал в поход с отрядом. И вдруг твоего лучшего друга ранят. Такое ведь может быть?

Марк задумчиво кивнул.

— Ты сможешь ему помочь? Нет. И будешь смотреть, как он умирает на твоих глазах. И не хмурься, ты ведь будущий боец, такое может случиться. Поэтому, было бы неплохо, если тоже немного подучишь травы. Это не стыдно, у вас ведь все лекари мужчины. Правда?

Он кивнул.

— Или шавал твой так же заболит. Ты сам сможешь ему помочь. Но чтобы все уметь нужно учиться. Я училась пять лет, но, если нужно, еще буду учиться. Понятно?

Дети смотрели, широко открыв глаза. Марк с пониманием кивнул:

— Ладно

— Вот и хорошо. Ой, я кое-что забыла. Очень-очень важное. С притворным ужасом схватилась за лицо. Дети настороженно смотрели на меня.

— Я ведь обещала каждый день вас щекотать и не выполняю свои обещания.

И первым схватила Марка, щекоча. Тот засмеялся, пытаясь вывернуться из моих рук. Лина скакала рядом:

— И меня, и меня.

Дома, едва успев сполоснуться, в дверь постучали. На пороге стоял старый слуга:

— Леди.

Я перебила его:

— Рита.

Он запнулся на полуслове. И мне стало неловко

— Зовите, пожалуйста Рита. Или, если вам не позволяет этикет, то леди Рита.

Тот понятливо кивнул:

— Леди Рита, слышал вы лечить можете. Не посмотрите моего питомца? Вроде, до старости еще далеко — только слег. Я очень волнуюсь. Если Вам не трудно, конечно. Я могу попозже подойти — он начал немного нервничать.

— Не выдумывайте. Конечно, посмотрю. Только давайте для начала познакомимся.

Слугу звали Аркус. Он служил в доме еще при родителях Реммира.

Удивляюсь, как быстро слухи здесь распространяются. Будто ветром разнесло. Народ с просьбами начал подтягиваться к дому. До вечера мне пришлось мотаться по городу, меня сопровождал Аркус, сам вызвавшийся после осмотра его питомца. Сколько новых для меня животных я увидела. Я подробно расспрашивала их хозяев, стараясь запомнить, а дома на обрывках ткани записывала.

К вечеру добрались до дома. Тишина. Устало поднялась на третий этаж, поплавала в бассейне, растворяя в воде усталость. Нужно выбираться из воды, ведь скоро ужин. Реммир сказал: «до ужина», я с нетерпением ждала нашей встречи. Едва успела одеться, вбежали дети и мы пошли в столовую. Там был Игнат и Люся.

Игнат со своей непосредственностью вскочил и сказал, по старой привычке, хлопнув меня по плечу:

— Ритка, ты, говорят, нарасхват. Найти тебя дома невозможно.

Поглаживая плечо, ответила:

— Мне же нужно будет чем-то здесь заниматься. У меня теперь дети, их кормить, одевать и обучать нужно. На это нужны средства. Осмотрюсь немного, а там может еще чем займусь. Тканями обязательно с Люсей займемся, а там посмотрю.

— Это правильно, Рита. Не сидеть ведь сложа руки. Я поначалу маялся от безделья, а потом: там приделаю, здесь налажу и пошло дело потихоньку.

В зал быстрой походкой вошел Реммир, я взволнованно замолчала, смотря на него. Он подошел, чуть наклонился и поцеловал меня в губы. Вот так вот просто, без всякого стеснения. Сел рядом:

— Ну что, рассказывайте, как прошел день?

— Ну как он мог пройти? Рита, вон — себе уже занятие нашла, целый день дома не была — Игнат не упустил возможности высказаться.

В это время слуги начали разносить еду. Чего там только не было. И запеченная рыба, и мясо, прожаренное на огне, овощи и фрукты, лепешки и сладости.

Возле стены стояла Силика и наблюдала за слугами. Её хмурое лицо выделялось на фоне всех присутствующих. Стараясь не обращать на нее внимания, я присоединилась к разговору.

— Животных смотрела. Только очень неудобно по домам ходить. Нужно, как у меня дома организовать помещение и там вести прием.

Реммир заинтересовался и тоже включился в обсуждение:

— И правда ведь. Маленьких можно приводить, а крупных уже на месте смотреть. Да, Рита? Здесь ведь лекари по ваарцам только. Для животных лекарей не придумали — вот народ и потянулся к тебе. Для начала на тебя посмотреть, конечно — со смехом Реммир потянулся за куском мяса.

Я ненароком подняла глаза и наткнулась на ненавидящий взгляд Силики, и замерла. Ох,

сколько в нем злости. Сквозь эту ненависть, до её разума трудно будет добраться. Нужно понаблюдать за ней и держаться подальше.

— Реммир, у Марка тут вопрос возник, а я не знаю, как на него ответить — повернула голову к мальчику.

Тот смутился, опустив голову. Смелости не хватит, значит, придется мне.

— Дети интересуются, в связи со сложившимися обстоятельствами, как они теперь должны тебя называть?

Все замерли. Даже слуги. Силика напряглась и сжала кулаки. Реммир задумался, откинулся на спинку стула и просто сказал:

— А чего выдумывать? До этого как звали? По имени? Так же и зовите. Марк, ты ведь Риту тоже по имени называешь и от этого никому хуже не стало, правда?

Марк даже расслабился от его ответа.

— Слушайте, а давайте вечером в парке посидим. Еду туда перенесем, поиграем во что-нибудь. В ту игру, где мне Рита желание проиграла, как же она называется? Или в другую, а?

— Крестики-нолики — Лина радостно ответила.

— Да ну вас, опять меня в дураках оставите — Игнат притворно махнул рукой.

Я наклонилась к Люсе:

— Люся, ты чего задумчивая сегодня? И слова не скажешь? Что случилось?

Люся подняла на меня свой взгляд:

— Потом поговорим. Разговор не для стола. Мне очень нужно с тобой поделиться.

Я кивнула. Что у нее может случиться-то?

Тут Реммир замер, взгляд стал отрешенным. Таким я его еще не видела. Я обвела взглядом присутствующих. Слуги продолжали спокойно заниматься своими делами, значит им это не в новинку.

Реммир расслабился и сказал, вставая:

— Мельсин вызывает. Скоро буду — и вышел.

А, это тот доверенный Хранительницы, который ребят лечил. Когда буду в столице, именно с ним мне придется встретиться и от него зависит моя дальнейшая судьба. Стало немного беспокойно. Ну да ладно, прорвемся.

Нам не оставалось ничего больше, как продолжить ужин за неспешными разговорами.

Я вскользь обратила внимание, что Силика отпустила слуг одним движением руки.

Мы уже хотели вставать из-за стола, как Силика объявила десерт. И перед каждым поставила изумительную красоту.

Мне подали в последнюю очередь и мне бы насторожиться, увидев, что моя порция стоит немного в стороне от других. Но я наблюдала за Силикой и её выражением лица. Она, не поднимая глаз и без лишних эмоций, поставила десерт и отошла.

В небольшой формочке, напоминающей орех, нам подали порезанные засахаренные фрукты, сверху сладкая шапка из взбитых сливок, обсыпанных разноцветной крошкой, а сбоку вставлена малюсенькая ложечка. Дети, никогда не видевшие такую красоту, замерли от восхищения. Люся тоже застыла, рассматривая свой десерт, не решаясь разрушить эту сказочную красоту.

Я, посмеиваясь над их реакцией, взяла ложечку, зачерпнула взбитых сливок и отправила в рот. Кисло-сладкий вкус наполнит весь рот. Вкусно, только остаётся горьковатое послевкусие. Я пожала плечами, наверное, так нужно. Вслед за мной и остальные приступили к десерту.

Лина, зажмурив глаза, прошептала:

— Вкусно.

Марк осторожно отодвинул ложечкой сливки, рассматривая фрукты.

Люся, как и я, решила начать со сливок. Игнат, чисто по-мужски, глубоко вогнал ложку и поднес ко рту все, что смогла уместить ложка. Так и сидел с ней во рту, причмокивая. Как дети, ей богу.

Внезапно голова закружилась, я схватилась за стол одной рукой. Это я наверно перетрудилась сегодня с непривычки. Нужно пойти прилечь, только детей дождусь, неприлично ведь из-за стола вскакивать. К головокружению присоединился какой-то металлический привкус во рту. Что за ерунда? Я подняла голову и наткнулась на пристальный взгляд Силики. Её рот кривился, скрывая победную улыбку. В глазах начало темнеть. Эта дрянь, что, отравила меня? Только меня? А дети? Я с усилием повернула голову, пытаюсь сквозь темноту в глазах, разглядеть детей и смахнула свой отравленный десерт, тем самым привлекая к себе внимание. Мне удалось разглядеть, что дети ели, как ни в чем ни бывало, радостно переговариваясь. Облегчение — хоть детей не тронула.

— Ритка, ты чего так неосторожно-то, такую вкуснотень...

Игнат замолчал на полуслове. Я попыталась перевести на него взгляд, но в голове нарастал гул. Я стала терять сознание, заваливаясь на бок.

— Даже побороться не дали. Просто устранили — последнее, о чем я успела подумать.

А последнее, что я слышала, это крики детей. Линкино «ма» и — «Рита» Марка. И эти два слова слились в моей голове, все загудело. Было ощущение, что все вокруг задрожало и завибрировало.

Я отключилась.

Что ж так не вовремя Мельсин вызывает? Только думал отдохнуть, планы строил. Вообще-то правильно. Пока был в дороге, он не вызывал, вдруг опять что случится.

Мельсин сегодня был задумчивый. Он стоял у окна, сложив руки за спиной. Почувствовав мой приход, не оборачиваясь, сказал:

— Садись.

Затем, постояв еще некоторое время в тишине, обернулся, прошел к стулу и сел напротив меня. Лицо уставшее, всегда веселые глаза, сегодня были задумчивыми, а взгляд рассеянным.

— Ожидание убивает — он устало потер лицо

— Ну, давай, рассказывай, что новенького? — и он увидел мой браслет на руке.

Его глаза округлились от удивления:

— Ого. Попался, паренек. Это кто такой смелый, вернее смелая, чтобы нашего Реммира окольцевала? Давай, рассказывай — он с оживлением потер ладони.

— Чего это я? Посмотреть же можно! — и замер на месте.

— Интере-е-е-сно. Закрытая информация — и перевел взгляд на меня — В последнее время что-то происходит. Мне закрывают информацию. Я ещё могу понять информацию про наследницу, ищите сами и будет вам сюрприз. Но и другую информацию тоже не говорят. Я в растерянности. Может моё время уже вышло?

Он сидел молча, опустив глаза, я не посмел прервать его молчание.

— Я восемь веков служил Хранительнице и её потомкам. И вот сейчас я в смятении. И

ведь ничего не объясняет. Говорит «так нужно». Ничего не понимаю.

Кажется, мне передалось его настроение подавленности. Чем я могу ему помочь? Ничем. Разве что поддержать.

— Если говорит, что так нужно, значит нужно. С ней ведь не поспоришь, правда? А это — я вытянул руку, показывая браслет — Переброшенка, я тебе о ней говорил. Сложилась такая ситуация, я посчитал нужным ей помочь. И знаешь, не жалею об этом. Даже...

Я замолчал, боясь произнести это вслух, потому что ещё сам для себя ничего не решил.

— А, та слегка сумасбродная девица? Информации по ней мне не дают, так что рассказывай — Мельсин оживился и с вниманием принялся слушать — Ты уж извини, что интересуюсь. Сам-то, забыл уже, как с женщинами общаться. Так хоть послушать.

С чего начать то? Начну с самого начала. Пожалуй, с того момента как увидел её на берегу с опухшим лицом. Мельсин слушал, то смеялся вместе со мной, то хмурясь от истории с Дикими, то качал головой от истории с принятием детей. Только и слышалось его: «Ишь ты. Да ладно! Во даёт. Интересно».

Я пока рассказывал, сам заново прожил всю историю. Теперь совершенно точно знаю, что тогда поступил правильно.

— Я у тебя вот еще что хотел спросить. Думал сам справлюсь, но видно не судьба. Я столько лет мотаюсь по стране, в надежде отыскать сына, даже странно, как будто сквозь землю провалились. Если сможешь, конечно, подскажи, где искать.

Мельсин пожал плечами:

— А я все ждал, когда попросишь? Теперь и не знаю, смогу ли помочь» — и замер.

Его голова слегка наклонилась, словно он внимательно слушал и кивнул:

— Единственное, что могу сказать — спроси у своей управляющей, она виновата. Про сына- скоро сам все узнаешь.

Силика? Не может этого быть! Я погрузился в размышления, когда меня прервал вскрик Мельсина:

— Быстро назад! Торопись!

Даже ничего не успев сообразить, шагнул в открытый им портал. Успел только обратить внимание, что рисунок на моем браслете засиял.

Не могу точно для себя определить, что для меня означают эти уходы вверх. Раньше это были спасительные уходы, возможность небольшой передышки для уставшего от боли тела. Сейчас же я чувствовала искреннее негодование. Дрянь такая, не побоялась при всех отравить. Надеюсь, хватило ума остальных не трогать. Я оглянулась. Обстановка та же. Яркий-яркий свет лился со всех сторон, только он не приносил благословенного спокойствия, как в те разы. Сейчас в душе была небольшая тревога и, я бы даже сказала, злость. Так, как обратно выбраться? А то сейчас явится эта... Блин, не успела.

На поляну вбежала та же красивая женщина. Она одергивала одежду, а из идеально уложенной прически выбивались несколько прядей, которые она судорожно приглаживала рукой.

Интересно, она из постели что ли выскочила? А они тоже здесь этими делами занимаются? — И зажала рот рукой, поймав её гневный взгляд. Ой, она же мысли читает, а я всякую ерунду думаю.

Женщина сложила руки на груди и медленно пошла в мою сторону, а из её глаз

сверкали молнии. Молнии??? Ой, что-то мне поплохело, нужно сваливать отсюда.

Я выставила руки перед собой:

— Спокойно. Я сама.

Развернувшись, зашагала к краю поляны. Услышала мужской смех. Вот точно в постели кувыркалась. Ой, она наверно опять знает, о чем я думаю. Обидится, и так злая, как собака. Сзади послышался тихий рык. Ну вот, я и говорю, злая как собака. И шагнув в пустоту, услышала громкий мужской смех, такой залиvistый и заразительный, что я невольно улыбнулась.

Женщина в задумчивости смотрела в то место, куда удалилась девушка. От громкого смеха она недовольно поморщилась.

— Ой, не могу. Злая как собака. Ах-ха-ха. Сказала, так сказала. Ох, нравится она мне, как есть, нравится. Ну, чего стоишь? Понавыдумывала всяких правил, а девчонка страдает, останешься ведь без наследницы. Сможешь спокойно смотреть, как мир, созданный тобой, погибнет?

— Действительно, ерунда какая-то. Но ты ведь знаешь, пока она не сольется с Силой, я ничего не могу сделать.

— А у меня помощи попросить слабо? А, о чем это я? Ты же самостоятельная и гордая, да?

— Ладно. Разбирайся там со своими. А девчонке будет подарок от меня.

Женщина попыталась возразить, но вовремя замолчала, видя черные тучи над поляной и молнию, ударившую рядом с ней.

— Цыц. Мала еще спорить со мной. А то познаешь силу моего гнева.

Голос становился все тише, пока не наступила тишина и снова не стало светло.

Я в растерянности и тревоге шагнул домой. Что могло случиться? И увидел лежащую на полу Риту. Вокруг неё столпился народ. Люся с криками: "Лекаря!", выбежала из комнаты. Слуги с волнением перешептывались, наблюдая за лежащей на полу Ритой. Игнат теребил её за плечи, пытаясь привести в чувство. Я быстрым взглядом окинул столовую, пытаясь понять, что же могло произойти. И заметил возле стены Силику, пытающуюся скрыть улыбку. Убью! Но сначала Рита. Я сел возле неё на колени, поднял её безвольное тело на руки и прижал к себе.

— Ты только не умирай — шептал я, осторожно встряхивая её, в надежде привести в чувство.

— Пожалуйста, не забирайте её у меня — я закрыл глаза, взывая к небу.

Эту сумасбродную, решительную и смелую, добрую и ласковую, красивую и чувственную, отзывчивую и...."

Я влюбился?!

От этой мысли я открыл глаза, смотря на Риту, пытаюсь осознать своё открытие. Да, мне хочется заботиться о ней, обнимать и знать, что она моя и только моя. От мысли, что еще кто-нибудь прикоснется к ней, сжимаются ладони.

Я думаю о ней и ловлю её взгляд на себе и мне приятно, как она украдкой смотрит на меня. Без этой женской пошлости и сцен соблазнения, не предлагая себя для постельных утех, как другие. Она не пытается показать, что она лучше. Она такая, какая есть. Она

пройдет все испытания с честью и высоко поднятой головой. Мне хочется быть рядом, чтобы пройти этот путь вместе с ней.

С Донарой было не так, она просто была рядом, надежная, как мне тогда казалось, ласковая и родная. Вот именно. Ласковая и родная, но не любимая. Как часто любовь заменяется другими чувствами, но только испытав его на самом деле, понимаешь полноту этого чувства.

Ну почему я понял это только сейчас, держа её бессознательное тело в своих руках. Найти её в своём сердце и тут же потерять. Я застонал в бессилии, прижимая её крепче.

Где-то внутри что-то сжалось, превращаясь в камень. Я перевел взгляд на Силику. Дрянь, неблагодарная дрянь. Я медленно встал, направляясь к ней.

— Ты змея, пригретая на груди. Тебе дали все, о чем могла мечтать сиротка. Дом и кров, образование, нашу любовь и хорошее будущее.

Я подошел к ней, схватил за шею и приподнял над полом.

— Но тебе было мало, правда? Ты захотела стать здесь полноправной хозяйкой, да?

Её лицо покраснело, она судорожно пыталась разжать мои пальцы, молотя ногами по пустому пространству.

Мои пальцы начали сжиматься, но вовремя очнулся, вспомнив слова Мельсина. С сожалением, что не закончил начатое, разжал руку. Силика рухнула на пол, схватившись за горло, судорожно вдыхая воздух и надсадно кашляя.

— Один мой вопрос и один твой правдивый ответ. И, возможно, останешься в живых. Мельсин сказал, что ты виновата, в том, что Донара тогда ушла. Что тогда произошло?

На её лице, на секунду проступил испуг, но она быстро взяла себя в руки:

— Пришла ночью, ухожу, говорит, с любовником — затараторила она, не до конца осознавая представленную возможность.

Я резко оборвал её рассказ, подходя и присаживаясь перед ней на корточки. Взял её лицо, поднял к себе, заглядывая в глаза.

— Девочка, ты знаешь, я ложь чувствую и никому не прощаю враньё. У тебя один единственный шанс выжить — рассказать правду — очень тихим голосом сказал я.

Её взгляд стал растерянным, она только сейчас начала осознавать, в какой переплет попала. Судорожно сглотнула, опустила глаза и облизала губы. И после небольшой паузы начала рассказ:

— Да, я хотела стать хозяйкой этого дома и тебе женой. Донара не любила тебя, так как люблю я. В тот вечер мы сидели в саду, она гладила свой живот и вслух мечтала. Мечтала о большой семье, что даст своим детям всё то, что никогда не было у нее в детстве — родительскую любовь. Я, конечно, любила её как свою сестру, но тогда меня охватила зависть и злость. Все это было бы у меня, если бы ты выбрал меня — она сделала паузу и продолжила — Я рассмеялась, глядя на неё и сказала, что она наивная дура, что мы с тобой давно любовники, а она только на то и годится, чтобы стать покорной женой и не препятствовать нашим любовным утехам. В слезах она побежала в комнату. Не думала, что у неё такой решительный характер. Когда она исчезла, мне пришлось придумать историю про любовника. Не могла же я рассказать правду. Я боялась за неё и её ребенка, но если бы она нашлась, то всплыла бы правда, и тогда уйти бы пришлось мне.

Я скрипнул зубами:

— Дрянь. Молись Хранительнице о пощаде.

В это время Игнат вскрикнул, склонившись над Ритой. Я вскочил и подбежал к ней. Она

дышала с закрытыми глазами, судорожно заглатывая воздух открытым ртом, а потом её вырвало.

Вбежал лекарь и нам пришлось отойти, давая ему возможность делать свою работу.

Блин, что же так тошнит-то. Все вокруг кружится, как после карусели. Лучше глаза пока не открывать. На лоб положили что-то холодное. Хорошо-то как. Я почувствовала, как меня подняли и понесли. Запах, этот знакомый, приятный запах его кожи, который ни с кем не спутаешь. Я с трудом подняла руки и уцепилась за рубашку, как утопающий за соломинку.

Меня положили на кровать. Я тихонько открыла глаза. Зря я это сделала, комната закружилась и подступила тошнота. Я закрыла глаза, глубоко дыша ртом, пытаюсь унять тошноту.

— Рита, выпей это — Реммир аккуратно приподнял мою голову и почувствовала запах трав.

Кисло-сладкий напиток моментально успокоил взбунтовавшийся желудок. Реммир лег рядом, обняв меня. Я вдыхала его запах, пока не уснула.

Утро началось с громкого распахивания двери. В спальню вбежал левир, сразу заполнив все пространство комнаты. Он подошел ко мне, скуля, привлекая мое внимание. Не открывая глаз, я подняла руку, чтобы его погладить. Его скулеж переходил на тихое порывивание, словно, он что-то говорил мне.

— Не волнуйся, Ме...

Блин, забыла его новое имя. То ли после сна, то ли после отравы, но голова совершенно не хотела работать. Мел, Мики? Да кого я обманываю! Мелкий он в моей душе, таким и останется.

— Мелкий, все хорошо — поглаживая его везде, куда доставала рука.

Он шумно задышал и лизнул меня своим большим мокрым языком.

— Блин, Мелкий, гадость какая — поморщилась я, утирая лицо и открывая глаза. Голова уже не кружилась, но тошнота еще чувствовалась. Я сглотнула.

— Выпей отвара.

Я повернула голову. Реммир полусидя протягивал кружку. С благодарностью приняла кружку и выпила. Тошнота постепенно успокаивалась.

— У него вроде новое имя было?

Реммир улыбался, а я махнула рукой:

— Кого я обманываю? Если честно, не лежит душа к новому имени, вроде и звучное, и более-менее солидное, а вот сейчас вспомнить не смогла. А если в дороге помощь нужна будет, как его звать-то? Эй, как там тебя, помощи? У нас говорят: «Не имя делает человека человеком, а человек — своё имя». Вот и пусть его боятся, как Мелкого, свою репутацию опасного животного он уже подтвердил.

И гладила Мелкого везде, куда рука доставала, а тот щурился от удовольствия. В это время дверь вновь распахнулась и вбежали дети. Лина бросилась в мои объятия, обхватила за шею и крепко сжала своими тонкими ручками. Марк подошел к нам с нахмуренными бровями, пристально разглядывая моё лицо. Я чуть улыбнулась.

— Все хорошо, Марк. Только...

Дверь снова распахнулась и быстрым шагом вошел Игнат, а за ним Люся.

Игнат дохромал до кровати, сел на нее и стал заново приделывать свою деревяшку.

— Ну нельзя же так, дети! Захожу — их и след простыл. А я ведь пожилой человек по нашим меркам, мне волноваться вредно. А тут ни дня покоя, честное слово!

Лина отпустила руки и встала рядом с Марком.

А я слушала гневную речь Игната с улыбкой.

— Ну чего улыбаешься? Улыбается она — он развел руками, поворачиваясь к Люсе.

— Да я из-за тебя седой весь стал — он взлохматил свою шевелюру.

Во заливаается соловьем. Он действительно перепугался, это из него стресс таким образом выходит. Пусть выговорится,

— Туда-сюда, туда-сюда. Рита, прекращай!

Я улыбалась все шире. Интересный какой. Как будто это от меня зависит.

— Реммир, можно ей талисман какой, оберег там, заговор что ли приладить? Может капсулу Силы вшить ей куда, а? А чего это вы все улыбаетесь, хотелось бы знать?

Я глянула на всех, действительно, все улыбаются.

Игнат перевел взгляд на Марка

— Ритка, спроси, что твой защитничек учудил вчера. Тебя, когда унесли, он к этой лахудре подошел, намотал её волосья на кулак и давай таскать по всей столовой. Убью, говорит. И откуда только силы взялось? А та и сделать ничего не может, верещит как свинья недорезанная. Еле отцепили. Той и от Линки пару пенделей прилетело.

Я слушала Игната с высоко поднятыми бровями, посматривая на Марка. Тот сжал губы так сильно, что складка возле губ стала глубокой, а на подбородке резко обозначилась ямочка. Я повернула голову на Реммира. Он знал? Судя по его изумленному лицу, не знал.

— Бандитская группировка, честное слово — Игнат все не унимался — Я бы и сам её все перья повыщипывал, если честно. Такой злой был, как черт. Так пока сообразил, меня Марк опередил.

Он подошел к Марку, потрепал его по голове:

— Молодец, сынок. Своих защищать нужно.

Марк совсем не ожидал, что его похвалят, думал наверное, что ругать будут, а то и отлупят. Он открыл рот, с недоумением смотря на Игната, затем перевел взгляд на меня. Я улыбнулась, чтобы приободрить его, протянула к нему руку и кивнула. Он медленно подошел ко мне, пристально смотря в моё лицо. Боится.

Я похлопала по кровати рядом с собой. Он осторожно сел, а я приобняла его одной рукой. Он секунду помедлил, затем бросился ко мне, обняв руками и уткнувшись в плечо, заревел. Да так горько, что у меня самой невольно выступили слёзы. Лина начала тихонько всхлипывать, Люся отвернулась к окну, вытирая слёзы. Игнат смахнул скупую мужскую слезу ладонью, подходя к Люсе и приобнимая её за талию. Я гладила Марка по голове до тех пор, пока его рыдания не стихли.

— А чем это меня отравили-то? Долго меня еще тошнить будет?

Реммир вздохнул, проведя рукой по волосам.

— Трава редкая и полезная сама по себе. Лекарки используют для лечения ваарцев. Имеет лечебные свойства и легкий горьковатый привкус. Ты почувствовала?

Я кивнула:

— У нас орех такой есть с легким горьковатым привкусом. Я даже про него и подумала сначала.

— Трава-то полезная, но в сочетании с другой травой имеет убийственный эффект. Эта смесь способна шавала с лап свалить. Как ей в голову пришло тебя этой дрянью накормить?

Готовилась ведь, от того её вину и доказывать не придется. Виновна дважды.

Реммир чуть опустил голову:

— Мотаюсь по всему государству, борюсь с врагом, а тут в собственном доме, у меня под боком, можно сказать, вражинка пригрелась и гадила по-тихому.

Мы немного помолчали, прежде чем я спросила:

— Что с ней будет?

— Не знаю, Рита. Здесь судьбу всех преступников Хранительница решает.

Интересно, как это?

Игнат включился в разговор

— Здесь нет тюрем, Рита. Задумал преступление, осуществил — значит преступник. Правильно? Осознанно, потому что делал. Вот и получи наказание. А почему самой Хранительницей? А ты вспомни как у нас это делается. Ежели кому другому это поручить, это соблазн, Рита. Соблазн брать взятки и давать их. Откупился и давай по-новому безобразничать. Мало у нас там таких случаев было? А справедливость где, спрашивается? А тюрьмы. У нас вон сколько тюрем, сотнями ведь сидят. Если кто по глупости попал, он ведь всё сделает, чтоб туда не вернуться, правда?

Я кивнула.

— А преступники сидят себе, посмеиваясь. Их поят, кормят за счет государства опять же. А государство откуда берет деньги? Правильно — налоги с жителей.

Игнат замолчал на секунду, его взгляд стал задумчивым, словно он вспоминал что-то, чуть прищуренный, от чего в уголках собрались маленькие морщинки.

— У меня соседка была. Жила одна с любимой дочкой. Работала на износ, чтоб девчонку на ноги поднять. И та отвечала ей взаимностью, надо сказать, помогала матери как могла: то в магазин сбегает, то кушать приготовит, пока мать на работе. Умненькая девчонка и симпатичная росла. И выросла бы, если бы один нелюдь не нашелся. Сначала насильничал, а потом убил. Поймали его конечно, посадили. Мать выла на весь дом, аж кровь в венах стыла. Вроде время лечить должно, но не мать, потерявшую своего ребенка. Возвращался однажды поздно вечером домой из института, захожу во двор, смотрю сидит она на лавочке одна. Вроде и сказать, но не знаю чего, но так хочется поддержать. Вот сел с ней рядом и сижу молча. Долго сидели, пока она не заговорила:

— Решила с работы уволиться.

Я вроде кинулся её отговаривать, не дури мол.

— Я буду горбатиться, чтоб эту падлу прокормить, что моего ребенка убила?

Я и заткнулся. Схема ведь действительно дерьмовая, Рита. Люди работают, платят налоги государству. Государство потом эти деньги распределяет, в том числе на содержание этих самых преступников, на еду, свет там. Якобы государство дает им возможность исправиться и приносить обществу пользу. А много их исправилось то? Единицы. Вот и спрашивается, где справедливость?

— Ненавижу эту сволочь, всей своей душой ненавижу. И не знала раньше, что можно так ненавидеть, Игнат.

— И где такие слова найти, чтоб успокоить израненную душу?

Прошло еще некоторое время. Этот вышел на свободу и ходил мимо нашего дома с поднятой головой. Я мол, понес заслуженное наказание. Какие ко мне могут быть претензии? А каково матери смотреть на это безобразие, отнял у нее самое дорогое и ходит с наглой рожей, не стесняясь. В общем, Рита, убила она его. А потом и с собой покончила.

Видно осознала, что стала таким же, как и он, убийцей, и порешила себя.

Мы все молчали. Кто от истории, кто от воспоминаний.

— "Злоба порождает злобу. А здесь все знают, наказание за преступление последует сразу, а не как у нас — правды не добиться, вот и ждут все суда божьего, когда ж аукнется. Здесь от её глаз ничего не скроется.

То ли от разговоров, то ли действие отвара закончилось, но меня затошнило и я судорожно сглотнула.

Реммир тут же поднес кружку с отваром, которую я с благодарностью приняла.

— Посторонние выметаются из помещения — засуетился Игнат, видя моё состояние.

У меня перед глазами замелькали черные мушки, превращающиеся в большие темные пятна, и я откинулась на подушки.

— Игнат, будь другом, займи детей чем-нибудь, чтоб не болтались без дела, пожалуйста — закончила фразу слабым голосом и уснула.

Все бы ничего, но тошнота периодически давала о себе знать. Лекарь пожал плечами. Говорит, что возможно мой организм еще не вывел остатки отравы, но со временем все пройдет и посоветовал пить подкисленную воду.

А на третий день я начала тихо звереть. Реммир категорически не хотел выпускать меня из спальни, пока я окончательно не приду в себя. Он чувствовал свою вину, ведь это в его доме меня отравили и делал все, чтобы исправить свою ошибку. И все были заняты делом: дети прибежали и убежали. Лине было интересно всё, она с удовольствием помогала и на кухне, и слугам. Её искренняя улыбка с ямочками на щёчках покорила всех без исключения слуг, они с улыбками слушали её рассказы о нашем путешествии. Каждый раз рассказ обрастал все новыми подробностями. Скоро в ее рассказе я буду бессмертной женщиной-воином. Всё это мне со смехом рассказывал то Люся, то Игнат. Нужно будет с Линой поговорить, а то слуги итак на меня начали косо поглядывать.

Марк ошивался со столичными ребятами, где продолжил занятия с мечом. Реммир, чувствуя свою ответственность за детей, (а как иначе? Если мы совершили предварительный обряд, значит он им вроде как отчима) начал занятия с мальчиком. Это Игнат доложил. Сам Игнат начал что-то новое кумекать. Сядет на кровати, что-нибудь рассказывает, потом замрет на полуслове, вскакивает и убегает. И только я лежу, как бревно на кровати. Или хожу по комнате, как зверь загнанный. Если честно, то, как только встаю с кровати, начинается кружиться голова, но я помалкиваю, иначе меня запрут здесь еще на неделю.

Дверь распахнулась и вошел Реммир. Он шумно выдохнул:

— Уф, загоняли меня совсем.

Он подошел, поцеловал в губы

— Сейчас быстренько сполоснусь — и ушел в бассейн.

Через некоторое время он вошел, вытирая волосы куском ткани.

— Пацан-то смысленный. Выйдет из него хороший воин. Видно, отец его из наших был.

Реммир плюхнулся на кровать рядом со мной

— Я чего спросить хочу. Не знаешь откуда у него шрамы на спине? Я спрашиваю — он молчит.

Я кивнула.

— Отчим. Невзлюбил его, ублюдком называл. Чуть что не по его — бил нещадно. Под

себя хотел переделать, а у него нет другого таланта, как воином стать. Что не скажет сделать — у Марка не получалось. Старался видимо, но не получалось. Вот и бил. Лина рассказывала.

Реммир сжал губы:

— Скотина. А мать что же? Не защищала?

— Мать его любила очень и защищала как могла. И Марк её любил, потому и не сбежал в столицу, терпел унижения. Там и Лина родилась. Остался, говорит, чтоб матери помогать.

Реммир молча слушал мой рассказ.

— Он ведь, как матери не стало, ответственность за сестру на себя взял. Настоящий мужчина.

Я повернула голову к Реммиру. Он серьезно смотрел на меня изучающе

— А тут ты им подвернулась?

Я отрицательно покачала головой

— Это мы друг другу подвернулись. Судьба, не иначе. И я очень ей благодарна, если честно. И я ни о чем не жалею!

Это уж я специально сказала, для уточнения, чтобы у некоторых не возникли вопросы.

— Не злись, Рита. Ты права. Судьба не иначе. А по поводу мальчика не переживай, займусь им лично. Посмотрим, что выйдет.

Я кивнула

— Спасибо!

Уж коли пошел разговор по душам, нужно еще один вопрос уточнить. Я немного помялась, не зная, как начать разговор.

— Хочу спросить. Наверное, нужно расторгнуть наш договор? — и показала на запястье, где красовался замысловатый узор.

Реммир молча смотрел на меня, но его глаза потемнели и немного сузились. Я немного испугалась.

— Тебе не терпится стать свободной? — довольно грубо спросил он.

— Нет, но сговор состоялся при определенных обстоятельствах, за которые я тебе очень-очень благодарна. Правда. Просто мне не хочется быть тебе балластом, сама на шею села и детей чужих повесила.

Я облизала губы, давая себе секунду для размышления и осторожно продолжила:

— Возможно, свобода нужна тебе? Но неловко сказать об этом?

Он резко сел на кровати

— А может, ты не будешь за меня решать, нужна мне свобода или нет? — с раздражением и довольно громко сказал он.

Тут уже я вскочила. Чего это он, спрашивается, повышает голос на меня? Я никому не позволяю орать на меня.

— А может, ты не будешь повышать на меня голос? Я просто спросила — довольно громко выкрикнула я — И не надо орать, я не глухая!

Слово за слово, но мы стояли друг против друга и орали не пойми что, обвиняя друг друга во всех смертных грехах.

Тут дверь с шумом распахнулась и быстро вошел Игнат:

— Милые бранятся — только тешатся? Поздравляю с почином, так сказать — Игнат смеялся, потирая руки.

Мы разом замолчали. Я словно очнулась. Что это со мной? Ору, как баба базарная.

Никогда прежде я не опускалась так низко, всегда считала ниже своего достоинства выяснять отношения таким хабальским образом.

Мне стало очень стыдно, я опустила голову, переводя взгляд на ковер, рассматривая рисунок.

— Я чего пришёл-то? Я хотел...

— Не знаю, что ты хотел, но давай ты это расскажешь чуть позже — Реммир развернул Игната лицом к двери и довольно бесцеремонно вытолкнул его в коридор, прикрыв за ним дверь. А затем подошел ко мне очень близко.

— Рита.

Он поднял моё лицо, смотря мне прямо в глаза. Какой он красивый и я с жадностью смотрела на него. Так хотелось запомнить каждую его черточку. Реммир медленно приблизил ко мне лицо и жадно поцеловал, а я ответила на его поцелуй. Внутри все затрепетало. Мы, целуясь, потихоньку дошли до кровати и завалились на неё. Его руки шарили по моему телу, задирая подол платья и добираясь до заветной цели. Я завелась с полоборота. Мне хотелось, чтобы он взял меня прямо сейчас, покоряясь его грубоватым ласкам. Моё тело выгнулось, когда он вошел в меня. Внутри меня нарастал ком удовольствия, захватывая в плен все мое тело и стремительно приближаясь к логическому финалу. Молча переносить эту сладкую муку я больше не могла — я стонала и царапала его спину. Реммир сначала сдерживал себя, но чем ближе мы приближались к разрядке, со стоном выдыхал и шепотом бормоча. Его движения стали чаще и глубже.

— Моя — выдохнул он.

— Твоя — и все вокруг взорвалось.

Мы лежали на спине, пытаюсь отдышаться. Реммир сгрёб меня в свои объятия, накинул на меня одеяло и заботливо подоткнул его со всех сторон. Я уткнулась счастливая в его шею. Он сказал «моя», это значит не отпустит, значит...

В это время дверь приоткрылась и заглянул Игнат.

— Вы, это самое, потише что ли, давайте. Кругом ведь народ, ему может завидно, честное слово. Я чего хотел-то? Забыл уже. Пойду — ка Люсеньку свою найду, а то соску-у-чился.

Он развернулся и пошел. Его голос постепенно затихал в отдалении:

— Люсенька, где ты, любовь моя?

Мы мгновение лежали в тишине, пока Реммир не засмеялся во весь голос.

— Вот балбес. Теперь и сам пошел шуметь.

— На дверь нельзя замок какой поставить? Что за мода? Все двери нараспашку

— Да как-то не принято у нас двери запирать. Обычно в хозяйские покои просто так не входят.

Он повернул ко мне голову, изучая мое лицо.

— А у нас наоборот. Не успел зайти в квартиру, домой то есть, сразу все замки запираются. Ну, раз здесь не принято, значит буду привыкать.

Я начала вставать с кровати.

— И еще один вопрос для уточнения.

У Реммира поджались губы, его глаза сузились.

Я сделала жалобное лицо и спросила:

— А можно мне уже выходить из комнаты? Я в четырех стенах начинаю с ума сходить, правда-правда. Ну, пожалуйста.

Я сложила руки на груди и посмотрела на Реммира, хлопая глазами. У него разгладились черты лица, он видимо ожидал от меня продолжение выяснения отношений. Ага, как же. Нас и здесь неплохо кормят. А умная женщина лучше промолчит, а душой себя я не считаю. Остальное я выясню позже.

Он встал, подошел ко мне, сначала крепко обнял, затем отстранился, держа меня на вытянутых руках, заглядывая в глаза:

— Как ты себя чувствуешь? Не тошнит уже?

Я улыбнулась:

— Иногда тошнит еще, но, я думаю, отвар и кислая вода справятся. Но сидеть без дела я уже не могу. Правда — говорила я, смотря на него.

— Лекарь говорит, удивительно, что ты выжила. Ваарец умер бы давно. У тебя кровь наверно сильная, раз справилась с отравой.

Я пожала плечами:

— Понятия не имею. Справилась, и слава Бо... Хранительнице.

Он кивнул.

— Раз ты себя нормально чувствуешь, то можешь делать все, что тебе заблагорассудится.

Я облегченно выдохнула.

— Мне ведь все равно в столицу нужно, правда?

— Я ведь не местная. Раньше-то я у Игната спрашивала, а вопросов меньше не стало. Придется тебе потерпеть и отвечать. У нас говорят: "Со своим уставом в чужой монастырь не ходят". Там, в моем мире, совсем другие обычаи и правила. Поэтому я спрашиваю, чтобы делать правильно и как положено. А если делать правильно, это значит чтить традиции другого народа, ну и мира в моем случае.

— Этот мир нельзя переделывать. Он прекрасен в своей первозданной природе. Представь, если каждый попавший сюда, начнет его переделывать. Приносить сюда свои обычаи и традиции, что от этого мира останется? Получится лоскутное одеяло, собранное из обрывков тканей. Этот мир нужно только улучшать, не нарушая его баланса.

Я подошла к окну, облакачиваясь руками на подоконник.

— Мне придется здесь остаться, и ты прекрасно об этом знаешь. Жалею ли я об этом? Нет. Здесь мне дали бесценный подарок, о котором у себя я могла только мечтать.

Я чуть кивнула.

— Дети, конечно же дети. Конечно, я буду скучать по своему миру, ведь там остались мои друзья и я там выросла. Мне бы восточку им дать, что я жива, а не пропала без вести — чуть тише сказала я, поворачивая голову в его сторону.

Он смотрел на меня, внимательно слушая. Но я не увидела в его взгляде понимания.

— Представь, что ты поехал в поход, а очнулся в незнакомом тебе месте. Нет твоих родных и близких, нет привычной для тебя обстановки. Тебе придется выживать в новых условиях. Будешь ли ты вспоминать тех, кто дорог твоему сердцу, зная, что возможно, ты никогда их больше не увидишь?

Он опустил глаза, затем поднял их, обводя комнату чуть прищуренным взглядом, его взгляд остановился на мамином любимом ковре, примеривая ситуацию на себя. Медленно провел рукой по волосам и вздохнул. Встал, подошел ко мне сзади и обнял двумя руками.

— Я никогда не смотрел на это с другой стороны. У меня другая задача — защищать род Хранительницы и доставлять чужих в столицу. Но сейчас я понимаю, как тяжело тебе здесь

пришлось. Учитывая, в какую историю ты сразу попала.

— Нельзя, разве, чтобы этот переход как-то полегче осуществлялся? Морально легче? С ума ведь можно сойти, честное слово.

— Я возьму себе на заметку и обсужу с Мельсином. Возможно, он что-нибудь придумает.

— А какой он? Мне немного страшновато с ним встречаться.

В это время дверь распахнулась и вбежала Лина с Мелким. Реммир, не выпуская из своих объятий развернул меня к двери.

— Ма! — громко закричала она — Я хотела Игнату помочь по-ку-ме-кать — старательно выговаривала она новое слово — А он ругается, говорит, иди своими делами занимайся. У меня и дел-то никаких нету. Что мне делать-то? — она недоуменно развела руками.

Я чуть склонила голову, глядя на них

— Кстати, что-то я Хила давно не видела. А ты Лина, когда последний раз его видела?

Она подняла глаза наверх, пытаясь вспомнить, затем посмотрела на меня и закрыла рот ладошкой:

— Потерялся — потрясенно выдохнула она.

Развернулась и с криками: «Марк, Марк. Хилый потерялся!», — выбежала из спальни.

Я задумчиво сказала:

— Все-таки что-то нужно будет здесь переделать. Замочек, наверное, на дверь придется поставить.

Я чувствовала, что плечи у Реммира начали трястись, пытаюсь удержаться от смеха. Удержаться не смог и спальню огласил его громкий смех. Я тоже не смогла удержаться.

— А ты говоришь валяться в кровати. Да они через пару дней дом по бревнышку разберут. Пора и мне делом каким-нибудь заняться.

— Вот и займись, раз так. Можешь делать все, что душе заблагорассудится — направляясь к ванной.

— Все-все? Вот это здорово! — обрадовалась я.

Я начала быстро приводить себя в порядок.

Реммир остановился на полпути, поднял брови и сказал чуть задумчиво:

— Это я зря, наверное, да? Дом хоть на месте останется?

Я шутливо поклонилась:

— Не сомневайся, барин, все будет в лучшем виде — и быстро пошла к двери.

На пороге обернулась и послала ему воздушный поцелуй. Он улыбался, глядя на меня. Ох, нравится он мне.

— Встретимся за обедом — только и успел крикнуть мне, когда и мой след уже простыл.

И за что теперь хвататься? Наверное, об одежде нужно подумать, ведь дороги не избежать. Поэтому, для начала нашла Люсю. Та была какая-то растерянная.

— Знаешь, что-то волнуюсь я. Жила — не тужила, а тут переезд предстоит. Где жить будем? А как нас примут на новом месте? Смогу ли я там?

Я приобняла её за плечи.

— Это нервы. Столько событий в дороге произошло, меня до сих пор потряхивает, как

вспомню. Все будет хорошо. Ты бы знала, как я волнуюсь. Я вообще ничего здесь не знаю и мне без вас не справиться.

Люся посмотрела на меня

— Ну что бы со мной было, не встретить я вас с Игнатом? Он ведь понимает меня как никто другой. Правда- правда.

Я вздохнула

— Ты бы знала, как мне иногда тяжело бывает. Ты хоть у себя дома, а я как подумаю, что никогда не вернусь, хоть вой.

Люся опустила голову и тихо сказала:

— Ты уж извини, Рита. Что-то я совсем расклеилась. Тебе столько испытаний выпало, а я ною.

Она улыбнулась.

— А что может спасти двух женщин от дурных мыслей?

Я подняла брови, смотря на Люсю. Она чуть склонила голову набок, с интересом слушая продолжения.

— Только примерка новых платьев. Поэтому, вперед и с песней — аккуратно за талию подталкивая ее к выходу.

Три дня мы с Люсей провозились, подбирая одежду в дорогу. Люся шипела на меня, призывая к благоразумию, я отчаянно переругивалась в ответ, объясняя, что в той одежде, что она предлагает, невозможно ехать в дороге. Как взбираться на шавалов? Драться и убегать от врагов? Люся закатывала глаза, обращаясь к Хранительнице:

— Угомони ты эту иноземку. Ходит как ваарец в портках.

— С кем ты еще собралась драться-то, неугомонная ты моя? — переведя взгляд на меня.

Я сложила руки на груди в невинном жесте:

— Люся, что ты наговариваешь, честное слово. Я вообще ни с кем не собира... — и замолчала, глядя как Люся закрывает рот ладонью, пытаясь справиться с тошнотой. Я скинула ткани с колен, бросаясь к ней. Она судорожно вздохнула, глубоко вдыхая полной грудью.

— Люся, что случилось? — спросила я встревоженно.

Она подняла на меня глаза:

— Началось после того, как тебя отравили. Наверное, в мою порцию немного попало. Только я тебя прошу, не говори Игнату, пожалуйста — она умоляюще смотрела на меня — Во-первых, немного совсем попало, во-вторых — он сейчас меня уложит в кровать на несколько дней, а уж получу за то, что не сказала! — она махнула рукой.

Я гневно сложила руки на груди:

— С ума сошла совсем? Почему не сказала? Ладно, я иноземка, ничего в этой отраве не понимаю. Но ты-то понимаешь последствия?

Мой голос начал повышаться.

— Если я сейчас ничего не скажу и с тобой что-нибудь случится, меня же Игнат живьем сожрет, не понимаешь ты, что ли? — оказывается, я уже кричала — Он же любит тебя, а ты меня в сообщники записываешь.

Я глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки. В это время по коридору застучала деревяшка, дверь открылась и в нее вошел Игнат:

— Ты чего орешь как оглашенная, Рита? Случилось чего?

Я мельком взглянула на Люсю, она сидела, опустив голову.

— Ничего — буркнула я — Фасон платья вон обсуждаем, да во мнениях не сошлись. Да, Люся?

И не дожидаясь ответа, вышла из комнаты. Во мне все кипело. Я тоже молодец, сразу не сказала Игнату. Теперь придется молчать как партизан. Придется поделиться с ней отваром и кислой водой, но так чтобы Игнат не видел.

Вечером Реммир сообщил, что через три дня выезжаем на рассвете. Я даже расстроилась немного. Мне здесь понравилось и уютно как-то. А что там впереди? Неизвестность, которая всегда пугает.

Да и в дороге бы ничего не случилось, мне приключений хватит на всю жизнь. Или не хватит?

В день отправления я проснулась очень рано, Реммир еще спал. Я тихонько выскользнула из постели, подошла к окну, открыв створки. С удовольствием вдохнула свежий воздух, смешанный с ароматами множества цветов и потянулась всем телом. Свежий ветер, ворвавшийся в комнату, лениво поигрывал подолом моей тоненькой прозрачной сорочки. Я облокотилась о подоконник двумя руками, чуть подавшись вперед, рассматривая и запоминая вид из окна. Придется ли еще раз сюда вернуться? Я медленно осматривала двор, растения, вдыхая воздух, пока не заметила какое-то шевеление под окном.

Опустила голову и увидела Игната. Тот метался по двору, молча заламывая руки, вдруг останавливаясь, взлохмачивая свою шевелюру. Почему он так себя ведет? Что-то случилось? С кем? С детьми? С Люсей? Ну конечно же с Люсей. Дура я, дура. Почему сразу не сказала ему про отравление? Я схватила халат, надевая его на ходу, выбегая из комнаты.

Я выбежала на улицу, отыскивая Игната взглядом. Он стоял возле большого куста и что-то бормотал.

— Что, Игнат. Что?

Я в отчаянии схватила его за рукав. Он перевел на меня растерянный взгляд, бормоча:

— Как же так-то, а? Я же... Вроде и... С другой стороны конечно... так-то, если подумать... А Люся как же...

Я схватила его за грудки и встряхнула:

— Игнат, что случилось? С Люсей что-то?

— А? Да-да с Люсей. С кем же еще-то? Больше и не было...

— Живая? — выдохнула я.

— А? Да-да — Игнат перевел взгляд в сторону, что-то бормоча, пожимая плечами и разводя руками.

Я, пытаясь воззвать к его благоразумию, хватала его за руки, поворачивая к себе и пытаясь разобраться в его бессвязной речи. Наконец, мне это надоело, я ударила его по щеке. Он в оторопении остановился, потирая щёку:

— Обалдела совсем, Рита? У меня, можно сказать, проблемы, а ты меня лупишь. Может, и не проблема, конечно — начал опять бормотать он, переводя взгляд.

Э, нет. Так дело не пойдет. Я резко повернула его к себе:

— Рассказывай!

Он постоял несколько секунд, собираясь с духом и начал:

— Встал я, значит, в уборную. И ничего не предвещало, как говорится. А как увидел, так и растерялся — он умоляюще смотрел на меня.

— Да что увидел-то?!

— Так кольцо, Рита, кольцо. Еще только-только конечно. Но как такое может быть-то, а?

Да что же такое-то? Какое кольцо, черт его побери? Что, предмет мужской гордости в кольцо скрутился что-ли? И узлом завязался? Ничего не понимаю.

Я в недоумении стояла, хлопая глазами, пока не услышала покашливание сверху. Подняла голову. Из окна на нас смотрел Реммир.

Его губы были сжаты, глаза прищурены. Это он чего? Подозревает меня? Нас с Игнатом???

Тут Игнат поднял голову к Реммиру и сказал:

— Кольцо у меня, понимаешь — а я вот растерялся — он развел руками в стороны.

Реммир несколько секунд еще смотрел на нас, пока его лицо не разгладилось и на нем появилась улыбка. Чего это он улыбается? Реммир вышел на улицу, подошел к Игнату и с улыбкой пожал ему руку:

— Поздравляю!

Я переводила взгляд с Реммира на Игната, все еще пытаюсь понять, что происходит.

Игнат посмотрел на меня:

— Кольцо, Рита. Ты еще ржала как конь, когда я тебе рассказывал. Ребенок, понимаешь, у нас будет.

Аааа. Вон чего. Ну теперь понятно, почему Люсю тошнит. Она-то думает на отраву, оказывается причина совсем в другом. Я облегченно выдохнула.

— И чего панику наводишь? Я уж думала случилось чего.

— Так ведь не ожидал как-то. В моем-то возрасте. Хотя, конечно, здесь возраст совсем другой, как-то не подумал я об этом сразу. Сколько годов вместе, а тут раз и на тебе. Когда не ждали. А Люся-то как отнесется?

— Она еще не знает?

— Так не обратила внимание, наверное. Не ждали ведь, как говорится. А я... Пойду, наверное, да? Вас вон всполошил и... — бормоча, пошел в сторону дома.

Реммир подошел ко мне сзади и обнял двумя руками:

— Благословила его Хранительница — выдохнул он — После столько лет взяла и благословила. А то, что так ведет себя, у меня так же было. И не страшно вроде, а где-то внутри все трясётся. Это ведь ответственность, Рита.

Вот блин, трясётся у них внутри. Я от беспокойства чуть с ума не сошла, а этот...

Я глубоко вздохнула, пытаюсь обрести душевное равновесие, когда прозвучал громкий утробный звук.

Значит, пора собираться в дорогу. В окнах начали зажигаться огоньки, дом начал потихоньку оживать, слышались последние указания. Во двор стали выходить слуги, вынося вещи в дорогу.

Ой, а я так и стою в халате. Неудобно-то как. Повернула голову к Реммиру. Он смотрел на меня с легкой улыбкой, затем чмокнул в нос и мягко подтолкнул в сторону дома.

Все собирались слаженно и молчаливо. Ребятам-то не впервой, я же немного нервничала. Когда рассаживались на шавалов, я повернулась к Реммиру:

— Где Хил и Мелкий?

— Они догонят — коротко ответил он и дал указание двигаться в путь.

Всякая дорога утомляет от монотонной езды. Поначалу мы еще поддерживали разговор, а к вечеру и разговоры свелись на нет.

Реммир дал указание остановиться на ночевку. Дети, поев, сразу легли спать. Люся, выкроив момент, подседа ко мне:

— Рита — шепотом начала она — Ты Игнату сказала что ли про яд? Обещала же смолчать, он теперь не разговаривает со мной и не смотрит. Обнимет только, прижмет и молча отпускает. Мне теперь как перед ним оправдываться-то? Доверяла тебе, а ты...

Я молча повернула к ней голову:

— Ты еще не знаешь — констатировала я, слегка мотнув головой.

Как тут у них делается-то, можно говорить или нет? А я иноземка, правил не знаю.

— Так это он должен перед тобой оправдываться, Люся.

Она удивленно открыла глаза, затем медленно прищурила их:

— Неужто изменил? — она медленно опустила глаза к земле.

— Сдурела? Какой там изменил? С кем здесь можно? — я обвела рукой на присутствующих.

— На руки лучше посмотри — и отвернулась.

Тишина. Повернула голову на Люсю, та сидела и смотрела на свои ладони в недоумении.

— Выше смотри — буркнула я и снова отвернулась.

Снова тишина. И через некоторое время приглушенный вскрик. Люся сидела, подняв брови с легкой улыбкой на устах.

— Так это чего, Рита? Он из-за этого такой, что-ли?

— Ну да. Возраст говорит, и ты как воспримешь. Боится. — пожала я плечами.

Она медленно встала, отыскивая Игната взглядом. Тот сидел с закрытыми глазами, уже отстегнув свою культю, облокотившись о дерево.

— Где ты, любовь моя одноногая? — пропела она ласковым голосом и решительным шагом пошла к нему.

Игнат встрепенулся, открыл глаза. Люся подошла к нему, сложила руки на груди:

— И когда ты собирался мне сказать? А, супруг мой единственный? Один тут сидишь, радуешься? Или что?

Игнат хлопал глазами, до него начало доходить понимание. Он, двумя руками держась за дерево, встал.

— Знаешь, да? Так ведь неожиданно как-то, вроде. Растерялся понимаешь.

Люся же тем временем взяла в руку лежащую рядом культю и огрела его:

— Нас Хранительница благословила, а я последняя об этом узнаю, да?

Все столичные ребята повернули голову в их сторону, с интересом прислушиваясь к разговору.

— Так ты не против, Люсенька? Я ведь подумал, может ты расстроишься. Бабушкой ведь скоро станешь, а тут на тебе.

Люся прищурилась:

— Неужели я за полоумного замуж-то вышла? Вроде сначала нормальным прикидывался — она повернулась в мою сторону.

Я только пожала плечами.

Она молча огрела Игната еще раз.

— Так что же, Люсетта моя — Игнат всматривался в лицо своей супруги — Это, получается, все хорошо у нас, да?

Люся стояла, опустив голову.

— Дитёнок у нас будет, да Люсенька?»

Та кивнула головой и из ее глаз потекли слезы. Игнат подскочил с Люсе, крепко обняв ее. Загалдели столичные. Народ начал вставать и поздравлять, хлопая Игната по плечам:

— Молодец!

— Могёшь еще.

Я облегченно выдохнула. Все решилось мирным путем и без кровопролития. Вот и хорошо, вот и славненько. Спать, спать. Утро вечера мудренее.

Утром дозорные принесли весть о появлении еще одной «попаданке».

Все встрепнулись. Реммир внутренне подобрался, стал сосредоточенным. Между столичными послышались шутки:

— Так у нас только Ольгерд еще свободный.

— Если такая красавица, как Рита, не упускай уж своего счастья-то.

— Еще не известно, с какой планеты, может у нее две головы, пять глаз — послышался смех.

Староста доставит её ближе к обеду. Все чего-то засуетились. Я подошла к Реммиру:

— Наследница?

— Может быть. Всех в столицу нужно доставить.

Он обнял меня, поцеловал в щеку и его взгляд застыл где-то за мной. Я повернулась и открыла рот. Ко мне шло большое мощное животное, именуемое Мелким. Но что с ним? Он неспешно подошел ко мне. Чтобы посмотреть в его глаза, мне пришлось поднимать голову. Когда он так вырос?

— Мелкий, ты ли это?

Он наклонил голову и лизнул меня своим шершавым языком в щеку. Моя рука едва доставала, чтобы погладить его спину.

— А где Хил? — спросила я его

Тут его шерсть на загривке раздвинулась и оттуда выглянула морда Хила.

С криками подбежали дети:

— Ой, Мелкий, какой ты большой.

— Покатай, покатай.

Мелкий подогнул задние лапы, неуклюже сев на них. Дети с криками взобрались к нему на спину. Я погрозила пальцем:

— Осторожно и недалеко от меня. Хил, контролируй.

И они неспешной походкой пошли. Хил на шее, дети на спине. И совершенно я не беспокоюсь. Я временами поглядывала за ними. Дети сидели, вцепившись за шерсть и радостно смеялись. Когда им надоело просто ходить, Мелкий начал скакать из стороны в сторону, на секунду останавливаясь и снова скачок. Хил угрожающе зарычал. Мелкий повернул голову назад, шумнул выдыхая через свой большой нос и муркнул, принимая замечание Хила. Я улыбнулась.

Заметила, как Ольгерд прихорашивается. Он умылся, переделся в чистую рубаху,

пригладила волосы. Я посмотрела на Реммира, мотнув головой в сторону юного бойца. Реммир улыбнулся, понимающе кивнув.

В обед появилась большая делегация. Впереди шли коренастые мужики во главе со своим старостой. Поздоровались с Реммиром и завели разговор.

— Реммир дер Леммин, нас известили, что вы занимаетесь розыском и доставкой в столицу всех переброшенок. Есть у нас такая, давеча появилась — он закашлялся — Отправить её одну сил не представляется, а тут как раз и вы — он замолчал — Её сейчас доставят сюда. Вы уж ее, как говорится, заберите, да доставьте куда следует, а то...

Послышался шум, и все повернули головы. Ольгерд всматривался вдаль, пытаясь рассмотреть «переброшенку». Он в нетерпении переступал с ноги на ногу, уже в мыслях встречаясь со своей красавицей. А я вот успела рассмотреть и теперь сидела, открыв рот.

К нам на нетвердых ногах, поддерживаемая одним из сопровождающих, двигалась очень загадочная личность. В шерстяной кофте, сползающей с плечей, в длинной грязной цветастой юбке, где местами выглядывали дыры, на руках перчатки с обрезанными пальцами. На голове вязаная шапчонка, из-под которой выглядывали грязные пакли волос. Сколько же ей лет? Я бы сказала: от тридцати до пятидесяти. Точную дату сможет сказать только она сама, если вспомнит, конечно.

Она окинула всех нетрезвым взглядом, раскинула руками и прохрипела:

— Мальчики — улыбаясь щербатой улыбкой, затем вытянула губы трубочкой и потянулась к близстоящему мужичонке для поцелуя. Все успели заметить, что впереди не хватало двух зубов.

Я окинула всех взглядом. Все застыли. Даже Мелкий застыл в движении с поднятой лапой.

Староста смущенно проговорил:

— Залезла в погреб и вылакала все наше вино, зараза. За что такое наказание, а? Заберите вы её, Хранительницы ради, а? Отволоките куды подальше от моего селения. Сил уже нет ее терпеть, честное слово! — умоляюще сказал он, зыркнув в сторону «красавицы».

Все, не могу больше терпеть, меня сейчас разорвет от смеха. И я засмеялась громко:

— Ой, блин, Ольгерд то себе красавицу нашел — показывая на его растерянное лицо.

Мой смех подхватили все столичные. Хохот стоял на всю поляну. Я согнулась пополам, пытаюсь справиться с дыханием.

Новоявленная «красавица» тоже улыбалась, не понимая, что происходит. А что? Не гонят же вилами и слава Богу, правда?

Ольгерд, красный от смущения, тихонько пятился, бормоча:

— Лучше бы с двумя головами была.

Под общий шумок староста ушел со счастливой улыбкой на лице. У его сопровождающих было похожее выражение лиц.

Реммир усадил дамочку возле костра и начал опрашивать. Выяснилось, что она землянка и зовут ее Людмила Тихоновна Кукушкина. После вопроса о родителях, жалобно сморщила нос, утирая его грязной перчаткой

— Так помёрли уже. Сирота я сиротинушка — запричитала Кукушкина, с горечью выдыхая перегаром — Выпить не найдется, начальник? Встречу-то отпраздновать нужно — с надеждой в глазах сказала она.

Реммир смотрел на нее с безразличным выражением на лице, но воспитание не позволило ему ответить грубо.

— Вы вообще поняли, что произошло? Нет?

Он вздохнул.

— А так, ничего необычного за собой не замечали? Ну там, сильно что-нибудь захотели, а оно раз и исполнилось. Или рукой взмахнули недруги и отлетели?

— Точно, начальник! — она хлопнула ладонью по коленке — Я ведь как сказала, что Петруха моим будет, так и случилось. А уж руками то я махать умею, не сомневайся — сказала она, трясая грязным кулаком перед лицом Реммира.

Тот поднял брови и повернул голову в мою сторону. Я пожала плечами. Думай, мол, сам.

До вечера она истрепала всем нервы, ребята уже от нее шарахались, а та все не унималась и искала мужского общества. Увидев Мелкого, остановилась как вкопанная, тыча в него пальцем:

— О-о-о-о-о, ни хрена себе! Это, чё, белка ко мне пришла?

Увидев детей, заулыбалась, и ринулась к ним, сюсюкая, но была остановлена грозным рыком Мелкого. Хилл грациозно спрыгнул с холки Мелкого и медленно двинулся к Кукушкиной, отсекая ей путь к детям. Его пасть была открыта, открывая на обозрение острые зубы. Та понятливо подняла руки, делая шаг назад.

Даже представить не могу, как с ней до столицы ехать. Кто ж его знает, может действительно наследница? Потрепанная, пропитая, но наследница?

Вечером, когда мы уже легли спать и дети уснули, послышался шум и полилась песня пьяным голосом:

«На речке, на речке

На том бережочке,

Мыла Марусенька

Белые ножки»

Милад подошел к Реммиру:

— Эта зараза нашу заначку нашла и выпила.

Пьяный голос все приближался к нам. Лина вскочила, хлопая сонными глазами, и испуганно спросила, озираясь:

— Дикие?

Я обняла её, приговаривая тихим голосом. Реммир нахмурился, затем решительно встал, подошел к своей дорожной сумке, что-то доставая из нее. Затем подошел к пьяной Кукушкиной, схватил ее за шиворот левой рукой, правой вскидывая руку, открывая портал. Швырнул туда Кукушкину и шагнул в него сам. Наступила благословенная тишина, со всех сторон облегченный выдох.

Спустя несколько мгновений Реммир вышел обратно. Брезгливо встряхивая рукой.

— Спать — коротко приказал он.

А долго просить и не нужно было.

На следующий день мы тронулись в путь. Наш путь пролегал через бесконечный лес. Мои животные бежали рядом, периодически ныряя в густую чащу. От мерных покачивания шавала, я задремала в руках своего мужчины. Своего? Ничего себе. И не мужчины, а ваарца, когда он спросил:

— Рита, позволь задать тебе вопрос?

— М? — открывая глаза — Конечно, спрашивай.

— Когда ты бредила, называла имена, и одно из них Ромка, вроде. Кто он для тебя?

Я устроила голову поудобнее на его плече и начала рассказ.

— Брат, друг. Начну, пожалуй, с самого начала.

В общем, все что помнила о своем детстве, наших проделках с Алькой и Ромкой, переживания и трудностях. О дружбе, длиною в жизнь. Про маму Еву, с особенной теплотой и, даже Семёныче. Долго длился рассказ, начало вечереть, когда к нам подъехал *Ижак*.

— Реммир, там что-то непонятное.

Реммир пришпорил шавала, мы выехали из леса на поляну, останавливаясь, в недоумении разглядывая открывшуюся картину. Он спрыгнул на землю, поднимая руку, останавливая нас, и пошел вперед.

На нашем пути была огромная стена из растений и их мощных корней, уходящих куда-то вверх. Крупные корни, переплелись друг с другом, не оставляя и просвета. А по ним, словно слезы, стекала черная смола.

Я повернула голову налево — эта стена уходила в бесконечность, направо — тот же результат. И начало стремительно темнеть, как будто разом погасли все звезды.

Ребята хотели подъехать ближе, но тут заупрямились шавалы. Они остановились в десяти метрах от стены и не желали двигаться с места, упираясь лапами о землю, фыркая и рывкая. Вот вам и боевые животные, блин. Все спешили, подходя к стене.

— Не понимаю, мы здесь ездили не один раз, и ничего подобного не было — озабоченно сказал Реммир.

Трое ребят попробовали мечами прорубить проход, но как только они приступили, раздался тихий гул и на поверхности стены во множественных местах, появилась черная смола. Она стекала как слезы крупными каплями, оставляя за собой черные следы.

— Нужно осмотреться. Принесите огонь — распорядился он.

— Не получится, Реммир. Пока мы на стену любовались, шавалы исчезли, там наши сумки, ну и огонь, естественно.

Реммир скрипнул зубами:

— Так по-глупому подставиться.

Чтобы осмотреть препятствие, начали использовать Силу. Песок подбрасывали вверх, он загорался сотнями огоньков и тихо затухал. В другое время я бы залюбовалась этой картиной, напоминающей фейерверки, если бы не услышала:

— Сила заканчивается.

Повисла напряженная тишина.

Тут я заметила движение слева и повернула голову, пытаясь разглядеть. Это Мелкий с Хилом шли вдоль стены, обследуя ее. Странно, почему мои животные не побоялись подойти к стене? Возможно, из-за того, что это создания самой Хранительницы и всякая нечисть им не страшна?

— Ребята, а можно из Силы реальный огонь добыть? — спросила я.

В моей голове начал вырисовываться план.

— Давайте попробуем, что стоять без дела. Мы сейчас вообще без света останемся.

Подобрала с земли толстую палку, обмотала ее куском ткани, подошла к стене, и окунула ее в смолу, накручивая ее на ткань. Повернулась к ребятам.

Милад подошел ко мне.

— Так. И что теперь делать? Просто раздавить?

— Дави — сказала я, подставляя палку.

У него на руке появился голубой огонёк, который лениво лизал смолу, не желая зажигать его, затем погас.

— Еще раз!

— Рита, осталось всего три.

Я закрыла глаза, пытаюсь справиться с отчаянием.

— Еще раз!

Вторая попытка тоже не увенчалась успехом. Осталось две. Вокруг стояла непроглядная темень, я только чувствовала, как ко мне прижимаются дети. Думай же, думай. Другого источника света у нас нет. Последняя попытка.

— Милад, попробуй по-другому: возьми их в руки и стучи друг об друга, как будто высекаешь искру. Только не раздави в своих ручищах.

Тот кивнул, осторожно беря капсулки в свои большие руки, только ничего не получалось. Капсулки были маленькие, и он только стучался пальцами друг об друга. Меня дернули за подол рубашки:

— Рита, давай я попробую — раздался голос Марка.

А пусть попробует, у него- то руки поменьше. Марк аккуратно взял их в руки и начал аккуратно отстукивать. Ничего не получалось. Марк не останавливался и видимо начинал злиться, так как его движения становились резкими. Внезапно выскочила большая искра и перекинулась на мой факел. Все облегченно выдохнули. Я подняла руку вверх, чтобы осветить как можно большее пространство. Ребята кинулись делать еще факелы. Так мы и передавали огонь от факела к факелу, рассматривая стену. Ребята пытались взобраться на нее, но стена вдруг зашевелилась, выпуская смолу, и ребята в бесплодной попытке скатывались обратно.

Внезапно Мелкий подошел к стене, задрал голову вверх, выпустил свои длинные когти и полез. Я прямо натурально обалдела. Стояла, смотрела с приоткрытым ртом. Он вернулся через несколько минут, отряхивая с шерсти обрывки листьев и мелкие веточки. Затем подошел ко мне, мотнув головой себе на спину. Я подняла брови. Он собирается меня перенести? А как же остальные?

— Мелкий, а как же остальные? Меня с детьми? И что я там одна делать-то буду?

Я приблизилась к его уху и шепотом добавила:

— Мне одной как-то жутко. Да и вообще...

Он широко открыл глаза, хлопая ими. Затем обвел взглядом всю нашу компанию, и у меня появилось ощущение, что он нахмурился. Затем решительно фыркнул и снова мотнул головой себе на спину. Первыми села я с Линой, Хил на загривке. Все- таки, какая-никакая, а защита.

Реммир подошел, смотря мне в лицо:

— Держись крепче — и отошел.

Беспокоится. Приятно-то как.

Мелкий полез практически вертикально и нам пришлось лечь на его спину, вцепившись в шерсть. Я всем телом чувствовала, как перекачиваются его мышцы.

Наконец мы достигли вершины и оказались на склоне, поросшей травой горы. На небе сверкали звезды и слабо освещали представшую картину. Мы спрыгнули со спины Мелкого и он, встряхнувшись, развернулся и умчался в темноту. Втроем мы прошли чуть подалее, разглядывая спуск. Вниз вела тропинка, значит, проблем со спуском не будет. Дождёмся

остальных.

Показался Мелкий, на его спине сидел Марк и Люся. Следующими Игнат и Ольгерд. Я обеспокоенно смотрела на Мелкого, хватит ли у него сил. Но он, не обращая на меня никакого внимания, мотался туда-обратно. Вновь прибывших все прибавлялось. Последним был Реммир.

— Ну что, вниз? — спросил он, увидев тропинку.

В конце спуска мы оказались на ровной земле. В прямом смысле этого слова. Ни леса, ни ручьев.

— Нужно идти. Здесь оставаться смысла нет, может, найдем место для ночлежки — Реммир смотрел на меня с детьми. Я кивнула. Позвала Мелкого. Тот подошел, шумно дыша, вывалив язык.

— Мелкий, нужно идти дальше. Дети устали. Пожалуйста, пусть на тебе едут, а? Хотя бы Лина. Я понимаю, что ты устал и...

Мелкий замурчал, подходя к детям, лег на землю, подставляя спину.

Сколько шли, не знаю. Я переставляла ноги автоматически, не думая куда ставлю их. Благо, что теперь звезды освещали наш путь. Дети спали на спине Мелкого. Люсе пришлось тяжелее всех. Она останавливалась, восстанавливая дыхание и унимая тошноту. Игнат, конечно, был рядом, но сдаётся мне, что и ему пришлось не сладко. Он останавливался вместе с ней, придерживая любимую за локоть, но я видела, как он с облегчением переносил вес на целую ногу. А когда они подошли ближе, увидела проступившую кровь на его штанине. Наверное, деревяшка натерла, он давно её не снимал, давая отдых своей культе, а теперь идет, поджимая губы.

Впереди послушался небольшой шум. Лес.

Я прямо представила, как бухнусь в сочную траву и усну.

Не тут-то было. Да, лес, но лес Хранительницы, куда ваарцам и животным вход запрещен. А вокруг всё та же пустошь. И я мысленно застонала.

— Останавливаемся — послышался голос Реммира.

— Дальше идти смысла нет. К лесу не приближаться.

Ох, сейчас бы искупаться в прохладной водице и обсушиться возле костра, в предвкушении, когда сварится ароматная похлебка. Я сглотнула слюну. На все это рассчитывать не приходится. Наши сумки остались на шавалах, только несколько ребят ехали с дорожными сумками наперевес с ними же и спешили. Хорошо, что с оружием они никогда не расстаются. Ни еды, ни воды, ни огня. Таков печальный результат нашего вечера.

Игнат сел на землю и со стоном отстегнул свою деревяшку, массируя культю. Люся с облегчением легла рядом, раскинув руки.

Мелкий бухнулся на землю, вывалив сухой язык. Дети зашевелились, Лина открыла глаза, сползая с Мелкого:

— Рита, есть хочу.

— И пить — буркнул Марк, догадываясь, что сегодня они не получают ни того, ни другого.

— Ребята, нужно потерпеть.

Я обняла Лину и поцеловала ее в щеку, затем приобняла Марка. Что такое? От него повеяло жаром. Я прижалась губами ко лбу. Горячий. Марк вяло отодвинулся от меня,

закрывая глаза. Что же делать? С собой ни трав, ни воды. Я повернулась к Реммиру:

— Марк заболел.

Он молча смотрел на меня. Затем обвел взглядом нашу компанию, отвел глаза в сторону, пытаясь всмотреться в темную даль. Я чувствовала, что он растерян.

— Так, я ложусь с детьми.

Легко сказать — ложусь. Ни одеял, ни сочной мягкой травы под ногами. Только черная потресканная земля с проплешинами пожухлой травы.

— Хил, ты где?

Из-за Мелкого выглянула его морда.

— Ложись с этой стороны, дети между вами. Вдруг ночь холодная будет, да и защита не помешает.

Он кивнул.

Я легла рядом, подложив руку под голову. Реммир обошел своих ребят, дав указания и лег рядом со мной, обняв одной рукой.

И я погрузилась в тревожный сон.

Марк бредил полночи. Он стонал, мотая головой из стороны в сторону, облизывал сухие губы, отталкивая мои руки. Жар усилился. Не знаю, сколько раз я вскакивала на его стоны, может каждый час, может каждые пять минут. Ночь смешала мою усталость, мои страхи за ребенка, моё отчаяние, моё бессилие и я заплакала. Беззвучно, без истерики. Слезы просто текли из моих глаз, не останавливаясь. Не знаю сколько так сидела, пока не услышала еле уловимый шум ручья. Я подняла голову, пытаюсь услышать этот звук еще раз. Да и ручей ли это? Может у меня галлюцинации на нервной почве?

Да нет, вроде, я слышу шум воды. Откуда? Начала озираться, пытаюсь определить направление. Что такое? Из леса виднелось какое-то свечение. Я осторожно встала и тихо двинулась в сторону леса. Шаг, еще шаг. Мне ведь нельзя туда, я могу погибнуть. Но ноги сами вели меня к лесу. Шум воды усилился, свечение манило разнообразными переливающимися красками. Идти? Страшно. Да я только водички возьму и сразу обратно, авось пронесет и, едва подняла ногу перешагнуть невидимую черту, услышала тихий смех.

А? Что-то смех знакомый. Пока я силилась вспомнить, где я его слышала, тело продолжило траекторию движения и наполовину вошла в лес.

— Рита-а-а-а! — это отчаянный громкий голос Реммира всколыхнул ночную тишину и меня поглотил лес.

Здесь густая сочная трава, деревья слегка шумели своими кронами и отовсюду шло теплое, приятное свечение. И ничего страшного вроде. А где ручей-то? Я пошла на звук. Вот он родимый. Он начинался откуда-то из земли, образовывая небольшую заводь, и исчезал в земле, среди густой травы. Я села на колени и, набрав воду в обе ладони, с наслаждением напилась. Чистая, холодная с легким привкусом лесных трав. Вкусная! А во что мне её набрать-то? Не в ладонях же нести и слышала покашливание.

Резко обернулась и от неожиданности села на свою пятую точку. Передо мной стояла та самая красивая женщина, которую я уже имела честь видеть целых три раза. Сегодня её лицо было спокойным и добрым, как в первый раз. Её волосы были распущены и в них вплетены маленькие перламутровые цветочки. Длинное воздушное золотистое платье спокойно облегалo её фигуру.

Красивая, подумала я, любуясь ее плавными движениями и улыбкой. Эй, подождите! Это я опять что ли, представилась? Нет-нет, я не хочу умирать. Мне просто нельзя! мысли метались в моей голове раненой птицей, когда она подняла руку.

«Не умерла», пронеслось у меня в голове.

Я и забыла, что мы мысленно общаемся. Она плавно подошла ко мне:

«Вставай»

«Я смогу отсюда уйти?»

«Конечно. Но чуть позже»

Это хорошо.

«А...»

«Да помолчи ты, неугомонная. Мне нужно кое-что дать тебе, иначе ты не сможешь...», она немного помялась.

«Дай свою руку», сказала она, протягивая свою.

Я без страха протянула правую руку и наши пальцы соприкоснулись. И что? Я с недоумением переводила взгляд с рук на неё и обратно.

С её руки на мою начал перемещаться свет. Он мерцал, переливаясь перламутром, и поднимался все выше и выше по моей руке. Я прислушалась к своим ощущениям. Совсем не больно, и я расслабилась. Почувствовала приятную легкость во всем теле, какая-то радость, свобода. Мои глаза закрылись в сладкой неге. Ой, как хорошо! Было ощущение полета.

«Этого хватит», услышала я её голос издали.

«Полежи пока, а я соберу тебе в дорогу кое-чего»

«Ага», сквозь дремоту подумала я.

«И воды, побольше. И еды. И лекарство, и...», и уснула.

Проснулась, как от толчка. Сидела, в недоумении оглядываясь. Никого. Рядом стоял большой бочонок с водой и огромные плетеные корзины с едой. Я заглянула туда, сглатывая слюну. Фрукты, овощи. Вяленое мясо с тонкими прожилками жирка, так и хотелось схватить его и проглотить. И хлеб, такой хрустящий и теплый. Вот сейчас разломлю его и вгрызусь в его теплую мякоть. Мне стало стыдно, там дети голодные, а я собираюсь одиночно налопаться. Желудок отозвался недовольным урчанием. Я встала и попробовала поднять корзину. Куда там, тяжеленная. Значит волоком по земле. И стала подтягивать их к границе леса.

«И еще», послышался голос.

Я повернулась. Женщина бросила мне тканый мешочек. Там оказались капсулки Силы.

«И про меня ни слова», она молча подняла брови.

Я кивнула. Я осмотрела свою добычу и подняла взгляд на нее: «А можно мне еще котелок какой. Готовить ведь не в чем. Ничего не осталось».

Она улыбнулась губами и чуть наклонила голову набок: «Наглая».

«Нет, если нельзя, значит нельзя. Извините», зачастила я, оправдываясь, прикладывая руки к груди.

«Иди», коротко сказала она.

Я стала вытаскивать корзины то, перекачивая их, то толкая впереди, то таща задом. Устала порядком, лоб покрылся потом. Вроде все вынесла. Распрямила спину, утирая пот и заметила, что лес больше не светился, а стал темным. Я повернулась в темноту, пытаюсь рассмотреть свой лагерь, когда мне об ногу что-то ударило. Я отскочила, шипя и потирая ногу, и увидела большой котелок. «Что же нельзя было по-человечески его дать?»

Обязательно швыряться», сначала разозлилась я. Просила ведь, получи и распишись. «Спасибо», прошептала я губами в сторону леса.

Так и не спросила, как её зовут, с сожалением подумала я и увидела с самого краю сухое поваленное дерево. И его прихвачу, пыхтела я, оттаскивая дерево подальше.

«Зачем оно тебе — все равно уже погибло, а нам пригодится. Ну что это за костер без дымка, потрескивания угольков. Да и просто, погреться бы» — приговаривала я, с усилием оттаскивая его подальше. И услышала тихий женский и мужской смех.

А?

Женщина стояла посередине поляны, сложив руки на груди, и с улыбкой смотрела на девушку.

— Подстраховалась? — раздалось сверху.

Женщина кивнула:

— Иначе Сила в полной мощи поглотит её при воссоединении. Кому я объясняю, спрашивается — ворчливо сказала она, поднимая глаза кверху.

Раздался смех.

— И что это за мода, спрашивается, наследников через испытания приводить. Придумал тоже — ворчливо сказала она.

— А как же? Так положено. Должны быть сильны духом, иначе быть беде. Будут в них сомневаться — начнут сомневаться и в Нас.

— Хотя, кому я это объясняю? — ехидно спросил голос.

Женщина улыбнулась.

— И спасибо, что сохранил её там, у себя.

Голос хмыкнул.

— Конечно, можно было бы начать все сначала. Но именно этот мир мне дорог, ведь это моё первое творение.

Снова понимающе хмыкнули.

— Да и нравится она мне — женщина смотрела на корячущуюся девушку с улыбкой.

Когда девушка стащила из леса бревно, раздался общий смех.

— Ну ладно, пойду я. У меня еще дел невпроворот — мужской голос стал отдаляться.

Женщина осталась на месте, наблюдая за разворачивающейся картиной. Затем чуть прищурила глаза и хмыкнула. Подняла правую руку, поигрывая пальцами, словно принимая решение, и щелкнула пальцами.

Вокруг все словно зашевелилось. Я сначала испугалась, но увидела взволнованного Реммира. Он подбежал ко мне и крепко обнял. Подбежал Хил, стали подходить ребята, радостно галдя и рассматривая мою добычу.

— Тащите — сказала я, высматривая детей. Их нигде не было.

Быстро пошла, ведомая Хилом. Дети спали на Мелком. Лина лежала практически на нём, обхватив двумя руками, а Марк лежал в объятиях его лап. Вот почему он меня не встречал. Охранял детей и их сон.

— Молодец — с благодарностью потрепала его по голове. Положила руку на лоб Марка, горячий еще.

Игнат и Люся спали, обнявшись, даже не пошевелившись на шум. Устали бедолаги.

Ребята начали доставать продукты их корзин, радостно вскрикивая.

— Еще кое-что. Глянь, я пока что Марка напою — достала тканый мешочек и подбросила его Реммиру.

Он развязал его и посмотрел на меня.

— Откуда, Рита?

Я просто мотнула головой в сторону леса и пожалала плечами. В корзине оказался отвар какой-то коры от температуры и мазь от ран. Я напоила отваром сонного Марка. Тот даже глаз не открыл.

Подошла к ребятам:

— Давайте нормальный костер разведем, а? Дрова есть, огонь теперь добывать умеем. И погреемся заодно, до утра еще не скоро.

И вот разгорелся жаркий потрескивающий костер, на котором варилась похлебка. В воду настругали вяленого мяса и разных овощей. И такой аромат пошел, я вам скажу, что желудки уже у всех заурчали. На запах проснулись Люся с Игнатом, затем и дети. У Марка уже спала температура, были только глаза красные и слабость. Он сел, привалившись ко мне боком, и я приобняла его рукой.

Встал вопрос, а чем есть, собственно говоря? Не руками же. Когда послышался возглас Милада и он достал со дна одной из корзин деревянные ложки. Всё чудесатее и чудесатее, как говорила Алиса из страны чудес.

Ели молча, раздавалось только постукивание ложек о котелок. У детей начали закрываться глаза. Я уложила их неподалеку от костра. Реммир сидел, задумчиво поглядывая на меня, прежде чем задал вопрос:

— Рита, почему пошла в лес, если я запретил и почему ты все еще живая, в конце концов?

Я взяла заживляющую мазь из корзины и подошла к Игнату, собираясь с мыслями. Села перед ним на колени, оголяя его пораненную ногу. Тот начал вяло отбиваться. Люся шикнула на него и толкнула локтём в бок.

Как он шел-то все это время? Открытая рана, с кусочками кожи по краям, все еще кровоточила.

— Прости, Реммир. Я знаю, что туда нельзя ходить. Но Марк бредил и я ничем, ничем не могла ему помочь. Понимаешь?

Между тем, зачерпнула мазь пальцами и приложила к ране.

— Это самое страшное, наверное, когда ребенок погибает, а ты беспомощна. Как представила, что могу его потерять, мне стало жутко и я заплакала.

Ребята слушали меня в тишине.

— Услышала, что вода журчит и пошла на звук. Даже страшно не было, шла себе и шла только с одной мыслью, что нужно воды для Марка набрать.

Кто-то подался вперед с интересом прислушиваясь.

Реммир пристально смотрел на меня. Его глаза были прищурены, а взгляд был задумчивым:

— Выпустили живую почему? Еще никто оттуда живым не возвращался, понимаешь?

Он наклонил голову и продолжил:

— И, если ты единственная, кто вернулся из леса Хранительницы живой, значит ты наследница.

Повисла напряженная тишина. Десятки глаз смотрели на меня. Я? С ума сошли совсем??? Я растеряно переводила взгляд от одного к другому.

Потрясла головой:

— Нет. Даже и не думайте! Какая из меня наследница? С ума сошли?

Я убрала руки от ноги Игната, вскочила и начала взволнованно ходить туда-сюда, размахивая грязными от мази руками.

— А если те, кто ходил туда, были с корыстными и грязными мыслями, а? Может, в своих целях хотели как-то свой поход в лес использовать, а?

Мой голос от волнения начал повышаться. Хил поднял голову и рыкнул. Дети спят, а я разоралась тут.

— Да я же от отчаяния, ребята — продолжила я шепотом — Я когда шла на звук, только о Марке и думала. Да меня пожалели просто! О том, что я могу быть наследницей, и думать забудьте. Ишь, деловые какие! Как удобно, правда? Я под руку подвернулась и будь так любезна, взвали-ка на себя целый мир и заботься о нем, да? Фиг вам! — я выставила грязный кукиш — Мне вон есть о ком заботиться, понятно?

Я глубоко вздохнула и выдохнула. Кто-то из ребят заулыбался

— Найдется ваша наследница, ребята. Обязательно найдется — тише добавила я — А так, ничего там страшного и не было. Зашла, ручей журчит. Напилась, умылась, села подумать в чем воду нести и почему-то задремала — на ходу переделывала историю.

О женщине ведь говорить не велено.

— Когда проснулась, все стояло на выходе. Я поблагодарила и попёрла. А больше-то и рассказывать нечего — переводя взгляд на Реммира.

— Так это ведь ты глава охраны рода Хранительницы. Наверное, для вашего отряда и передали. Если бы я одна туда пошла, может тоже не вернулась бы, кто ж его знает?

Его лицо расслабилось. Он кивнул, принимая мою версию. Вот и славненько. Я подошла к Игнату, накладывая новую порцию мази.

— Спасибо Рита. Полегчало уже. Иначе завтра пришлось бы на одной ноге прыгать. И, ты это, давай не рискуй так больше. Что-то боязно мне за тебя — протянул руку и погладил по голове.

Я прислонилась к нему, закрыв глаза. Устала. И начала погружаться в сон. Почувствовала, как сильные руки поднимают меня и несут.

Ой, несите меня хоть всю жизнь, думала я, погружаясь в крепкий сон.

Этот переход запомнится всем надолго. Откуда взялась эта стена? Дорогу от своего дома до столицы я знаю, как своих пять пальцев. Но, слава Хранительнице, — мы справились. И почему шавалы не смогли подойти к стене, ведь они обучены выполнять указания? Что-то происходит, понять бы еще что именно. Рита мужественно держалась, но я видел тревогу в ее глазах: за детей, за Игната с Люсей и даже за меня.

Я улыбнулся. И где-то в районе сердца появилось незнакомое мне чувство. Какой-то радости и теплоты. Захотелось прижать к себе Риту, вдохнуть ее запах и никуда не отпускать.

Посмотрел на свой браслет — он мерцал золотистым блеском, местами вспыхивая ярче и снова приобретал свой золотистый цвет. С Донарой такого не было, рисунок едва проступал и был тусклым. Значит ли это, что Рита моя половинка? Я столько лет служил Хранительнице и Силе и она, наконец, вознаградила меня? Как такое возможно, ведь она не

из моего мира? Но если сейчас она здесь, значит, уже стала частью моего мира. Рита стала частью этого мира, когда детей спасла и признала их своими.

Рита всю ночь вскакивала к больному мальчику, стараясь успокоить его жар. Затем в изнеможении ложилась рядом, забываясь в тревожном сне. Для меня эта ночь была бесконечной, я вставал вместе с ней, чтобы хоть как-то поддержать её и ложился, подкладывая руку под её голову. И, наверное, погрузился в сон. Когда в очередной раз открыл глаза в темноте, мои руки не нашли Риту. Я вскочил, оглядываясь и при свете звезд увидел, что она идет прямо в лес Хранительницы. Нет! Нет! Она же погибнет. Мне показалось, что со стороны леса шло тусклое свечение.

«Рита-а-а-а!», с отчаянием крикнул я и побежал, в надежде догнать её и остановить. Внезапно в голове вспыхнуло и я отключился.

Очнулся, лежа на боку, пытаюсь сфокусировать зрение. Тишина. И только слышится пыхтение. Я поднял голову. Рита! Живая! Вскочил, подбежал к ней, крепко сжав в своих объятиях. Не отпущу. Сначала выпорю, а потом...

Перевел взгляд на корзины. Откуда? Как? Внезапно все зашевелились, мои ребята окружили нас, заглядывали в корзины. В моей голове кружились вопросы. Почему она вышла оттуда живая? Значит, я все-таки ошибся? Значит, она наследница?

После этой мысли в груди скрутилась тугая спираль. Нет, только не это, пожалуйста. Я запутался. Передо мной чувство к женщине и чувство долга, который я не могу не исполнить.

Утро началось с выкриков ребят. Да что ж такое-то, в конце концов! Опять что приключилось? Открыла глаза и застыла на месте.

Вокруг густая трава, словно покрывалом накрыло всю поляну. Наши шавалы как ни в чем не бывало стояли неподалёку. Я села, протирая глаза. Рядом обыкновенный лес. Я начала озираться. А где лес Хранительницы. Его не было. Я нахмурилась. Мне всё приснилось, разве?

Собственно говоря, все проснувшиеся тоже были в смятении. Оглядывались по сторонам, пытаясь понять, что случилось. Ага, всем одно и тоже ведь не могло присниться, правда? Вон, возле прогоревшего костра корзины и котелок, что я вчера приволокла. Значит, вчерашние события были на самом деле.

Ко мне припрыгал Игнат.

— Глянь ка, Рита. Все зажило, представляешь?

Он вытянул обрубок на моё обозрение. И действительно, от раны не осталось и следа.

— Мазь, наверное, чудодейственная, Игнат.

— И то верно, Рита. Чудеса, да и только.

Я откинулась на спину, закинув руки и сладко потянулась. Пора вставать и снова в путь. Дети уже проснулись, значит нужно вставать и в путь-дорогу. Я вскочила, обдумывая план своих действий. Реммир стоял посередине поляны, сложив руки на груди и опустив голову. Затем слегка кивнул, словно принимая решение.

— Я к Мельсину — громко сказал он, обводя ребят взглядом — Присмотрите здесь, чтоб ничего не случилось — переводя взгляд на меня.

Затем широким шагом подошел ко мне, подняв мою голову за подбородок:

— Не балуйся тут. Я быстро — развернулся и пошел.

— Кстати — он обернулся — Можешь сходить искупаться. Там озеро.

Что? Озеро? Правда? Ура!!! Моя мечта сбылась.

— Дети, купаться! — и мы с радостными криками побежали.

Нас обогнал Мелкий с Хилом на заливке. Блин, сейчас всю воду замутят. Вскоре к нам на берегу присоединились Люся с Игнатом, потом и ребята.

Так. Что за ерунда приключилась сегодня утром. Шавалы стоят, как ни в чем не бывало и теперь я узнаю местность. Вчера тогда что было? Я стоял посередине поляны, думая.

Нужно срочно к Мельсину. Он наверняка прояснит некоторые моменты. Как я вчера боялся услышать ответы на свои вопросы от Риты. С одной стороны, нашему миру необходимо возвращение наследницы, иначе мы погибнем. И все были бы безумно счастливы, что наконец долгое ожидание закончилась. Но я даже боялся, что это будет Рита. Тогда я не смогу быть рядом с ней. Теоретически это не возбраняется. Но кто она, а кто я? Только глава охраны её рода. Осмелюсь ли я предложить ей свою руку и сердце. Нет, не осмелюсь.

И буду молча смотреть, как она выходит замуж и продолжает свой великий род. Мне останется только молчаливое присутствие. Нет. Не смогу. Как представлю, как другой обнимает её. И не важно кто она! Даже если наследница, я руки каждому сломаю, кто к ней притронется. Мои зубы закричали.

Конечно, сейчас после её «фигушки», никто и не подумает, что Рита наследница. Все равно никому ее не отдам! А сейчас, к Мельсину!

Открыл портал и шагнул в него, да видно переборщил с Силой. С шумом вывалился из него и тормозил еще несколько метров, размахивая руками, пока не уперся в стол.

Там дремал, сложив руки, Мельсин. От испуга он вытаращил глаза, а увидев меня, выставил руки, защищаясь:

— Что, опять? — вскричал он.

Он моргал глазами, просыпаясь и приходя в себя.

— Фу — он сел в кресло, потирая лицо — Я уж подумал, ты опять кого мне приволок.

Посмотрел на меня и сказал с укоризной:

— Ну, нельзя же без предупреждения ко мне кого ни попадя волочь на ночь глядя. Я от этой Ку. Ку — он махнул рукой в сторону — От этой, в общем, чуть сердца не лишился, честное слово.

Он радостно всплеснул руками:

— Рад тебя видеть. Сам явился. Как-будто знаешь. Или не знаешь? — он пытливо посмотрел мне в лицо.

— Что знаю-то? Поговорить нужно, вот и все.

— А-а-а-а-а. Не знаешь, значит — он широко улыбнулся. Глядя на его заразительную улыбку, я и сам начал улыбаться.

— Наследница объявилась.

Улыбка сошла с моего лица. Неужели все-таки?...Внутри все замерло.

— Ага. Буквально ночью доложили. Сегодня она будет здесь. И совсем с другой стороны, представляешь — он радостно потирал руки — Дождались, Реммир, дождалась! — он обнял меня.

Я облегченно выдохнул. Значит, все-таки не Рита. Вот и хорошо.

— Буквально через несколько часов прибудет — продолжал Мельсин, меряя комнату большими шагами — А мне ведь уже несколько дней вообще никакой информации не дают. Чувствовал, что где-то рядом, а потом вообще тишина. Ну ничего, Реммир, теперь все по-другому будет. Заживем! — он потряс кулачками над головой, улыбаясь — А ты чего примчался ни свет ни заря?

— Да с нами такая история вышла, послушай — и максимально подробно рассказал про стену.

Он сел в кресло и слушал, потирая подбородок, хмыкая.

— Интересно. И это накануне появления наследницы. Может этим все и объясняется? И девчонка-то отчаянная, не побоялась — он по-доброму улыбнулся.

— Сюда когда доберетесь?

— Думал через пару дней. Но теперь день на отдых и сразу сюда. Пока суматоха уляжется от встречи с наследницей. Там и подготовку воссоединения с Силой начнете, да? Мои обязанности главы охраны рода Хранительницы еще никто не отменял.

— И то верно. Нужно все подготовить как следует. А там и с твоей переброшенкой порешаем.

— Нечего там решать. Здесь она останется — я смотрел в глаза Мельсину.

Он приподнял брови.

— Даже так? А что голову ломать? Наследница разберётся поди.

— Хочешь посмотреть на её изображение? — шепотом спросил Мельсин — Ночью прислали — и махнул рукой.

Перед нашими глазами появилось женское изображение. Худощавое лицо с близкопосаженными маленькими черными глазами, брови недовольно сведены к переносице, пухлые губы сжаты, выдавая её хмурый вид. Черные как угли волосы подняты в высокую прическу, открывая тонкую шею и белоснежную кожу.

Изображение еще померцало и развеялось словно дымок.

— А? — Мельсин повернулся ко мне

Стерва — вот первое, что пришло мне в голову. Я немного помялся. Неприятный осадок остался в душе, но сказать ведь нельзя об этом, все-таки великая наследница. А я, позвольте напомнить, глава охраны её рода, блин.

— На кого она похожа? Родители светленькие были — осторожно заметил я.

— Какая разница, Реммир? Для Силы не важны возраст, цвет волос, национальности. Правильно?

Я кивнул.

— А наследница сразу заявила о правах на власть и требует воссоединения с Силой. Так что грядёт великий праздник.

А действительно! То, что мы ждали, свершилось. Мир не погибнет и останется жить. Нужно всем радостную весть принести, а то распереживался как пацан, честное слово. Открыл портал и шагнул в него, едва успев махнуть Мельсину.

Ближе к обеду объявился заметно повеселевший Реммир

— Наследница нашлась.

Берег сотряс радостный крик. Ну вот. А то нашли крайнюю. И мне тоже стало легко.

— Отряд, сегодня отдыхаем, празднуем. А уж завтра прямиком в столицу для несения

службы и охраны наследницы. Всё понятно?

И снова радостный крик огласил берег. Готовили праздничный обед, шумно переговариваясь. То тут, то там слышался смех, ребята травили байки. Мелкий с Хилом рванули в лес искать себе пропитание. Вот и правильно. Мелкого теперь только он сам прокормит. Дети с Люсей строгали овощи. А мы с Реммиром под шумок сбежали к озеру. Брызгались водой и играли в догонялки, как дети.

Завтра в столицу — от этой мысли мне становилось немного беспокойно. Как сложится моя жизнь. Нет, не моя. Теперь уже наша с детьми жизнь.

Мы лежали на берегу, Реммир держал меня за руку, и я слышала, что он вздыхал. Что это с ним? Тоже беспокоится?

Он сел, прокашлялся:

— Рита, мне нужно с тобой поговорить.

Ненавижу эту фразу. Ну да, наверное, помолвку нужно разорвать, а он не знает, как сказать. Завтра в столицу едем, а там служба закрутит, я буду не нужным балластом с чужими детьми. Знала ведь, что рано или поздно это случится, но сердце тревожно забилося — я слышала каждый толчок своего разочарованного сердца.

— Конечно — как можно спокойнее сказала я. Села, глубоко вздыхая, выравнивая дыхание. Опустила глаза. Не хочу смотреть на него сейчас, иначе расплачусь. Честное слово.

— В общем... Хм... Ну. — чего-то мялся он.

— Давай, не бойся, говори как есть.

— Обстоятельства сложились таким образом, что ... В общем, сейчас у меня не осталось сомнений, что ты не наследница.

Я нахмурилась. Не понимаю.

— И я могу... В общем. — он замолчал, подбирая слова.

Да ты задолбал уже! Ты можешь просто сказать, что помолвка растор...

— Выходи за меня замуж.

Я сидела, открыв рот, пытаюсь осмыслить сказанное. Он взял меня за руку, пытаюсь заглянуть в глаза.

Что? Замуж? Я?

Я все-таки заплакала.

— Рита, ты чего? Расстроилась, да? Я просто не умею толком говорить, понимаешь. Или ты не хочешь за меня? Может там у тебя...

Он сжал губы и отвернул голову. Я не хочу?

Я встала, подошла к нему и просто уткнулась в его грудь, обхватив двумя руками, продолжая плакать. Он, молча гладил меня по голове, приобняв одной рукой. Когда я немного успокоилась, я подняла голову:

— Я согласна. Я подумала, что ты помолвку хочешь расторгнуть, вот и... — развела руками.

Он поднял мое лицо, вытер слезы. Черты его лица разгладились, лицо стало спокойным. Он выдохнул, снова обнимая меня.

— Никогда так не волновался, честное слово. Лучше несколько битв пройти, чем в любви признаться.

Ого. В любви? А внутри уже расцветала целая гамма чувств. Меня любят! Ощущение что меня сейчас разорвет от счастья. Ой, разрываться мне сейчас никак нельзя. У меня можно сказать только жизнь счастливая начинается. Я уже разомлела в кольце его рук, когда

меня отодвинули:

— Значит так. Свадьба сразу как приедем в столицу. Поняла? — строго спросил он, но я видела, что его губы кривятся в улыбке.

Я кивнула, счастливо улыбаясь.

— А то знаю я тебя, опять в какую-нибудь историю встрянешь или того хуже, женихи попрут. Так я им руки переломаю, слышишь Рита?

Я счастливо улыбалась и кивала.

— Только у меня одно условие»

Он поднял брови

— Можно вернуться жить в твоём доме? Мне там уютно и спокойно.

— Конечно. И детям там хорошо будет, правда?

Когда зашли на поляну, Игнат увидел мои заплаканные глаза. Он подошел, переводя взгляд с меня на Реммира и осторожно спросил:

— Случилось чего, Рита?

Я кивнула.

Он сжал руки, глядя на Реммира:

— Слышишь, я не посмотрю, что ты начальник большой. Ты зачем Ритку обидел, а? Думаешь за нее вступиться некому, да? — он подходил все ближе.

Реммир хмыкнул:

— Ага, обидишь её, как же.

Одним движением отодвинул Игната

— Женимся мы — просто сказал он и за руку повел меня к ребятам.

Я обернулась. Игнат стоял с выпученными глазами и приоткрытым ртом, глядя нам в след.

Отомрёт, поди через некоторое время, а то мне ведь отец ой как на свадьбе нужен. Кстати, как тут вообще свадьба-то проходит? Ничего ведь не знаю.

Реммир решительно подошел к своим ребятам и сообщил новость. Поляну снова потряс радостные возгласы. Ребята подходили к Реммиру, хлопая его по плечу, затем ко мне, поздравляя и обнимая. Когда Ольгерд хотел сделать то же самое, Реммир зыркнул на него. Ольгерд от неожиданности остановился.

— Ты давай, к моей будущей жене меньше подходи. Свою-то Кукушкину ты уже проморгал — улыбаясь, сказал он.

Поляну сотряс новая волна смеха. Ольгерд сначала нахмурился, а потом засмеялся, махнув рукой.

Дети подбежали ко мне. Лина улыбалась, а Марк опустил голову и как будто вел с собой молчаливый монолог. Он, то улыбался, то хмурил брови, кивая. Наконец, поднял голову, глядя мне в глаза и кивнул. Я выдохнула. Значит одобрили. А если бы не одобрили, что интересно я бы делала?

Ближе к вечеру расселись вокруг костра. Нам было что отпраздновать. Сначала, конечно, за наследницу поднимали кружки. Вспоминали былые времена, еще до её исчезновения. Потом уже и за нас принялись. Смеялись и шутили. Лина сидела рядом со мной. А где Марк? Неужели все-таки против нашей с Реммиром свадьбы?

— Лина, а где Марк? — я наклонилась к девочке.

Она оглянулась, пожала плечами.

— Здесь был вроде. Может в кусты отошел.

Время шло, а Марк так и не появился. Моё беспокойство начало нарастать. Игнат с Люсей его тоже не видели. Я встала.

— Ты чего? — Реммир взял меня за руку.

— Марка нет!

— Может, волнуется пацанёнок. Давай я на озере посмотрю.

Я кивнула. Своими действиями мы привлекли внимание ребят. Револьд и Тельнан вызвались идти вместе с Реммиром. Мы остались сидеть возле костра.

— Может он против нашей свадьбы? Лина, он что-нибудь говорил?

— Сказал, что хорошо. Говорит, ты заслужила. Мне, говорит, и убегать никуда теперь не хочется, куда бежать-то? Если и так в столицу идём. И за меня, говорит, он теперь не беспокоится.

— А он найдется, Рита? — девочка подняла ко мне лицо.

— Обязательно найдется! — как можно убедительнее сказала я, обняла и прижала девочку к себе. Так и сидели. Ждали вестей. Как назло, Мелкий с Хилом охотились. Они бы враз его нашли, может покричать их.

На озере Марка не было. Куда он мог пойти-то? Мы начали обшаривать ближайший лес. Действительно, непонятно. Вроде мальчик смысленый, ну не мог он просто так исчезнуть. Мы в растерянности остановились на опушке. Вернуться и сказать Рите, что мальчика нет? Я закрыл глаза, собираясь с мыслями и внезапно что-то почувствовал. Что такое? Внутри, как будто что-то заволновалось, заставляя меня двигаться вперед. Что за ерунда? Может мальчик в беде и отчаянно нуждается в помощи? Я медленно двинулся в темноту. Даже если я ошибся, я всегда смогу вернуться. За мной молча пошли ребята. Так, теперь-то куда? Я остановился, прислушиваясь к ощущениям, и увидел очень слабое свечение. Оно, то растягивалось по земле, словно змея, то собиралась в шарик под моими ногами. Рискнуть и пойти за ним? Втроем всяко-разно отобьёмся, если что. Я оглянулся на ребят. Они смотрели на меня недоумённо.

— Видите? — почему-то шепотом спросил я.

— Что видим, Реммир?

— В такой темноте разве что увидишь, даже Силу с собой не взяли, блин. Бойцы, называется — ворчал Тельнан.

— Свечение, ребята. Я вижу свечение.

Они переглянулись и помахали головами. Интересно. Я тогда что вижу? Очередной сюрприз или нас заманивают в ловушку. В любом случае, нужно узнать. Если ловушка, то опасность грозит всему отряду, ну и Рите соответственно. Я кивнул, принимая решение, и пошел. Ребята бесшумно двигались за мной. В темноте, ориентируясь только на тонкую светящуюся ленту, мы прошли лес насквозь и вышли на опушку. Теперь куда? Я оглядывался, всматриваясь в темноту, пока снова не увидел свечение, свернувшее направо. И мы пошли. На самой границе леса и поляны свечение пропало. Я тщетно пытался увидеть его в темноте, но все было напрасно.

— Ребята, куда дальше идти, не знаю. На всякий случай будьте готовы.

Мы достали мечи. Я прислушался. Тихо, только шелестит трава. Почему-то свечение именно здесь исчезло, не просто же так.

— Марк — тихо позвал я.

Тишина.

— Марк — уже чуть громче.

Сзади зашелестела трава. Мы обернулись, держа мечи наготове.

— Реммир, это ты? — послышался голос Марка.

Мы облегченно выдохнули. Нашли, слава Хранительнице.

— Марк, иди сюда. На голос иди — как можно спокойнее сказал я — Да осторожней там ноги переставляй. Не видать ничего — говорил я, давая мальчику возможность ориентироваться в темноте.

Через несколько мгновений до меня осторожно дотронулись. Я взял его за руку, она дрожала.

— Реммир — его голос тоже дрожал — Извини — всхлип — Я только хотел Рите приятное сделать. Ты же не злишься на меня? — и он заплакал.

— Она же для нас ...ууу — его всхлипы перешли в горестный плач — Никто никогда ради нас не делал столько хорошего, понимаешь? Только м-а-а-ма.

Я не выдержал, поднял на руки и прижал мальчика к себе, пытаюсь успокоить. Он еще некоторое время плакал на моем плече, обильно смачивая рубаху своими слезами.

Выглянула тусклая луна. Не могла пораньше, зараза такая.

Марк утерся рукавом

— Вот и захотел Рите приятное сделать — цветов нарвать. Но не простых. Вот. — в его руке оказался букет цветов.

Я хмыкнул. Ориусы. Весьма редкий вид, надо сказать. Они распускаются только в темноте, днем их с огнём не сыщешь. Опускаются на самую землю и прячутся под травой. Если сможешь в темноте их найти и сорвать, считай везунчик. Во-первых, ооочень редкие, во вторых сорванные при полной темноте, не вянут. Ну а в-третьих, говорят, счастье приносят. Я с интересом смотрел на букет. Белые лепестки с нежно голубой каемочкой по краям, словно живые, раскрывались и закрывались, складываясь в замысловатый бутон. Затем снова медленно открывались, двигаясь по кругу, и снова закрывались, словно танцующий известный только им танец.

Я погладил Марка по голове. Это же как ты душой к Рите прикипел, что на такой подвиг-то решился. Да и Рита печется о вас не хуже родной.

— Ну что, пойдём? Там все волнуются.

— Ругаться будет, да? — он тяжело вдохнул.

— Не, она добрая. Ну, шлепнет разок, может, так я выдержу, и не такое выдерживал — его голос постепенно затих.

Мы молча двинулись в обратный путь. Я шел и думал. Что нас привело к мальчику? Не ранен, даже ушибов нет. Боялся, конечно, но что за сила привела нас к нему?

Я замедлил шаг. Была бы рука свободная, хлопнул бы себя по лбу.

У Риты же теперь связь с детьми есть. Дурак и есть дурак. Кто как не мать своего ребенка-то найдет? Не даром же между родителем и дитём связь особая имеется. Сам Рите говорит, а сам после радостных событий рванул на поиски, не подумавши. И без Риты вон обошлись, нас тоже...

В голове пронеслась яркая вспышка. Резко остановился и закрыл глаза, пытаюсь отогнать догадку. Помотал головой. Нет. Не может быть. Неужели...? Меня даже качнуло от этой мысли.

— Реммир, ты чего? — Револьд обеспокоенно смотрел на меня — Давай я понесу,

малец заснул вон уже.

Я покачал головой, медленно продолжая путь. Что делать? Я тихонько потряс мальчика:

— Марк— спросил я

— Ммм? — сонно отозвался он.

— Твою маму как звали? — и во мне все замерло. Я боялся услышать его ответ. Если имя другое, то разочарование даже будет и снова бесконечные поиски.

— Донара — пробормотал Марк.

Вот и все! Вот и сложилась картинка. Меня вела связь! В душе все бушевало. Все, что Рита рассказывала о матери мальчика, сходится. Это получается все это время он был рядом, а я ни сном, ни духом? И почему связь отозвалась только сегодня?

Я шумно выдохнул.

— Да что с тобой, Реммир?

— Идешь сам не свой.

— Ребята, давайте остановимся — я глубоко задышал, пытаюсь прийти в себя.

— Ребят, меня ведь связь вела — медленно сказал я — Получается, Марк — мой сын.

Раздался протяжный свист.

— Вот оно что.

Мы некоторое время постояли в тишине

— Рита рассказывала, что его мать сирота, убежала от отца своего ребенка после того, как узнала об измене. И зовут ее Донара, ребята.

Револьд потрясённо взлохматил свои волосы.

— Чтобы выжить одной с ребенком вышла замуж, отчим его невлюбил. Спину же его видели, вся в рубцах. И терпел ведь, малец. Ради матери и сестры терпел.

Тельнан скрипнул зубами, отвернувшись.

— Да и родственники отчима не хотели его принимать, тоже видели, как обзывали. И все из-за Сирики. Столько бед и лет разлуки из-за этой лживой твари — руки были заняты, и я пнул близстоящее дерево ногой.

— А не ошибаешься, Реммир? Ты уверен? Почему связь только сейчас проявилась? Вы ведь столько времени были рядом. — Револьд смотрел на меня, нахмутив брови.

Тельнан решительно подошел ко мне:

— Давай проверим. Я возьму мальчика и в лес уйду. А ты давай снова ищи по связи. Посмотрим, что выйдет.

Я кивнул. И только Тельнан хотел взять спящего мальчика, как он зашевелился.

— Я все слышал — тихо сказал он.

Я осторожно опустил его на землю. Его голова была опущена, и я не видел его лица. Мы стояли в тишине и не знали, что говорить.

— Один пойду в лес, поплутаю немного и... — перевел взгляд на букет цветов. Подошел к Револьду, молча протянул руку, отдавая букет ему, затем так же молча повернулся и пошел в лес.

Тельнан хмыкнул:

— Да, точно твой. Такой характер ни с чьим не перепутаешь.

Марк тем временем уже зашел в лес. Я выждал некоторое время и медленно пошел. Волновался жутко. А если не получится? А если я ошибся? Внутри все дрожало от волнения. Посмотрел вниз. Ничего. Я шарил по земле глазами пытаюсь найти хоть какое-то слабое свечение. Ничего! Я мысленно застонал. Придурок! Отпустил мальчика одного в лес. Где

теперь искать? Я судорожно всматривался в темноту, пытаюсь определить направление. Совсем мозги потерял? И это начальник отряда! Решиться на такую авантюру и отпустить мальчика в темный лес. И провалиться можно, и ногу подвернуть, и зверья опасного тоже хватает. Внутри все начало дрожать от волнения за ребенка. Я закрыл глаза, пытаюсь придти в себя. Открыл глаза и увидел под ногами тонкую светящуюся нить. Так, сначала ищу, думаю потом. И побежал. Нить петляла то влево, то вправо, пока не привела меня к большому дереву, и поползла вверх. Я поднял голову:

— Марк, ты на дереве?

Секунда тишины и мальчик прыгнул рядом со мной.

— Значит всё правда — ровным голосом констатировал он, развернулся и молча пошел к выходу из леса.

Ожидание растянулось для меня в бесконечность. Не знаю сколько мы так просидели. Не люблю ждать! Ребята тихонько переговаривались возле костра, поглядывая в сторону леса. Игнат с Люсей сидели рядом молча. Люся была в платье с коротким рукавом, я автоматически зацепилась взглядом за рисунок на её предплечье, рассматривая его. Второе причудливое кольцо уже начало проступать на коже слабым золотистым рисунком.

И тут меня подбросило вверх. Дура! Как же сразу не додумалась? От неожиданности Лина, Игнат и Люся вскочили, испуганно смотря на меня.

— Рита? — вопросительно спросил Игнат.

— Связь, Игнат. По связи же можно Марка найти! А я тут сижу, жду как дура последняя.

— Точно — медленно произнес Игнат и повернулся к Люсе.

— Ты-то чего не подсказала? Ладно я. — он постучал себя кулаком по голове — Но ты почему не вспомнила про связь?

Люся взволнованно переводила взгляд с меня на Игната и обратно.

— Даже и в голову не пришло — она недоумённо развела руками.

— Такое ощущение, что у всех разом память отшибло, а Рита? Тебе не кажется это странным? — Игнат смотрел на меня, прищурившись.

— Отшибло и отшибло, Игнат. Сейчас-то обратно пришибло, да? Значит, я пойду Марка искать — я засуетилась, отряхивая платье.

— Ага, как же. Отпущу я тебя одну. Потом тебя ищи — сказал Игнат, направляясь к ребятам.

Там он весьма эмоционально рассказывал, размахивая руками. Из толпы отделилось три ваарца, видимо согласные пойти со мной на поиски. И только мы отошли от стоянки, как нам навстречу вышел Реммир с ребятами и Марк.

— Марк! — закричала я и бросилась им навстречу.

Я обняла мальчика, прижала его к себе, приговаривая:

— Целый? Ничего не повредил? Нет? А что голову опустил? А ну ка смотри на меня. Стыдно, да? Ну как ты мог уйти, объясни, пожалуйста!

Я что-то приговаривала, пока Марк не протянул мне букет чудесных цветов. Я замерла в восхищении, осторожно взяла цветы и понюхала.

— Это ты специально для меня сорвал? Спасибо! — даже расчувствовалась я, взлохматив его волосы.

Он внимательно посмотрел мне в глаза, затем кивнул

— Тебе спасибо. За все спасибо, Рита — тихо сказал он и его глаза стали заполняться слезами.

Я прижала его голову к себе. Мой храбрый мальчик. Это он захотел мне приятное сделать. Он поднял голову и спросил:

— Бить-то будешь?

Я в изумлении подняла брови:

— Это обязательно? Так положено, что ли, здесь? Нет, ну если положено, то конечно придется.

Я перевела взгляд на Реммира и ребят, которые все это время молча смотрели за нашим общением. Реммир улыбнулся и покачал головой. Ага, значит не обязательно. Я подтолкнула Марка к стоянке.

— Иди уже. Наказание я тебе потом придумаю.

Марк сначала зашагал, потом обернулся на Реммира и как-то многозначительно посмотрел. Реммир мотнул головой.

— Иди. Я сам.

Он подошел ко мне, обняв за плечи:

— Пойдем на озеро. Поговорить нужно.

Что происходит? О чём поговорить? Марк что-нибудь натворил? Что он мог натворить в лесу? Прибил кого? Мысли металась в голове, пока Реммир твердой рукой вел меня на берег.

Мы молча сели. Реммир выдохнул, собираясь с мыслями:

— Помнишь, у меня дома я рассказывал историю про Донару и Силику? Что уже много лет ищу Донару, чтобы забрать сына.

Я кивнула.

— Я все это время жил ненавистью к ней, думал, что с любовником убежала. Рыскал по Ваарии, выпрашивал, разыскивал и ненавидел. И только недавно выяснилось, что никакого любовника и не было. Была только тварь, живущая в моем доме. Ну, ты и сама присутствовала при тех событиях и даже пострадала — он до хруста сжал руки в кулаки.

Я осторожно кивнула.

— Оказывается, Донара сберегла ребенка и ... погибла.

У меня перехватило дыхание от жалости к ней и ребенку. С ним-то что? Тоже погиб?

Реммир провел ладонью по лицу, прежде чем сказал:

— А сегодня связь появилась. Я сначала и не понял в чем дело. Ведь столько лет безмолвия, но почему только сегодня?

Связь с ребенком? Живой, значит. Теперь он его найдёт и... А что будет дальше? Я немного растерялась. Он ведь его искал, чтобы забрать. Так? Теперь если мать погибла, то Реммир заберет его и... Получается, если мы поженимся, ребенок будет жить с нами. Я в волнении переплела пальцы и сжала их. Я совершенно не против, просто боюсь смогу ли найти с ребенком общий язык. Кстати, девочка или мальчик? Мысли металась в моей голове как птицы.

Реммир внимательно смотрел на меня

— Маркел. Она назвала его в честь моего отца. Они же росли в моём доме, и родители воспитывали их как своих детей.

Ага, это я помню. Значит мальчик. Имя знакомое, где-то я его уже слышала.

— Рита, Марк мой сын — Реммир слегка встряхнул меня за плечи.

Я хлопала глазами, пытаюсь рассортировать мысли по полочкам. Стоп. А где это он интересно всё это узнал, то? Ночью в лесу? Он пошел с Револьдом и Тельнаном искать Марка. Так? Он что-то говорил про связь. Связь появилась в лесу, получается. Сначала Марка нашёл, а потом связь появилась? Или как?

И замерла! Марк это же Маркел. Не может быть! Я закрыло лицо ладонями. Мой Марк — его сын? Но как такое возможно, черт меня подери??? Это же мой сын теперь, мой! Я его не отдам!!! Меня начала охватывать паника.

Реммир осторожно дотронулся до моих рук.

— Рита, ты не случайно попала сюда в мой мир, слышишь.

Именно ты спасла детей. И сберегла. И все это время... — его дыхание сбилось от волнения — Я тебе теперь обязан до самой смерти буду, слышишь?

А у меня в голове уже проносились картинки. Грязные перепуганные мордахи под грязной рогожей и Дикие. Никогда не пожалею о своём поступке. Ни-ко-гда!

Стоп. Что за истерика на пустом месте? Я убрала руки от лица и глубоко вздохнула. Вроде уже взрослая, а веду себя как ребенок.

Реммир в тревоге смотрел на меня.

— Реммир, давай рассуждать вместе. Сегодня ты сделал мне предложение. Я согласилась. Правильно?

Он кивнул

— И не отказываешься от своих слов?

Он молча помотал головой.

— Вот если бы сделал мне предложение после того, как узнал о мальчике, я бы подумала, что делаешь предложение из чувства благодарности. Или долга. В общем, я бы нашла, в чем сомневаться. Значит, ты в любом случае стал бы ему отцом. А то, что ты его настоящий отец — вдвойне хорошо. Было бы гораздо хуже, если бы появился какой-нибудь хрен с горы и заявил на него права.

Губы Реммира расплылись в улыбке:

— Кто? Хрен с горы?

— Ага. Совершенно незнакомый, неприятный, наглый тип. Брррр — я передернула плечами, начиная улыбаться.

Там мы, улыбаясь, и смотрели друг на друга, пока Реммир не схватил меня в охапку и не прижал к себе:

— Рита.

В общем, мы искупались в озере, смывая с себя волнения сегодняшнего дня. И больше ничего такого. У нас еще будет подходящее время и место.

Все восприняли новость радостными криками. Хлопали Реммира по плечам, поздравляли. Ребята знали о его многолетних поисках сына. Я же подошла к своим. От такой новости они сидели, тихо переговариваясь. Что-то не вижу радости на их лицах. Марк сидел с опущенной головой, неотрывно смотря на огонь. Я под села к нему и слегка толкнула плечом:

— Чего голову повесил?

Марк пожал плечами.

— Значит так. Я говорю, ты слушаешь. Конечно, для тебя эта новость стала неожиданностью. И для него тоже, если честно. Сидел словно пришибленный. Но давай с другом. Ты должен знать, что все это время он помнил о тебе и искал. Вон, все ребята

помогали ему — я качнула головой. Конечно, могло бы сложиться по-другому, если бы не Силика. Но её ты уже оттаскал за космы, считай, что за себя и за маму. Знай, все, что происходит в нашей жизни, происходит не просто так. Если бы я тогда не оказалась возле вашего селения, было бы по-другому. Когда вы с Линой к Диким в плен попали, могло быть совсем по-другому. Если бы Лину тогда забрали родственники, было бы все по-другому. Если бы вместо Реммира твоим отцом оказался совершенно незнакомый и неприятный тип, было бы все по-другому.

Марк повернул ко мне голову. Я кивнула.

— Разве я смогла бы тебя отдать? Нет, Марк, не смогла бы — я обняла его за плечи и прижала к себе — А так мы по-прежнему вместе и идем в столицу. Да и ты хотел бою обучаться, теперь с таким отцом твоя мечта точно осуществится.

Марк открыл рот, хотел что-то спросить.

— А жизнь все расставит по своим местам, Марк. Ты уже взрослый мальчик, так что думай и принимай решения. Кстати, взрослый мальчик. Ты чего это в лес один пошёл, а? Мы тут чуть с ума не сошли. Лина, дай цветы, хоть посмотрю, чего это Марка на подвиги потянуло.

Лина, все это время сидевшая тихонько неподалёку и слушала наш разговор, с готовностью вскочила и затараторила:

— Ой, Рита, я такой красоты не видела никогда — протягивая букет.

А я уже замерла, смотря за чудесным танцем лепестков. Отблеск огня перескакивал с лепестка на лепесток, подхватывая танец.

— Марк, спасибо — я повернулась к мальчику и улыбнулась.

Он тоже улыбнулся.

— Но наказание еще последует — строго сказала я, помахав пальцем.

И заметила подходивших к нам Хила и Мелкого

— Ой, какие гости к нам пожаловали — разведя руками — И где вы все время бродите, разрешите вас спросить? У нас тут Марк потерялся, а вас и след простыл.

Мелкий широко открыл глаза, чуть склонив голову набок и посмотрел на Марка. Затем подошел к нему, понюхал и лизнул, облизывая ему все лицо.

В общем, переключить внимание мальчика от волнующей его темы мне удалось. У него будет время подумать и принять правильное решение. А мы, пока смеялись и укладывались спать, было уже далеко за полночь.

Уже въезжая в столицу, была видна праздничная суета. Ваарцы передвигались по улицам, радостно переговариваясь. Носили охапками цветы, украшали, кто как мог дома и улицы. То тут, то там раздавался смех.

Мы сняли себе дом на окраине. Небольшой, двухэтажный деревянный дом с небольшим палисадником. Мы с детьми заняли второй этаж, Игнат с Люсей первый. Пока Реммир на улице договаривался с хозяйкой, мы осматривали дом и обустроивались.

Реммир быстро зашел в дом, оглядевшись:

— Рита, я на службу. Приготовься к свадьбе — он бросил Люсе мешочек.

— Вечером к Мельсину. Можете прогуляться — быстро закончил он, развернулся и вышел из дома.

Мы остались в тишине, пытаясь осознать его указания.

— Люся, а как приготовиться-то? Я же ничего об этом не знаю — растерянно протянула я.

Она махнула рукой:

— Да не волнуйся. Ничего сложного. Пойдете в Храм Хранительницы и через пять минут выйдете. И делов-то. Да? — она повернулась к Игнату. Тот кивнул.

И все? И что, просто сходить одни и все? Нет, я так не согласная.

— Люся. Я, можно сказать в первый и последний раз замуж выхожу. Я может, хочу по моим традициям выйти. Игната вон посаженным отцом поставлю. Чтобы ты в красивом платье с нами шла.

— Я-то зачем? — испуганно спросила Люся.

— Да потому что у нас так положено, ясно? — я начала заводиться и мой голос повышался — И гости чтобы были. Ребят вон позовём, хотят пусть с семьями приходят. Хотя здесь места маловато. Дети обязательно чтобы рядом были в торжественный для меня момент. Стол праздничный накроем.

Люся тронула Игната за плечо:

— Это у вас так положено, что ли?

Игнат кивнул:

— Именно так.

— А что, Рита. Ну и правильно, давай по-нашему сделаем. Уж больно мне хочется тебя под венец повести, пусть и посаженным отцом. Но отцом — он поднял указательный палец вверх.

Люся махнула рукой:

— Да делайте что хотите. Только с Реммиром сама разговаривай.

Я кивнула. Это самое простое из того, что предстоит сделать.

— Так что нужно-то?

— Платье нужно свадебное. И вам всем понаряднее одежду.

После небольшого отдыха, мы отправились на улицу. А там шум, гам. Все друг друга поздравляют. Незнакомые ваарцы нам улыбаются, друг с другом обнимаются. Я, подавшись общему веселью, тоже начала смеяться и желать всем счастья. А еще цветы, много цветов. Вдоль заборов, вдоль тропинок и все дома и лавки. Я как чумная нюхала их, пока Люся меня не одернула:

— Ты сейчас нанюхаешься и соображать перестанешь. Сворачивай вон в лавку — кивая головой в сторону.

Все что там предлагали мне совершенно не нравилось. Мы сменили несколько лавок, пока Игнат не взмолился:

— Рита, пожалей. Иначе без посаженного отца останешься. Нога уже отваливается — он постучал по деревяшке — Конечно, отваливаться уже нечему, да и Люсю мою загоняешь. Тяжко, я же вижу.

Люся вытирала лоб, привалившись к стене. Да и дети тоже устали, плюхнулись на лавку в изнеможении.

А что же делать? Если я ничего не найду более или менее подходящее, не идти же в простом платье. Я растерянно обернулась, когда мой взгляд зацепился за что-то стоящее в самом углу.

Я подозвала хозяйку, указывая пальцем.

— Ой нет, это вам не подойдёт. Шилось давно на о-о-очень высокую и худую

переброшенку. Да так и не пришла за ним, видно обратно отправили.

— Достаньте — твердым голосом сказала я.

Платье из белой и тонкой ткани оказалось действительно очень длинным, но село на талии идеально. Рукава от локтя расходились большим клином и закрывали пальцы. В моей голове уже начал вырисовываться фасон.

— А вы можете укоротить рукава? Длину убрать только спереди?

— Так разве можно? — укоризненно покачала головой хозяйка лавки.

— Можно.

Сняв платье и разложив его на столе, показала, что именно нужно сделать. Длину полукругом спереди, а сзади останется шлейф. Укоротить рукава и убрать горловину.

Хозяйка молча приняла заказ и уверила, что в течение часа все будет готово. Вот и хорошо, а мы пока перекусим. И, уже выходя из лавки, увидела чудесную ажурную ткань, висящую в качестве шторки на окне. Я подошла к ней, потрогав пальцами. Запыленная, но это ведь поправимо.

— Могу я купить у вас эту шторку?

Хозяйка удивленно захлопала глазами на странную покупательницу. На меня, то есть. Но махнула рукой:

— Забирайте.

В харчевне царило оживление. Народ уже начал праздновать. Мы заказали еду и нам предложили, в честь предстоящего праздника, отведать вино. Люся отказалась сразу и посматривала на Игната с тревогой. Игнат твердой рукой отодвинул кувшин:

— Я свою цистерну уже выпил.

Ну и мне ни к чему одной вино хлебать. Через час я забрала свое платье, и мы пошли в сторону дома. Люсе и Игнату вещи взяли уже возле дома. А дети категорически сказали, что пойдут в тех вещах, что я для них сшила. От шума на улице и смешения разнообразных запахов: цветов и готовящейся еды, у меня уже начала кружиться голова. Да и остальные были не в лучшем состоянии.

Мы добрались до дома и бухнулись в кровати.

Ближе к вечеру дверь распахнулась и вбежал Реммир.

— Рита, через два часа к Мельсину. У него появится немного времени, нужно успеть. А то потом вообще к нему не пробьемся.

— Наследница приехала — радостно сообщил он и Люся радостно вскрикнула.

— А поесть у нас что-нибудь есть? — он был в радостном возбуждении.

— Есть, есть — сказала Люся

— И новости от Риты есть. Иди к столу, она тебе расскажет на счет свадьбы.

Он поднял брови, смотря на меня. Ну, Люся! Преподнесла как измену родине.

Пока мы накрывали стол, я изложила свои аргументы по поводу свадьбы.

— И всего-то? На столе голой не нужно танцевать? — улыбался он — Может традиция такая — развел он руками.

— А что? — я сложила руки на груди и сделала задумчивое лицо — Идея-то хорошая. Чтоб значит, все товар лицом увидели.

— Эй, я тебе сейчас покажу товар лицом — рванул ко мне Реммир. Я, смеясь, увильнула от его рук.

— Только то, что я сказала. Игнат — отцом, дети — обязательно, стол небольшой. Ну и все, пожалуй.

— Да без проблем, Рита. А теперь живо одеваться, а то знаю я вас, то я еще не готова, то мне нечего надеть — шлепнул меня по заду.

— Дети?

— Обязательно — кивнул он, приступая к еде.

Мы сполоснулись, оделись и спустились вниз. Реммир ждал нас возле двери. Я уже было собралась открыть дверь и выйти, но Реммир произнес:

— Порталом.

И открыл его. Передо мной появилось округлое отверстие, где ничего не было видно. Я испуганно остановилась.

— Я никогда не делала этого раньше. Это не страшно?

— Закрой глаза и вперед.

Дети прижались ко мне, и мы шагнули. Я ожидала кручения и верчения, вихря, наконец. В общем, насмотрелась дома фантастики. И ничего такого. Как в лифте, только с закрытыми глазами. Послышался смех.

— Все уже. Открывай глаза

Все? Я открыла глаза. Мы были в небольшой комнате, слева темный крепкий стол с высоким широким креслом, который сейчас был пуст. Напротив стола на стене карта Ваарии, я так понимаю. Подобную я видела, когда-то в селении, когда прибыл отряд столичных. Напротив меня во всю стену большой стеллаж с книгами. Я подошла, шаря глазами по полкам. Как я, оказывается, соскучилась по неповторимому запаху бумаги. Корешки старинных книг, местами потертые, перемешались со свитками. Я поднялась на цыпочки и аккуратно вытащила одну книгу наполовину, чтобы посмотреть название. Темнокоричневый переплет книги был покрыт пылью, название не читалось. Провела ладонью, смахивая пыль, и застыла с поднятой рукой. На меня смотрели глаза, которые несколько раз моргнули. Стараясь не шевелиться, поставила книгу на место. Еще одну взять? Подошла к другому краю полка. Тонкая книжица легко оказалась в моей руке. На обложке нарисован мужчина в старинной одежде. И только я захотела полистать ее, как мужчина зашевелился, посмотрел на меня и медленно поклонился. Я замерла и от неожиданности кивнула. Не культурно же не отвечать на приветствие. Также медленно поставила ее на место, отступила два шага и повернулась.

Реммир стоял, сложив руки на груди и улыбался. Дети замерли возле карты. Я тоже подошла к карте. Марк с Линой уже всю обследовали её, вскрикивая. Марк, как я когда-то, сунул палец в озеро и, вытащив мокрый палец, посмотрел на него, а потом лизнул.

В это время распахнулась дверь и, очень быстрым шагом, вошел невысокий сухощавый мужчина, в длинном, до самого пола синем балахоне, по подолу расшитый золотистой нитью. На голове невысокий колпак в той же цветовой гамме, из-под которого выглядывали седые волосы до плеч. Он увидел Реммира и остановился. Его морщинистое лицо озарила искренняя улыбка

— Ага, пришли значит. Ну-ка, ну-ка — окинув нас взглядом.

Очень внимательно посмотрел на Марка, перевел взгляд на Реммира и обратно.

— Ну вот, нашёл — его лицо озарила широкая улыбка. Он положил две руки на предплечья Реммира, чуть сжав их.

— Поздравляю!

— Ну, молодой человек, давайте знакомиться. — повернулся к Марку и протянул руку для пожатия.

Марк немного ступешался, никак не ожидая, что от такой важной персоны получит улыбку и рукопожатие. Затем взял себя в руки, степенно подошел и пожал руку старика:

— Маркел.

— Ага. Так, так. А вы, я так понимаю, отважная переброшенка? — он рассматривал меня, наклоняя голову то влево, то вправо. Его взгляд прошелся по мне с ног до головы, а затем проник в самую душу. Его глаза затуманились, словно пытаюсь высмотреть что-то у меня внутри.

Внезапно он поднял глаза, словно высматривая что-то на потолке.

— Не понимаю — он растеряно посмотрел на Реммира. — Никакой информации. Ну, ничего, ничего. Завтра все встанет на свои места — он мимолетом потрепал Лину по голове, быстро подошел к креслу и сел на него, сложив руки на животе.

Он весело смотрел на нас, болтая ногами, а так как кресло было высоким, его ноги не доставали до пола. Мне стало смешно, а я так боялась попасть к нему на аудиенцию. Подошла к Реммиру и он положил свою руку мне на плечи, приобняв.

— Завтра великий день, дети мои — радостно сказал он, вскидывая руки — Наследница соединится с Силой, ох и заживем тогда — и он потер руки.

Реммир кивнул головой:

— Это понятно. С Ритой-то что? Остается? Сразу ставлю в известность, что мы женимся.

— Да ладно! Вот это новость, друг мой — он соскочил с кресла, подбежав к нам. Пожал руку Реммиру и потянулся ко мне с поцелуем.

— Хм — Реммир, улыбаясь, отодвинул меня подальше от Мельсина.

— Ты что? Я уж поди лет сто как не могу с женщиной тр.. — и осекся, осознав, что эту деликатную тему обсуждает при женщине, при мне то есть.

Я еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

— Так как сегодня все вопросы еще я решаю, пока наследница не вступила в свои права, то конечно твоя избранница остаётся.

Он снова взгромоздился на кресло

— А когда собралась жениться? Может после основного обряда соединения с Силой? А что? Вот и будете первыми, чтоб вас Сила благословила. А?

Мы переглянулись, я пожала плечами.

— Можно, Мельсин. Я-то завтра на службе буду, А Рита заодно посмотрит на важное событие, да Рита? А уж после всего и поженимся.

Он повернулся ко мне. Я кивнула.

— Все, ребятки, идите. У меня еще дел невпроворот.

Реммир, не мешкая, открыл портал и мягко подтолкнул меня с детьми в него.

Пришла в себя уже дома. И что это было? Вершитель судеб великий Мельсин? Ко мне уже подбежали обеспокоенные Игнат с Люсей.

— Что, Рита? Да не молчи ты. Неужели обратно??? — Игнат тряс меня за плечи.

— Да нормально всё, Игнат. Что ты меня трясёшь, в конце концов.

— Фу, а то вернулась пришибленная. Я уж думал конец — он провел ладонью по лицу.

Переживает. Я приобняла его:

— Спасибо, что ты у меня есть. Все хорошо. Остаюсь. Завтра свадьба.

А Лина уже подпрыгивала рядом, тараторя и вываливая информацию:

— И совсем не страшный. Смешной даже. Чё-то прыгал, прыгал.

Я засмеялась. Мой смех подхватил Марк с Реммиром. На сердце отлегло. Я села за стол и положила голову на руки. Что-то я устала, сейчас бы закрыть глаза и открыть утром. А завтра свадьба, а платье не готово.

Я решительно встала:

— Дети, ужинать и спать. Игнат, делай что хочешь. Люся, помоги платью доделать.

— Реммир?

Он поднял обе руки, пятясь назад и открывая портал

— Я на службу — и шагнул в него

— Предатель — буркнула я

Спасибо Люсе, она успела постирать шторину. Я развернула ее на вытянутых руках. Здесь отрежу, еще и на фату останется.

Рукава и подол платья обшили ажурным кружевом. Что делать с лифом? Опять кружевом? Не хочу.

— А где цветы, которые Марк подарил?

— Рита — взмолился Игнат — Ты что ли хочешь стать первой невестой с кругами под глазами и опухшими от недосыпа глазами? То-то Реммир порадует, что такую красавицу себе нарыл. Время уже полночь. Цветы, поди и завтра вставить можешь, да? Так, девки! Слушай мою команду! — он топнул деревяшкой об пол — Спать!

Раскомандовался тут, сонно думала я, с трудом поднимаясь по лестнице. Бухнулась в кровать и уснула. Ночью вернулся Реммир и лег рядом, обняв.

— Завтра сам встретить не смогу. Пришлю кого-нибудь.

— Угу — то ли пробормотала, то ли подумала я и уснула.

Утро началось с громкого распахивания двери. Я с трудом открыла глаза и посмотрела в окно. Только начало рассветать. Реммира рядом не было.

— Ты уже проснулась? — раздался бодрый голос Лины.

М-м-м-м. А можно я сегодня не буду замуж выходить, а? Давайте я сегодня выплусь как следует, а уж завтра прямо с утра, а еще лучше послезавтра сразу прямо поженимся. А еще лучше через месяц. У нас вон дают два месяца, чтобы обдумали, значит, правильность своего решения. О правильности своего решения я пока что не сомневаюсь, только спать очень хочется. Мысли медленно текли в моей голове.

— Подъем — прервал мою безмолвную речь голос Игната.

В комнату вбежал Марк, следом Люся.

— Изверги — я с усилием села в кровати.

— Ты чего, сегодня такой день! Все уже начали собираться на площади — Люся распахнула окно, и в комнату ворвался свежий ветер.

— Ну, а я-то тут при чем? — бурчала, опуская ноги на пол — Чего ей корону без меня не наденут что ли? А замуж я могу и вечером спокойненько выйти — уже вставая с кровати.

— Э, нет. Так дело не пойдет! Я сегодня посаженным отцом должен быть, и я им буду и точка. Быстро в ванну и одеваться — видя, что я не тороплюсь, гаркнул — Живо!

Прохладная вода быстро прогнала остатки сна. Легкий завтрак и одеваться. Дети оделись сами. Лине заплела волосы в несколько французских косичек.

Настал мой черед. Платье село идеально. Мои длинные волосы Люся укладывала сама и ворчала:

— Распустила бы волосы по нашим традициям и шла себе спокойно замуж. Так нет же, все не как у ваарцев.

— Люся, ты чего бурчишь с утра пораньше? Случилось чего?

— Ага, беременность со мной приключилась — она села со мной рядом

— То злая, как стая Диких, становлюсь, то льну к Игнату словно котёнок. Про еду вообще молчу — она махнула рукой — Бывает, по три дня на еду смотреть не могу и тошнит, а то ем как отряд столичных — она вздохнула.

Мне стало стыдно. Я со своими заботами совершенно не интересовалась её здоровьем, а ведь она стойко перенесла поход и ни разу не пожаловалась. Я подошла к ней и обняла:

— Прости меня, Люся. Я эгоистка, да?

И так мне стало горько, из моих глаз потекли слёзы. Люся тоже расплакалась. Стояли, обнявшись, и уткнувшись друг в друга, и ревели. Входная дверь распахнулась, и вошёл Игнат:

— Так, девоньки, еду в трактире заказал.

Увидев нас, остановился и развел руками:

— Ну ёкарный бабай! Совсем сдурели! Вы чего, девчонки мои? — он подошел и обнял нас — Вы давайте-ка в порядок себя приводите. Тебе-то сегодня замуж не выходить, Люсетта моя — и поцеловал ее в губы.

— Рита, быстро приводи себя в порядок — нам скоро идти, а ты не готова.

— Не надо никуда идти — сказала я, шмыгая носом — Реммир сказал, пришлет кого-нибудь, порталом нас перенесут.

В общем, прическу мне все-таки доделали. Фату я решила сразу не надевать, поэтому вручила ее Марку.

Из букета выбрала цветок, отломила бутончик на небольшой ножке и только собралась вставить его в прическу, как заметила, что на месте сорванного цветка вырастает новый. Ничего себе! Волшебство, да и только. И обрадовалась. Нам хватило и мне на прическу, и Лине, и даже Люсе, а букет как был целым, так и остался. Мы с Люсей успели еще закрепить цветы по лифу платья, когда открылся портал и из него вышел Ольгерд.

Он застыл на месте, широко открыв глаза и смотрел на меня.

— Чего вылупился-то? — ворчал Игнат, подталкивая всех к порталу.

Оказались на площади, полной ваарцев в праздничных одеждах. Народ радостно переговаривался, приветствуя друг друга. Вся площадь была в цветах, и поэтому в воздухе чувствовался нежных запах самых различных цветов. Ольгерд повёл нас сквозь толпу. Ваарцы, видя его одежду, расступались перед ним, давая нам возможность спокойно пройти. А сотни любопытных глаз смотрели на нас. Так и не удивительно. Дети шли в одежде, сшитой и разукрашенной мной. А цветы в наших волосах не переставали танцевать свой удивительный и медленный танец.

На улице, возле самого входа во дворец (или как у них там называется), соорудили большой навес, украшенный живыми цветами. Стоял большой высокий трон с высокой спинкой и резными подлокотниками. Рядом трон поменьше, на котором уже сидел Мельсин в своей нарядной одежде, которую я уже видела вчера. С ним стояли несколько молодых ребят в такой же одежде. Ученики, стало быть. Рядом с тронном стоял Реммир и его ребята из отряда. Они контролировали ситуацию на площади. Ваарцев, уже праздновавших радостное событие не один день, выявляли и потихоньку выводили.

Реммир повернул голову в нашу сторону и, наконец, заметил нас. Его брови чуть приподнялись, а взгляд медленно прошелся по мне вниз и вверх, задержавшись на талии и груди. Мы посмотрели друг другу в глаза, и я потерялась в пространстве. Как будто исчезли все вокруг и звуки утихли. Сейчас бы дотронуться пальцем до его губ и медленно провести до самого шрама, а потом прижать ладошку в его щеке, погрузить пальцы в его шелковистые черные волосы, прижаться к его шее и вдохнуть запах его кожи и...

Меня прервал осязаемый толчок в спину:

— Сдурела совсем? Вы еще прямо на площади начните брачную ночь. Меня аж пробрало — бурчал Игнат.

Я отвела взгляд и поморгала. Меня и саму пробрало.

В это время зазвучала музыка и шум начал смолкать. Встал Мельсин и зазвучал его громкий голос:

— Сегодня для нас знаменательный день. Через много лет ожиданий к нам вернулась наследница.

Площадь взорвалась радостными криками.

— Так давайте же встретим ту, что дарует нам благодать — и повел рукой в сторону дворца. Открылась дверь и оттуда медленным шагом вышла девушка, шагая по дорожке из цветов. Все вытягивали шеи, чтобы лучше рассмотреть наследницу, поднимали детей на руки, давая и им насладиться важным моментом.

Девушка дошла до своего трона, чуть постояла, обводя всех взглядом и села. И мне представилась возможность ее рассмотреть.

Высокоподнятая голова с распущенными черными волосами до плеч, украшенная изящной диадемой. Пухлые розовые губы наверняка притягивали мужские взгляды, если бы не то, что периодически она поджимала их в недовольной гримасе. Белое платье, открывающее декольте и плечи, с традиционной ваарской вышивкой по подолу. Наследница повернула голову в нашу сторону, и я чуть передернула плечами. Под высокими черными бровями вразлет, ютились маленькие черные глазки.

А Мельсин все говорил и говорил, превознося достоинства вернувшейся на родину наследницы.

И чего я, в самом деле? Девчонка может, намаялась на чужбине, может она эти самыми глазами Диких всех испепелит?

Мельсин уже гласил зычным голосом:

— Позвольте пройти к дереву Жизни, чтобы оно признало свою хозяйку — и поклонился.

Мы специально чуть отстали, потому как основная толпа ринулась за наследницей. Процессия обогнула площадь по кругу и завернула за дворец. Круг почета, стало быть. Я плелась с детьми в задних рядах. Ну и чего, спрашивается, я вставала ни свет, ни заря?

Солнце уже за полдень перевалило, до вечера тут топтаться ноги устанут. Вслед за толпой, мы зашли в сад, и я увидела скамейку.

Дошла до неё и села, с наслаждением вытянув ноги. То же самое проделали Люся с Игнатом. Я положила букет рядом, откидываясь на спинку. Дети, с моего разрешения, юркнули в самую толпу, поглазеть на открывающееся действие.

— Что там с деревом, Люся?

— Так принять должно её.

— Узнать, как бы?

— Да вон смотри, отсюда его видно — и указала рукой.

Я повернула голову и застыла. Верхушка дерева как будто выглядывала над всей толпой. Еще не большое дерево, с широкой раскидистой кроной и крупными разноцветными листьями. По поверхности кроны как будто играли в догонялки солнечные зайчики. Красота неопишуемая! Я подняла и протянула руку, будто ловя пальцами солнечных зайчиков. Внезапно дерево ожило и все листочки одновременно затрепетали. В толпе раздался вздох восхищения. Я опустила руку, вставая на цыпочки, но разве за толпой можно посмотреть, что там происходит. Ой, да ладно.

Обязательно попрошу Реммира сюда еще прийти и посмотреть на дерево. Шелест листьев прекратился и дерево снова замерло.

В толпе то тут, то там начали раздаваться шепот разочарования. Гул все нарастал. И раздался громкий крик Мельсина:

— Тихо-о-о!

Я закрыла уши. Блин, откуда в этом невысоком человеке, такой голос-то взялся?

— Дерево отозвалось! Значит, признало наследницу!

И в полной звенящей тишине продолжил:

— Осталось слиться с Силой великой Хранительницы. Прошу наследницу пройти в купол для соединения — и склонил голову.

Мимо нашей лавочки прошла вся толпа, возглавляемая Мельсином. Вышли обратно на площадь, обошли дворец с другой стороны и пред нами предстал большой стеклянный купол.

Процессия прошла вовнутрь. Жители, кто как мог, протискивался туда, желая своими глазами увидеть торжественный момент.

Ой нет, я туда точно не полезу. Во-первых душно, во-вторых, мне в толпе платье помнут, а мне в нем, позвольте напомнить, еще замуж выходить. А в-третьих, и с улицы все прекрасно видно. В центре купола было возвышение, к которому вела широкая каменная лестница. А в самом центре большой светящийся шар Силы. Мне даже с улицы было видно, как внутри шара перекачивается мощная сила, временами вспыхивая в разных местах.

На возвышение поднялся Мельсин со своими учениками. Реммир с ребятами, образовали на лестнице коридор для наследницы, выстроившись в ряд.

— Ну а сейчас, настал тот самый момент — голос Мельсина от волнения прервался. Он прокашлялся в кулак и продолжил:

— Когда наследница соединится с Силой. Момент, которого мы ждали много лет — его лицо покраснело от волнения — Да свершится предначертанное!

Толпа взревела.

— Прошу вас пройти в купол — и поклонился.

Наследница повернулась к толпе, показывая себя во всей красе, выставив одну ногу вперед, затем плавно развернулась, слегка поведя плечами. И стала медленно подниматься. Остановившись возле купола, задержалась на секунду, пожалала плечами и шагнула.

Повисла тишина. Даже я, находясь на улице, задержала дыхание. Мы видели фигуру девушки, окутываемую Силой. Её фигура поднялась над полом. Казалось, никто не дышал. Секунда, другая. Яркая вспышка и ... будто сотни мельчайших осколков разлетелось внутри купола и свечение начало гаснуть. На пол со звоном шмякнулась диадема и цветы с её волос. Теперь я точно знаю значение слов мертвая тишина.

— А-а-а-а — разорвал тишину горестный крик Мельсина.

Я увидела, что старик бухнулся на колени, закрыв лицо ладонями.

Толпа, еще секунду назад молчавшая, взревела. Разом заплакали дети, то тут, то там слышались слова о проклятии.

Большое разочарование постигло сегодня жителей Ваарии, присутствующих на церемонии. Никто не хотел покидать купол, возможно надеясь, что произошла ошибка и сейчас их спасительница возникнет в лучах Силы. Но время шло, а чудо не происходило. Реммир отдал приказ выводить народ на улицу. Когда купол опустел, мы зашли в него. Купол светился ровным мягким светом, а возле него качался из стороны Мельсин, сидя на коленях. Внезапно он вскочил на ноги, в отчаянии схватил свой колпак и бросил его оземь. Я в ужасе увидела клочок его волос.

— Столько лет ожидания и все напрасно.

Он снова запустил руки в волосы.

— Как? Как я мог ошибиться? Восемьсот лет службы верой и правдой! Неужели это конец? — он поднял руки вверх.

И снова в его кулаке клочок волос. Так он себе изрядную проплешину нарвет.

Нет, я, конечно, все понимаю. Но видеть первое, на сегодняшний день, лицо государства в таком состоянии, картина жалостная, хочу сказать. Все молчали. Значит, беру дело в свои женские руки.

— А что, собственно, произошло? — я подошла к Мельсину — Самозванка не получила власть? Так было бы гораздо хуже, если бы у нее каким-то образом получилось. Правда?

До Мельсина мои слова доходили с трудом. Глаза уже начали моргать, а руки автоматически потянулись к волосам, готовые вырвать очередную партию волос. Я мягко убрала руки от его головы.

— Вы же сами говорили, что был знак. От кого? Свыше?

Я подняла глаза вверх, а Мельсин кивнул.

— А карта? Разве карта может врать? Я же своими глазами видела, что одна сторона страны чистая, светлая.

Его голова начала потихоньку кивать.

— Значит, ваша наследница уже здесь и обязательно появится. Нужно набраться терпения. Может день, может месяц.

Я осторожно повела его за руку вниз по лестнице.

— Да что значит месяц, по сравнению со многими годами ожидания, да?

Мельсин кивнул, и я увидела, что остальные присутствующие тоже стали кивать головами. Вот и хорошо. Значит, отошли от шока и начали хоть немного соображать. Я вывела Мельсина на улицу, помахала остальным рукой, предлагая всем выйти на улицу.

А на улице уже темнело. Это сколько времени прошло? Вот первая звездочка проснулась на небе.

— А у меня ведь сегодня свадьба — немного грустно сказала я — А знаете что? Мы вас приглашаем, правда? — я повернулась к Реммиру, тот с готовностью кивнул.

И, не давая возможности присутствующим отказаться, я взяла Мельсина под руку и повела, вовлекая в разговор. В итоге с нами пошли три ученика Мельсина, которые просто не знали, что делать, ведь других указаний от учителя не поступало. А также ребята из отряда Реммира.

Мы шли по дорожке, освещаемой только сиянием звезд. Игнат пару раз остутился, ругаясь сквозь зубы.

— Что это я? — сказал Мельсин, остановившись. Он взмахнул руками, и сотни светящихся огоньков осветили наш путь. Она хаотично плавали над головами, а потом выстроились в полосу, имитируя дорогу на земле. Я с детьми в восхищении остановились.

— Красиво!

Подходя к небольшому храму Хранительницы, огоньки перелетели на него, облепляя его.

Мы остановились возле храма. Мельсин, уже взявший себя в руки, решительно подошел и открыл двери и зашел. А, так как мы с ним шли под ручку, получилось, что мы зашли с ним одновременно.

Молодой служитель, мирно дремавший в углу, вскочил, хлопая глазами. Наконец, он узнал Мельсина и его глаза широко открылись от удивления. Он схватил маленький колпак дрожащими руками и криво водрузил его на макушку. Выпрямился по струнке, преданно смотря на Мельсина. Но тут он перевел взгляд на меня, моё платье и букетик цветов, и его глаза широко открылись от удивления. Бедолага подумал, что ему выпала честь нас женить.

Я засмеялась. Мельсин смущенно кашлянул, отпустил мою руку и махнул рукой, подзывая Реммира. Но к нам решительным шагом подошел Игнат, отодвигая Мельсина. Теперь большие глаза были у него, он переводил взгляд с Игната на Реммира и обратно.

— Я потом объясню.

— Реммир, иди к алтарю, дети идут за мной, все остальные за детьми — уже командовала я.

Блин, фату забыла надеть. Взяла чуть помятую фату у Марка, который все это время самоотверженно нес её, закрепила на голове и кивнула. Готова.

— А можно музыку? — это уже к Мельсину. Он кивнул, хлопнул в ладоши, и заиграла разухабистая плясовая.

— Медленную и мелодичную, пожалуйста.

Снова хлопок и со всех сторон послышалась тихая мелодичная музыка.

Мы с Игнатом посмотрели друг на друга, улыбнувшись.

— С Богом — тихо сказал Игнат.

Я спрятала улыбку. В Храме Хранительницы и такие слова.

Игнат медленно повел меня к жениху. Я чувствовала, как Игнат волнуется, его рука слегка дрожала. Мы остановились перед Реммиром, который выжидающе смотрел на нас. Он ведь не знал, что следует делать дальше.

Игнат кашлянул, прежде чем начать говорить:

— Хоть я не растил и не воспитывал эту девочку, но за это время она мне стала роднее родных. И наконец я осуществил свою несбыточную мечту — отвести свою дочь под венец — его голос слегка осип от переживаний — Я передаю тебе свою названную дочь, чтобы ты любил её как я её люблю. Заботься о ней и оберегай от бед.

Он передал мою руку Реммиру и мы поднялись по ступенькам к небольшому алтарю. Там нас ждал волнующийся служитель, все время поправлявший одежду.

— Положите руки на алтарь. Сегодня обряд совершаю т— он вопросительно посмотрел на нас

— Реммир дер Лемминг — ответил Реммир и осёкся, посмотрев на меня.

Ну, ё моё, пришли жениться. Это называется — секс не повод для знакомства.

Я тихо хихикнула:

— Маргарита Ивановна Майская.

И заметив его удивленный взгляд, продолжила:

— Что? Это мои паспортные данные.

А служитель, услышав имя Реммира совсем растерялся. Я видела, как он сжал руки в кулаки, пытаюсь прийти в себя. Его взгляд метался между Реммиром и Мельсином. Да, бедолага, не повезло тебе сегодня. Между тем он глубоко вдохнул и продолжил:

— Я прошу великую силу соединить этих двух ваарцев. И пусть ваша любовь будет истинной — и сделал шаг назад.

Откуда-то сверху полился свет, он мягко опустился туманом на наши руки. Наши рисунки на запястье зашевелились. Они зацепились кончиками и переплелись, образуя рисунок в воздухе. Под тихую мелодию рисунки складывались то в цветок, то в бабочку, то взметались вверх замысловатым рисунком. Я замерла, любуясь развернувшимся действием. И заметила, что и служитель и Мельсин смотрят с широко открытыми глазами. Что-то не так? Я же понятия не имею, как должно быть.

Между тем линии в последний раз переплелись, и легли на запястье золотистым рисунком. Свет начал постепенно исчезать, мы остались в полной тишине.

— Истинная! — выдохнули Мельсин со служителем одновременно.

— А это все? Или еще что-то будет? — уточнила я

Служитель собрался и произнес:

— Хранительница признала эту связь истинной. Поздравляю вас. Любите друг друга, дорожите этой любовью многие года.

Я повернулась лицом к своим гостям:

— Можно поздравлять.

Все заговорили, поздравляя нас. Лина радостно прыгала, пытаюсь обнять меня. Я наклонилась и обняла девочку. Марк чуть смущенно поздравил и обнял. Мы вышли на улицу.

— Игнат, ты говорил, что заказал еду в трактире. Там на всех хватит?

— Хватит, Рита — кивнул Игнат

— Приглашаю всех к нам, нужно отпраздновать. Ну и так посидим, поговорим.

Мельсин стал категорически отказываться. Но я взяла его под руку и повела. Ну что он у себя один делать будет после такого дня? Остатки волос вырывать? Пусть немного развеется, отвлечется. Я повернулась к остальным, мотая головой, показывая на своего спутника глазами. Мне кивнули в ответ.

— Что это я? Сейчас порталом уйдем — и начал поднимать руку.

Я перехватила её, опуская.

— Ни в коем случае! Посмотрите, какая погода славная. Тут идти недалеко, а я пока что расскажу вам про нашу традицию.

— Да-да — с готовностью слушать живо ответил он

— У нас невесту к алтарю ведет отец. Ведь он растил её, оберегал, защищал и любил, как может любить отец. И передавая свою дочь с одних мужских рук в другие мужские руки, он доверяет ему своё сокровище и надеется, что будущий муж будет также о ней заботиться и оберегать» — мы неспешно шагали по улице. Немногочисленные прохожие уважительно кланялись.

— У меня отца никогда не было, а оказавшись здесь, мы с Игнатом как-то сблизились, словно дочь и отец. Вы ведь знаете его историю — Мельсин кивнул

— Поэтому он был моим посаженным отцом.

Мельсин оживился:

— Традиция-то хорошая и душевная. Может у нас тоже такую ввести?

Так, за неспешными разговорами мы дошли до дома. Быстро сдвинули столы, разложили еду. И под легкое вино начались поздравления, которые плавно перешли на обсуждение нашего похода.

Время уже было за полночь, а из нашего открытого окна доносился хохот, когда красочно описывали мои приключения со сватовством. С улицы раздались возмущенные голоса:

— Эй там, офигели вообще? Спать не даёте! Мы сейчас охрану вызовем!

Мельсин живо повернулся к ребятам:

— Слышали? Будьте готовы. Вас сейчас вызывать будут.

А сам встал, чуть качаясь, и направился к двери, распахнув её:

— В чем дело? — зычным голосом спросил он.

Махнул рукой и двор озарился светом. Скандалисты разом присмирели, узнав Мельсина.

— Разойтись по домам. Здесь дела Ваарии обсуждаются, щас еще пару стратегических планов по спасению нашего мира обсудим и будет тихо — развернулся и зашел, хлопнув дверью.

— А ну ка, давай с самого начала расскажи, как сюда попала. Мне подумать нужно, куда тебя приспособить можно — он сел напротив.

Отправив детей наверх спать, я начала неспешный разговор. И снова пережила события тех дней. Мельсин внимательно слушал, то хмыкая, то хмурясь, то улыбаясь.

От компании постепенно отделялся народ, не выдержавший бессонной ночи. За столом остались мы втроем. Я, Реммир, Мельсин.

— Живность-то можно твою глянуть?

— Можно. Сейчас позову — открыла окно во внутренний дворик и позвала.

Через секунду дверь распахнулась, и степенно вошел Хилый, зевая. Он сел возле меня, переводя сонный взгляд на присутствующих.

Послышался шум, я повернулась. Мелкий пытался пройти в дверной проём. Пытался, потому что не мог в него пройти. Он, то протискивался вперед, мотая головой, то фыркал отступая. Мелкий в очередной раз помотал головой, переступил лапами, я видела, как у него сгруппировались все мышцы, и он снова прыгнул. И застрял. Начал выкручиваться, пытаясь продвинуться хоть на сантиметр. Выпустил когти, запустил их в пол и начал подтягиваться на лапах, пыхтя.

Мы не выдержали и засмеялись. Мелкий взглянул на нас исподлобья, сделал рывок, дверной проем треснул и теперь на его холке болтался косяк от двери. Он подошел ко мне с довольной мордой и от успешно проделанной работы.

Я провела рукой по холке.

— И это он еще маленький у меня.

Мельсин встал напротив животных, внимательно смотря. Внезапно Мелкий встрепенулся, часто заморгал и склонил свою большую башку. Его движение повторил Хил.

Это чего это происходит?

Мельсин добродушно улыбнулся:

— Я уже думал, не увижу никогда левиров. Раньше они служили наследникам, тебе видишь бесхозный прибился. Кабары вообще тайные агенты. Тут тоже понятно, благодарность у него большая за спасение.

Он немного помолчал, опустив голову:

— Как думаешь, почему так с наследницей получилось? Мне хочется твоё мнение иноземное услышать.

— Что тут думать? Как услышала, что наследницу ищут, так и ухватилась про возможность корону себе напялить. У нас таких безмозглых много, всё о принце мечтают, а тут такая возможность самой принцессой заделаться. Не думала девочка, к каким последствиям это может привести, не видела, что Сила может.

Он задумался, смотря в окно. Начало светать.

— Ладно, пора и честь знать — он решительно встал, расталкивая своих спящих учеников — А то у вас брачная ночь должна быть.

Он хмыкнул:

— Хотя это уже брачное утро получается.

— Теперь какие планы у вас? — спросил он у нас.

— Хотим домой вернуться через пару деньков. Обустроиваться нужно.

— Это хорошо. И я бы у тебя погостил пару дней. Как, Реммир, приглашаешь? Мне хоть пару дней передышки нужно, прежде чем опять браться за поиски.

— О чем разговор! С большим удовольствием.

Мельсин кивнул, открыл портал, отправляя туда своих сонных учеников и, прежде чем шагнуть самому, обернулся:

— Спасибо, милая!

Мы доплелись до кровати, я уснула, едва моя голова коснулась мягкой постели.

Проснулась от нежного поцелуя своего супруга. В общем, у нас получился брачный день. Когда всё закончилось, по старой традиции распахнулась дверь и вбежала Лина.

— Проснулись, да? Там Люся к дочери собралась, так что теперь, если вы не встанете, мы без присмотра останемся. А это же о-о-очень опасно — она подняла глазки к потолку, прижав ладошки к груди.

Реммир засмеялся. Да уж назвался груздём- полезай в кузовок.

Игнат с Люсей ушли порталом, любезно открытый Реммиром. А мы решили устроить себе заслуженный отдых. Собрали необходимую еду и вещи и порталом отправились к ближайшему озеру. Мелкий в портал просто не влазил по размерам, и Хил из чувства солидарности остался с ним.

— Найдете нас, если захотите в водичке поплескаться — сказал Реммир, открывая портал.

Чудесная погода и природа. Вода теплая как парное молоко. Мы купались и загорали, бегали по берегу в догонялки с детьми, готовили еду на костре. Ближе к вечеру к нам прибежали животные. Они с детьми принялись плескаться в воде. Когда совсем уже стемнело, мы вернулись домой. Там уже сидели Игнат и Люся с сияющей улыбкой. Встреча произошла шумно, будто месяц назад расстались.

Внезапно открылся портал и оттуда вышел Мельсин. Мы сели за стол, но уже без вина, и повели неспешный разговор.

— Когда думаете домой?

Мы переглянулись:

— А хоть и завтра с утра.

— С утра не получится. Пока с делами управлюсь и вечер настанет. А вот вечером могу.

— Порталом?

— Конечно — кивнул он

— Тогда есть одна маленькая проблемка. Не знаю, как своих животных переправлять.

Он хмыкнул, потеряв подбородок:

— Тогда из дворца уйдем. Сделаю большой — и уйдем.

— Вот спасибо — обрадовалась я.

— Тогда до завтра — он встал, и ушел привычным способом.

Утром следующего дня мы начали потихоньку собираться. Быстрее бы уже домой. Даже дети заразились моим желанием, помогали собираться. Здесь чужой дом, а хочется уже свой уголок, где бы душа отдыхала. Игнат и Люся приняли решение уйти с нами, и я очень обрадовалась.

Вечером решили до Мельсина дойти пешком. Свою поклажу повесили на Мелкого. А что? Пусть пользу приносит, нам за дверь пришлось с хозяйкой рассчитываться.

Ваарцы останавливались с открытыми ртами и смотрели на животных. Хил, забравшись на холку Мелкого, поглядывал по сторонам, порывивая на прохожих, близко к нам подошедших.

Во дворце было тихо. Мы поднялись в кабинет к Мельсину. Животные остались на улице.

— Пришли? Ага. Я тогда переодеваюсь и в путь.

Он снял свой балахон, под которым оказалась дорожная одежда, просторная рубаха с вышивкой и штаны. Он снял колпак, положил его на стол, провел рукой по голове, подумал секунду и надел колпак обратно. Я отвернулась, пряча улыбку, и подошла к окну. Дерево жизни, я ведь так хотела на него посмотреть. Когда у меня еще будет возможность сюда вернуться?

— Можно мне на дерево посмотреть? Тогда много народу было, я не смогла подойти к нему.

— Можно — просто ответил Мельсин.

— Живность-то на улице? Вот с улицы и уйдем.

Мы вышли на улицу и двинулись в сад. Дети побежали первыми, они с восторгом трогали листочки, любясь игрой разноцветных отблесков, ловящих последние лучи заходящего солнца.

— Ты чего не идешь? — спросил Мельсин, кивая головой.

— Встречаться с прекрасным предпочитаю наедине — ответила я, улыбнувшись.

Он поднял брови.

— Ну, вот смотришь и понимаешь, что нравится. А почему? Допустим вещь — почему может нравится? Красивая, хорошо сшита, модная, приятная к телу, цвет подходит, подчеркивает достоинства и так далее и тому подобное. Но это для тела. А для души? А для души прекрасное. Когдаходишь первый раз нужно отклик души поймать — радость, восхищение, что-то своё, которого больше не будет ни у кого. В общем эмоции очень разные, но важно запомнить. А как запомнить, если вокруг много народу, эмоции посторонних могут смешаться с твоими и помешать найти этот отклик? Конечно, можно попытаться еще раз, но уже не то.

— Думаю, это как мать в первый раз видит своего ребенка. Будет и второй и десятый и сотый, но пройдет много лет, а помнить всегда будет о первом. Поэтому, лично мне нужно,

чтобы ничего не отвлекало. И возить с собой ничего не нужно, всё здесь — приложила руку к груди.

— Даже если уедешь очень далеко, стоит только вспомнить свою первую встречу, и те же самые приятные эмоции всплывают.

И я медленно пошла.

Листочки едва шелестели на ветру, как будто заигрывая со мной. Неожиданно последний солнечный лучик лизнул вершину дерева. Одна ветка поднялась вверх, подхватив его и вернулась на место. И сотни разноцветных листьев подхватили солнечного зайчика и понесли по веткам.

Я испытала восторг и засмеялась.

— Я тоже хочу поиграть. Мне, мне дайте — молча смеялась я, протягивая руку, пытаюсь поймать беспечного солнечного зайчика. Внезапно все листья разом зашелестели и на мою ладонь соскользнуло маленькое светящееся пятнышко, которое скакало по ладонке, словно мячик. Одна ветка опустилась к моей руке, и я аккуратно наклонила ладонку, позволяя зайчику перескочить на ветку.

Я подошла к самому стволу. «Спасибо», закрыла глаза и обняла. Стало так спокойно и это ощущение, словно я его уже испытывала когда-то, а сейчас вспомнила.

Над головой зашумело. Я с трудом открыла глаза — крона дерева медленно задвигалась по кругу, расплетая верхнюю часть ствола. Ветки выпрямились и начали наклоняться вниз, закрывая меня от всего мира. Страшно совершенно не было, оно не могло меня обидеть. Ветки осторожно подхватили меня, приподнимая над землей, чуть покачивая, словно баюкая.

Почувствовала, как ветки расплетают мои волосы, проводя по всей длине веточками, расчесывая.

Я не слышала, как загудел купол, как сила набрала свою мощь, гудя. Не видела, как разлетелась на сотни осколков крыша купола. Сила ярким мощным лучом выстрелила в небо, осветив его, и устремилась к дереву.

Не видела, как все животные Ваарии на секунду застыли, всматриваясь в небо, и склонили свои головы.

Увидела только, как верхушка осветилась светом, послышался тихий смех, и передо мной появилась уже знакомая мне женщина.

— Сила приняла тебя, а ты приняла Силу. С возвращением, Марита — мягко улыбнулась она — Именно ты моя наследница — поднимая одну ладонь, не давая мне задать кучу вопросов — Ты была совсем кроха, когда вы поехали в другой мир на переговоры. Тогда многие погибли. Многие, но не все. Но об этом позже.

«Я?? Не может быть! Я простая девушка!!! И... и... Я не хочу!» Мысли проносились в голове. «Если я наследница, то это...? Хранительница?! А она дочь... Да нет! Не может быть. А я? Кто тогда я? Я молча вытаращила глаза глядя на жен... хм, Хранительницу.

Она кивнула:

— И ничего изменить нельзя. Привыкнешь. Тебе предстоит научиться пользоваться Силой, Мельсин поможет.

Её изображение начало исчезать.

— Эй, постой! Да подожди, в конце концов!

— Не разнеси тут половину мира, Марита, который я с такой любовью создавала — её тихий смех растаял и изображение исчезло.

Ветки аккуратно поставили меня на землю, приобняв напоследок, и поднялись наверх.

Я постояла секунду и подняла глаза. Мельсин с выпученными глазами бухнулся на колени, затем вообще распластался на земле. Люся тоже была на коленях. Реммир стоял с каменным лицом, смотря в землю. Он не мог поднять на меня взгляд и медленно встал на одно колено. Дети, мои милые дети, в растерянности переводили взгляд на меня и коленопреклоненных. Игнат стоял, открывая и закрывая рот, словно рыба, выброшенная на берег.

И что теперь? Эти родные для меня люди, которых я полюбила, будут каждый склонять голову передо мной? Они станут отдаляться от меня, а я не хочу потерять их дружбу и любовь. Не хочу! И не важно, кто я, мне не важно.

— Рита? — раздался робкий голос Лины.

Я улыбнулась.

— Все хорошо — убедительно кивнула я.

— Мельсин, будь так любезен, встань. Ты мне сейчас детей перепугаешь. Игнат, закрой ты, в конце концов, свой рот и подними свою жену.

Реммир встал с колена и отошел в сторону, не поднимая головы. Мелкий с Хилом подошли ко мне и встали по обеим сторонам. Чтобы немного успокоиться, я положила руку на спину Мелкому, запуская руку в густую шерсть. Ну, хоть животные подошли как обычно. Не знают себе кто я, и не знают. «Знаем» — Хил повернул ко мне голову.

Я открыла рот. Это что сейчас было? Это я могу теперь с ними мысленно разговаривать? И что значит, знаем? И с каких пор? Почему не сказал?

— Каким образом я должен был сказать, интересно? Мы можем общаться только после соединения с Силой. А знал давно. Я был послан — он поднял морду вверх — Чтобы наследницу встретить и привести сюда. А получилось совсем по-другому — он с шумом помотал головой.

— Ага. А Мелкий?

— А я ва-а-а-аще ничё не знал — он открыл пасть, вывалив язык — Я ж маленький был, когда ты меня спасла. А как вырос, мне вон разведка все объяснила — Ну а чё ваще? Чё они застыли-то? Ничё такого не случилось. Мы ваще домой вроде собирались. Идем или чё? — он начал переступать передними лапами.

— Я тебе сейчас «почёкаю». Займусь вот теперь твоим воспитанием — потрепала его за ухом.

Посмотрела на Мельсина. Получается, мы стояли в полной тишине, пока я тут с животными разговаривала.

«Ага» — Хил фыркнул.

— Это они все мои мысли слышать будут? Так дело не пойдет. Если я о личном думать буду? Не. Нужно научиться закрывать мысли. Мельсин научит — он мотнул головой.

— Ты давай, поговори со своими, а то там уже эмоции страха появляются — он шумно вдохнул, широко открытыми ноздрями.

И что теперь говорить? Оказывается, я наследница, и я сама в шоке?

Я вдохнула.

— Мне тут объявили, что я наследница и меня зовут Марита. Если честно, я не знаю, что сейчас говорить и, наверное, я сейчас упаду — мои ноги начали медленно подгибаться.

Мельсин подбежал ко мне, следом очухался Реммир и, не смотря мне в лицо, подбежал. Но только они прикоснулись ко мне, как от удара Силой отлетели в разные стороны. Люся вскрикнула, прижимая руки ко рту.

— Это что? Это я? Я не хотела — я с ужасом смотрела на поднимающихся с земли мужчин.

— Ага. Понятно. Мальчик мой, не подходи. Это в нее вбухано Силы и она еще не может ею управлять. Видишь же, как волнуется — он приговаривал, кряхтя поднимаясь.

— Я сам, мне привычней, потерплю. А там научимся управлять, да? — он, сжав губы, подхватил меня под руку и повел.

Его потряхивало от разрядов. Его волосы начали вставать дыбом, как от статического электричества, о посередине головы выглядывала плешь.

От его потешного вида, меня начало отпускать, я сначала улыбалась, потом не выдержала и засмеялась. Да так громко и заразительно, что дети начали улыбаться.

Мельсин довел меня до скамейки и отпустил. Его волосы начали опускаться. Я протянула руку и взялась за его плечо. Волосы снова взметнулись вверх.

От смеха из глаз начали течь слезы, я задыхалась, хватаясь за ребра. Люся с Игнатом подхватили смех. У Реммира разгладилось лицо, он больше не хмурился, смотря на нашу истерику. Мельсин просто счастливо улыбался. Успокоившись, я встала:

— Мы, вроде, домой собирались? Или теперь все изменилось? — я подняла брови, смотря на Реммира.

Тот немного замешкался и отрицательно покачал головой.

— Тогда давайте отправляться. Там очухаюсь и поговорим.

И только Мельсин открыл портал, возле входа в сад открылся другой портал и оттуда вывалился окровавленный боец.

— Мельсин, Дикие — и упал без сознания.

*

Мы застыли. Реммир побежал к portalу, но его остановил громкий голос Мельсина:

— Стоять!!!

И он застыл на месте.

Что делать? Детей куда спрятать? Мысли запрыгали в голове, начала нарастать паника.

— Ты наследница! — припечатал Мельсин. Лицо серьезное и сосредоточенное — Только ты справишься!

Ага. Понятно, то есть ни фиги не понятно. Разберусь, поди, если Мельсин будет подсказывать. Я внутренне подобралась.

— Игнат, с Люсей и детьми домой. Хил, Мелкий ко мне! Мельсин, открывай большой портал и вперед — уверенным голосом сказала и первой шагнула в него.

Оказалась на пригорке, а впереди... Большая площадь выжженной земли, по которой словно черная волна передвигались тысячи Диких.

— А-а-а-а-а. У меня паника!

— Спокойно. Закрой глаза, сосредоточься. Посмотри, где-то должны быть порталы. Не могло их столько в один портал пролезть, да еще одномоментно.

Я закрыла глаза.

— Дальше что делать? Как смотреть?

— Мысленно смотри. Представь, что стоишь рядом и смотришь.

Сначала ничего не происходило. Потом внезапно возникла картинка. Потом еще одна. Они начали появляться в моей голове, убыстряясь, пока не сложились в одну общую. Вот теперь я вижу, что в четырех местах граница разорвана в клочья, четыре больших черных портала, из которых продолжали выходить Дикие.

— Вижу — сказала я, открывая глаза.

— Молодец. Теперь самое сложное. Ты должна решить, что с ними делать. Выгоняем или уничтожаем.

За всё, что я пережила, за все, что пережили дети, за то, что посмели безжалостно убивать.

— Уничтожаем!

Мельсин кивнул, соглашаясь со мной. За нашими спинами послышался шум, и мы обернулись. Открывались порталы и из них стали выскакивать бойцы. Вот ребята из отряда Реммира. Они все прибывали и прибывали, но их было гораздо меньше, чем предполагаемых завоевателей. У всех напряженные, сосредоточенные лица и они уже оценили масштаб бедствия.

— Реммир. Ты зачем Риту сюда приволок — сказал, подходя Тельнан, устранивая в руке меч поудобнее — Я понимаю, что девка не промах, но посмотри, что творится.

Он поднял голову к небу, закрывая глаза:

— Хороший сегодня был денек. Завтрашний день увидят не многие из нас — он выдохнул, открывая глаза — Хоть бы шавалы подоспели вовремя на помощь — и повернул голову к Реммиру — Отправляй Риту, командир. Так у нее хоть будет шанс спастись.

Реммир стоял, сложив руки на груди.

— Не поверишь, Тельнан. Получается, что только она одна и может нас спасти.

— Умом ты тронулся, командир? Как она может нас спасти? Разве что чудо произойдет — бурчал Тельнан, отходя к ребятам.

Это он правильно сказал. Только чудо поможет мне разобраться, что дальше делать.

— Что делать, Мельсин?

— Закрой глаза, найди порталы и закрывай. Представь, что закрываешь дверь, а её изнутри кто-то держит. Тут нужно усилие приложить.

Я вздохнула, закрыла глаза и стала искать. Вот один нашла. Как будто закрываешь двери. В это время начал пролазить Дикий и я представила, что с силой хлопаю дверью, попав ему по самой морде. Секунда и портал исчез. Дверь положено еще и на замок закрывать, поэтому представила большой засов и амбарный замок. Со вторым и третьим проблем не возникло. С четвертым было посложнее. Проём был разорван в форме звезды и представить, что, закрываешь дверь, было сложновато. Тогда сначала придам ему нужную форму, а там уже и закрою. Начала мысленно латать дыры, когда услышала Хила.

— Нас справа обходят.

— Мельсин, справа будут нападать. Я сразу не смогу ориентироваться, сейчас последний портал закрою и потом приступим. Посылай народ — не открывая глаз, сказала я.

Тот скомандовал, и часть ребят устремилась туда.

Я придала дыре нужную форму и собралась закрыть, как в него полез Дикий. Чего лезут, спрашивается? И захлопнула. Дикого разрезало пополам.

Любопытную Варвару, на базаре ... пополам разорвало.

— Дальше что делать?

— Теперь уничтожай. Разведи руки в стороны, ладонями вверх, сконцентрируй Силу, соедини ладони и направляй в них. Только сразу всё не вбухай.

Ага. Я развела руки, глубоко дыша, и соединила ладони. Ни-че-го. Я попробовала еще раз. Ничего. И я запаниковала, эти твари подходили всё ближе, справа уже шел бой, а у меня ничего не получается.

Я со всей дури хлопнула в ладоши. Ничего.

— Не получается, Мельсин! — и от отчаяния топнула ногой.

По земле пошла большая трещина, которая понеслась змеей прямо на Диких. Земля раскололась пополам, расширяя свою бездну, принимая в нее Диких. Послышались крики.

— Пробуй еще.

Я разводила руками и хлопала. А потом просто опустила руки. Я сжимала ладони в бессилии, перебирала пальцами, пытаюсь почувствовать Силу, тёрла их друг об друга.

— Неужели это конец? Думай Рита, думай — и почему-то щелкнула пальцами.

В воздух взмыли сотни огоньков, осветив часть пригорка, на котором я стояла. И я начала щелкать. До немоты в пальцах, пока тысячи огоньков не повисли в воздухе, освещая как днём, всё пространство с Дикими.

— Ты хочешь умереть при свете? Ты уже столько Силы израсходовала! Сконцентрируйся и соедини ладони! — голос Мельсина повышался, в нем слышалась паника.

Я сделала ещё одну попытку. Ничего. Значит, нужно действовать по-другому. Я смотрела на огоньки, висящие в воздухе, и представила, что это стрелы-огненные, с горящим оперением на конце. И мои огоньки начали вытягиваться, превращаясь в стрелы. Я подняла одну руку, сделала круговое движение и стрелы завертелись на месте. А теперь.

Я подняла обе руки, вытянула, раскрыла ладони и резко опустила их к земле. И сотни стрел полетели вниз, ввинчиваясь в тела Диких.

— И взрывайтесь, попав в тело — приказала я.

Поляну осветил ослепительный свет, и я зажмурилась. Когда все стихло, открыла глаза. От Диких не осталось и следа, только по краю ребята догоняли уцелевших и добивали. «Мне, мне одного оставьте», мысленно вопил Мелкий в нетерпении подскакивая на месте.

— Иди уже, вояка. Помоги ребятам.

Мелкий рванул с места, только его лапы и сверкнули.

— Получилось. И как сообразила, а? Молодец — Мельсин довольно шурился.

— Прибраться бы здесь. Как думаешь?

— А что бы и не прибраться? Действуй. Принцип ты уже поняла.

И когда последний ваарец ушел с боя действия, я принялась за дело. Соединила в районе трещины указательные пальцы и земля медленно сошлась. Закрыла глаза и мысленно, как тряпочкой, убрала всю черноту, водя рукой. Теперь травушки зеленой, птичек, живность разную.

Открыла глаза, любуясь. Ну вот. Совсем другое дело.

Развернулась, отряхивая руки. Сотни ребят в тишине следили за моими действиями. Тельнан отмер первым и опустился на одно колено. За ним опустился все ребята.

Глаза Тельнана сияли, его брови были высоко подняты в немом вопросе, он посмотрел на Реммира.

— Наследница» — одними губами спросил он.

Реммир кивнул. Лицо бойца озарила улыбка.

— Наследница, ребята — выдохнул он.

Послышались радостные вскрики.

— Давайте домой. Я устала, честное слово.

Реммир кивнул:

— Вы идите. Я здесь закончу, ребят отправлю и приду.

Вышли во дворе. Навстречу выбежали дети, за ними следом Игнат. Они остались обсуждать новости, а я еле доплелась до спальни. Главное на постель не садиться, иначе усну. Прошла в бассейн, поплавала, смывая с себя события сегодняшнего дня. И только потом доплелась до кровати. Уснула, едва голова коснулась подушки. Проснулась посреди ночи, а Реммира не было. Где его искать? Неужели он сможет отказаться от меня? Испугался, что я наследница. Так и мне не больно-то радостно. Я бы предпочла жить своей семьей и не решать дела государственные. А то, на тебе, милая, целый мир на твои хрупкие плечи и властвуй. Я, как раз, к власти и не стремилась.

Я накинула халат и вышла в коридор. Куда идти? Я дом еще толком не знаю и понятия не имею, где, какие комнаты располагаются. Не в темноте же его искать, и нащелкала себе освещение.

«Да в соседней спальне он» — раздался в голове сонный голос Хила.

«Пройди вперед, поверни направо и заходи».

«Спасибо Хил».

Я толкнула дверь и вошла. Там, раскинув руки, спал мой муж. Я аккуратно присела на край кровати, смотря на него. Такой родной и красивый, и такой далекий от меня сейчас. Я встала, сняла халат и осторожно легла рядом, стараясь не разбудить его.

Проснулась от взгляда. Реммир лежал и смотрел на меня.

— Привет — сказала я.

— Привет — ответил он.

И снова полная тишина. Мы не знали что сказать, придется мне, наверное.

— Я сейчас очень в тебе нуждаюсь. Я не виновата, что так получилось. И мне очень, очень нужна твоя поддержка. Я всё та же Рита, твоя Рита. Не отдаляйся от меня, пожалуйста.

— Почему? — спросил он.

Я опустила глаза:

— Потому что люблю тебя.

Конечно, можно было применить свои новые умения, заставить его быть рядом. Но я этим никогда не воспользуюсь. Заставить быть рядом можно, любить — невозможно. И, если нужно, я буду рядом и снова завоюю его любовь.

Он провел пальцем по моей щеке:

— Ты как здесь оказалась?

— Сам же говорил, что жена с мужем должны спать вместе. А то разговоров слуг не избежать — я чуть пожала плечами, улыбнувшись.

Он не выдержал и засмеялся, обнял и прижал к себе:

— Да тебе и слуг бояться не нужно. Им в радость будет служить в твоём доме.

— Вообще-то, в твоём — буркнула я, прижавшись к нему.

— Ты меня не шандарахни только, в самый ответственный момент, как вчера. А то встану с супружеского ложа с торчащими в стороны волосами.

Теперь я засмеялась.

— А я теперь животных понимаю, представляешь — жалобно сказала я — Это мне Хил сказал, где ты. Я только подумала про тебя, а он уже отвечает.

Он поднял брови:

— А сейчас?

— Не знаю. Учиться нужно мысли закрывать.

«Я ничего не слышу. Будьте спокойны!» — послышался в голове голос Хила.

— И сейчас отвечает — обреченно констатировала я.

— Пойдем в свою спальню? — спросил муж.

Я кивнула. Но он придержал меня рукой, прислушиваясь. По коридору раздались быстрые шаги, затем бег и крики.

— Нету их там.

По коридору забегали, распахивая двери. Наша дверь с шумом отворилась и вбежала Лина:

— Нашла — и заскочила на кровать — Вставайте. Там вас Мельсин ждет.

Мы обреченно переглянулись.

В столовой сидел Мельсин, в своей праздничной одежде, нетерпеливо постукивая ногой. Увидев меня, вскочил и поклонился.

— Позвольте, великая Наследница леди Марита, пригласить вас во дворец, для празднования этого события и...

Пока он произносил свою речь, я прошла за стол и села. То же самое сделали все остальные.

— Мельсин, совесть имей, а. Я, вообще-то, замуж вышла. И у меня еще не было медового месяца. Нам хотя бы медовую недельку отдохнуть.

— Но как же? А празднования? Народ ведь ждет. Да и Силой нужно учиться управлять»

— А вот с этим соглашусь. Учиться нужно, но давайте через три дня? Мне еще самой в себя прийти нужно, отдохнуть, с мужем побыть наедине. С детьми время провести.

— Я так понимаю, вы во дворец переезжать не собираетесь? Но это невозможно! Это против правил. Вы должны жить во дворце и точка!

Пока он говорил, все столовые приборы поднялись над столом и зависли. Мельсин заморгал.

— Дворец останется для торжеств, для приемов. Я там буду каждый день, вы будете меня учить управлять Силой. И родилась я там, да? — как можно мягче сказала я — Но мне хочется, чтобы у нас был свой уютный уголок, где бы душа отдыхала. Где мы можем семьей проводить время, общаться. Может, я в трусах люблю ходить дома — развела я руками.

Реммир улыбнулся.

— Подумайте над тем, что я сказала, пожалуйста. А пока... — я встала, обошла стол, подходя к Мельсину, одной рукой снимая колпак.

— Исправим одно маленькое недоразумение — направила указательный палец на его макушку и подумала о шикарной шевелюре.

Мельсин вскрикнул, схватившись за голову.

— Простите. Не рассчитала.

А на его голове, на макушке, среди белых седых волос, начали вырастать черные густые

волосы. Я грозно глянула на детей, чтобы не вздумали смеяться, а у самой уже губы кривились в улыбке.

— Рита — ко мне подошел Реммир — Я не смогу сегодня провести с вами день. Нужно отряд собрать и границу прошерстить, узнать, где еще прорывы были — он виновато смотрел на меня.

А как же медовая неделя? У меня в голове созрел план.

«Хил» — мысленно позвала я. Дверь распахнулась, и в столовую вошел кабар. «Насколько я помню у тебя функция разведки». Он подошел ко мне, сел, глядя в глаза. Кивнул головой. «Такие, как ты еще есть?». Кивок. «Тогда получай первое задание. Разведайте, где еще были прорывы, и есть ли спонтанные порталы, количество Диких на территории. Понял?»

«А что ж не понять то?» — фырканье. «И назначаю тебя начальником разведки. Руководи с умом, иначе разжалую»

Глаза у Хилого широко открылись. Он встал и склонил голову к передним лапам. Развернулся и выбежал.

Я развернулась к Реммиру:

— Никуда идти не нужно. Разведка узнает и доложит. А пока что давайте позавтракаем, а? — жалобно закончила я.

В общем, эти три дня отдыхали. Бассейн, природа, костерок во дворе. Я успела познакомиться со слугами.

Мельсин старался держаться поблизости, как будто боялся потерять наследницу. На третий день я под села к нему:

— Можно мысли закрывать от других? — тихим голосом спросила я — А Силу отключать совсем? Невозможно постоянно ее контролировать. А так отключил и отдыхай себе, оставить только экстренный вызов от тебя.

— Мысли-то, конечно, можно! Давай сейчас попробуем — и мы потихоньку стали заниматься.

На четвертый день прибежал уставший Хил. На карте показывал проблемные места и рассказывал о количестве.

На следующий день, оставив детей под присмотром Люси с Игнатом, порталом ушли во дворец. Оттуда наш небольшой отряд отправился по тем точкам, о которых доложил Хил. В отряде были Мельсин, Реммир с несколькими ребятами и я с животными. Семь дней мы мотались с одного края Ваарии в другой по степени сложности. Я училась управлять Силой в боевых условиях и, весьма неплохо, хочу сказать.

Через семь дней мы вернулись домой, уставшие, но довольные. Дети встречали радостными криками. Марк, до этого времени старавшийся держаться от нас на вежливом расстоянии (А как иначе? Узнать, что Реммир отец, а приемная мать вообще наследница его мира), подошел поздороваться с отцом за руку.

— Как там было-то? Расскажите? А то мы здесь сидим целыми днями и ничего не знаем. А слуги рассказывают, что уже легенды народ начал слагать, что Рита бессмертная и спасительница всех миров.

Я удивилась:

— Да? Ой, какая я уника-а-а-льная. Надо этот вопрос с Мельсином обсудить, а пока что давайте проведем этот вечер вместе.

Со следующего дня начались мои трудовые будни. Утром, пока дети спали, я уходила во дворец и под руководством своего учителя постигала науку владения Силой. А еще вникала в устройство этого мира и попутно думала, что полезного можно сюда внести, не изменяя его. После уроков я обязательно бежала к своему дереву и отдыхала там. Мельсин сначала ворчал, ну чего, мол, каждый день там делать? А потом привык. Мне же эти встречи с деревом были крайне необходимы. Когда ветки обнимали меня, снимая усталость прошедшего дня, я отдыхала душой. И только потом возвращалась домой.

Марк начал занятия с мечом, он упорно тренировался, претворяя свою мечту в жизнь.

Лина тоже была занята, она заинтересовалась всем и сразу. Носилась среди слуг, вдохновляясь то готовкой еды, то шитьем. Люся поддерживала её начинания и добродушно разрешала все попробовать.

Игнат с Люсей решили остаться с нами. Для Игната выделили комнату, где он «кумекал» и очень увлекся своими исследованиями.

А я потихоньку начала хандрить. Мысли о родных мне людях, начали всплывать в голове все чаще. Хоть разок бы увидеться с мамой Евой, Семёнычем, Ромкой и Алькой — сказать, что я жива и у меня все в порядке. А еще лучше — засесть на три дня и рассказывать, рассказывать.

Нужно срочно чем-то себя занять, иначе начну потихоньку сходить с ума. Не сойду, конечно, но сама себе воспоминаниями, нервы потреплю. Чем заняться то? Вязанием? Нет. А вот одна мыслишка уже мелькнула.

И одним ранним утром предложила Реммиру смотаться к Мельсину.

Мы шагнули в кабинет — там его не было. Странно, обычно он всегда здесь.

— Может в спальне? — Реммир быстрым шагом подошел к двери, ведущей в спальню, и решительно открыл его. И мы вошли.

Одеяло зашевелилось, и из-под него выглянула голова Мельсина. Он смущенно кашлянул, отведя глаза, и начал выбираться из постели. Сначала вылезли его ноги в штанишках, потом и все остальное. Он приглаживал свои волосы, косясь глазами на постель. Одеяло снова зашевелилось, и выглянула женская голова. Она растеряно моргнула, глядя на нас, потом на Мельсина. Тот мотнул головой в сторону двери. Владелица головы вылезла из кровати, опустив глаза в пол.

Смотря на женщину, что-то мелькнуло в голове, но я никак не могла поймать мысль.

— Мельсин, ты же говорил, что лет сто уже с женщинами хм, не того.

— Реммир сжимал губы, чтобы не расплзлась улыбка.

— Так мне Марита когда волосы починила, бухнула в меня видать лишку. Вот силушка и дошла до нужного места — развел руками Мельсин, улыбаясь.

— Иди, милая — уже женщине.

Она развернулась и только собралась уйти, как меня осенило.

— Стой! — и она замерла на месте.

Я протянула руку, указывая на нее пальцем. Да нет, не может быть.

— Ку. ку. Кукушкина? — недоверчиво спросила я.

Она медленно кивнула. Надо было видеть лицо моего мужа!

— Ох и намучился я с ней поначалу — покачал головой Мельсин — Когда дурь-то из головы вышла, поработал с ней и вон какая замечательная женщина оказалась!

Я подошла к Кукушкиной, рассматривая. Приятное лицо с ясным открытым взглядом, чистые волосы пшеничного цвета, собранные сзади в незамысловатый пучок. Первая ассоциация, возникшая, глядя на нее — аккуратненькая, опрятная.

— Какой контраст с тем, что я видела поначалу — покачала я головой.

— Для себя оставил? — я повернула голову к Мельсину.

Он слегка пожал плечами:

— Если вы не против, леди Марита — перешел он на официальное обращение — Одному ведь тоже как-то тоскливо. А с ней — он посмотрел на Кукушкину.

И такой взгляд у него был. И та смотрела неотрывно на Мельсина. Понятно. Влюбились.

— С ней молодость моя вернулась.

— Вот и хорошо, Мельсин — я развернулась и пошла к выходу.

— В кабинете тебя жду, обсудить нужно задумку одну.

Я подошла к окну. Наверное, не просто так сюда с других миров попадают. Думаю, что это единственный шанс изменить свою жизнь. А здесь всякому и место, и предназначение всем найдется.

Наконец, мы втроем сели за стол.

— Как считаешь, если границы оплести невидимой сетью Силы, сможет это в дальнейшем оградить от вторжений?

— Думаю, сможет. Только работа эта нелегкая. Сможешь ли?

— Смогу. Мне себя занять чем-то нужно. Вот и займусь пока сетью — я хлопнула ладонью по столу, вставая — Карту подробную мне дай, посмотрите с Реммиром, может, где-то сложные труднодоступные участки есть. А я пока что к дереву схожу.

Дерево встретило меня шелестом листьев. Мне кажется, или оно стало выше? Я гладила ствол ладонью, прижавшись к нему щекой. Опустила глаза на землю и увидела пробивающийся неподалёку маленький росток. Обошла дерево вокруг, странно. Вроде, возле него ничего не растет. Так почему этот росточек вылез здесь?

— Мельсин — позвала я.

Никто не отозвался. А моё сердце уже забило быстрее. Оно уже о чем-то догадалось, с чем разум ещё не знает.

— Мельси-и-и-и-н! — громко заорала я.

Из дома выскочили встревоженные Реммир с Мельсином.

— Что случилось?

Я показала вздрагивающим пальцем на маленькое растение.

— Что это?

Мельсин подошел поближе и присел к ростку на корточки. А мы с Реммиром переглянулись. Неужели? А как узнать? Я закатала рукава, осматривая предплечья. Ничего.

— Ты думаешь, что... — Реммир смотрел на меня и начал судорожно шарить по штанам, развязывая завязки.

Я схватила его руки:

— Блин, ну не здесь же хозяйство своё рассматривать. Сдурел совсем? В дом вон сходи, что-ли.

Он кивнул и быстрым шагом пошел.

Мельсин встал.

— Предположить, конечно, можно. У тебя ничего нет?

Из дома вышел Реммир, отрицательно качая головой.

Ну, нет и нет, чего печалиться о том, чего нет?

Мы с Реммиром обошли весь дом и я выбрала себе кабинет на самом верху. Большое, просторное помещение с высоким деревянным потолком. Я попросила Игната соорудить мне прозрачный потолок с открывающим устройством. Мне ведь свою сеть нужно будет отправлять каким-то образом на границу Ваарии. Не таскать же её по всему дому, выходя на улицу.

А еще хочу лестницу на крышу и мансарду.

Да, я могла бы воспользоваться своей Силой и сделать все что нужно. Но с чем сравнится запах струганного дерева? Ни с чем. Сила-то ничем не пахнет. Да и Игнат с воодушевлением взялся за работу. Люся себя хорошо чувствовала, не без моей помощи, нужно сказать, и она с Линой взялась шить шторы и занавески, настаивая, что они там о-о-очень нужны. Я махнула рукой. Заняты и слава бо... Хранительнице.

Одним прекрасным утром я проснулась в постели одна. Потянулась, встала и подошла к окну. Во дворе стоял Реммир. Его руки были сложены за спиной, он задумчиво смотрел вдаль.

Что это с ним? Что-то случилось? Я тихо позвала его. Он поднял на меня голову и долго смотрел. «Кольцо».

Я все поняла. Одно слово перевернуло мою жизнь. Я закрыла глаза и прислонилась к оконной раме. Я слышала, что дверь открылась. Муж подошел ко мне и обнял сзади, поцеловав в висок. Мы стояли, обнявшись, пока дверь с шумом не распахнулась.

— Чего стоите как истуканы? Иди, глянь Рита, чего там животные выдумали — Игнат махал руками.

Пока спускались по лестнице, он бурчал:

— Здесь скоро места не останется, нужно будет еще два этажа достраивать.

Вышла в холл и остановилась, разглядывая делегацию. Рядом с Хилом стояла еще одна такая же особь. Если Хил кабар, то это кабарка что ли? Или кабариха? Возле её ног копошился выводок из четырех щенят. Я удивленно посмотрела на Хила. Я же забыла мысленную связь включить.

«Ну, в общем тебе решать» — уже заканчивал свою речь Хил.

«Давай-ка с самого начала, Хил. Я только связь включила»

«В общем, пара это моя. Давно со мной идет по лесам. Сейчас видишь, щенки у нас, мне придется к ним в лес уходить, не оставлять же их одних. А то найдется кто пошустрее меня» — он скосил глаза на свою пару глаза. «А я же начальник разведки. И теперь вот... Как быть?» — он сел на задние лапы, пристально смотря на меня.

Я повернулась к остальным, поясняя:

— Пара это его. Теперь стоит вопрос, или он уходит, или остается. Соответственно, если остается, то куда девать его семью — меня начал разбирать смех.

Один щенок отделился от матери и пополз в нашу сторону. Лина подбежал к нему с намерением схватить и прижать.

— Можно этот мой будет?

— Нельзя. Хил все-таки начальник разведки. Не гоже таких животных к рукам приучать. Что решаем-то, муж мой? Тут, как видишь уже прибавление в семействе.

— Да. Без разведки оставаться никак нельзя — он добродушно повернулся к Игнату.

— Работа для тебя появилась. За домом есть нежилой сарай. Перестрой его и пусть себе живут.

Он обнял меня одной рукой:

— А то действительно дом достраивать нужно будет. Люся сначала, там и мы скоро осчастливим.

Все замерли.

— Правда что ли? — недоверчиво спросил Игнат.

— Ой — Люся бухнулась на колени. Из ее глаз текли слезы радости. — Благословила Хранительница. Продолжится великий род»

Марк помолчал, а потом сказал:

— Мальчик пусть будет.

Линка быстро возразила:

— Пусть будет девочка. С кем мне играть-то?

Реммир развел руками:

— По заказу не работаем. Сами вон только узнали. Ну что, к Мельсину?

Я кивнула.

Бедолага Мельсин замер на месте от нашего известия. Молится он что ли? Когда прошли первые эмоции, я, наконец, решила спросить о том, что в последнее время не давало мне покоя.

— Скажи, можно мне как-то увидаться со своими близкими? Может, я туда могу хоть на часок смотаться? — я надеждой смотрела на него.

— Ты что? — он вскочил.

— Найти тебя и снова потерять? Ни в коем случае. В твоём положении вообще все путешествия нежелательны.

— Если их сюда, а? — я с волнением сложила руки на груди.

— На денёчек, да хоть на часок бы?

— А вот это от меня вообще никак не зависит. Чужой мир и свои законы. Если бы мог, конечно, подсказал бы. Может, с ней поговоришь? — он поднял глаза вверх.

Я немного расстроилась, но пока есть хоть один шанс с ними встретиться, я не буду унывать.

Мой кабинет был готов, и я приступила к изготовлению сети. Вытягивала Силу, вплетая в узлы, как нить и потихоньку работа пошла.

Мой живот начал округляться. Мельсин настаивал, чтобы я узнала пол ребенка, а я категорически отказывалась и в этом вопросе мы с Реммиром были солидарны.

В один из теплых вечеров, который я проводила с мужем, поступил вызов от Мельсина.

Тот мерил кабинет широкими шагами и жутко волновался, но взял себя в руки и сообщил, что в саду меня кое-кто ждёт. Интересно, кто бы это мог быть?

Мы с Реммиром пошли в сад. Издали я увидела, что в саду нам приготовили стол с напитками и там действительно кто-то сидел. Подходя, я всматривалась в фигуру. Женская, вроде. Посмотрела на мужа и пожала плечами. Но когда фигура встала, я замерла на месте.

Не может быть! Не может этого быть! Нет! Нет! Да! Да! Сердце бешено заколотилось голова закружилась.

Я схватилась за Реммира, боясь упасть. Женщина пошла мне навстречу.

— А-а-а-а-а-а-а-а — я побежала что есть силы ей навстречу.

Слёзы текли по моему лицу. Она протянула ко мне руки, и мы обнялись. Мы вместе плакали, обнимались и снова плакали. Реммир был рядом и только молча смотрел на нас, широко открытыми глазами.

— Мама Ева! — наконец смогла выговорить я — Думала, никогда больше не увижу тебя.

Я повернулась в Реммиру:

— Это мама Ева. Я тебе рассказывала — он кивнул головой.

Наконец, страсти немного улеглись и сели за стол.

— А как ты здесь оказалась? — и стала забрасывать ее сотнями вопросов.

Она подняла, ладонь, прерывая мои вопросы и вытерла свои слезы:

— Давай, сначала я расскажу. А уж потом, если вопросы еще возникнут, сможешь задать. Хорошо?

Я кивнула.

— Я тоже ваарка.

Мой рот открылся.

— Разрешите представиться — Евангелина дар Лаккен. Ваша няня, леди Марита.

Что-о-о-о? Я замерла, смотря на нее недоверчивым взглядом. Она вздохнула, вспоминая и начала рассказ:

— В то время ты была совсем крохой. В интересах многих государств, планировалась встреча их глав в неформальной обстановке. Твоя мама просила меня поехать с ними, за тобой присмотреть. Ну а чего на пару дней не поехать? И согласилась, ведь это честь сопровождать семью наследницы, да и с тобой проблем не возникало. Тихо переправились себе на место, а там уже начали съезжаться главы миров с семьями. Я-то с нянечками сдружилась, бывало, сядем себе в комнате, пока взрослые заседают. Дети кто бегают, кто ползает, а мы разговоры разговариваем. Каждый о своем мире рассказывает, в общем, тихо, да мирно.

И, наверное, съела я чего не того. Сама же понимаешь, пища ведь отличается. К вечеру прихватило меня жутко, боли в животе такие, что в глазах темнеет. Деваться некуда, отправили меня в больницу. Терплю, лечусь, обстановка незнакомая. А тут шла по коридору и увидела ящик разговаривающий, потом узнала, что это телевизор. Так по нему передают новости, взрыв мол. А как показали здание до взрыва я и замерла. Это ж здание, где вы все были. Убежала с больницы в чем была и туда. А там...

Она провела ладонью по лицу

— Пепелище. Все черное. Видно, такой взрыв был мощный, что обвалилось здание, ни одной стены целой не осталось. Я мечусь, кричу, ищу вас. Может, думаю, целы остались. Меня оттаскивают, ты чего мол, баба, сдурела? Никого в живых не осталось! А я ору, что родные там мои были с ребенком. Мне один пожарный и сказал, что несколько детей удалось живыми откопать.

Она вздохнула и отпила напитка.

— И начались мои скитания в чужом мире. Обрато вернуться не могу, порталов открывать не умею. Без документов, без еды и одежды. Документы мне удалось сделать, сказала, что в том взрыве все пропало, а родных мол нет и доказать некому, что я это я. Имя только себе оставила, остальное придуманное. Тот мир не без добрых людей, пожалели. И кров дали, там и на работу пристроили нянечкой в детский дом. А сама это время ездила по

больницам детским, искала спасённых. Надеюсь, что ты в этом списке окажешься. И ведь нашла.

Её глаза заполнились слезами.

— Тебя после больницы сначала в один дом отправили, потом другой, потом в третий. Найти-то нашла, да кто мне тебя отдаст-то? Пришлось со своей начальницей договариваться, врать. Сказала, что ты моя троюродная племянница, одна на всем белом свете у меня, что пропадет единственная кровинушка. Она и согласилась в наш детский дом тебя перевести, чтобы мы рядышком были. А сама принялась учиться, да с таким остервенением, себе удивляюсь, как будто всю свою злость туда вкладывала. Воспитательницей стала, там и выше поднялась. И тосковала, Марита, по дому тосковала. У меня ведь здесь сын остался, взросленький, конечно, но сердце бывало разрывалось.

— И остальных искать продолжала, Марита. Ты росла рядышком, а я присматривалась, проснётся Сила или нет. Нет, не просыпалась, и ты росла обычным ребенком. Ну как обычным? Вытворяли разное, конечно — она улыбнулась, смотря на меня.

Протянула руку и погладила меня по щеке.

У меня в голове не укладывалась эта история. Нет, вот как раз теперь-то всё по полочкам и разложилось. Почему я там оказалась и по какой причине. Но что пришлось пережить маме Еве! Я покачала головой.

— Ты теперь здесь останешься, правда?

— Правда! — она уверенно кивнула.

— Там я уже все дела закончила, ну а теперь домой. Тем более, что мне здесь работа, я смотрю, скоро будет — она глазами показала на живот.

— Если ты не против, мы с удовольствием тебя няней примем. Да? — я повернулась к мужу. Он кивнул.

После всего рассказанного лучшей няни и не найти во всей Ваарии.

— Интересно. Почему там у меня не получалось, а здесь получилось.

Мама Ева развела руками:

— Так орёл — птица гордая! В неволе не размножается.

— Перед отъездом ты мне позвонила и сказала, ничего не бойся. Ты знала?

Они кивнула:

— Сон приснился, голос сказал, что пора. Мне тот голос подсказывал иногда, без него вообще не справилась бы.

— Сын. Ты сказала, у тебя здесь сын остался? Ты никогда нам не говорила об этом.

— О чем говорить-то? Сама с собой и разговаривала, и с ним мысленно ночью. Днем то некогда, а ночью — она махнула рукой.

— Где этот старый шельмец Мельсин?

Тот, словно почувствовав, что про него говорят, выскочил из портала.

Подхватил маму Еву, словно пушинку и крепко прижал к себе:

— Живая — отодвинул её, держа за плечи, рассматривая и вытирая слёзы — Слава Хранительнице. Сколько бессонных ночей я провел. Грешным делом думал, вообще не доживу до радостных времен. Дожил! Марита вернулась, теперь и ты. Заживём! — он потряс кулачками над головой.

Я с интересом смотрела на их общение. Интере-е-сно-то как!

Мельсин повернулся ко мне:

— Внучатая племянница это моя. Пра-пра-пра, в общем, я и сбился уже со счёту. Но

родная кровинка.

Мельсин немного уgomонился и сел на стул, закинув одну ногу на другую и откинувшись на спинку.

— Мама Ева, а Алька с Ромкой что там? Как моё исчезновение пережили?

— Ну что тебе сказать? Когда...

В это время послышался шум и треск ломающихся веток. Я повернула голову и замерла. На нас, словно в замедленной съёмке неслась двухметровая детина. Он размахивал руками и что-то орал. Он же нас сейчас снесёт к чертовой бабушке. Я вскочила, хватая стул за спинку, и приготовилась размахнуться. Реммир пытался задвинуть меня себе за спину, вытаскивая меч.

Детина начала приближаться, широко разведя руками. Я успела заметить, как мама Ева встала и протянула руки. Что она делает???

— Ма-а-а-а-ма-ня» — и детина подхватила маму Еву на руки и крепко прижала к себе.

У меня отпала нижняя челюсть! Что? Вот этот двухметровый здоровенный мужик её сын?

А мама Ева счастливая висела на его руках, положив голову на его плечо, а из ее глаз катились крупные слёзы.

— Евор, сынок — шептала она.

Ну, знаете, предупреждать надо. Мне такие стрессы совершенно ни к чему! Я села на стул. Мельсин довольно шурился, смотря на меня:

— Мариточка, а ты чего за стул схватилась? — ласково спросил он — Соображалку-то включай — он постучал по лбу — У тебя же Сила. Достаточно одного взмаха руки, между прочим!

Да какой там включай. У меня в экстренных ситуациях наоборот все отключается, включается одна функция- врезать врагу чем под руку попадетсЯ.

— С другой стороны хорошо, что не сообразила. Евангелина бы так и не встретилаcь со своим сыном — он засмеялся.

— Так, перемещаемся к нам. Там и поговорим, и поплачем, и посмеёмся — я решительно встала.

— Подожди, Рита. Это еще не все сюрпризы — она утерла слезы и крикнула в сторону.

— Можешь выходить уже.

Это еще что за новости? Неужели? Ребята мои? Я снова замерла на месте, смотря на подходящего. Да ладно!!!! Но как? Я растерянно посмотрела на Евангелину. Она кивнула.

Семёныч, родненький! Я бросилась в его распахнутые объятия. Он молча сжал меня до хруста ребер.

— Осторожней там! — недовольно сказал Реммир.

— Жива — выдохнул Семёнович.

— Семёныч! Только не говори, что тоже ваарец! — я недоверчиво присматривалась в его лицо.

— Нет — махнула рукой мама Ева.

— Ты как пропала, Игорь Семёнович возглавил отряд, лично облазил все окрестности. Я-то знаю, что не найдет, а сказать ничего не могу. А он совсем руки опустил, с работы ушел, даже выпивать стал. Придет, сядет молча и сидит, сидит. Видно, сильно запала ты ему в душу. Никого, говорит, у меня не осталось. Пожалела я его и рассказала. Кто другой не поверил бы, а ему — хоть в другом мире, главное, что ты живая. В общем ходил, ходил ко мне

и доходился. — она потушила глаза.

Семёныч подошел к маме Еве с сияющими глазами, обнял за плечи:

— Я же сначала не поверил. Думал, от горя у бабы крыша поехала, начала про мир какой-то рассказывать. Да так складно рассказывала, что поверил. Жил сказкой, Рита, что ты живая. Есть на свете чудеса — его глаза в обрамлении морщинок сияли.

— Ну и сладилось у нас как-то — нежно поцеловав Евангелину в висок.

Я удивленно смотрела на маму Еву.

— Вдовая я уже давно — и опустила взгляд.

Я молча развела руки в стороны. Мне бы в себя прийти от новостей. Так, беру все в свои руки!

— Открывай портал к нам — сказала Мельсину.

— Сынка-то новоявленного не забудь с собой прихватить — это Семёнычу.

Реммир засмеялся.

Дома шум-гам. Пока перезнакомились, пока расселись.

Евор как узнал, что я наследница, бухнулся со всей дури на колени, думала пол треснет.

Реммир заворчал, отведя глаза в сторону:

— Дом не развалил бы.

Сидели за рассказами, пока глаза не начали слипаться.

И я исполнила, наконец, своё обещание Семёнычу спеть.

Утро началось стандартно, с распахивания двери в нашу спальню.

— Рит, спите? Я что спросить хотел-то? Мы тут с Игнатом решили совместно исследованиями заниматься. Так помещение бы нам побольше, а? Нет, если никак, то я без претензий — Семёныч сложил руки на груди.

— Сплю — буркнула я.

— Ага. Ну, тогда, когда проснёшься, да Рита? — он закрыл дверь с той стороны.

Реммир громко засмеялся.

— Как же я скучно жил все это время — притягивая меня к себе.

Минут через пять дверь снова открылась и появилась голова Игната.

— Рит, Семёныч где? Вроде к тебе пошёл.

Я громко вздохнула, подняла голову и очень выразительно посмотрела на него. Он понятливо кивнул и тихонько закрыл дверь. Встала, открыла дверь и нарисовала на ней Силой череп с горящими глазами. Для умеющих читать написала- Не входить, убьет! Закрыла дверь, взмахнула рукой, запечатывая её. Так делала до тех пор, пока не отучила домочадцев врываться в нашу спальню.

Жизнь входила в своё русло. Игнат с Семёнычем пропадали в своей лаборатории. Евангелина, после моего рассказа о таких детях, как Марк и Лина, с энтузиазмом взялась за дело. Открыли дом для сироток, разведка в лице Хила помогала их разыскивать. Прихватывали и тех, кто был недоволен житьем с родственниками, и я их понимаю. Если такие родственники как дядя Лины, то уж лучше под присмотром Евангелины. Люся с энтузиазмом взялась ей помогать.

Я занималась плетением сети. Сначала сделала для нашего городка, затем занялась дальними границами мира.

По настоянию Мельсина, пришлось устроить для народа праздник по поводу моего

возвращения, а в конце самого праздника, когда стемнело, по моему щелчку сеть засветилась, и тысячи огоньков осветили Ваарию. Это чтобы уже ни у кого сомнений не осталось в моей подлинности.

Евор, хвала мне, отправился домой. Оказалось, что у него уже семья. Я облегченно вздохнула, что никто не предложил ему и его семье переехать сюда. Ну правда, в его присутствии наш дом казался очень маленьким. Евангелина часто навещала его и своих внуков.

Ах да. У Люси родилась внучка. А чуть позже Игнат стал отцом замечательного мальчишки.

Мельсин с Кукушкиной — у них все нормально.

Мелкий. Хм. Мелкий привел ко мне свою пару, причем уже в глубоком «положении». Пришлось на заднем дворе строить еще один сарай.

Оказалось, что пожелания детей, мы все-таки выполнили. У нас с Реммиром родилась двойня разного пола.

Вроде все просто замечательно! Но осталось узнать о судьбе Альки и Ромки. Я о них обязательно узнаю. Но гораздо, гораздо позже!

Больше книг на сайте - Knigoed.net